Ъ 155
478

В155 478

П. И. МЕССАРОШЪ.

ФИНЛЯНДІЯ—ГОСУДАРСТВО

ИЛИ

РУССКАЯ ОКРАИНА?

716.

Значеніе особыхъ учрежденій Финляндской окраины Россійской Имперіи.

«Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Россійской Имперіи и къ ней навсегда присоединяются».

(Изъ IV ст. Фридрихгамскаго трактата 5/17 сентября 1809 г.)

«On a escamoté mon consentement».

(Слова Императора Александра II, сказанныя по поводу проведенія финляндцами закона 1877 г. о монетной реформѣ въ Финляндіи. См. Бергъ, «Наше управленіе и наши сеймы». Томъ II, стр. 15).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1897.

2

Экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
632157 VV

Главнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
13	9	финлядскіе	финляндскіе
17	5	г. Еленова	г. Еленева
20	6	этимими	этими
28	31	сылается	ссылается
37	34	зимскіе	земскіе
45	7	такъ «Актъ	такъ и «Актъ
69	33	разсмотриннѣаго	разсмотрѣннаго
88	24	департаменз	департамента
89	30	вазначать	назначать
103	2	Спренгспортена	Спренгпортена
134	10	размотрѣнію	разсмотрѣнію
140	17	кикакіе	никакіе
165	19	пришествіи	прошествіи
185	30	тробовать	требовать.
199	20—21	Laula ja soitto juhlan 1886 г. sanat juhlan konsertin ja kansan juhlan lauluihin. Sorlavala 1896.	Laulu-ja soittojuhla 1896. Sanat juhlakonsertin ja kansanjuhlan lauluihin. Sortavala 1896.
—	22	праздникъ пѣнія и музыки—Слова	праздникъ пѣнія и музыки 1896.—Слова
221	24	но	то
225	25	экстрафискаловъ 4	экстрафискаловъ 5
—	26	10	11
226	6	304,325 р. 14 к.	304,324 р. 14 к.
228	24	рускальскомъ	рускеальскомъ
249	11	но этому суду	но во-первыхъ этому суду
250	22	Гражданскихъ и исковыхъ	Гражданскихъ—исковыхъ
269	(таблица)	Окружные судьи	Окружные суды
271	12	актовъ по залогамъ этихъ имѣній	актовъ по залогамъ имѣній
288	8	сесловій	сословій
293	15	сто	что
297	—	земщику	заемщику

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ газетѣ «Новое Время» мы, къ немалому нашему удивленію, прочли, въ статьѣ г-на Молчанова «*Дѣятельность министерства юстиціи въ 1895 году*» (№ 7128 отъ $^{2}/_{14}$ января 1896 г.) увѣренія автора, что съ открытіемъ архангельскаго окружного суда «настанетъ настоящій праздникъ судебныхъ уставовъ Александра II»; что *кромѣ мѣстъ кочевья «въ Европейской Россіи не будетъ ни кусочка территоріи, изъятой изъ дѣйствія этихъ уставовъ»*.

Неужели почтенный авторъ означенной статьи позабылъ, что не только съ открытіемъ архангельскаго окружного суда, но даже при распространеніи этихъ уставовъ «правды и милости» *на «мѣста кочевья»*, на картѣ Европейской Россіи все таки остается *цѣлый край* въ 365,590 [1]) квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 2.483,249 [1]) человѣкъ, пользующійся названіемъ *«культурной страны»*, въ которой принципы «правды, милости и гласности», присущіе судебнымъ уставамъ Императора Александра II, неизвѣстны, гдѣ до сихъ поръ царитъ устарѣлый шведскій судъ XVIII столѣтія, гдѣ *русское министерство юстиціи*, со всѣми своими благими начинаніями не имѣетъ никакого значенія! А вѣдь такая *русская окраина* существуетъ, и

---

[1]) Finlands. Stats-Kalender 1896 г. стр. 125; „365,590 кв. килом.“ указано въ этомъ календарѣ безъ площади Ладожскаго озера, съ этимъ же озеромъ пространство Финляндіи=373,612 кв. килом., а согласно статистическому ежегоднику Финляндіи стр. 4 за 1894 г. это пространство показано въ 373,604 кв. килом.

въ ней не одно министерство юстиціи не имѣетъ значенія. Въ этомъ *«культурномъ краѣ»* все *русское* чуждо, ко всему *русскому* относятся враждебно. Здѣсь достаточно быть русскимъ, чтобы на каждомъ шагу встрѣтить притѣсненія, неправду и злобу если не всего населенія, то всей интеллигенціи *безъ исключенія* и части простого народа, вкусившаго плоды мѣстнаго школьнаго *воспитанія*.

По истинѣ приходится удивляться, что въ то время, когда русское правительство и русскій народъ заслужили уваженіе чуть не всего міра, когда русская печать завоевала себѣ почетное мѣсто въ европейской литературѣ, когда русскихъ людей встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями даже въ такомъ отдаленномъ уголкѣ Индостана, какъ маленькій городокъ Маэ, и въ честь ихъ распѣваютъ русскій народный гимнъ на русскомъ языкѣ и украшаютъ городъ русскими флагами [1]), въ самой Россіи существуетъ край, въ которомъ органы русской центральной власти не имѣютъ значенія, гдѣ не признаются русскіе законы, гдѣ русскіе не имѣютъ права служить въ мѣстныхъ войскахъ и разныхъ учрежденіяхъ и даже не имѣютъ права издавать русскихъ газетъ, гдѣ мѣстная пресса всѣми способами старается возбудить ненависть ко всему русскому, гдѣ, наконецъ, во время народныхъ празднествъ открыто въ рѣчахъ и пѣсняхъ проповѣдуется чуть не прямое возстаніе противъ русской власти. И все это дѣлается въ краѣ, который обязанъ своимъ существованіемъ и своимъ развитіемъ исключительно великодушію и безкорыстію русскаго правительства. Все это, повторяемъ, дѣлается *«въ культурномъ краѣ»* Европейской Россіи, близъ Петербурга—въ Финляндіи, на которую мы, русскіе, къ сожалѣнію, очень мало обращаемъ вниманія и почти ее не знаемъ. Правда, съ конца восьмидесятыхъ годовъ благодаря трудамъ истинно русскихъ людей, съ гг. Ординымъ, Коркуновымъ и Еленевымъ во главѣ, по немногу начинается разсѣеваться туманъ, окутывавшій долгое время эту часть Россійской Имперіи. Благодаря этимъ трудамъ, вызвавшимъ неудачныя опроверженія гг. Даніельсона, Мехелина, Германсона и друг., вполнѣ выяснилось господство въ Финляндіи сильной сепаратистской

---

[1]) Смотри статью гр. Ностица „Первое января 1896 г. въ Маэ“, приложеніе къ газетѣ „Новое Время“ № 7208.

партіи, или вѣрнѣе сказать партіи «*финляндской независимости*», которая крайне энергично распространяетъ среди мѣстнаго населенія свое ученіе *о политической автономіи Финляндіи.*

Благодаря съ одной стороны единодушію, энергіи и ловкости финляндскихъ дѣятелей, а съ другой полному индиферентизму русской власти, ученіе финляндской партіи распространяется съ неимовѣрной быстротой.

Эту быстроту распространенія означеннаго ученія намъ пришлось лично наблюдать въ той части Финляндіи, которая еще во времена Великаго Новгорода была русской землей, которая окончательно присоединена къ Россіи Петромъ Великимъ, и только съ 1811 года вошла въ составъ Финляндіи, завоеванной Россіей въ 1809 г.

Въ первый разъ намъ пришлось посѣтить этотъ край въ 1870 году, а во второй—въ 1895 году, и въ это посѣщеніе прожить въ немъ болѣе года. Мы были поражены перемѣнами, произшедшими въ теченіе этихъ 25 лѣтъ во взглядахъ, крестьянскаго населенія края. Мы увидѣли, что въ эти $^1/_4$ вѣка ненависть ко всему русскому приняла громадные размѣры, и мы смѣло утверждаемъ, что при сохраненіи настоящихъ порядковъ, не только никогда не будетъ достигнуто желаемое сближеніе этой русской окраины съ Россіей, но напротивъ, въ недалекомъ будущемъ могутъ произойти крайне печальныя событія.

Причины такого явленія вполнѣ разъясняетъ г. Еленевъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1895 г. во Франціи, на французскомъ языкѣ: «*Les prétentions des séparatistes finlandais*». Изъ этой книги мы ясно увидѣли, что только благодаря существованію съ давнихъ поръ въ Финляндіи сильной партіи и дѣятельности «*особыхъ учрежденій*» этого края могла произойти замѣченная нами перемѣна. Къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, до настоящаго времени на русскомъ языкѣ не было дано отчета объ этомъ крайне почтенномъ трудѣ г-на Еленева, равнымъ образомъ никто изъ господъ русскихъ юристовъ не нашелъ нужнымъ изслѣдовать вопросъ: насколько необходимо *въ интересахъ не только Россіи, но и самого населенія Финляндіи сохраненіе особыхъ учрежденій этой окраины Россійскаго государства?*

Сознавая вполнѣ слабость своихъ силъ, мы попытаемся пополнить этотъ пробѣлъ. Мы называемъ нашъ трудъ *попыткой*

рѣшенія приведеннаго вопроса, такъ какъ сознаемъ, что для разрѣшенія его требуются не наши слабыя силы и средства. Мы будемъ вполнѣ счастливы, если нашъ трудъ возбудитъ въ истинно *русскихъ* юристахъ желаніе полнаго изслѣдованія дѣятельности *«особыхъ финляндскихъ учрежденій»* и безпристрастнаго рѣшенія предлагаемаго вопроса.

Глава I.

Основы ученія сепаратистовъ и дѣятельность финляндскихъ учрежденій въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I.

Въ концѣ 1895 года въ продажѣ появилась книга, изданная въ Бордо на французскомъ языкѣ, «*Les prétentions des separatistes finlandais.—Aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande par Theodor Elenew*».

Въ первыхъ двухъ главахъ этой книги [1]) авторъ извѣстныхъ русской публикѣ сочиненій, изданныхъ въ 1891 и 1893 годахъ, «*Финляндскій вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ*» и «*Ученіе о финляндскомъ государствѣ*», выясняя основы теоріи, пропагандируемой финляндскими публицистами и профессорами гельсингфорскаго университета, доказываетъ невѣрность этой теоріи и указываетъ на развитіе государственныхъ учрежденій Финляндіи во время царствованій Императоровъ Александра I и Николая I. Такъ какъ всѣ эти вопросы были, предметомъ многихъ статей, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, то мы ограничимся самымъ краткимъ изложеніемъ ихъ.

По словамъ г-на Еленева, въ основѣ финляндскаго ученія лежатъ два главныхъ пункта:

1) Что на сеймѣ 1809 г. въ Борго, въ силу *соглашенія*, происшедшаго между Императоромъ Александромъ I и представителями великаго княжества финляндскаго, Финляндія была признана *отдѣльнымъ государствомъ, соединенныхъ съ Россіей общностью царствующаго дома*, на условіяхъ подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ состоитъ Норвегія по отношенію къ Швеціи.

2) Что, въ силу того же *двухсторонняго соглашенія*, были признаны, какъ «*основные законы*» финляндскаго государства, бывшіе

---

[1]) Elenew. Les prétention des separatistes finlandais. Chap I—II стр. 5—38.

въ то время въ силѣ шведскіе конституціонные законы, т. е. «Форма правленія 1772 г.» и «Актъ соединенія и безопасности 1789 г. [1])».

Опровергая основы этого ученія, г-нъ Еленевъ ссылается на статьи 4 и 6 Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, на регламентъ учрежденія, названнаго въ первоначальномъ французскомъ текстѣ—«Conseil de regence», а въ оффиціальномъ русскомъ текстѣ, помѣщенномъ въ приложеніи къ русскому переводу шведскаго уложенія 1734 г. Правительсвующимъ Совѣтомъ, переименованнаго въ 1816 г. въ Императорскій Сенатъ, и дѣлаетъ такой выводъ: если согласиться съ основами финляндскаго ученія, то приходится придти къ заключенію, что, признавъ торжественно шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг., Императоръ Александръ I тотчасъ же нарушилъ ихъ изданіемъ вышесказаннаго регламента правительствующаго совѣта (conseil de regence), состоящаго въ полномъ противорѣчіи съ вышеприведенными конституціонными законами 1772 и 1789 годовъ; что такое нарушеніе этихъ, мнимо признанныхъ, законовъ систематически продолжалось какъ Императоромъ Александромъ I, такъ и его Преемникомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, изданіемъ собственной властью новыхъ законовъ, безъ всякаго участія сейма, который съ 1809 года ни разу не былъ созванъ въ теченіе *пятидесяти четырехъ лѣтъ*. Рядомъ многихъ цитатъ изъ различныхъ оффиціальныхъ актовъ г. Еленевъ вполнѣ ясно доказалъ, что сеймъ въ Борго 1809 г. имѣлъ лишь «совѣщательный характеръ», что онъ былъ созванъ лишь съ цѣлью узнать нужды завоеваннаго края. что никакого «соглашенія» между Императоромъ и народными представителями Финляндіи не происходило въ Борго, и что обѣщаніе, изложенное въ грамотѣ Императора Александра I отъ 15 марта 1809 г. сохранить «религію, коренные законы, права и преимущества» не было слѣдствіемъ какого либо соглашенія Императора и его новыхъ подданныхъ, а совершено въ силу «добровольныхъ и великодушныхъ побужденій Его сердца».

Это обѣщаніе Императоръ выполнилъ, утвердивъ шведское общее уложеніе 1734 года и церковный статутъ 1686 года. Эти законы были оффиціально утверждены, а первый изъ нихъ

---

[1]) Elenew «Las prétentions des séparatistes finlandais», стр. 7.

даже переведенъ на русскій языкъ въ 1824 году, «для руководства многочисленному русскому населенію, живущему въ Финляндіи, а въ особонности въ Выборгской губерніи». Что же касается до конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 годовъ, то таковые, какъ не признанные Императоромъ Александромъ I, *никогда не были оффиціально* изданы въ Россіи, и ни въ одномъ изъ законодательныхъ актовъ Императоровъ Александра I и Николая I на эти законы не дѣлалось никакой ссылки и о нихъ не упоминалось. Поэтому совершенно правильно слѣдуетъ придти къ заключенію на основаніи всего изложеннаго г. Еленевымъ, что, вступая какъ завоеватель въ обладаніе Финляндіей и присоединяя ее «на вѣчныя времена» къ Россійской имперіи, Императоръ Александръ I остался Самодержавнымъ Государемъ, *власть котораго не была ограничена ни шведскими, ни какими либо другими конституціонными законами.*

«Не смотря на то, что въ Борго права Верховной Власти остались неприкосновенны, что сеймъ болѣе не созывался, и что новое управленіе водворилось, слѣдуетъ признать—говоритъ г. Еленевъ,—что сближенія Финляндіи съ Россіей не послѣдовало»[1]). Причины такого положенія, по мнѣнію г. Еленева, заключаются какъ въ томъ, что господствовавшій классъ—дворянство, а за нимъ духовенство и чиновничество, будучи шведскаго происхожденія, держались въ сторонѣ отъ всякаго сближенія съ Россіей, и напротивъ, пользовались всѣмъ, чтобы только ослабить связи, соединяющія Финляндію съ Россіей, такъ равно и въ томъ, что правительствующій совѣтъ, переименнованный въ сенатъ, находился въ Финляндіи, что въ немъ засѣдали исключительно финляндцы и что шведскій языкъ оставался оффиціальнымъ языкомъ края. Противъ такого ненормальнаго положенія дѣлъ, безпримѣрнаго въ исторіи, еще при самомъ завоеваніи края, высказывался бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Финляндіи генералъ Барклай-де-Толли. По его мнѣнію, для упроченія политической связи Россіи съ Финляндіей, необходимо было, чтобы правительствующій совѣтъ (нынѣ сенатъ Финляндіи) находился въ Петербургѣ и чтобы въ немъ предсѣдательствовалъ русскій сановникъ, или же чтобы генералъ-губернатору была предоставлена, по дѣламъ полиціи, власть совершенно независимая отъ совѣта, и чтобы вопросы финансовые

[1]) Elenew. Les prétentions des seperatistes finlandais. стр. 27.

и таможня подлежали вѣдѣнію Министерства Финансовъ въ Петербургѣ.

Къ сожалѣнію, какъ это мнѣніе, такъ и мнѣніе другого генералъ-губернатора, шведскаго перебѣжчика Спренгпортена, который предлагалъ, чтобы всѣ доклады Государю по дѣламъ Финляндіи дѣлались чрезъ подлежащихъ министровъ Имперіи, и чтобы черезъ нихъ же передавались генералъ-губернатору Высочайшія распоряженія,—были отвергнуты. Сначала доклады по дѣламъ Финляндіи были поручены Сперанскому, но такъ какъ онъ не зналъ шведскаго языка, то его помощникомъ вскорѣ былъ назначенъ баронъ Ребиндеръ. Такой порядокъ продолжался не долго, и въ 1811 году была учреждена особая коммиссія, которой и былъ порученъ докладъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Государя. Эта финляндская коммиссія была учреждена по совѣту другого шведскаго перебѣжчика Густава-Морица Армфельда, который и былъ назначенъ предсѣдателемъ ея, а докладчикомъ сталъ баронъ Ребиндеръ. Въ 1826 г. финляндская коммиссія была переименована въ статсъ-секретаріатъ, и бывшій докладчикъ этой коммиссіи сталъ статсъ-секретаремъ. Съ 1834 г. онъ уже носилъ титулъ «министра статсъ-секретаря Финляндіи».

Итакъ, учрежденіе правительствующаго совѣта, переименованнаго въ сенатъ Финляндіи, въ которомъ засѣдали *исключительно финляндцы*, и назначеніе на постъ министровъ статсъ-секретарей *только финляндцевъ* совершенно устранило всякое вліяніе органовъ центральной власти Имперіи на дѣла Финляндіи. Такой порядокъ вещей не могъ создать сближенія завоеваннаго края съ Имперіей и не принесъ никакой пользы Россіи; но за то далъ возможность шведскому дворянству постепенно стремиться къ пріобрѣтенію Финляндіей атрибутовъ самостоятельнаго государства.

Первымъ шагомъ на этомъ пути общихъ дружныхъ дѣйствій сената и новорожденной коммиссіи были хлопоты по сохраненію за шведскимъ языкомъ права оффиціальнаго языка Финляндіи. До завоеванія Финляндіи Россіей, шведскій языкъ былъ оффиціальнымъ языкомъ края, вслѣдствіе того, что Финляндія была шведскою провинціей. Обстоятельства перемѣнились; съ 1809 года эта провинція стала «собственностью» Россійской Имперіи, стала русскимъ краемъ, поэтому казалось бы совершенно естественнымъ, чтобы съ этого времени оффиціаль-

нымъ языкомъ сталъ *русскій языкъ*. Не такъ думали финляндскіе воротилы; они понимали, что въ дѣлѣ сближенія народовъ языкъ имѣетъ громадное значеніе и, не смѣя дѣйствовать открыто, они тѣмъ не менѣе твердо шли шагъ за шагомъ по заранѣе намѣченному пути, и, должно сознаться, вполнѣ достигли своей цѣли. Въ моментъ присоединенія Финляндіи ни одинъ изъ вожаковъ шведской партіи не посмѣлъ просить о томъ, чтобы шведскій или финскій языкъ былъ «на вѣчныя времена» признанъ оффиціальнымъ языкомъ края. Даже и «самъ Спренгпортенъ, бывшій въ началѣ (говоритъ г. Еленевъ) великимъ вдохновителемъ всѣхъ актовъ Александра I, въ чемъ таковые касались дѣлъ Финляндіи, въ одномъ изъ своихъ представленій писалъ слѣдующее [1]): «Дѣла будутъ обсуждаться, въ виду невозможности дѣйствовать иначе, на языкѣ, господствующемъ въ настоящее время въ краѣ; но когда заботами правительства будутъ учреждены школы, въ которыхъ будетъ преподаваться русскій языкъ, то этотъ языкъ, ставши въ свою очередь господствующимъ, будетъ введенъ въ оффиціальную переписку одновременно съ финскимъ языкомъ, который и есть народный языкъ». Итакъ, шведскій перебѣжчикъ, далеко не другъ Россіи, находилъ всетаки что *русскій языкъ долженъ стать господствующимъ языкомъ*.

Вѣроятно, желаніе скорѣйшаго введенія въ краѣ русскаго языка и пониманіе, какое важное значеніе имѣетъ языкъ въ въ дѣлѣ сближенія народовъ, побудило Императора Александра I еще въ 1812 году издать законъ, по которому преподаваніе русскаго языка было признано «обязательнымъ» въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, и лица, желающія поступить на государственную службу, «обязаны были знать русскій языкъ». Для введенія этого закона назначался шестилѣтній срокъ. Такимъ образомъ съ 1818 года всѣ чиновники края должны были бы знать русскій языкъ. Эта мѣра не понравилась гельсингфорскому сенату и петербургской коммиссіи, и вотъ, не смѣя настаивать на отмѣнѣ этого непріятнаго имъ закона, они начали дѣлать пробы постепенно парализировать этотъ законъ. Началось съ того, что въ 1824 году они добились въ видѣ «временной мѣры», освобожденія отъ знанія русскаго языка теологовъ, затѣмъ въ

[1]) Elenew. Les prétentions des separatistes, стран. 36.

1831 году отъ этой обязанности были освобождены, «впредь до новаго распоряженія», преподаватели гимназій и другихъ общественныхъ учебныхъ заведеній. Это распоряженіе дало основаніе послѣдовательно освободить отъ знанія русскаго языка и остальныхъ чиновниковъ края, кромѣ чиновниковъ канцеляріи генералъ-губернатора и статсъ-секретаріата. Благодаря такому постепенному урѣзыванію закона 1812 года, преподаваніе русскаго языка въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ стало пустой формальностью, но о совершенной отмѣнѣ этого закона ни сенатъ, ни статсъ-секретари не смѣли заикнуться въ царствованіе Императора Николая I. Преподаваніе русскаго языка было отмѣнено въ царствованіе Императора Александра II въ 1863 году. «Правда, оно возстановлено въ 1872 году, хотя лишь на бумагѣ» [1]).

---

[1]) Elenew. стр. 38.

Глава II.

Обзоръ автономнаго движенія въ Финляндіи и полемики финляндскихъ публицистовъ и историковъ съ русскими.

Главы III, IV, V, VI [1]) г. Еленевъ посвящаетъ обзору проявленія автономнаго движенія въ Финляндіи и полемики, возникшей вслѣдъ за появленіемъ сочиненій г-на Ордина и другихъ русскихъ писателей. Въ виду того, что все изложенное въ этихъ главахъ извѣстно русской публикѣ по подлиннымъ сочиненіямъ русскихъ писателей и переводамъ финляндскихъ, мы ограничимся самымъ краткимъ изложеніемъ этихъ главъ, останавливаясь лишь на самыхъ выдающихся мѣстахъ.

Начиная третью главу, г. Еленевъ дѣлаетъ такой выводъ изъ всего изложеннаго въ первыхъ двухъ главахъ. Россія вступила въ обладаніе Финляндіей въ силу права завоеванія; никакого соглашенія между Россіей и завоеваннымъ населеніемъ не было; законы, которые Императоръ Александръ I обѣщалъ сохранить въ завоеванномъ краѣ, относились лишь къ «гражданской и духовной организаціи». Не было и вопроса о какомъ либо конституціонномъ правленіи въ завоеванномъ краѣ, гдѣ Императоръ остался Государемъ Самодержавнымъ. Затѣмъ онъ говоритъ, что хотя извѣстная партія и стремилась ограничить вліяніе центральныхъ управленій Имперіи на дѣла Финляндіи, но всетаки во время царствованій Императоровъ Александра I и Николая I финляндцы вообще признавали этотъ край Имперіи русской провинціей, хотя и привиллегированной въ смыслѣ отдѣльнаго административнаго и судебнаго управленія, и никто не рѣшался оспаривать права Императора издавать законы для Финляндіи по собственному усмотрѣнію. Въ подтвержденіе такого мнѣнія г. Еленевъ приводитъ выписку изъ мемуаровъ барона Маннергейма (Mannerheim), воспроизведенныхъ частью

---

[1]) Elenew Chap. III—VI, стр. 38—98.

Р. Кастреномъ въ его сочиненіи «Skildringar ur Finlands Nyare Historia» (Разсказы изъ новой финляндской исторіи), Helsingfors 1882, стр. 229 и слѣд. Баронъ Маннергеймъ былъ главою депутаціи, явившейся въ Петербургъ въ 1808 г. по повелѣнію Императора, затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ Борговскомъ сеймѣ, и впослѣдствіи былъ назначенъ членомъ финляндскаго сената. Свои мемуары онъ писалъ въ первые годы царствованія Императора Николая I. По мнѣнію г. Еленева, которое мы вполнѣ раздѣляемъ, эти мемуары имѣютъ крайне важное значеніе, какъ доказывающіе всю несостоятельность и, добавимъ, *лживость* проповѣдниковъ финляндскаго ученія. Поэтому мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь окончаніе выписки, сдѣланной г. Еленевымъ. «Главный успѣхъ, полученный на сеймѣ въ Борго, это торжественное обѣщаніе, данное Императоромъ, сохранить странѣ ея законы, льготы и привилегіи, а также и свое управленіе, не имѣющее никакого соприкосновенія съ русскимъ управленіемъ, посредствомъ учрежденія совѣта регентства, а позднѣе сената. Питали надежду найти удобный случай при болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ, во время слѣдующаго сейма, составить и утвердить конституцію Финляндіи; но эта надежда, не смотря на то, что много разъ была близка къ осуществленію, во время царствованія Александра стала, по неизвѣстнымъ причинамъ, несбыточной мечтой, и по всей вѣроятности *теперь* [1]) о ней никогда уже не будетъ вопроса» [2]).

Вотъ характеристика результатовъ Борговскаго сейма барона Маннергейма, изъ которой ясно видно, что ни на этомъ сеймѣ, ни во время царствованія Императора Александра I не только не были утверждены шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 годовъ, но не было утверждено никакой конституціи; о ней *мечтали*, но и *мечты разлетѣлись*. Заподозрить барона Маннергейма въ неискренности, въ неправдивости и желаніи, въ угоду русскому правительству, скрыть такой фактъ, какъ утвержденіе конституціи, врядъ-ли могутъ даже проповѣдники финляндскаго ученія, при всей пылкости ихъ фантазіи. Итакъ, на основаніи этого крайне важнаго документа, можно утвердительно сказать, что Финляндія съ 1809 года, ставъ русской

[1]) Курсивъ у Маннергейма, примѣч. Кастрена.

[2]) Elenew, стр. 41.

провинціей, пріобрѣла благодаря великодушію побѣдителя и, позволимъ себѣ выразиться, политической ошибкѣ, самостоятельныя административныя и судебныя учрежденія, устранявшія всякое вліяніе на ея дѣла центральныхъ управленій завоевавшаго ее государства. Вожакамъ шведской партіи, къ которой принадлежало дворянство, духовенство и чиновничество, было недостаточно пріобрѣтеннаго ими положенія «привиллегированной» провинціи, и къ услугамъ этой партіи около 1860 года явились финлядскіе историки и юристы, которые провозгласили Финляндію «отдѣльнымъ государствомъ, живущимъ «временно подъ покровительствомъ Россіи», но управляемымъ шведской олигархіей отъ имени финскаго народа» [1]). Такимъ образомъ въ Финляндіи повторился фактъ, постоянно подтверждаемый исторіей: что «провинція, одаренная отдѣльными правительственными учрежденіями, не замедлитъ мечтать о преимуществахъ аналогическихъ въ политическомъ смыслѣ» [2]). Финляндія пошла дальше этого обычнаго историческаго явленія, она не мечтаетъ о политической автономіи, она не говоритъ, что ей слѣдуетъ даровать таковую, нѣтъ, она говоритъ, что у нея есть эта автономія, что ей уже она дарована «въ силу соглашенія», не какъ даръ, а какъ должное. До такой фантазіи, до такой «хлестаковщины», кажется, не доходили никакіе политическіе фантазеры. А здѣсь эту хлестаковщину развиваютъ люди, носящіе званіе профессоровъ, стоящіе во главѣ высшихъ судебныхъ учрежденій!

Мы смѣло употребляемъ выраженіе «хлестаковщины» и надѣемся, что другого эпитета нельзя придать такимъ произведеніямъ, какъ сборникъ г. Пальмена «Основные законы Великаго Княжества Финляндскаго съ актами, относящимися къ нимъ», изданный въ 1861 г., и другихъ авторовъ, увѣряющихъ, что конституціонные шведскіе законы 1772 и 1789 гг. утверждены Императоромъ Александромъ I, какъ основные законы Финляндіи. Г. Пальменъ, какъ профессоръ, не могъ не знать, что Финляндія не имѣетъ никакой конституціи, что шведскіе законы 1772 и 1789 гг., которые онъ величаетъ «основными законами Финляндіи», никогда не были утверждены россійскими императорами. Но забудемъ изданный г. Пальменомъ въ 1859 г.

---

[1]) Elenew стр. 43.

[2]) Elenew стр. 43.

Юридическій Учебникъ» [1]). Но допустимъ невозможное, что, какъ профессоръ, онъ не зналъ всего этого, но ставши прокуроромъ сената и затѣмъ вице-президентомъ департамента юстиціи сената, онъ обязанъ былъ узнать это. Отчего же онъ тогда печатно не заявилъ о такомъ своемъ заблужденіи. А вѣдь этотъ сборникъ, благодаря рекламамъ апостоловъ финляндскаго ученія, изъ которыхъ большинство профессора университета, имѣетъ громадное значеніе въ Финляндіи, «ему придаютъ значеніе оффиціальнаго свода»!

Сколько поколѣній финскихъ студентовъ-юристовъ вѣрило г. Пальмену съ 1861 года, сколько публицистовъ, опираясь на его авторитетъ, разносило по Финляндіи его измышленіе, страшно подумать! Неужели г. Пальмену и его послѣдователямъ, проповѣдующимъ ученіе «о самозванной» политической финляндской независимости, никогда не приходило въ голову, что, распространяя свое ученіе, ради своей популярности и личной карьеры, они играютъ въ опасную игру, которая можетъ кончиться весьма печально, и печально для той несчастной молодежи, которая слѣпо вѣрила ихъ авторитету?! Неужели они никогда не подумали о той великой нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на воспитателяхъ будущихъ общественныхъ дѣятелей?!

Еще не поздно, пусть эти господа проповѣдники финляндскихъ заблужденій покаятся въ своихъ грѣхахъ, пусть они открыто признаютъ свои заблужденія, или измышленія и укажутъ своимъ послѣдователямъ, что единственный вѣрный путь ко благу ихъ родины—это открытое братское сближеніе съ русскимъ народомъ, и всѣ ихъ грѣхи передъ ихъ же родиной, передъ ихъ народомъ простятся имъ. Но для этого нужно много гражданскаго мужества. Способны-ли они на такой шагъ?

Да простятъ намъ читатели это небольшое отступленіе, но мы не могли не высказаться въ виду того вреда, который приносятъ эти гг. проповѣдники, въ виду того авторитета, кото-

---

[1]) Что Финляндія не конституціонное государство, имѣющее свои основные законы, а завоеванная Россіей провинція, хорошо было извѣстно г. Пальмену во время его профессорства. такъ какъ въ 1859 г. имъ былъ изданъ „Юридическій учебникъ“, въ которомъ онъ признаетъ Финляндію провинціей, покоренной русскимъ оружіемъ (Журналъ Министерства Юстиціи № 8 за 1895 г., стр. 114, ст. г. Абова).

рымъ они пользуются среди молодыхъ юристовъ и народныхъ учителей Финляндіи.

Пропаганда ученій о политической независимости Финляндіи велась безъ всякихъ возраженій до 1887 г., когда начали появляться разоблаченія г. Ордина. Самый сильный ударъ этому ученію былъ нанесенъ г. Ординымъ въ 1889 г. его сочиненіемъ «Покореніе Финляндіи». Это сочиненіе не понравилось гельсингфорскимъ воротиламъ, посыпались опроверженія. Во главѣ лицъ, опровергавшихъ г. Ордина или, вѣрнѣе сказать, старавшихся поддержать финляндское ученіе, опровергнутое г. Ординымъ, слѣдуетъ назвать гг. Даніельсона, Мехелина и Германсона. Всѣ эти три писателя не простые смертные, всѣ они дипломированные профессора, а г. Мехелинъ даже былъ въ то время сенаторомъ.

Эти ученые мужи, послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія г. Ордина, издали на русскомъ языкѣ статьи «Соединеніе Финляндіи съ Россійской державой» (Даніельсонъ), «Противорѣчатъ-ли права Финляндіи интересамъ Россіи?» (Мехелинъ) и «Вопросъ о финляндскихъ законахъ» (Германсона) (Эта послѣдняя статья напечатана въ русскомъ почтенномъ журналѣ «Вѣстн. Европы», № 6 за 1890 г.). Послѣ этихъ статей въ 1891 году появилось сочиненіе г. Еленева «Современный финляндскій вопросъ». Въ слѣдующемъ году, т.-е. въ 1892 г., по этому поводу появились уже брошюры: «Внутренняя автономія Финляндіи» г. Даніельсона и «La question finlandaise, réponse à des nouvelles ettaques» (Финляндскій вопросъ, отвѣтъ на новыя нападенія) г. Мехелина. Первая изъ этихъ брошюръ издана одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, а послѣдняя издана на французскомъ языкѣ.

Мы не станемъ передавать подробное содержаніе этихъ пяти брошюръ: они достаточно извѣстны въ Россіи,—мы позволимъ себѣ сказать, что всѣ эти брошюры не болѣе какъ изложеніе извѣстной финляндской теоріи о томъ, что «Финляндія самостоятельное государство», состоящее въ реальной уніи (*l'union réelle*), въ которой власть Россійскаго Императора, въ качествѣ Великаго Князя, ограничена шведскими конституціонными законами 1772 и 1789 годовъ, принятыми Императоромъ Александромъ I.

Формула этого ученія нѣсколько измѣнилась послѣдней брошюрой г. Даніельсона, что читатели увидятъ нѣсколько ниже.

Ни въ одной изъ этихъ брошюръ, ни одинъ изъ этихъ гг. *профессоровъ* не приводитъ ни одного оффиціальнаго документа, изъ котораго ясно было бы, что вышесказанные шведскіе законы были дѣйствительно приняты и утверждены Императоромъ Александромъ I. Всѣ они ссылаются главнымъ образомъ на обѣщаніе Императора сохранить *коренные законы* (les lois primitives), о которыхъ говорится въ Его грамотѣ отъ 15 марта 1809 года, и говорятъ, что подъ этими законами слѣдуетъ подразумѣвать всѣ законы, дѣйствовавшіе въ то время въ Швеціи, а такъ какъ между ними были и конституціонные законы 1772 и 1789 гг., то слѣдовательно и они утверждены вышеозначенной грамотой. Не имѣя солидныхъ доказательствъ, приличныхъ ихъ профессорскому званію, они занимаются «*казуистикой*». Они стараются придать всякому выраженію въ документахъ, законахъ и рѣчахъ Императоровъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ сказаннымъ конституціоннымъ законамъ, толкованіе, пригодное ихъ ученію. Какъ примѣры такой казуистики, мы сошлемся на толкованія г. Даніельсона, которыя онъ приводитъ въ своихъ брошюрахъ: «Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державой» и «Внутреннее самоуправленіе Финляндіи».

Желая доказать, что Финляндія составляетъ отдѣльное государство, и что таковымъ ее признавалъ Императоръ Александръ I, г. Даніельсонъ въ первой изъ названныхъ брошюръ говоритъ, что, повелѣвая сословіямъ Финляндіи собраться въ общій сеймъ въ Борго, Императоръ издаетъ манифестъ какъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій. «Титулъ „Великій Князь Финляндскій“ явился для всего финляндскаго народа, говоритъ Даніельсонъ, первымъ указаніемъ на то, что Императоръ теперь имѣлъ въ виду не одни провинціальныя различія, такъ какъ онъ убѣдился, что обѣщаніе о сохраненіи законовъ Финляндіи можетъ быть осуществлено лишь въ томъ случаѣ, если будетъ распространено и на законы, опредѣляющіе политическія права финляндскаго народа» (стр. 91—92). Затѣмъ, желая подтвердить, что на сеймѣ въ Борго Государемъ были приняты и утверждены шведскіе конституціонные законы, г. Даніельсонъ въ той же брошюрѣ приводитъ такой фактъ, что «до приступленія къ обсужденію Высочайшихъ предложеній въ крестьянскомъ сословіи $\frac{1 \text{ апрѣля}}{20 \text{ марта}}$ 1809 года были прочтены форма правленія отъ 21 августа 1772 года, актъ соединенія и безопасности отъ 21 февраля и 4 апрѣля 1789 г., ко-

ролевское удостовѣреніе правъ и привиллегій крестьянства отъ 4 апрѣля того же года, сеймовый уставъ отъ 24 января 1617 г. и прочія постановленія, которыя должны служить при преніяхъ» (стр. 128 и 129). Затѣмъ, въ другой изъ названныхъ нами брошюръ г. Даніельсонъ, по словамъ г. Еленова, указываетъ на слѣдующее обстоятельство [1]). Въ примѣчаніи къ статьѣ «139 русскихъ основныхъ законовъ», касающемся спеціальнаго удѣла который былъ назначенъ Высочайшими повелѣніями 1809 и 1811' годовъ, на содержаніе двора Великой Княгини Екатерины Павловны, сказано, что эти повелѣнія не могутъ быть распространяемы на другихъ членовъ Императорской фамиліи и что это примѣчаніе «не измѣняетъ кореннаго закона», и на томъ основаніи, что терминъ «коренной законъ» употребленъ «въ основныхъ» законахъ Россіи, г. Даніельсонъ усматриваетъ блестящее доказательство того факта, что подъ именемъ «коренныхъ» законовъ, Александръ I признавалъ не Уложеніе 1734 г., но конституціонные шведскіе законы 1772 и 1789 гг. (стр. 59—61).

Мы не станемъ утруждать читателя приведеніемъ всѣхъ доводовъ, которыми почтенный профессоръ силится доказать, что означенные конституціонные законы утверждены Императоромъ Александромъ I. Чего тутъ только нѣтъ! Есть и мемуары, и письма неизвѣстныхъ лицъ, и проекты разныхъ великихъ и не великихъ дѣятелей той эпохи; все есть, только нѣтъ ни одного солиднаго оффиціальнаго документа, въ которомъ точно и ясно было бы сказано, что Императоръ Александръ I *утвердилъ* знаменитые законы Шведскаго королевства 1772 и 1789 гг., которые, кстати сказать, прекратили свое существованіе даже и въ Швеціи въ 1809 г. Почтенный профессоръ не можетъ указать ни одного закона, изданнаго въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I, въ которомъ была бы сдѣлана даже ссылка на эти знаменитые законы.

Не менѣе курьезны доводы и другаго профессора—сенатора г. Мехелина. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Силясь разными софизмами, разными искаженіями, при переводѣ, весьма важныхъ законодательныхъ актовъ доказать утвержденіе Императоромъ Александромъ I все тѣхъ же шведскихъ конституціонныхъ законовъ, онъ приводитъ два, несомнѣнныя, по его мнѣнію, факта того, что не только Императоръ Александръ I утвер-

[1]) Elenew. Les prétentions des sèparatistes finlandais, стр. 81—82.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

дилъ означенные законы, но что ихъ признавалъ и Императоръ Николай I. Для этого г. Мехелинъ указываетъ, что манифестомъ отъ 21 апрѣля 1826 г. Императоръ Николай I объявилъ, что съ этаго времени, онъ, въ силу «своего права» миловать, будетъ во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ замѣнять смертную казнь менѣе тяжкимъ наказаніемъ. Приведя означенный манифестъ, г. Мехелинъ говоритъ: «Обратите вниманіе, что единственные законы Финляндіи, говорящіе о правѣ помилованія, это статья 9 закона 1772 г. и статья 1 закона 1789 г.» (Veuliez remarquer que les seules lois de Finlande qui parlent du droit de grâce sont la loi de 1772 art. 9. et celle de 1789 art. 1) [1]). Приведя эту выдержку, г. Еленевъ говоритъ: «И такъ, этимъ правомъ помилованія, присущимъ самому титулу Государя, Императоръ Николай I не могъ воспользоваться помимо законовъ 1772 и 1789 г.! Единственный фактъ, объявленіе намѣренія пользоваться этимъ правомъ для смягченія смертной казни, будто бы доказываетъ, что Императоръ якобы призналъ эти два шведскіе закона»! И далѣе: «нужно совершенно не понимать характера Императора Николая, чтобы предположить, что онъ когда либо могъ признавать эти законы или ссылаться на нихъ въ своихъ актахъ [1]).

Другое не менѣе основательное доказательство состоитъ въ томъ, что по предварительной программѣ коммиссіи, учрежденной въ 1835 году, по повелѣнію Государя Николая I для составленія свода всѣхъ законовъ и распоряженій дѣйствующихъ въ Финляндіи, какъ утверждаетъ г. Мехелинъ, эта коммиссія, должна была разсмотрѣть законы 1772 и 1789 г. Труды этой коммиссіи никогда не были окончены, что признаетъ и г. Мехелинъ (стр. 23 «La question finlandaise»). Нельзя не согласится съ г. Еленевымъ, что для установленія факта утвержденія русскими Государями, этихъ, излюбленныхъ финляндскими учеными, шведскихъ законовъ, недостаточно указать на то, что финлядская коммиссія, трудъ которой оказался «мертворожденнымъ», предполагала разсмотрѣть эти законы [2]).

Самое откровенное и по правдѣ говоря весьма оригинальное доказательство признанія означенныхъ законовъ Императоромъ Александромъ I представляетъ г. Германсонъ, професоръ госу-

---

[1]) Mechelin, „La question finlandaise“ ст. 23. Elenew, стр. 115.

[2]) Elenew, стр. 116.

дарственнаго права Гельсингфорскаго университета, въ своей статьѣ, помѣщенной въ русскомъ журналѣ, издаваемомъ бывшимъ профессоромъ русскаго университета, «Вопросъ о финляндскихъ законахъ». Этотъ почтенный профессоръ говоритъ [1]), что извѣстные органы русской печати поддерживаютъ мнѣніе, что актъ утвержденія Императора Александра не касается формы правленія 1772 г. и акта соединенія и безопасности 1789 г., а лишь относится къ какимъ то другимъ законамъ, затрагивающимъ частную жизнь. Ни одинъ финляндецъ никогда не предполагалъ возможности такого узкаго толкованія акта утвержденія; «напротивъ, въ великомъ княжествѣ всегда думали, что форма правленія и актъ безопасности составляли часть законовъ, утвержденныхъ въ то время».

Коротко, но не ясно и даже невѣрно, г. профессоръ «государственнаго права»! Не ясно, такъ какъ нельзя доказывать утвержденіе извѣстнаго законодательнаго акта тѣмъ, что нѣкоторые или хотя бы даже всѣ профессора и чиновники края думали, что этотъ актъ утвержденъ.

Нужно *доказать*, что извѣстный актъ былъ разсмотрѣнъ законадательнымъ порядкомъ, что на немъ есть *надпись, объ утвержденіи, власти, имѣющей право издавать законы,* и указать, гдѣ хранится этотъ подлинный актъ. Гдѣ же эти знаменитые законы съ надписью Русскаго Государя, что онъ ихъ утвердилъ. Вы указать не можете, такъ какъ такой надписи на этихъ законахъ нѣтъ, и вамъ это, какъ профессору, болѣе чѣмъ кому либо извѣстно. Мы сказали, что высказанное вами «не вѣрно» и это фактъ. Далеко не всѣ финляндцы, думали что «коренные» законы, о которыхъ говорилось въ жалованной грамотѣ Императора Александра I касались, указанныхъ вами законовъ, это видно изъ вышеприведеннаго отрывка мемуаровъ барона Маннергейма. Эти мемуары вамъ должны быть извѣстны, они напечатаны вашимъ же финляндскимъ историкомъ Кастреномъ. Не довѣрять Маннергейму вы не можете, онъ былъ финляндскій патріотъ, и дѣятель временъ изданія жалованной граматы, и онъ свидѣтельствуетъ, что о конституціи *лишь мечтали*, но что *мечты эти не осуществились.* Все это вамъ прекрасно извѣстно. Стыдно же, г. профессоръ, распространять *за-*

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1890 г, № 6, стр. 788. Elenew, стр. 63.

вѣдомую ложь! Русскихъ людей вы съ толку не собьете, мы вѣримъ фактамъ, а не измышленіямъ; но вы сбиваете съ толку молодые умы гельсингфорскихъ студентовъ, которые должны вѣрить вашему профессорскому авторитету, а это великій грѣхъ!

Прежде чѣмъ покончить съ этимими апостолами финляндскаго ученія и знаменитыми шведскими законами, выброшенными за бортъ въ самой Швеціи, мы приведемъ еще взглядъ однаго изъ этихъ апостоловъ на характеръ соединенія Финляндіи съ Россіею. Въ брошюрѣ профессора гельсингфорскаго университета Даніельсона «Соединеніе Финляндіи съ Россійской державой», изданной въ 1890 г. авторъ высказываетъ, что Императоръ Александръ I во всѣхъ своихъ удостовѣреніяхъ исходитъ изъ того предположенія, что Финляндія состоитъ не въ личной уніи съ Россіей, но неразрывно съ нею соединена, что она составляетъ «часть, подраздѣленіе—не Россіи, въ отношеніи законодательства и управленія», «но Россійской Императорской Державы» въ отношеніи къ другимъ державамъ [1]). Черезъ два года тотъ же профессоръ, по словамъ г. Еленева, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ соединеніе Финляндіи съ Россіей въ своей брошюрѣ «Внутренняя автономія Финляндіи»: «Такъ какъ верховная власть Россіи надъ Финляндіей въ области внѣшней политики не подлежитъ сомнѣнію, то было бы рискованно съ научной точки зрѣнія» назвать «реальнымъ» соединеніемъ этихъ двухъ странъ». Затѣмъ г. профессоръ объясняетъ, что постоянные союзы между государствами можно раздѣлить на двѣ главныя категоріи. Къ первой принадлежатъ такіе союзы, въ которыхъ каждое государство, входящее въ союзъ, сохраняетъ свою полную самостоятельность, таковы: реальныя соединенія Швеціи и Норвегіи, Австріи и Венгріи. Ко второй категоріи принадлежатъ такіе союзы, въ которыхъ всѣ государства, составляющія союзъ, признаютъ верховную власть за однимъ изъ этихъ государствъ, а остальныя такой власти не имѣютъ. Эта категорія въ свою очередь раздѣляется еще на два подраздѣленія. Къ первому—принадлежатъ «союзы», въ которыхъ государства, входящія въ него, сообща составляютъ верховное государство и всѣ участвуютъ въ отправленіе верховной власти, принадлежащей этому послѣднему; таковы: Германія, Швейца-

[1]) „Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державой“ стр. 138.

рія, Сѣверо-Американскіе Штаты. Ко второму подраздѣленію, второй категоріи, принадлежатъ такіе союзы, въ которыхъ государства, соединенныя между собой, составляютъ вмѣстѣ верховное государство; но при этомъ высшая власть принадлежитъ одному изъ нихъ. Къ такимъ соединеніямъ почтенный профессоръ причисляетъ и соединеніе Финляндіи съ Россіей. Г. Даніельсонъ при этомъ признаетъ, что такія соединенія, весьма обыкновенныя въ феодальныя времена, теперь почти не встрѣчаются, но это, по мнѣнію г. профессора, ничего не значитъ, такъ какъ они могутъ образоваться во всякое время. Признавая, что обыкновенно при такихъ соединеніяхъ, государства, какъ верховное, такъ и подчиненныя, каждое имѣло своего отдѣльнаго монарха, а Россійскій Императоръ въ тоже время Великій Князь Финляндскій, авторъ говоритъ, что такое различіе хотя и «важное», не имѣетъ «принципіальнаго» значенія для опредѣленія положенія Финляндіи. Чтобы поддержать такой взглядъ, онъ указываетъ на примѣры Германіи, Швеціи и Норвегіи, и говоритъ, что какъ слѣдуетъ строго различать, по отношенію къ королю соединеннаго государства Швеціи и Норвегіи, его дѣйствія какъ короля Швеціи отъ дѣйствій какъ короля Норвегіи и по отношенію германскаго императора, его дѣйствіи какъ Императора, отъ его дѣйствій какъ короля Пруссіи, «тоже самое по отношенію къ Государю русской монархіи слѣдуетъ дѣлать различіе между Императоромъ Россійскимъ и Великимъ Княземъ Финляндскимъ. Эти два государя *«не равноправны; второй подчиненъ первому»*, Онъ—sit venio verbo—«*Его вассалъ*». Мой взглядъ резюмируется такъ: «*Имперія и великое княжество составляютъ вмѣстѣ одно соединенное государство, или правильнѣе, монархію, въ которой верховная власть принадлежитъ исключительно Имперіи*» (стр. 10, 13—15) [1]).

Затѣмъ, какъ бы испугавшись своей формулы, г. Даніельсонъ опять возвращается къ излюбленной финляндской теоріи, останавливается на толкованіи понятій «о верховной власти» и «самодержавіи». По его понятіямъ, ни «верховная власть» ни «самодержавіе» не даютъ права отмѣнять законы Финляндіи, такъ какъ представители въ Борговскомъ сеймѣ, принесшіе присягу на вѣрность Императору, и тѣмъ признавшіе соединеніе ихъ отечества съ имперіей, «въ тоже время одинаково священ-

[1]) Elenew, стр. 73—75.

ной присягой обѣщали сохранить законы Финляндіи въ непоколебимой ихъ силѣ». (Стр. 15—16) [1]).

Мы ограничимся этими выписками, правда весьма неполными, изъ всего, что было высказано въ разсматриваемыхъ нами четырехъ главахъ (III, IV, V, VI) глубоко уважаемаго нами труда г. Еленева. Намъ придется, при изложеніи остальныхъ главъ этого сочиненія, возвращаться иногда къ этимъ главамъ; но мы полагаемъ, что и этихъ выписокъ совершенно достаточно для того, чтобы характеризовать ученіе о политическомъ положеніи Финляндіи по отношенію къ Россіи, распространяемое господами профессорами, бывшими и настоящими, гельсингфорскаго университета.

Мы полагаемъ, что на основаніи всего приведеннаго нами, это ученіе слѣдуетъ формулировать такъ:

Финляндія есть отдѣльное государство, состоящее съ Россіей не въ личной уніи, а неразрывно съ ней соединенное, составляющее часть ея, подраздѣленіе—не Россіи, въ отношеніи законодательства и управленія, но Россійской Императорской державы въ отношеніи другимъ державамъ, и въ мѣстѣ съ тѣмъ она (Финляндія) составляетъ съ Россіей одну соединенную монархію, въ которой верховная власть принадлежитъ имперіи. Въ этой соединенной во едино монархіи царствуетъ «Единый Самодержавный» Императоръ Всероссійскій—Великій Князь Финляндскій. Этотъ единый самодержавный государь раздваивается на Россійскаго Императора и Великаго Князя Финляндскаго, изъ которыхъ второй, т. е. великій князь подчиненъ, въ качествѣ вассала, первому, и оставаясь самодержавнымъ, ограниченъ «шведскими» конституціонными законами 1772 и 1789 годовъ.

Вотъ до какихъ абсурдовъ, до какихъ противорѣчій договорились гг. профессора. Эти противорѣчія, эти абсурды явились естественнымъ слѣдствіемъ усилій гг. финляндскихъ профессоровъ доказать не существующій фактъ: утвержденіе Императоромъ Александромъ шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 годовъ и существованіе соглашенія Императора Александра I съ представителями Финляндіи на Борговскомъ сеймѣ. Гг. профессора отлично знали, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, они не заблуждались, они старались лишь распространить, поддержать это заблужденіе среди насе-

[1]) Elenew, стр. 77.

ленія Финляндіи, которое не возражало имъ, вполнѣ довѣряя ихъ авторитету, здѣсь отъ нихъ не требовали доказательствъ этихъ измышленій,—имъ вѣрили на слово. Въ Россіи никто не зналъ объ ихъ пропагандѣ, никто не обращалъ вниманія на то, что дѣлается въ этой русской окраинѣ, и они спокойно продолжали твердо идти по намѣченнному ими пути. Но наступили другія времена, въ Россіи нашлись люди, которые сочли своей обязанностью разоблачить дѣятельность финляндскихъ вожаковъ. Впечатлѣніе, произведенное русскими писателями въ Россіи, было сильно. Финляндскимъ вожакамъ оставалось или признать свои заблужденія, т.-е. признать себя виновными во взведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ, или же во что бы то ни стало поддерживать свое ученіе. На первое не хватило гражданскаго мужества, они рѣшились на второе. Они понимали, что въ Россіи на слово имъ не повѣрятъ, что у насъ, не смотря на ихъ профессорскія и сенаторскія званія, отъ нихъ потребуютъ доказательствъ. Точныхъ, ясныхъ доказательствъ, не смотря на самые тщательные розыски, не оказалось, и вотъ имъ остался опасный путь, путь софизмовъ, казуистики, измышленій и извращеній, и они бросились по этому пути, и дошли до вышеуказанныхъ абсурдовъ. Мы готовы думать, что рѣшаясь выступить на защиту разбитаго гг. Ординымъ и Еленевымъ финляндскаго ученія, они разсчитывали на успѣхъ, что доказываетъ ихъ увѣренный тонъ, ихъ апломбъ. Эта надежда могла зародиться вслѣдствіе полнаго незнанія русскаго общества и разсчета на русское благодушіе, въ которомъ Финляндія могла убѣдиться въ теченіи долгаго періода. Но какъ бы то ни было, фактъ пораженія несомнѣненъ. Русское общество поняло изъ вышеуказанныхъ брошюръ, что все это ученіе не болѣе какъ мыльный пузырь, лопнувшій отъ усилій раздувавшихъ его. Но увлекаться такимъ пораженіемъ не слѣдуетъ, почивать на лаврахъ не время! Для русскихъ это ученіе мыльный пузырь, праздная забава сытаго финляндскаго чиновничества и профессорства, но для финляндцевъ это ученіе святыня, въ которую они вѣрятъ слѣпо, безъ разсужденій. Для нихъ слово проповѣдниковъ истинна, не требующая доказательствъ. На русскихъ писателяхъ, русскихъ людяхъ вообще, лежитъ святая обязанность поработать надъ сліяніемъ всѣхъ разнородныхъ элементовъ, составляющихъ Россію, въ одну цѣлую, великую, нераздѣльную семью, и только тогда, съ сознаніемъ свято исполненнаго долга, можно почить на лав-

рахъ, но до этого еще далеко. Преимущественное вниманіе должно быть обращено на Финляндію, такъ какъ это, благодаря вліянію сепаратистовъ, край, наиболѣе удаленный отъ всякаго сближенія съ Россіей. Работать нужно дружно, неустанно, непокладая рукъ! Ядъ сепаратизма хотя и заразилъ большую часть финляндскаго населенія, но зараженіе еще въ томъ періодѣ, когда излеченіе возможно мягкими, такъ сказать домашними средствами; *помощь хирурговъ еще не нужна!* Но если Россія будетъ медлить, если она дастъ яду распространиться, окрѣпнуть во всемъ организмѣ, то безъ хирурговъ не обойтись! А хирургическія операціи не всегда безопасны.

Окончивъ изложеніе содержанія книги г. Еленева, вызвавшей наше желаніе подѣлиться съ читателями впечатлѣніями, произведенными на насъ финляндскими порядками, мы постараемся доказать справедливость только что высказанныхъ нами опасеній и намѣтить тѣ мѣры, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, являются необходимыми для сближенія края съ остальной Россіей и устраненія грозящей опасности. Теперь, казалось, было бы умѣстнымъ отвѣтить на вопросъ, который невольно является послѣ знакомства съ сущностью финляндскаго ученія и доказательствами его проповѣдниковъ. Вопросъ этотъ слѣдующій: почему у людей серьезныхъ, людей науки, государственныхъ дѣятелей, явилась фантазія создать и проповѣдывать завѣдомую ложь, и возводить ее въ какое-то ученіе, въ какую-то теорію?

Объяснить такое ненормальное явленіе не трудно; данныя для разрѣшенія этого вопроса даетъ одинъ изъ проповѣдниковъ ученія, г. Даніельсонъ, въ своей брошюрѣ «Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державой», и мы воспользуемся ею; но лишь по окончаніи изложенія содержанія книги г. Еленева будетъ ясно, съ какой цѣлью создана эта теорія, и читатель пойметъ, что она не плодъ сумасбродной фантазіи, а средство, серьезно обдуманное для достиженія цѣли, открыто высказазанной родоначальникомъ сепаратистской финляндской партіи, или вѣрнѣе, «финляндской партіи независимости» еще въ 1786 году, т.-е. почти за четверть вѣка до покоренія Финляндіи Россіей.

Теперь же мы изложимъ содержаніе послѣднихъ двухъ главъ сочиненія г. Еленева.

Глава III.

Обзоръ дѣятельности сепаратистской партіи въ царствованіе Императора Александра II.

Главы VII и VIII почтеннаго труда г. Еленева посвящены обзору финляндскихъ учрежденій во время царствованій Императоровъ Александра II и Александра III, и самое почетное, по объему, мѣсто въ этихъ главахъ отведено исторіи введенія новаго уголовнаго уложенія и проекту, носящему названіе «Форма правленія для великаго княжества Финляндскаго» составленному комитетомъ финляндскихъ юристовъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго прокурора сената Вейсенберга. Мы же позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на царствованіи Императора Александра II.

Царствованіе Императора Алексанера II было истиннымъ торжествомъ сепаратистскаго движенія въ Финляндіи. Сдерживаемое твердой рукой Императора Николая I, но не уничтоженное имъ, оно чуть-ли не съ первыхъ дней новаго царствованія громко заявило о своемъ существованіи. Какъ уже выше было указано, въ 1861 году былъ изданъ не законодательной властью, а частнымъ лицомъ, профессоромъ университета Пальменомъ, «Сборникъ основныхъ законовъ Финлядніи». Въ финляндскихъ газетахъ начали распространять ученія о Финляндіи, какъ отдѣльномъ государствѣ. Но это все были разговоры, проповѣди, такъ сказать подготовка къ дѣйствію. Благодаря великодушію Императора Александра II, явилось и дѣло: 18 сентября 1863 года Императоръ лично открылъ сеймъ, созванный по Его повелѣнію въ Гельсингфорсѣ. Рѣчь, сказанная Государемъ при открытіи этого сейма, казалось должна бы была тронуть самые зачерствѣлыя сердца, она должна была заставить умолкнуть всякую злобу, всякую клевету. Облагодѣтельствованная Финляндія должна была бы оправдать то великое довѣріе, которое выказы-

валъ ей Государь. *Но все это должно было быть, да на дѣлѣ не оказалось.*

Г. Еленевъ не приводитъ этой рѣчи, сознавая, что она должна быть хорошо извѣстна каждому русскому; онъ ограничивается лишь указаніями на послѣдствія ея. Мы же находимъ необходимымъ привести хотя выдержки изъ этой рѣчи, чтобы напомнить читателямъ великодушныя намѣренія, Самодержавнаго, не связаннаго никакими конституціонными законами, Государя, а равно, чтобы рельефнѣе показать, какъ Его отблагодарилъ «честный и вѣрный финляндскій народъ».

Рѣчь эта, произнесенная на французскомъ языкѣ, приведена г. Даніельсономъ въ брошюрѣ «Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державою», стр. 163—166, съ переводомъ ея на русскій языкъ, стр. 166—169. Изъ этого перевода мы и дѣлаемъ выписку.

Начиная эту рѣчь, Государь сказалъ:

«Я давно уже обращалъ вниманіе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы, и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края». Далѣе Государь говоритъ о подготовительныхъ работахъ по созыву сейма, о финансовомъ отчетѣ, о разрѣшенныхъ займахъ, о новыхъ налогахъ. Затѣмъ переходитъ къ законамъ края и, находя, что «многія постановленія коренныхъ законовъ великаго княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія этого княжества къ Имперіи, другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣленности», Государь высказываетъ намѣреніе поручить составленіе проекта закона, устраняющаго эти недостатки, въ которомъ предполагаетъ также предоставить сейму «право предлагать проекты законовъ» «причемъ», говоритъ Государь, «Я оставляю за собой иниціативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій кореннаго закона». Оканчивая эту, по истинѣ, великую рѣчь, Государь выражается такъ:

«Вамъ извѣстны Мои чувства, вы знаете какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію Съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ».

«Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ». И далѣе: «вамъ, пред-

ставители великаго княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Приведя эту рѣчь въ своей брошюрѣ и называя Императора Александра II «великодушнымъ благодѣтелемъ Финляндіи» [1]), г. профессоръ исторіи благоразумно умалчиваетъ, какъ держали себя представители этого «честнаго и вѣрнаго народа», какую «умѣренность въ требованіяхъ» и «спокойствіе при сужденіяхъ» выказали они въ томъ же сеймѣ вслѣдъ за выслушаніемъ этой дѣйствительно великодушной рѣчи своего Государя и благодѣтеля. Онъ умалчиваетъ о томъ, что вслѣдъ за этой рѣчью, стали проповѣдывать просвѣтители этого народа въ своихъ самыхъ распространенныхъ газетахъ.

Для этого мы возвратимся къ книгѣ г. Еленева, «Les prétentions des séparatistes finlandais», и здѣсь на страницахъ 139—144 мы найдемъ хотя весьма краткое, но весьма характерное собщеніе.

Здѣсь г. Еленевъ указываетъ, что депутаты отъ дворянства хотѣли исключить изъ своей среды трехъ финляндскихъ дворянъ, потому что они были русскими чиновниками. Такое дѣйствіе они мотивировали основными «шведскими законами», запрещающими участвовать въ сеймѣ лицамъ, состоящимъ на службѣ «иностраннаго правительства». И такъ, первымъ шагомъ представителей по выслушаніи вышеприведенной рѣчи, было признать «службу русскому Государю—службой иностранному правительству» или другими словами, признать «русскаго Государя», который въ тоже время и Государь Финляндіи, *иностраннымъ Государемъ*.

Это по истинѣ знаменательно, и ясно показываетъ, откуда, почти спустя 30 лѣтъ, г. Даніельсонъ почерпнулъ свою знаменитую теорію о совмѣщеніи въ лицѣ Россійскаго Императора двухъ лицъ, изъ которыхъ одно подчинено другому.

Далѣе одинъ изъ депутатовъ, тоже отъ дворянъ, въ своей рѣчи «уподоблялъ царствованіе Николая I временамъ рабства Евреевъ въ Египтѣ». Таково было чувство деликатности гг.

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи“, стр. 169.

дворянъ, т. е. людей интеллигентныхъ, по отношенію къ отцу того Государя, который съ такимъ великодушіемъ, съ такимъ довѣріемъ отнесся къ представителямъ этого, оружіемъ покореннаго, народа. Такія выраженія только служатъ полнымъ доказательствомъ «не воспитанности» финляндскаго дворянства, отсутствія такта, непониманія своихъ обязанностей какъ депутатовъ сейма, и способности публично произносить не краснѣя клевету. Отсутствіе такта и невоспитанность, полагаю, доказывать нечего. Всякій понимаетъ, что человѣкъ тактичный и воспитанный не позволитъ себѣ публично говорить дурно объ отцѣ, зная, что это будетъ извѣстно сыну. Мы полагаемъ, что сеймъ не общество историческихъ изслѣдованій, и депутаты избираются не для того, чтобы читать лекціи по характеристикѣ лицъ, о которыхъ приговоръ принадлежитъ исторіи. Дѣло сейма разсмотрѣть предложенные законодательные вопросы, предложенные отчеты и т. п.; но если разъ уже захотѣлось блеснуть краснорѣчіемъ, то, мы полагаемъ, отъ всякаго общественнаго дѣятеля имѣемъ право требовать честности, а самое примитивное понятіе о честности обязываетъ осторожно бросать грязью въ людей, а если бросать, то нужно доказать обвиненіе. Гдѣ признаки того варварства, въ которомъ обвиняютъ Николая I, какія притѣсненія испытала Финляндія въ его царствованіе, что изъ дарованныхъ ей правъ было у нея отнято? Пусть отвѣтятъ гг. обвинители. Пусть эти болтуны оглянутся назадъ, и тогда они увидятъ, когда положеніе Фянляндіи было лучше: при «либеральномъ» шведскомъ управленіи подъ сѣнью знаменитыхъ конституціонныхъ законовъ или же при «варварскомъ» «египетскомъ» управленіи Императора Николая I. Полагаемъ, что отвѣтъ будетъ въ пользу послѣдняго, что признаютъ и финляндскіе писатели, непринадлежащіе къ партіи сепаратистовъ, какъ на примѣръ г. Фуруіельмъ (Furuhjelm), на котораго сылается г. Еленевъ на стр. 94 своего труда.

Затѣмъ перечислимъ, тѣ «умѣренныя» желанія, которыя высказалъ этотъ почтенный сеймъ. Онъ требовалъ: нейтральнаго положенія Финляндіи на случай войны Россіи съ какой либо другой державой, учрежденія отдѣльнаго флота, право сейма устанавливать ввозныя и вывозныя международныя таможенныя пошлины (хотя это право даже по излюбленнымъ шведскимъ законамъ было правомъ короля), наконецъ, была проведена «петиція», по смыслу которой сенаторы и министръ-статсъ-секре-

тарь должны быть отвѣтственны передъ сеймомъ за ихъ дѣйствія и совѣты, которые они давали бы Императору; въ этой же «петиціи», между прочимъ, требовалось закрытіе комитета по дѣламъ Финляндіи, въ которомъ одинъ изъ членовъ былъ русскій. Въ этихъ требованіяхъ «умѣренность» выказалась блестящимъ образомъ; но еще рельефнѣе выразилось довѣріе этихъ представителей «честнаго народа» къ Государю, выказавшему столько довѣрія къ этому народу. Въ томъ же сеймѣ депутаты настаивали, чтобы въ «петицію» о созывѣ слѣдующаго сейма было бы включено высказанное въ рѣчи Государя намѣреніе даровать сейму право предлагать проекты законовъ. Это требованіе они мотивировали тѣмъ, что «словесное обѣщаніе» даровать означенное право, «не представляетъ достаточной гарантіи исполненія его» [1]). Все это не могло не возбудить неудовольствіе Государя, которое и было высказано въ рѣчи прочитанной финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ при закрытіи сейма. Въ ней Государь крайне мягко, указалъ на тѣ «недоразумѣнія» относительно характера соединенія Финляндіи съ Россіей, которыя проявлялись въ преніяхъ сейма, и затѣмъ говоритъ: «справедливая оцѣнка интересовъ Финляндіи должна побуждать васъ стремиться къ укрѣпленію, а не къ ослабленію тѣсныхъ связей съ Россіей, которыя составляютъ ненарушимое ручательство благосостоянія вашего отечества» [2]).

Теперь взглянемъ, какъ держала себя финляндская пресса. По свидѣтельству г. Еленева, во время самаго сейма 1863 года самыя распространенныя газеты края, «Helsingfors Dagblad» и «Helsingfors Tidning» всѣми силами старались возбуждать общественное мнѣніе противъ Россіи и увѣрять, что Финляндія добровольно присоединилась къ Россіи на опредѣленныхъ условіяхъ, предложенныхъ Императоромъ Александромъ I. Въ подтвержденіе такого указанія, г. Еленевъ дѣлаетъ выписку изъ газеты «Helsingfors Dagblad» за 1863 г. № 182, которую мы считаемъ не лишнимъ цитировать: «Подъ давленіемъ обстоятельствъ времени, финляндскій народъ рѣшился отказаться отъ своихъ древнихъ связей со Швеціей, провинціей которой она была, и договориться съ Россіей о новомъ соединеніи, къ каковому приглашалъ его Императоръ Александръ. Между тѣмъ, какъ до того

[1]) Elenew, стр. 140.
[2]) Elenew, стр. 141.

времени Финляндія была лишь простой провинціей она теперь стала отономнымъ государствомъ, кромѣ исполненія нѣкоторыхъ обязательствъ въ отношеніи новаго государства, къ которому она присоединилась. Таково въ настоящее время международное положеніе Финляндіи» [1]).

Изъ этой выписки ясно видно, что гг. профессора гельсингфорскаго университета, издавая приведенныя выше брошюры для русской публики, новаго ничего не сказали, они лишь поддерживали теорію, которую проповѣдывали гораздо раньше на сеймахъ и въ газетахъ финляндскіе сепаратисты шестидесятыхъ годовъ. Дальше мы постараемся доказать, что вообще г. ученые Финляндіи *лично* ничего не создавали, они лишь распространяли, поддерживали и старались узаконить дѣянія политическихъ дѣятелей Финляндіи, облеченныхъ властью и довѣріемъ русскихъ Государей. Они служили эхомъ, «рупорами» дѣйствительнымъ вожакамъ сепаратистской партіи, занимавшимъ видное государственное положеніе, и въ этомъ отношеніи они имъ служили вѣрой и правдой.

Теперь перейдемъ къ сеймовому уставу, этому законодательному акту Императора Александра II, который г. Даніельсонъ выставляетъ какъ торжество финляндскаго ученія, какъ полное неопровержимое доказательство того, что для Финляндіи приняты и утверждены шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 г.

Противъ самого устава мы не смѣемъ ничего говорить, это законъ, изданный государемъ и обязательный во все время его дѣйствія для каждаго русскаго подданнаго. Признать же этотъ уставъ какъ доказательство того, что Русскій Государь, въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго, «конституціонный» монархъ, власть котораго ограничена вышеуказанными законами, едва-ли будетъ логично и вѣрно. Самый уставъ не болѣе какъ выраженіе величайшаго великодушія и милости Самодержавнаго Государя къ подданнымъ, но даровавъ этотъ уставъ, онъ все-таки оставался Самодержавнымъ Государемъ. Но собственно говоря, г. Даніельсонъ видитъ такое доказательство не въ самомъ уставѣ, а въ текстѣ Высочайшаго утвержденія этого устава.

Текстъ Высочайшаго утвержденія сеймоваго устава слѣдующій:

---

[1]) Elenew, стр. 144.

«Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія отъ 21 августа 1772 года и въ актѣ соединенія и охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года и неизмѣнно точными словами въ выше изложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ. Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно. Въ С.-Петербургѣ $^{3}/_{15}$ апрѣля 1869 года» [1]).

Вотъ текстъ того Высочайшаго утвержденія, по поводу котораго г. Даніельсонъ въ своей брошюрѣ «Внутренняя автономія Финляндія», по словамъ г. Еленева, говоритъ:

«Вотъ гдѣ камень преткновенія! Невольно задаешь себѣ вопросъ, къ чему г. Еленевъ такъ много трудился, чтобы сдѣлать невозможное и доказать, что Императоръ Александръ I не утвердилъ «Формы правленія» и «Акта соединенія» въ то время когда онъ обязанъ признать, что съ 1869 г. эти законы въ странѣ имѣютъ силу указа? Если я ясно понялъ его выраженія, то его цѣль внушить читателямъ, что графъ Армфельдъ, министръ-статсъ-секретарь Финляндіи, обманулъ, Императора Александра II, когда склонилъ его утвердить сеймовый уставъ, оставляя Его въ невѣдѣніи относительно постановленій, заключающихся въ «Формѣ правленія» и «Актѣ соединенія и охраненія» [2]).

По нашему мнѣнію, крайне важно разрѣшеніе вопросовъ:

Извѣстно-ли было Императору Александру II дѣйствительное содержаніе шведскихъ законовъ 1772 и 1789 г., или при утвержденіи сеймоваго устава онъ былъ введенъ въ заблужденіе или, по просту говоря, обманутъ гр. Армфельдомъ?

Этотъ сеймовый уставъ есть первая основа финляндскаго ученія, съ которой нужно считаться, поэтому да простятъ намъ читатели нѣсколько соображеній, которыя мы прибавимъ въ подтвержденіе заявленія г. Еленева. Какъ уже было указано, ни Императоръ Александръ I, ни Императоръ Николай I не только не утверждали, но даже ни въ одномъ изъ своихъ законодательныхъ актовъ, а ихъ было не мало, ни въ одной изъ своихъ рѣчей не упоминали объ этихъ законахъ. Ни одинъ изъ финляндскихъ опонентовъ не представилъ ни одной ссылки на такіе документы или рѣчи. Но тѣмъ не менѣе, Императоръ Але-

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державой, стр. 169.
[2]) Elenew, ст. 91—92.

ксандръ II, какъ Самодержавный Государь, имѣлъ полное право утвердить эти законы; тогда бы появился законодательный актъ, въ которомъ было бы точно указано, что по волѣ Государя вводятся такіе-то «шведскіе» законы «въ полномъ ихъ составѣ», или «такія статьи этихъ законовъ», при чемъ долженъ былъ быть изданъ и самый текстъ этихъ законовъ, во всеобщее свѣдѣніе. Но такого акта Императоромъ Александромъ II издано не было, и подлинные законы 1772 и 1789 гг. оффиціально не изданы. Теперь обратимъ вниманіе на подлинныя слова утвержденія сеймоваго устава; въ немъ говорится: «Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ «Формѣ правленія» отъ 21 августа 1772 г. и въ «Актѣ «соединенія и охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г.» и т. д. Можно-ли на основаніи этой выписки сказать, что Государь утвердилъ этимъ актомъ шведскіе законы 1772 и 1789 г.? Очевидно нѣтъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ непосредственно за ссылкой на эти законы было бы сказано: «дѣйствующіе въ королевствѣ Швеціи (или вѣрнѣе «дѣйствовавшіе»), которые Мы нынѣ утверждаемъ для великаго княжества Финляндіи». Такого выраженія *нѣтъ*, а потому ясно, что подписывая утвержденіе, Государь былъ увѣренъ, что эти законы утверждены до Него, и такую увѣренность могъ вселить лишь единственный докладчикъ по дѣламъ Финляндіи, ея министръ статсъ-секретарь. Это былъ первый его обманъ.

Затѣмъ, можно-ли допустить мысль, что Государю было извѣстно дѣйствительное положеніе правъ монарха въ силу означенныхъ законовъ? На это также должно отвѣтить отрицательно. Достаточно указать на статьи 1, 2, 3, 40 «Формы правленія» 1772 и §§ 8 и 9. «Акта соединенія», а равно и на присягу, которую король Швеціи долженъ былъ, въ силу этихъ законовъ, произнести и подписать, при вступленіи на престолъ, чтобы съ увѣренностью сказать, что при подписаніи утвержденія сеймоваго устава графъ Армфельдъ невѣрно доложилъ права Государя по этимъ законамъ, или что вышеприведенныя статьи были скрыты, такъ какъ еслибы онъ точно доложилъ эти законы, то всѣ ссылкя на нихъ были бы навѣрно уничтожены. Что дѣлая докладъ гр. Армфельдъ долженъ былъ сдѣлать разъясненія по этимъ законамъ, ясно изъ того, что Императору Александру II шведскій языкъ не былъ знакомъ, законы же эти были изданы оффиціально только въ Швеціи и были

напечатаны лишь на шведскомъ языкѣ, переводовъ, въ то время, не только оффиціальнаго шведскаго изданія, но частнаго сборника Пальмена, на какіе либо другіе языки, не существовало. Слѣдовательно, «помимо доклада» гр. Армфельда Государь не могъ познакомиться съ этими законами. Очень можетъ быть, что въ архивахъ статсъ-секретаріата Финляндіи и сохранился «подлинный» докладъ по этому поводу гр. Армфельда, изъ него можетъ быть можно было бы «документально» доказать, въ какомъ видѣ были представлены эти законы. Но къ сожалѣнію, этотъ архивъ статсъ-секретаріата другимъ министромъ статсъ-секретаремъ г. Брунъ (Bruun) перевезенъ изъ С.-Петербурга въ Гельсингфорсъ [1]) и находится въ вѣдѣніи финляндскихъ дѣятелей, и туда русскимъ писателямъ пути заказаны.

Теперь мы приведемъ содержаніе вышеприведенныхъ статей этихъ законовъ для того, чтобы указать, возможно-ли допустить, что Императоръ Александръ II, зная эти законы, могъ ихъ утвердить. Эти статьи слѣдующія:

«Форма правленія». Статья 1: Король долженъ принадлежать къ аугсбургскому лютеранскому исповѣданію. Статья 2: Онъ долженъ управлять согласно съ дѣйствующими законами въ Швеціи. Статья 3: Относительно престолонаслѣдія онъ не сдѣлаетъ никакого измѣненія въ постановленіяхъ, принятыхъ въ Стокгольмѣ, Вестерасѣ (Westeras) и Норкепингѣ (Norrkoping) въ различныя времена. Статья 40: Король не имѣетъ права издавать новыхъ законовъ, ни отмѣнять старые законы безъ сообщенія о томъ земскимъ чинамъ и безъ того, чтобы они не дали ему на это своего согласія. Въ силу параграфовъ 8 и 9 «Акта соединенія и охраненія», король, при вступленіи своемъ на престолъ, долженъ собственноручно подписать «Актъ соединенія и охраненія» и «обѣщать подъ присягой» управлять королевствомъ согласно съ «Формой правленія» 1772 г. и «Актомъ соединенія». Текстъ присяги, которую долженъ былъ подписать и произнести король, слѣдующій. «Мы удостовѣряемъ наиболѣе твердымъ об-«разомъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ, согласно «основному закону, принятому нами, и отвергая на всегда, какъ «нами это и сдѣлано, ненавистный королевскій абсолютизмъ «(farhateliga konungoliga euwaldet), или то, что также называютъ самодержавіемъ (suveraneteten), мы всегда считаемъ за самое ве-

[1]) Elenew, стр. 139.

ликое для насъ счастье быть первымъ гражданиномъ среди вѣрнаго и свободнаго народа» [1]).

Полагаемъ, что сдѣланныхъ нами выписокъ совершенно достаточно для доказательства того, что при подписи «Сеймоваго устава» эти законы были скрыты или извращены графомъ Армфельдомъ.

Г. Даніельсонъ приводитъ подлинныя слова высочайшаго утвержденія этого устава, и ссылается на него какъ на торжество финляндскаго ученія, какъ на законъ, который окончательно безспорно доказываетъ утвержденіе русскимъ Государемъ шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 годовъ, какъ на «камень преткновенія», о который должны разбиться всѣ доводы русскихъ писателей, мы же приведемъ начало текста этого устава и думаемъ, что въ связи съ только что приведенными нами цитатами, этотъ «камень преткновенія» разсыпется въ мелкій песокъ и посыпетъ гладкій путь, открывающійся русскимъ изслѣдователямъ, которымъ они дойдутъ до ясныхъ доказательствъ того, что представители «честнаго народа» злоупотребляли довѣріемъ своего «благодѣтеля» русскаго Государя, и можетъ быть минутное торжество обратится въ вѣчный стыдъ, и дѣйствительно честные финляндцы покраснѣютъ за дѣяніе своихъ предковъ!

Вотъ начало этого устава [2]):

«Божіей милостью мы Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. объявляемъ черезъ сіе: Принимая во вниманіе, что дѣйствующія въ Финляндіи состоявшіяся въ прежнія времена указанія и правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ въ разныхъ частяхъ не имѣютъ надлежащей полноты, ясности и точности, а также во многихъ отношеніяхъ непримѣнимы къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, мы признали за благо нижепрописаннымъ образомъ высочайше утвердить принятый на минувшемъ сеймѣ земскими чинами Финляндіи сеймовый уставъ слѣдующаго, слово въ слово, содержанія:

---

[1]) Elenew, 51—52.

[2]) Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго 1869 г. № 11.

«Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины Великаго Княжества Финляндскаго, графы, бароны, епископы, рыцарство и дворянство, духовенство, горожане и крестьяне, которые какъ съ своей стороны, такъ и отъ имени нашихъ оставшихся дома собратій, нынѣ собрались на общій сеймъ, объявляемъ черезъ сіе: что съ отмѣною сеймоваго устава отъ 24 января 1617 года, а также всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, изданныхъ касательно сеймовыхъ собраніи земскихъ чиновъ, мы, по Высочайшемъ предложеніи **Его Величествомъ Государемъ Императоромъ** и Великимъ Княземъ принимаемъ къ руководству сеймовый уставъ слѣдующаго содержанія и буквальнаго смысла».

И уже затѣмъ идутъ параграфы устава отъ 1 до 83 включительно, въ которыхъ нѣтъ ни одной ссылки на знаменитые шведскіе законы.

По изложеніи всѣхъ восьмидесяти трехъ параграфовъ, уставъ подписанъ такъ: «Для вящаго же удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили мы сіе подписью нашихъ именъ и приложеніемъ нашихъ печатей, что состоялось въ Гельсингфорсѣ въ четырнадцатый день мая мѣсяца въ годъ по Рождествѣ Христовомъ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ седьмой. Отъ имени рыцарства и дворянства: И. М. Норденстамъ, ландмаршалъ, отъ имени духовнаго сословія, Эдуардъ Бергенгеймъ, тальманъ. Отъ имени сословія горожанъ Ф. И. Френкель, тальманъ. Отъ имени крестьянскаго сословія Августъ Мякипеска, тальманъ».—Затѣмъ уже слѣдуетъ высочайшее утвержденіе, въ которомъ первыя слова не имѣютъ никакой связи съ уставомъ. Для утвержденія его достаточно было написать лишь окончаніе. «Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ. Для вящаго же удостовѣренія подписали мы сіе собственноручно. Въ С.-Петербургѣ $^{3}/_{15}$ апрѣля 1869 года». Оставляя такую надпись, уставъ остается въ такой же силѣ, но не является неопредѣленности, не остается вопросовъ. Что доказываютъ эти первыя слова утвержденія въ связи съ словами начала объявленія устава? То, что «дѣйствующими законами» признавалъ Государь всѣ законы Швеціи, относящіеся къ сейму, начиная съ сеймоваго устава «24 января 1617 года», такъ какъ русскихъ законовъ о сеймахъ въ Финляндіи никогда до 1869 г. не издавалось; но при этой редакціи все таки нельзя было сказать, чтобы «дѣйствующими»

законами въ Финляндіи признавались законы 1772 и 1789 г., такъ какъ въ объявленіи говорилось лишь о всѣхъ сеймовыхъ уставахъ, и удостовѣрялось, что всѣ они «нынѣ отмѣнены».

Партіи же сепаратистовъ, къ которой очевидно принадлежалъ и редакторъ текста утвержденія, гр. Армфельдъ, было необходимо имѣть доказательство въ принятіи этихъ законовъ для того, чтобы на этомъ основаніи осуществить мечты современниковъ Маннергейма о созданіи финляндской конституціи.

Какъ мы уже объясняли, изъ всего спора о политическомъ положеніи Финляндіи ясно, что до Императора Александра II *эти законы Русскими Императорами приняты не были* и это хорошо зналъ графъ Армфельдъ. Ходатайствовать прямо объ утвержденіи этихъ законовъ ни сеймъ, ни гр. Армфельдъ не рѣшились, зная, что однимъ глухимъ утвержденіемъ Государь не ограничится, что законъ нужно будетъ изложить статью за статьей на русскомъ языкѣ.

Вѣрный своей партіи, гр. Армфельдъ счелъ за лучшее воспользоваться тѣмъ довѣріемъ, которое питалъ къ нему Государь. Онъ увѣрилъ Государя, что законы 1772 и 1789 г. приняты Императоромъ, завоевателемъ края, и что они въ числѣ другихъ шведскихъ законовъ дѣйствуютъ въ Финляндіи. При этомъ докладѣ очевидно были скрыты не только вышеприведенныя нами статьи «Формы правленія» и «Акта соединенія и охраненія», но были созданы какія-то новыя, на которыя могъ согласиться Государь. Допустить другое толкованіе невозможно, такъ какъ если бы Государю были точно доложены всѣ законы этихъ законодательныхъ актовъ Швеціи, въ которыхъ точно указаны права и обязанности короля, то если бы и послѣдовала ссылка на эти законы, то тутъ же была бы сдѣлана и оговорка объ отмѣнѣ или исключеніи ст. 1, 2, 3 и 40, и мн. др. «Формы правленія» и §§ 2, 8, 9 и др. «Акта соединенія», или вѣрнѣе, совершенно была уничтожена эта ссылка и опредѣленіе о правахъ Государя въ Финляндіи было отложено до изданія тѣхъ заноновъ, о которыхъ Государь упомянулъ въ своихъ рѣчахъ при открытіи сеймовъ: 18 сентября 1863 года [1]) и 26 января 1867 г. [2]).

---

[1]) Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго за 1864 г. № 4 и Даніельсонъ „Соединеніе Финляндіи“, стр. 166—169.

[2]) Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго 1867 г. № 12

Лучшимъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что графъ Армфельдъ, воспользовавшись высокимъ довѣріемъ, какое питалъ къ нему Императоръ Александръ II, извратилъ смыслъ и значеніе конституціонныхъ шведскихъ законовъ 1772 и 1789 годовъ съ цѣлью добиться *первой ссылки* на эти законы, служитъ исторія происхожденія сеймоваго устава, приведенная господиномъ Еленевымъ въ его брошюрѣ: «Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности».

По словамъ почтеннаго автора: «финляндскія власти добились того, что съ Высочайшаго разрѣшенія былъ составленъ въ 1865 году особый комитетъ изъ финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Норденстама, для кодификаціи мнимыхъ основныхъ законовъ Финляндіи. Проектъ этихъ законовъ, озаглавленный въ шведскомъ подлинникѣ: «Форма правленія Великаго Княжества Финляндіи», а въ русскомъ переводѣ, назначенномъ для поднесенія Императору, названный болѣе скромнымъ титуломъ «Уложеніе Великаго Княжества Финляндіи», представленъ былъ на Высочайшее утвержденіе въ томъ же 1865 году. Одновременно съ этимъ уложеніемъ былъ составленъ и проектъ сеймоваго устава, опредѣлявшій только внѣшнюю процедуру сеймовыхъ собраній, не касаясь существа основныхъ конституціонныхъ законовъ, которые подробно были изложены въ «Уложеніи,» или въ «Формѣ правленія». Однако, надежды финляндцевъ на этотъ разъ не осуществились. Императоръ Александръ II проникъ, куда мѣтили финляндцы съ сказаннымъ уложеніемъ и отвергъ его въ полномъ объемѣ» [1]). Въ этомъ уложеніи существенными параграфами являются §§ 39, 40. Въ § 39 говорится: «Земскіе чины Финляндіи имѣютъ право сообща съ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ постановить основной законъ, а также общія: гражданское, уголовное, церковное и морское уложенія и измѣнить или прекратить таковые прежде изданные законы. Слѣдовательно, ни Государь Императоръ не можетъ безъ согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины не могутъ безъ согласія Государя Императора постановить какіе либо подобные законы или отмѣнить прежніе. Основными законами Финляндіи считаются: сіе уложеніе и сеймовый уставъ» [1]). Въ § 40 говорилось: «Основной законъ мо-

[1]) Еленевъ, „Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г.“, стр 25—26.

жетъ быть постановленъ, измѣненъ или прекращенъ только по предложенію Государя Императора. Вопросы объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общаго гражданскаго, уголовнаго, церковнаго и морскаго уложеній могутъ, кромѣ таковаго предложенія, быть возбуждены также и черезъ предложенія сословій. Одинаковое право предложенія предоставлено земскимъ чинамъ также по всѣмъ другимъ вопросамъ, зависящимъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и земскихъ чиновъ» [1]).

Изъ этихъ двухъ параграфовъ читатель видитъ, что «Уложеніе» комитета Норденстама была тою финляндской конституціей, о проведеніи которой «*мечтали*» современники Маннергейма. Если бы это уложеніе было утверждено Государемъ, то понятно, никакихъ ссылокъ на старые шведскіе законы не понадобилось бы, такъ какъ власть Россійскаго Императора стала бы ограниченной не въ силу этихъ законовъ, а въ силу акта, дарованнаго волею самаго Государя. Но этого не случилось. Уложеніе было отвергнуто. Что же оставалось дѣлать? Подчиниться-ли волѣ Государя и признать, что Россійскій Императоръ въ этой «культурной странѣ» такой же Самодержавный Монархъ, какъ и въ остальной Россіи, или путемъ хитрости и обмановъ добиться хотя призрака конституціи? Подчиниться—было равносильно уничтоженію всего финляндскаго ученія объ «основныхъ законахъ» края и о Боргоскомъ соглашеніи, и потому они предпочли пойти по старой испытаной дорогѣ разныхъ обмановъ. Тутъ имъ помогла необходимость изданія Сеймоваго устава, въ виду фактическаго существованія сейма. Они рѣшились провести уставъ, составленный комитетомъ Норденстама одновременно съ отвергнутымъ уложеніемъ, и придать этому уставу значеніе акта признанія русскимъ Государемъ излюбленныхъ шведскихъ законовъ.

Нужно замѣтить, что въ проектѣ «Устава», какъ логическое послѣдствіе приведенныхъ нами §§ 39 и 40 уложенія, были помѣщены §§ 71—74, опредѣляющіе порядокъ разсмотрѣнія на сеймѣ какъ основныхъ, такъ и другихъ законовъ, подлежащихъ, въ силу означеннаго «Уложенія», совокупному рѣшенію земскихъ чиновъ и Императора.

Въ § 71 этого устава было сказано: «Изданіе, измѣненіе, по-

[1]) Еленевъ. Тоже стр. 26.

ясненіе или отмѣна основнаго закона могли послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій» [1]). Такая редакція этого параграфа была вполнѣ согласна съ законоположеніями §§ 39 и 40 «Уложенія»; но разъ «Уложеніе» было отвергнуто и закона, ограничивающаго законодательную власть Государя, не существовало и сеймъ имѣлъ лишь характеръ совѣщательнаго собранія свѣдущихъ людей края, то понятно, что и редакція § 71 «Сеймоваго устава» должна была измѣниться «въ такомъ смыслѣ», какъ говоритъ г. Еленевъ, «что вопросы, касающіеся основныхъ законовъ, могутъ быть обсуждаемы на сеймѣ только въ томъ случаѣ, если они будутъ предложены Государемъ Императоромъ, а сеймовое по нимъ заключеніе только тогда должно считаться состоявшимся, когда послѣдуетъ согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій сейма». «Такая редакція установила бы ясное различіе, продолжаетъ г. Еленевъ, въ способахъ внесенія и рѣшенія вопросовъ, относящихся къ основнымъ законамъ, и тѣхъ, которые принадлежатъ къ общимъ законамъ, для рѣшенія каковыхъ, по § 73 «Сеймоваго устава», требуется только согласное рѣшеніе трехъ сословій. Но финляндскій сенатъ почелъ болѣе удобнымъ для своихъ цѣлей оставить прежнюю редакцію § 71 «Сеймоваго устава» [2]). Благодаря такой редакціи этого параграфа, оказывается, что русскій Императоръ въ одной изъ своихъ провинцій не имѣетъ права издать основнаго закона собственной самодержавной властью». «Такое заключеніе», говоритъ г. Еленевъ, «не имѣетъ, конечно, смысла, послѣ того какъ Императоромъ было отвергнуто уложеніе комитета Норденстама, самые капитальные параграфы котораго, именно §§ 39 и 40, заключали сказанное ограниченіе самодержавной власти русскаго Монарха» [3]). Мы совершенно согласны какъ съ этимъ заключеніемъ почтеннаго автора, такъ и съ послѣдующими, высказанными имъ по поводу значенія § 71 «Сеймоваго устава», почему и позволимъ себѣ цитировать эти заключенія: «Во всякомъ случаѣ, подобное коренное измѣненіе образа правленія въ одной изъ областей Русскаго государства не могло быть выражено въ трехъ строкахъ «Сеймоваго» устава,

---

[1]) Еленевъ тоже, стр. 27.
[2]) Еленевъ тамъ же, стран. 27—28.
[3]) Тамъ же. Стр. 28.

имѣющаго чисто процессуальный характеръ, устава, устанавливающаго (какъ сказано во вступленіи къ оному) «правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ». Но финляндскій сенатъ и министръ статсъ-секретарь, подносившій этотъ уставъ на утвержденіе Императора, справедливо разсчитывали, что кто не искусился въ законодательной кодификаціи и не предупрежденъ быть на сторожѣ, тотъ едва-ли обратитъ вниманіе на эти три строки, втиснутыя и затертыя въ массѣ статей чисто процессуальнаго характера, не имѣющихъ никакой принципіальной важности» [1]). Обратилъ-ли вниманіе Императоръ на эти три строки, разумѣется, никто, кромѣ докладчика, не знаетъ; но «втиснувъ» знаменитыя «три строки» § 71 «Сеймоваго устава», финляндскіе сенаторы и графъ Армфельдъ отлично понимали, что эти строки, какъ они ни знаменательны, не могутъ составить конституціи какого бы то ни было «государства». Опытъ проведенія самостоятельной конституціи не удался, оставалось добыть, если не прямое признаніе шведскихъ конституціонныхъ законовъ, то хотя ссылку на нихъ, изъ которой впослѣдствіи можно будетъ вывести заключеніе о признаніи Государемъ этихъ законовъ. Для достиженія этой-то цѣли и была придумана редакція утвержденія устава. Придуманная ловко политическая интрига удалась, уставъ подписанъ, ссылка добыта и г. г. финляндскіе воротилы повидимому могутъ торжествовать.

Не черезчуръ-ли поспѣшно такое торжество? Мы, читатель, вмѣстѣ съ вами теперь знаемъ, что Императоръ Александръ II *отвергъ* проектъ уложенія Норденстама, какъ актъ, ограничивающій его Самодержавную власть, какъ законъ, не согласный съ основными законами Россійской Имперіи. Зная это, можемъ ли допустить, что тотъ же Императоръ, *зная дѣйствительный смыслъ* «Формы правленія» 1772 г. и «Акта охраненія и безопасности 1789 г.», призналъ эти законы для себя обязательными?

Ясно, что такое предположеніе невозможно и что появленіе ссылки на эти законы возможно объяснить лишь тѣмъ, что при докладѣ, вмѣсто дѣйствительныхъ, шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 г., графъ Армфельдъ доложилъ Императору какіе-то другіе, *вымышленные* законы, сочинен-

[1]) Еленевъ тамъ же. Стран. 28—29.

ные имъ и его сподвижниками, которые не противорѣчили принципамъ самодержавной власти, т. е. что ссылка на конституціонные законы добыта *обманомъ и злоупотребленіемъ довѣрія* покойнаго Государя Императора Александра II.

Думаемъ, читатель, что мы ясно доказали способъ, которымъ «честные» финляндцы добыли законъ, который, по мнѣнію г. Даніельсона, долженъ служить для насъ, русскихъ работниковъ, «камнемъ преткновенія». Нѣтъ, г. Даніельсонъ, плохой это камень, на постройку политическихъ зданій не годится, онъ разсыпается при первомъ прикосновеніи къ нему!

Мы увѣрены, что если бы Императоръ Александръ II узналъ впослѣдствіи дѣйствительное значеніе сказанныхъ шведскихъ законовъ, то онъ повторилъ бы историческую фразу, сказанную имъ по поводу проведенія монетной реформы: «o n à e s c a m o t è m o n c o n s e n t e m e n t»! [1]).

Но допустимъ, на время, что Государь измѣнилъ свои взгляды, высказанные имъ въ рѣчахъ 18 сентября 1863 г. и 26 января 1867 г., что нужно забыть его слова первой рѣчи: «Я оставляю «за собой иниціативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ «касаться измѣненій кореннаго закона», и указаніе во второй рѣчи: «на утратившую силою обстоятельствъ совмѣстность ко«ренныхъ законовъ великаго княжества съ положеніемъ дѣлъ», и на предположеніе преобразованія правительственныхъ учрежденій, забудемъ, что онъ отвергъ проектъ уложенія Норденстама, забудемъ все это и согласимся съ г. Даніельсономъ, что Государь Александръ II «будучи вполнѣ знакомъ съ содержаніемъ» всѣхъ законоположеній шведскихъ конституціонныхъ законовъ, «призналъ ихъ» въ полномъ объемѣ по отношенію правъ короля.

При такомъ невозможномъ предположеніи, какъ объяснить, что Государь, признавшій въ 1869 г. «Форму правленія 1772 г.», *точно зная* содержаніе 40 статьи этого закона, могъ въ томъ же году нарушить эту статью изданіемъ собственной властью, безъ участія сейма, законодательнаго распоряженія, и затѣмъ неоднократно нарушать его? Мы укажемъ на нѣкоторые примѣры. Земскими чинами Финляндіи на сеймѣ 1867 года было принято новое «Церковное уложеніе», которое утверждено Императоромъ Александромъ II 27 ноября—9 декабря 1868 г. Это

---

[1]) Бергъ „Наше управленіе и наши сеймы", томъ II, стр. 15, и Еленевъ „Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г.", стр. 32.

уложеніе распубликовано въ сборникѣ постановленій В. К. Финляндскаго за 1869 г., № 27. Въ немъ нѣтъ ни одной статьи, запрещающей переходъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія въ лютеранство. Напротивъ, въ § 53 указаны правила присоединенія къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію христіанъ «чужого вѣроисповѣданія», причемъ не сдѣлано никакого исключенія для христіанъ православнаго исповѣданія. Такимъ образомъ это уложеніе какъ бы узаконивало и допускало переходъ въ лютеранство и православныхъ христіанъ, что, по законамъ Россійской Имперіи, воспрещается. Во избѣжаніе такого толкованія, въ день изданія означеннаго «Церковнаго уложенія», 6 декабря 1869 г., изданъ указъ Императора, безъ всякаго участія земскихъ чиновъ, о томъ, что «все до сего постановленное относительно перехода исповѣдниковъ греко-россійской церкви въ евангелическо-лютеранскую вѣру и о взаимныхъ отношеніяхъ между лютеранскимъ духовенствомъ въ Финляндіи и лицами, принадлежащими къ православной церкви, остается въ дѣйствіи на будущее время» [1]). Этотъ Императорскій указъ или объявленіе, какъ названъ онъ въ сборникѣ, составляя законъ, совершенно измѣняетъ смыслъ § 53 «Церковнаго уложенія». Затѣмъ не менѣе этого закона важенъ рескриптъ Императора Александра II $\frac{27 \text{ марта}}{8 \text{ апрѣля}}$ 1870 г., такъ какъ въ немъ ясно выраженъ взглядъ Государя на его право, совершенно не согласный со статьей 40 «Формы правленія». Этотъ рескриптъ данъ на имя генералъ-губернатора Финляндіи, вслѣдствіи появленіи въ гельсингфорскихъ газетахъ «петиціи» на Высочайшее имя объ измѣненіи существовавшихъ въ то время законовъ о печати. Въ рескриптѣ говорится, что такія «петиціи», въ случаѣ представленія ихъ Государю, будутъ оставлены безъ «вниманія», такъ какъ существующіе законы о печати вполнѣ соотвѣтствуютъ «нынѣшнему положенію края». Далѣе въ рескриптѣ Государь признаетъ «за благо объявить»: «по дарованіи великому княжеству періодическихъ сеймовъ, на коихъ земскіе чины, какъ представители края, могутъ заявлять Намъ свои желанія также относительно постановленій, «*изданіе коихъ зависитъ отъ единой Нашей власти*» [2]).

Въ слѣдующемъ, за изданіемъ этого рескрипта сеймѣ, земскіе чины его представили петицію, чтобы законъ о печати былъ

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго 1869 г.“, № 27.

[2]) Тоже 1870 г., № 14.

измѣненъ по соглашенію Государя съ сеймомъ. Отвѣтъ на эту петицію послѣдовалъ въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 15 марта 1872 г. Въ этомъ рескриптѣ Императоръ объявилъ свою волю, что указанные законы (о печати) должны быть причислены къ тѣмъ, которые зависятъ исключительно отъ Верховной Власти и не подлежатъ вѣдѣнію сейма [1]).

И такъ, изъ сопоставленія приведенныхъ нами постановленій «Формы правленія» и дальнѣйшихъ дѣйствій Императора Александра II ясно, что указанныя нами Его распоряженія прямо противорѣчили буквальному смыслу 40 ст. «Формы правленія». А разъ это обстоятельство является доказаннымъ, смѣло можно сдѣлать выводъ, что эта статья 40 при подписаніи высочайшаго утвержденія 3—15 апрѣля 1869 г. не была извѣстна Государю. Что же касается до ст. 1, 2 и 3 «Формы правленія» §§ 8 и 9 «Акта соединенія», и формы присяги короля, то полагаемъ, что не смотря на всю пылкость фантазіи проповѣдниковъ финляндскаго ученія, никто изъ нихъ не посмѣетъ утверждать, чтобы Императоръ Александръ II могъ признать эти законы обязательными для себя. Разъ же эти статьи не признаны, то невольно являются вопросы, почему въ указанномъ утвержденіи нѣтъ оговорки объ исключеніи этихъ статей? Почему не изданъ въ законодательномъ порядкѣ текстъ признанныхъ положеній? Единственный логическій отвѣтъ на эти естественные вопросы—потому, что докладчикъ гр. Армфельдъ *обманулъ* Государя, скрывъ отъ него какъ содержаніе постановленій, такъ и то, что эти законы съ 1809 года прекратили свое существованіе въ Финляндіи, какъ русской области. Это фактъ безспорный; но можно сдѣлать и весьма вѣроятное предположеніе, что обманъ не заключался только въ сокрытіи, а весьма вѣроятно, что при докладѣ были даны *ложныя объясненія* правъ Государя по этимъ законамъ, и если это предположеніе вѣрно, то слѣды этого *преступленія* должны быть въ дѣлахъ статсъ-секретаріата Финляндіи, если только самый архивъ цѣлъ.

Но это не единственный фактъ «обмана» со стороны министра статсъ-секретаря. Передъ нами «Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго» за 1878 г. № 25, въ которомъ опубликованъ уставъ о воинской повинности. Въ этомъ уставѣ обошлись

[1]) Elenew, стр. 145 и „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1872 г., № 12.

безъ всякихъ ссылокъ на знаменитые шведскіе законы, но для одного § 88 ссылка эта понадобилась. Параграфъ этотъ гласитъ слѣдующее:

«По прибытіи опредѣленныхъ на дѣйствительную службу въ ту часть, въ которую они зачислены, начальникъ оной части приводитъ ихъ къ присягѣ, соображаясь съ § 18 «Формы правленія». Тоже самое соблюдается при поступленіи въ части войскъ вольноопредѣляющихся и охотниковъ».

Теперь посмотримъ, что же гласитъ этотъ параграфъ 18? Гласитъ онъ слѣдующее [1]):

«Всѣ военныя силы государства обязаны приносить присягу «на вѣрность его величеству королю, государству и сейму».

Почему же г. г. составители устава предпочли сдѣлать ссылку на иностранный законъ, котораго ни одинъ русскій подданный не обязанъ знать, а не написали въ текстѣ § 88 вмѣсто словъ «соображаясь съ § 18 «Формы правленія» слова «на вѣрность Императору, странѣ и сейму». Вѣдь это пожалуй было бы удобнѣй и яснѣй, и начальнику части не пришлось бы розыскивать не изданную оффиціально «Форму правленія»; да и число словъ одно; правда, въ первой фразѣ лишь одной буквой меньше противъ второй, но гг. составители написали 124 параграфа, то для точности можно было бы написать одну лишнюю букву. Но тутъ дѣло не въ буквѣ, а въ томъ, что составители, какъ говоритъ г. Еленевъ, опасались, чтобы покойный Императоръ Александръ II, обративъ вниманіе на этотъ параграфъ о присягѣ «сейму», не вычеркнулъ этого слова, и потому они сочли лучшимъ сдѣлать ссылку на неизвѣстный Императору законъ, надѣясь на ловкость министра статсъ-секратаря, который съумѣетъ придать этой ссылкѣ самое невинное значеніе, т. е. попросту съумѣетъ *обмануть* довѣріе Государя. И этотъ обманъ удался, какъ и обманъ 1869 года. Но эта ссылка еще курьезнѣе, чѣмъ ссылка на законы 1772 и 1789 гг., въ полномъ составѣ сдѣланная въ 1869 году. Дѣло въ томъ, что статья 18 «Формы правленія» отмѣнена была въ Швеціи съ 1789 г. изданіемъ «Акта соединенія и охраненія» и съ этого года шведская армія, при Густавѣ III и затѣмъ при его пріемникахъ, болѣе не присягала сейму [2]).

---

[1]) Elenew, стр. 170.

[2]) Elenew, стр. 170. Въ 1896 г. вышла брошюра того же г. Еленева „Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности“ Же-

И такъ, если даже согласиться съ г. Даніельсономъ, что съ 1869 г. шведскіе конституціонные законы имѣютъ силу указа въ Финляндіи, и мы, русскіе, должны ихъ признавать, такъ какъ они утверждены русскимъ Императоромъ, то является опять противорѣчіе съ этимъ § 88 «Воинскаго устава». Закономъ 1869 г. приняты, по мнѣнію Даніельсона, оба закона, какъ «Форма правленія», въ которой имѣлась статья 18, такъ «Актъ соединенія и охраненія», которымъ означенная 18 ст. «отмѣнена», слѣдовательно принятіемъ этого послѣдняго закона признавалась и отмѣна 18 статьи «Формы правленія». Въ 1878 г. возстанавливается 18 статья «Формы правленія» безъ отмѣны уничтожающагося закона 1789 г.

Интересно также разрѣшить противорѣчіе, являющееся между присягой на вѣрноподданство и воинской присягой. Передъ нами форма присяги на вѣрноподданство, высочайше утвержденная 29 декабря 1877 г., т. е. послѣ изданія «Сеймоваго устава», и она теперь неизмѣнена. Въ этой формѣ ни слова не говорится «о сеймѣ», напротивъ, каждый финляндецъ этой присягой кланется такъ: «Я также буду, не щадя живота и крови, защищать Импе«раторскую власть, и если увѣдаю о какихъ либо замыслахъ къ «измѣненію или отмѣнѣ оной, благовременно о томъ открывать «и объявлять». Въ силу же § 88 «Воинскаго устава 1878 г.», тотъ же финляндецъ, поступивъ въ финскія войска, приводится къ «присягѣ на вѣрность не только Императору, но и сейму».

Допустимъ, что сеймъ, какъ это уже и было въ 1863 г., замыслитъ «измѣнить» Императорскую власть, какъ долженъ поступить финскій воинъ, принявшій двѣ присяги, какъ подданный Императора и какъ финскій солдатъ? Чьи интересы онъ долженъ защищать: Императора или сейма?

Вотъ до какихъ абсурдовъ дошли господа редакторы и докладчики финляндскихъ «отдѣльныхъ» законовъ въ своемъ рѣшеніи провести излюбленные шведскіе законы въ законодательные акты русскихъ Императоровъ.

Но что же доказали эти представители «вѣрнаго и че-

лающимъ ознакомиться съ образомъ дѣйствій финляндскихъ государственныхъ дѣятелей и бывшаго въ то время русскаго генералъ-губернатора гр. Адлерберга, мы рекомендуемъ прочесть эту книгу, крайне доступную по цѣнѣ и формѣ изложенія.

стнаго народа»? Неужели они серьезно думаютъ, что благодаря этимъ двумъ ссылкамъ, Финляндія стала отдѣльнымъ конституціоннымъ государствомъ, въ которомъ власть Самодержавнаго Русскаго Императора ограничена шведскими обветшалыми законами? Нѣтъ, трижды нѣтъ! Даже съ точки зрѣнія юристовъ, способныхъ подчасъ изъ чернаго творить бѣлое, *преступленіе не можетъ быть источникомъ права,* а эти ссылки не болѣе, какъ преступленія гг. докладчиковъ [1]) по финляндскимъ дѣламъ, обманувшихъ «великодушнаго благодѣтеля Финляндіи» Императора Александра II, безгранично вѣрившаго имъ.

Мы нѣсколько долго останавливались на этихъ объясненіяхъ, но мы считали необходимымъ выяснить, что эти ссылки на шведскіе законы не «камень преткновенія» для русскихъ писателей, а позорное пятно на служебной дѣятельности двухъ финляндскихъ сановниковъ.

Читателю принадлежитъ право судить о вѣрности нашихъ выводовъ.

Намъ еще остается указать, что въ царствованіи Императора Александра II, 9 августа 1877 г. былъ изданъ законъ, которымъ устанавливалась въ Финляндіи совершенно отдѣльная монетная система. Въ силу этого закона только русская серебряная «полнопробная» монета, рубли и его подраздѣленія, должны были приниматься въ Финляндіи «при разсчетахъ, но не при размѣнѣ», и то на сумму за одинъ разъ не болѣе 2 р. 50 коп., соотвѣтствующихъ десяти маркамъ [2]). О размѣнѣ же не только русскихъ кредитныхъ билетовъ, но даже полнопробнаго серебра, по какому либо обязательному курсу, не говорится ни слова. Изъ этого ясно, что, стоя на буквѣ закона, финлядскія учрежденія имѣли полное право непринять для размѣна русскихъ денегъ вообще ни по какому курсу, не смотря на то, что по, русскимъ законамъ эти деньги должны приниматься *всѣми* въ предѣлахъ Россійской Имперіи, а слѣдовательно и въ Финляндіи, какъ составляющей часть этой имперіи.

Въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ законахъ временъ Алексан-

---

[1]) Мы говоримъ „*докладчиковъ*“, такъ какъ „Сеймовый уст.» былъ доложенъ графомъ Армфельдомъ, а Уставъ о воинской повинности — исправляющимъ должность министра статсъ-секретаря Пальмротъ.

[2]) К. Малышевъ „Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія“, страница 497.

дра II, правда неподписанныхъ лично Императоромъ, а отъ Его имени финляндскимъ Императорскимъ сенатомъ, мы встрѣчаемъ выраженіе «финляндскій подданный» [1]). не смотря на то, что въ актахъ, подписанныхъ лично Государемъ, финляндцы называются «нашими подданными», «гражданами», «уроженцами». Мы удивляемся, какъ господа гельсингфорскіе профессора не воспользовались этими оффиціальными документами, въ подтвержденіе своего ученія о «Финляндіи какъ самостоятельномъ государствѣ», оно было бы кстати. Но господа профессора объ этомъ благоразумно умалчиваютъ, какъ и умалчиваютъ о приведенномъ выше § 88 «Устава о воинской повинности». Мы же не считаемъ возможнымъ умалчивать объ этомъ, такъ какъ ученіе «о подданствѣ» и «о присягѣ» войскъ сейму сильно распространено среди простаго финскаго населенія, среди финскихъ крестьянъ. Неправильность названія «финляндскій подданный» доказывается паспортами, выдаваемыми финляндцамъ финляндской паспортной экспедиціей, въ которыхъ они именуются и именовались всегда «уроженцами» великаго княжества Финляндскаго, такой-то губерніи, такого-то прихода; на это мы имѣемъ документальныя доказательства, одновременно выданныя съ вышеприведеннымъ постановленіемъ сената.

Что же доказываетъ выраженіе «подданный» и «подданство»? То-ли, что Финляндія признается правительствомъ «отдѣльнымъ государствомъ», состоящимъ лишь въ «уніи» съ Россійской Имперіей, или то, что финляндскій сенатъ идетъ рука объ руку съ партіей финляндскихъ сепаратистовъ, и своими актами, публикуемыми въ церквахъ края, сильно помогаетъ распространенію этого ученія? Пусть этотъ вопросъ разрѣшатъ лица, власть имущія.

Для насъ же важно указаніе на ненормальность положенія дѣлъ въ Финляндіи, на прямое противорѣчіе финляндскихъ актовъ русскимъ законамъ. Мы указали на выраженіе «финляндскій подданный» съ цѣлью указать, что употребляя такое выраженіе относительно «финляндскихъ уроженцевъ», которые

---

[1]) Въ видѣ примѣра укажемъ §§ 2, 9 и 12 напечатаннаго въ „Сборникѣ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1865 г. № 5, стр. 8—11, постановленія *«о личныхъ податяхъ»*, отъ 20 февраля 1865 г. При чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе, *что это постановленіе опубликовано во всѣхъ церквахъ Финляндіи.*

въ силу Фридрихсгамскаго трактата должны называться «русскими подданными», финляндскій сенатъ даетъ твердую опору ученію о двойственномъ характерѣ власти Россійскаго Императора, о чемъ мы уже выше говорили.

Здѣсь мы находимъ умѣстнымъ указать еще на одно отличіе въ формѣ актовъ, издаваемыхъ финляндскимъ сенатомъ, отъ актовъ, издаваемыхъ Правительствующихъ Сенатомъ Россійской Имперіи. Русскій Сенатъ всѣ указы начинаетъ словами: «По указу Его Императорскаго Величества» и т. д. «Правительствующій Сенатъ слушали» и т. д. Такъ что съ первыхъ словъ каждый слушающій сенатскій указъ понимаетъ, что это постановленіе правительственнаго учрежденія, а не манифестъ Государя. Финляндскій же сенатъ пишетъ свои постановленія по формѣ Высочайшихъ манифестовъ, и они начинаются словами «Божьей милостью Мы (имя Государя) Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч.», и все постановленіе излагается какъ и сходящее непосредственно отъ имени Государя, такъ что слушающіе такое постановленіе сената вполнѣ увѣрены, что объявляется не постановленіе сената, а Высочайшій манифестъ. Подписываются такія постановленія по слѣдующей формѣ: «По Собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ», и затѣмъ идутъ подписи сенаторовъ. Нужно замѣтить, что при объявленіи этихъ постановленій въ церквахъ края всѣхъ исповѣданій не принято читать формулы подписи и самыхъ подписей, такъ что слушающій народъ вполнѣ увѣренъ, что объявляется не сенатское постановленіе, а Высочайшій манифестъ. Такая разница при объявленіяхъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе, и порождаетъ массу неправильныхъ толкованій, давая пищу сепаратистскому движенію.

Итакъ, изъ самого бѣглаго обзора развитія отдѣльныхъ финляндскихъ учрежденій въ царствованіе Императора Алкесандра II мы видимъ, что къ концу царствованія Императора Александра II Финляндія обладала отдѣльными правительственными и судебными учрежденіями, правомъ періодическихъ сеймовъ, отдѣльной арміей, отдѣльной монетной системой, отдѣльной таможней, и наконецъ, народный языкъ края былъ признанъ оффиціальнымъ языкомъ. Развѣ это не атрибуты отдѣльнаго государства? И все это было даровано исключительно вслѣд-

ствіи великодушія самодержавныхъ русскихъ Государей завоеванному краю, который ничѣмъ не заслужилъ такого великодушія. Но и этого было мало. И дѣйствительно, это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чего хотѣли финляндскіе сепаратисты въ 1786 году, къ чему они стремятся и теперь. Всѣ благодѣянія русскихъ Государей не вызвали въ этой партіи чувства благодарности; они не хотятъ сознать, что всѣ привиллегіи, которыми они пользуются, составляютъ даръ русскихъ Монарховъ. Они утверждаютъ, что эти привиллегіи только часть того, что по *«соглашенію»* съ представителями финляндскаго населенія обязался дать имъ Императоръ Александръ I, т. е. главнымъ образомъ они желаютъ введенія шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 годовъ, будто бы признанныхъ выше указаннымъ соглашеніемъ. Этого желаютъ, т. е. открыто говорятъ объ этомъ гельсингфорскіе профессора для русской и европейской публики, но введеніемъ этихъ законовъ не ограничиваются желанія «дѣйствительныхъ» вожаковъ сепаратистской партіи, которые въ финляндской служебной іерархіи занимаютъ мѣста повыше профессорскихъ кафедръ. Эти вожаки желаютъ полнаго отдѣленія Финляндіи отъ Россіи и низведенія власти Россійскаго Императора въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи до полнаго осуществленія извѣстнаго выраженія «le roi regne, mais ne gouverne pas» (король царствуетъ, но не управляетъ).

Высказанное нами вполнѣ подтверждается проектами, которые намѣревались провести финляндскіе воротилы въ царствованіе покойнаго Императора Александра III. Этими проектами мы займемся въ слѣдующей главѣ.

Глава IV.

Проекты финляндскихъ сепаратистовъ въ царствованіе Императора Александра III.

1 марта 1881 года въ Петербургѣ совершилось страшное событіе, поразившее всю русскую землю. Мы съ увѣренностью говоримъ, что не только въ Петербургѣ, вблизи умиравшаго мученической смертью Царя-Освободителя, но во всей Россіи врядъ ли нашелся хотя одинъ дѣйствительно русскій человѣкъ, который не былъ потрясенъ ужаснымъ злодѣяніемъ, который, въ моментъ полученія этого извѣстія, сохранилъ бы полное спокойствіе духа, необходимое для составленія не только государственнаго акта, въ которомъ каждое слово должно быть строго обдумано, но простой записки. Мы пережили этотъ день, мы были въ это время въ средѣ русскаго народа, и очень хорошо помнимъ, въ какомъ напряженномъ, нервномъ состояніи было населеніе города, отстоящаго отъ Петербурга почти на 1,500 верстъ. Если въ такомъ состояніи были люди, благоговѣвшіе передъ Царемъ-Мученикомъ за все, сдѣланное имъ для Россіи, то каково же должно было быть душевное состояніе Сына этого Мученика, присутствующаго при этой ужасной, ничѣмъ не заслуженной смерти. Смѣемъ думать, что ни одинъ человѣкъ, у котораго есть сердце, не скажетъ, чтобы душевное состояніе молодаго Царя, вступающаго на престолъ при такомъ ужасномъ событіи, было на столько спокойно, чтобы обсудить каждое слово манифеста, возвѣщающаго вступленіе на престолъ. Мы полагаемъ, что ни одинъ историкъ, обладающій здравымъ смысломъ, не будетъ задаваться вопросомъ и придавать значеніе разницѣ въ словахъ манифестовъ къ жителямъ Финляндіи Императоровъ Александра I, Николая I и Александра II отъ манифеста $^{2}/_{14}$ марта 1881 года Императора Александра III. Да и разница эта заключалась лишь въ томъ, что вмѣсто словъ «коренные законы», которыя прежніе Государи пи-

сали въ своихъ манифестахъ, въ этомъ манифестѣ были употреблены слова «основные законы». Мы полагаемъ, что всякій безпристрастный историкъ согласится съ нами, что этого манифеста Государь лично не редактировалъ и не составлялъ его, что онъ былъ составленъ или министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, или кѣмъ либо изъ приближенныхъ лицъ Государя, что поэтому нельзя придавать словамъ «*основные законы*» значенія доказательства того, что извѣстные шведскіе законы были подтверждены этимъ манифестомъ.

Не такъ, очевидно, думаетъ г. финляндскій историкъ профессоръ Даніельсонъ. Онъ приводитъ [1]) означенный манифестъ и рескриптъ Государя отъ того же числа на имя генерамъ-губернатора Финляндіи какъ бы въ подтвержденіе того, что и Императоръ Александръ III призналъ означенные законы или какую-то конституцію. Г. Даніельсонъ выставляетъ эти документы якоремъ спасенія финляндскаго ученія, и приведя подлинный текстъ манифеста $^{2}/_{14}$ марта 1881 г., говоритъ: Слова «коренные законы» теперь въ русскомъ текстѣ замѣнены болѣе употребительнымъ выраженіемъ «основные законы» [1]).

Допустимъ, что наши объясненія, въ началѣ этой главы, невѣрны, что слово «основные» вставлено въ манифестѣ по личному усмотрѣнію Императора Александра III, но и при такомъ, неестественномъ толкованіи можно-ли признать, что слово «основные» доказываетъ признаніе Императоромъ шведскихъ законовъ «основными» законами края? Полагаемъ — нѣтъ. Съ 1869 года въ Финляндіи дѣйствовалъ законъ, который названъ «основнымъ закономъ» — это «Сеймовый Уставъ», а съ 1878 г. нѣкоторые §§ устава о воинской повинности причислены также къ «основнымъ» законамъ края [2]). Разъ таковые законы въ краѣ дѣйствовали, то очевидно выраженіе «основные законы» должно быть отнесено именно къ законодательнымъ актамъ Императора Александра II, а не къ шведскимъ законамъ. Но разъ г. Даніельсонъ указываетъ на слова «основные законы», то да позволено будетъ указать ему и другую разницу между манифестами Императора Александра I и Императора Александра III. Въ мани-

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи“, стр. 169—171.

[2]) § 83 Сеймоваго устава. „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ на 1869 г., № 83 и Высочайшій манифестъ $^{6}/_{18}$ декабря 1878 г. „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1878 г., № 25.

фестѣ отъ 15 марта 1809 года [1]) сказано: «вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика *по конституціямъ* ихъ до селѣ пользовались»; въ манифестѣ же $^{2}/_{14}$ марта 1881 г. [2]):—вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика *по установленіямъ* этого края донынѣ пользовались. Слова: «по конституціямъ» замѣнены «по установленіямъ». На это указывалъ г. Ординъ, и указывалъ, что такая замѣна сдѣлана въ манифестѣ Императора Александра II. Но мы не будемъ вдаваться въ этотъ споръ о словахъ «конституціи», «по конституціямъ» и «по установленіямъ»; онъ достаточно исчерпанъ до насъ. Для насъ важно установить, что ни одинъ изъ русскихъ Императоровъ не утверждалъ для Финляндіи ни шведской, ни финляндской конституціи, что всѣ Императоры своими дѣйствіями ясно доказывали, что они никогда не переставали быть Самодержавными Государями. Затѣмъ для насъ важно указать стремленія финляндской сепаратистской партіи, указать ея силы и средства, которыми она стремится достигнуть своей цѣли. Поэтому указавъ, что слову «основные» не слѣдуетъ придавать того значенія, какое ему придаетъ г. Даніельсонъ, мы укажемъ на тѣ особенно выдающіеся факты царствованія Императора Александра III, благодаря которымъ вполнѣ выяснились стремленія сепаратистской партіи; а равно приведемъ и тѣ Высочайшія распоряженія, изъ которыхъ ясно видно, что Императоръ Александръ III предпринялъ рядъ мѣръ, доказывающихъ, что онъ не признавалъ обязательнымъ для себя никакихъ шведскихъ конституціонныхъ законовъ, а считалъ себя Самодержавнымъ Государемъ, неограниченнымъ никакой конституціей.

1889 годъ — фатальный годъ для вожаковъ финляндской сепаратистской партіи. Въ этомъ году финляндскому сейму былъ предложенъ на разсмотрѣніе проектъ новаго уложенія о наказаніяхъ для Финляндіи, выработанный финляндскимъ

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи“, стр. 98.
[2]) Тоже, стр. 170.

сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ; въ этомъ же году былъ законченъ проектъ свода, такъ называемыхъ, основныхъ законовъ великаго княжества, составленный особымъ комитетомъ финляндскихъ юристовъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго прокурора сената Вейсенберга, и наконецъ въ этомъ же году появилось въ русской литературѣ изслѣдованіе г. Ордина «Покореніе Финляндіи», познакомившее русскую публику съ дѣйствительнымъ характеромъ отношеній Финляндіи къ Россіи.

Проектъ уложенія о наказаніяхъ былъ принятъ сеймомъ 19 декабря 1889 г. и даже назначенъ былъ день введенія этого закона въ дѣйствіе. Но, вслѣдствіе доклада г. министра юстиціи, введеніе этого уложенія, по Высочайшему повелѣнію, было пріостановлено, какъ это видно изъ Высочайшаго манифеста $^{1}/_{13}$ декабря 1890 года [1]). Этотъ проектъ былъ вновь пересмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи, состоявшемъ изъ: министра юстиціи, главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ, финляндскаго генералъ-губернатора и министра статсъ-секретаря Финляндіи.

Мы не будемъ цитировать всего, что говоритъ г. Еленевъ по поводу этого закона [2]); мы приведемъ лишь нѣкоторыя постановленія, характеризующія это уложеніе. Всѣ постановленія этого уложенія были направлены къ уничтоженію всякой связи великаго княжества съ Имперіей, эта послѣдняя признавалась въ немъ иностраннымъ государствомъ. Постановленія новаго уложенія совершенно не согласовались съ постановленіями русскихъ законовъ. Въ этомъ уложеніи былъ введенъ цѣлый рядъ спеціальныхъ наказаній за измѣну и посягательство на внѣшнюю безопасность Финляндіи, какъ будто это преступленіе могло совершиться помимо измѣны Императору и посягательства на внѣшнюю безопасность Имперіи, и будто бы уроженцу Финляндіи за такое преступленіе слѣдовало иное наказаніе, чѣмъ указанное въ уложеніи о наказаніяхъ Имперіи; затѣмъ новое уложеніе совершенно не говоритъ о наказаніяхъ за заговоры съ цѣлью измѣненія образа правленія Россійской Имперіи и неприкосновенности границъ ея.

---

[1]) „Сборникъ постановленій“ 1890 г., № 27.

[2]) Elenew, стр. 146—150; „Сборникъ постановленій В. К. Финляндіи“ 1889 г., № 39.

Вообще во всемъ уложеніи Россія признавалась иностранной державой, за подданными которой непризнавалось никакихъ правъ и привиллегій, принадлежащихъ имъ по законамъ въ имперіи. Такъ, въ силу этого уложенія, русскій дворянинъ, по суду въ Финляндіи, могъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію. Это уложеніе не признавало обязательной силы ни русскихъ законовъ, ни трактатовъ, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Все уложеніе стремилось къ тому, чтобы доказать полное пренебреженіе къ Россіи, къ русскимъ законамъ и даже къ Императорскому Дому. По этому новому уложенію насильственныя дѣйствія противъ члена Императорской Фамиліи наказывались тюремнымъ заключеніемъ; а всякое покушеніе противъ свободы преній сейма наказывалось, «по меньшей мѣрѣ», двухъ лѣтнимъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, что въ Финляндіи соотвѣтствуетъ каторжной работѣ. Не менѣе интересенъ въ этомъ уложеніи вопросъ о подсудности преступленій. По уголовному уложенію Финляндіи 1889 г. власть финляндскаго суда не ограничивалась преступленіями, совершенными въ предѣлахъ края. Въ силу этого закона не только финляндскій уроженецъ, но и уроженецъ какой либо изъ губерній Имперіи, подлежалъ вѣдѣнію финляндскаго суда и наказанію по этому уложенію, если онъ совершилъ преступленіе на Финляндскомъ суднѣ (пароходѣ, кораблѣ, баркѣ и даже плотѣ) не только во время пути, но и тогда, когда это судно прибыло уже въ русскій портъ, или на русскую рѣчную пристань, а равно если преступленіе совершено въ раіонѣ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, часть которыхъ, какъ извѣстно, проходитъ по Петербургской губерніи и самому Петербургу. Вслѣдствіе такого постановленія выходили бы курьезы такого рода, что русскій, оскорбившій финна на петербургской станціи финляндской желѣзной дороги или же на баркѣ съ дровами, стоящей у набережной Невы, долженъ былъ бы за свою провинность ознакомиться со всей прелестью финскихъ герадскихъ судовъ съ ихъ лаутаміесами, затратить малую толику на финскаго адвоката, или по меньшей мѣрѣ на переводчика, и вообще ознакомиться съ финскими судебными порядками, съ которыми мы дальше познакомимъ читателя. Наоборотъ, если оскорбителемъ является финнъ, то понятно онъ былъ ненаказуемъ, такъ какъ врядъ ли нашелся бы такой охотникъ до судбищъ, что добровольно поѣхалъ бы судиться въ эту «культурную» страну.

Далѣе, въ силу этого же уложенія всякій финляндецъ, совершившій какое бы то ни было преступленіе заграницей (т. е. въ Россіи) и бѣжавшій затѣмъ въ Финляндію, не могъ быть выданъ иначе какъ по именному Высочайшему повелѣнію, которое требовалось особо по каждому отдѣльному случаю; ходатайство о полученіи такого повелѣнія должно было производиться черезъ финляндскія учрежденія, и было на столько сложно, что прибѣгать къ этому ходатайству возможно было лишь въ крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. «Такимъ образомъ», говоритъ г. Еленевъ, «Финляндія стала бы мѣстомъ убѣжища» для финляндцевъ, которые совершили бы преступленія въ Россіи и противъ русскихъ законовъ [1]).

Изъ этой самой краткой характеристики уложенія, выработаннаго сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ Финляндіи, читатель видитъ, что это не было законодательство, основанное на принципахъ уголовнаго права и уваженія къ законамъ Имперіи завоевательницы, а сборникъ постановленій, стремящихся унизить и оскорбить права не только русскаго народа, но и его Верховнаго Вождя. Къ счастью, введеніе этого уложенія было пріостановлено. Пересмотръ его былъ ввѣренъ русскимъ людямъ.

Какъ это распоряженіе, такъ равно изданіе Высочайшихъ повелѣній: о реформѣ почтовой части [2]) и подчиненіи ея русскому министерству внутреннихъ дѣлъ, объ обязательномъ пріемѣ для размѣна русскихъ кредитныхъ билетовъ по курсу, опредѣляемому министромъ финансовъ [3]) и, наконецъ, присужденіе преміи Академіей Наукъ г. Ордину за его сочиненіе «Покореніе Финляндіи» произвели сильное впечатленіе на вожаковъ, но они не пали духомъ. Они усиленно повели свою пропаганду и выставили всѣ свои силы. Въ брошюрахъ они громко затрубили о попраніи ихъ измышленныхъ правъ; въ газетахъ, по поводу почтовой реформы, «открыто раздался призывъ къ неповиновенію» [4]), и наконецъ представители этого «вѣрнаго народа» на сеймѣ 1891 г. заговорили объ «особой финляндской конституціи», да-

---

[1]) Elenew, стр. 147.

[2]) К. Малышевъ, „Общ. улож. Финляндіи“, стр. 348—349; „Сборн. постан. В. К. Финляндіи“ 1890 г., № 16.

[3]) К. Малышевъ, „Общ. улож. Финляндіи“, стр. 497—498; „Сборн. постан. В. К. Финляндскаго“ 1890 г., № 19.

[4]) Elenew, стр. 145.

рованной Императоромъ Александромъ I. г. Еленевъ не упоминаетъ объ этихъ рѣчахъ, можетъ быть считая ихъ извѣстными въ русской литературѣ; но мы смотримъ нѣсколько иначе. Мы считаемъ нужнымъ напомнить о нихъ, даже если они и извѣстны въ литературѣ, и привести выдержки этихъ рѣчей, чтобы доказать справедливость высказаннаго нами мнѣнія, что ядъ сепаратистскаго ученія проникъ уже и въ народныя массы.

Передъ нами протоколъ открытія сейма 24 января 1891 г. [1]). Въ этомъ протоколѣ приведены четыре рѣчи, произнесенныя ландмаршаломъ и тремя тальманами сословій: духовенства, горожанъ и крестьянъ, въ отвѣтъ на прочитанную генералъ-губернаторомъ графомъ Гейденомъ рѣчь Государя объ открытіи сейма. Три первыхъ рѣчи произнесены на шведскомъ языкѣ и лишь послѣдняя на финскомъ. Рядомъ съ подлиннымъ текстомъ помѣщены переводы этихъ рѣчей на русскій языкъ. Этихъ переводовъ мы и будемъ придерживаться.

Первымъ говорилъ ландмаршалъ тайный совѣтникъ Викторъ фонъ-Гартманъ [2]). Въ началѣ своей рѣчи ораторъ вспоминаетъ о первомъ сеймѣ страны при ея государственномъ устройствѣ, «когда за народомъ нашимъ какъ за отдѣльной націей [3]) признано было право свободно въ своей средѣ, подъ сѣнью своихъ законовъ и обычаевъ, трудиться и дѣйствовать для собственныхъ интересовъ родины», и затѣмъ ораторъ говоритъ, что финскій народъ развивался совершенно спокойно и былъ доволенъ своимъ новымъ политическимъ положеніемъ. «Спокойное движеніе впередъ» однако теперь нарушилось, и послѣдній годъ принесъ для финскаго народа неожиданныя и тяжелыя испытанія, къ которымъ самъ народъ, на сколько ему извѣстно, не подавалъ никакого дѣйствительнаго повода, и «будущее также представляется намъ неизвѣстнымъ и угрожающимъ» [4])... «Но какъ съ одной стороны, рыцарство и дворянство вмѣстѣ со всѣмъ финскимъ народомъ вполнѣ сознаетъ, что никогда еще не нарушало своего долга по отношенію къ Монарху и Русскому государству, такъ съ другой стороны, только въ повино-

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1891 г., № 12.
[2]) Тамъ же, стр. 3—6.
[3]) Очевидно, ораторъ говоритъ о Борговскомъ сеймѣ 1809 г.
[4]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1891 г., № 12, стр. 4.

веніи закону, въ уваженіи права и въ точномъ примѣненіи нашей торжественно утвержденной конституціи, рыцарство и дворянство видятъ вѣрный залогъ спокойствія и блага отечества. Поскольку Монархъ принимаетъ участіе въ судьбахъ народа, по скольку Онъ поддерживаетъ то положеніе, какого требуетъ просвѣщеніе и правовое чувство народа, Онъ найдетъ награду въ сердцахъ народа». [1]).

Изъ рѣчи тальмана сословія духовенства, архіепископа Ренваля, приведемъ лишь одно мѣсто.

«Духовное сословіе питаетъ поэтому твердую надежду на то, что наша родина, при ненарушимомъ сохраненіи ея законовъ и утвержденной на всегдашнія времена конституціи, по прежнему будетъ пользоватся могущественнымъ покровительствомъ и милостивымъ попеченіемъ Его Императорскаго Величества» [2]).

Въ рѣчи тальмана сословія горожанъ, коммерціи совѣтника Куртейна отмѣтимъ слѣдующее:

«Такъ какъ послѣ предъидущаго сейма Его Величеству угодно было Высочайше предначертать сближеніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ между Финляндіею и Имперіею и часть мѣропріятій, предпринятыхъ съ этой цѣлью, возбудили безпокойство и опасенія въ странѣ, то сословіе горожанъ питаетъ твердую надежду на то, что земскимъ чинамъ Финляндіи предоставлено будетъ высказаться о средствахъ и способахъ для осуществленія милостивыхъ намѣреній Его Величества и что тѣ измѣненія, какія могутъ оказаться необходимыми и полезными, будутъ проведены въ согласіи съ дѣйствующими въ странѣ, Его Величествомъ торжественно утвержденными основными законами» [3]).

Изъ рѣчи послѣдняго оратора, *тальмана сословія крестьянъ, крестьянина Слотте*, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ:

Высказавъ просьбу «повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества» „вѣрноподданическія чувства, Слотте продолжаетъ: «Въ теченіи восьми десятилѣтій финскій народъ въ соединеніи съ могущественнымъ Россійскимъ государствомъ

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1891 г., № 12, стр. 5.
[2]) Тамъ-же, стр. 7.
[3]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1891 г., № 12, стр. 8—9.

жилъ счастливо подъ охраною собственныхъ своихъ законовъ. Поэтому все, что поддерживаетъ эти законы, вызываетъ въ немъ чувство радости, тогда какъ все, угрожающее имъ опасностью, глубоко его печалитъ. Крестьянское сословіе Финляндіи не исполнило бы своего долга, если-бы не высказало всеподданнѣйше, что то тихое спокойствіе, которое еще недавно царило въ умахъ, въ послѣднее время въ бѣднѣйшихъ даже хижинахъ смѣнилось безпокойствомъ и скорбью»... «Онъ (финскій народъ) знаетъ, что блаженныя памяти Императоръ Александръ I утвердилъ, по собственнымъ Его словамъ, на всегдашнія времена особенную конституцію сего края, подъ державою Его и Его Наслѣдниковъ» [1]).

На эти рѣчи послѣдовалъ отвѣтъ Государя Императора Александра III, изложенный въ Высочайшемъ рескриптѣ Его на имя генералъ-губернатора отъ 28 февраля 1891 года. [2]).

Этотъ рескриптъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важное значеніе, какъ опредѣленное выраженіе взгляда Государя на дѣйствительное положеніе Финляндіи по отношенію къ Россійской Имперіи.

Редакція этого знаменательнаго акта исключительно принадлежитъ Его Императорскому Величеству, безъ всякаго участія министра статсъ-секретаря Финляндіи, или другихъ финляндскихъ сановниковъ, такъ какъ этотъ рескриптъ подписанъ единолично Государемъ, безъ обычной скрѣпы министра статсъ-секретаря. Можетъ быть текстъ, этого рескрипта и извѣстенъ русской публикѣ; можетъ быть, намъ скажутъ, что мы повторяемъ зады, что новаго мы ничего не говоримъ, но не претендуя на роль новатора, мы не можемъ отказать себѣ въ наслажденіи напомнить русскимъ людямъ по истинѣ великія слова Русскаго Царя, твердо высказавшаго свое могучее осужденіе финскимъ фантазіямъ. Поэтому мы приведемъ дословно этотъ рескриптъ:

«Генералъ губернатору Финляндіи».

«При открытіи вами, по Моему повелѣнію, $^{8}/_{20}$ января сего года сейма земскихъ чиновъ въ Финляндіи, ландмаршалъ и тальманы сословій, повергая Мнѣ чувства вѣрноподданниче-

---

[1]) Тоже, стр. 9—11.

[2]) Тоже, 1891 г., № 13.

ской преданности, почли при этомъ своимъ долгомъ довести до Моего свѣдѣнія о тревожномъ настроеніи въ краѣ, вызванномъ нѣкоторыми мѣропріятіями, предначертанными Мною въ цѣляхъ достиженія болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской Державы».

«Непрестанныя попеченія Мои о благосостояніи и внутреннемъ развитіи Финляндіи и многочисленныя доказательства Моего благоволенія и довѣрія къ ея населенію не оправдываютъ подобнаго настроенія въ краѣ».

«Только невѣрное истолкованіе тѣхъ началъ, на коихъ зиждутся отношенія Великаго Княжества къ Имперіи, къ Верховной власти, и распространеніе сихъ заблужденій среди населенія, во вредъ истиннымъ его интересамъ, могли породить такое прискорбное явленіе. Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ по волѣ блаженныя памяти Императора Александра I особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Такое удостовѣреніе подтверждено было и Его Державными Преемниками».

«Сіи права и преимущества, особое церковное устройство и законы края, не только сохраняютъ по нынѣ свое дѣйствіе, но и получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе въ соотвѣтствіи потребностямъ Финляндіи. Такимъ образомъ судьба Великаго Княжества подъ скипетромъ Россійскимъ доказала, что единеніе его съ Россіей не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ его учрежденій, а достигнутое Финляндіей благосостояніе непреложно свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ ея выгодамъ. Тѣмъ не мѣнѣе несогласность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями, и недостаточная опредѣленность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ, къ сожалѣнію, поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ Государства Россійскаго. Я надѣюсь однако, что благоразуміе финскаго народа разсѣетъ это заблужденіе, а правильное пониманіе собственныхъ выгодъ побудитъ его стремиться къ вящему скрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіей».

«Поручаю вамъ передать отъ Моего Имени Моимъ вѣрноподданнымъ въ Финляндіи, что Я расположенъ относиться съ прежнимъ благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими Монархами права и преимущества, и что въ намѣренія Мои не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія».

«Я вѣрю выраженнымъ черезъ ландмаршала и тальмановъ сейма вѣрноподданническимъ чувствамъ ко Мнѣ всѣхъ сословій края, сердечно благодарю за нихъ, и вправѣ ожидать отъ преданности Мнѣ населенія Финляндіи единодушнаго содѣйствія къ осуществленію Моихъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіей».

«Александръ».

«С.-Петербургъ. 28 февраля 1891 г.».

Изъ только что приведенныхъ нами документовъ, относящихся къ сейму 1891 года, являются вполнѣ доказанными положенія:

1) Что финляндское сепаратистское ученіе о Финляндіи, какъ отдѣльномъ государствѣ, имѣющемъ свои основные законы и свою особую конституцію, торжественно утвержденные «на вѣчныя времена» Императоромъ Александромъ I, было распространено среди всѣхъ сословій финскаго народа, *не исключая и крестьянъ*.

2) Что Императоръ Александръ III находилъ такое ученіе *заблужденіемъ*, распространеніе котораго среди народа вредитъ «истиннымъ его интересамъ.

3) Что Финляндія не государство, а лишь «финляндскій край», состоящій «*въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской*.

Такія положенія являются доказанными для всякаго здравомыслящаго человѣка, но не для финляндскихъ фантазеровъ.

Они не могутъ разстаться съ своими «заблужденіями», никакія доказательства на нихъ не дѣйствуютъ, это ясно выразилось въ постановленіи того же сейма 1891 г., которому былъ объявленъ приведенный нами рескриптъ отъ 28 февраля 1891 года.

На этомъ сеймѣ, согласно 1-го пункта Высочайшаго манифеста $^{1}/_{13}$ декабря 1890 года, было сдѣлано предложеніе объ

измѣненіи новыхъ уголовныхъ законовъ 19 декабря 1889 г. Не смотря на то, что проектъ измѣненія этихъ уголовныхъ законовъ былъ составленъ особымъ совѣщаніемъ, заключеніе котораго было одобрено Государемъ [1]), сеймъ 1891 года, послѣ рескрипта отъ 28 февраля 1891 г., нашелъ возможнымъ отвергнуть почти всѣ измѣненія и возстановить прежнія постановленія. Замѣчательнѣе всего, что *Императорскій финляндскій сенатъ*, повергая на Высочайшее усмотрѣніе постановленіе земскихъ чиновъ, не согласившихся на измѣненія уголовныхъ законовъ, *поддерживалъ* постановленіе сейма. Но какъ постановленіе земскихъ чиновъ, такъ и представленіе сената не были уважены Государемъ, и измѣненные уголовные законы вновь были предложены сейму, созванному $^{10}/_{22}$ января 1894 года, и только этимъ сеймомъ были приняты уголовные законы со всѣми измѣненіями, указанными въ проектѣ [2]). Проектъ этотъ былъ принятъ безъ возраженій, такъ какъ въ рѣчи Императора Александра III, объявленной при открытіи сейма 1894 г., было сказано, что эти законы предлагаются сейму «въ окончательной уже редакціи» [3]).

«Сеймъ понялъ значеніе этихъ словъ», говоритъ г. Еленевъ, «онъ увидѣлъ, что верховная власть намѣрена на этотъ разъ дѣйствовать твердо, и что отнынѣ рѣшено не терпѣть болѣе захвата принадлежащаго ей права послѣдняго слова въ дѣлѣ законодательства. Это дѣло финляндскаго уложенія о наказаніяхъ ясно показываетъ, къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ въ Финляндіи можетъ привести система редактированія законовъ сенатомъ безъ участія центральныхъ учрежденій Имперіи, компетентныхъ въ дѣлахъ законодательства» [4]).

Такимъ образомъ закончилось дѣло съ этимъ новымъ уложеніемъ. Сепаратистской партіи былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Но какъ созданіе этого тенденціоннаго законодательства, такъ и усиліе во что бы то ни стало провести этотъ законъ, должно было указать, гдѣ кроются главныя силы этой партіи. Исторія этого уложенія должна была ясно показать, куда стремятся

---

[1]) „Сборникъ постановл. В. К. Финляндскаго“ 1890 г., № 27.

[2]) Рѣшеніе земскихъ чиновъ В. К. Финляндскаго § 1, „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1895 г., № 24.

[3]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1894 г., № 13.

[4]) Elenew, стр. 150—151.

Императорскій финляндскій сенатъ и статсъ-секретаріатъ Финляндіи, эти два учрежденія, которымъ русскіе Государи оказывали въ теченіи почти вѣковаго періода неограниченное довѣріе. Насколько намъ извѣстно, дѣйствія этихъ двухъ учрежденій никогда не подвергались контролю русскихъ государственныхъ установленій, и до 1890 г. русскіе государственные дѣятели никогда не принимали никакого участія въ составленіи законодательныхъ актовъ этого края. Исторія составленія и поддержки этого новаго уложенія финляндскимъ сенатомъ, полагаемъ, указала на своевременность и крайнюю необходимость привлеченія русскихъ людей, если не къ участію въ подготовкѣ, то покрайней мѣрѣ къ контролю изготовленныхъ законодательныхъ актовъ этой привиллегированной окраины. Признаніе своевременности вмѣшательства русскихъ учрежденій въ финляндское законодательство видно изъ учрежденія особой коммиссіи по пересмотру проекта основныхъ законовъ Великаго Княжества, составленнаго финляндскимъ сенатомъ, и образованія коммиссіи при министерствѣ финансовъ по пересмотру таможеннаго устава.

Къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно изъ книги г. Еленева, изданной въ 1895 г., и послѣднихъ извѣстій газеты «Новое Время», обѣ эти коммиссіи смѣшанныя, т.-е. составленныя изъ русскихъ и финляндцевъ [1]). Эти коммиссіи еще неокончили возложеннаго на нихъ порученія [2]), и мы думаемъ, что главнымъ тормазомъ къ окончанію ихъ труда служитъ финляндская партія, такъ какъ для этой партіи весьма выгодно отдалить время приведенія въ порядокъ дѣйствующаго въ краѣ законодательства, такъ какъ «только несогласность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи и недостаточная опредѣленность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи» [3]), даютъ возможность финляндской партіи распространять свои фантазіи. Она понимаетъ, что съ приведеніемъ въ порядокъ этого законодательства имъ труднѣе будетъ вести пропаганду.

---

[1]) Elenew, стр. 116; „Новое Время“ № 7230 16 апрѣля 1896 г., стр. 3 „Среди газетъ“.

[2]) „Новое Время“ № 7231 отъ 17/29 апрѣля 1896 г., стр. 3. „Корреспонденція изъ Гельсингфорса“.

[3]) Высочайшій рескриптъ 28 февраля 1891 г. „Сборн. пост. В. К. Финляндскаго“ 1891 г., № 13.

Вотъ главная причина почему начинанія трехъ Императоровъ, Николая I, Александра II и Александра III, составить сводъ законовъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, при помощи финляндскихъ юристовъ, до настоящаго времени не имѣли успѣха. Какъ мы уже видѣли, первая коммиссія была учреждена въ 1835 г. и въ теченіи слишкомъ 60 лѣтъ сводъ законовъ не составленъ. Такой опытъ, полагаемъ, долженъ привести къ несомнѣнному заключенію, что гг. финляндскіе юристы не желаютъ *упорядочить* законодательства края. А разъ они не желаютъ, то и не слѣдовало бы ихъ и утруждать такой работой; а вѣрнѣе было бы поручить дѣло русскимъ государственнымъ установленіямъ, безъ всякой помощи со стороны гг. финляндскихъ воротилъ. Авось дѣло пошло бы скорѣе. Ихъ участіе только вредитъ дѣлу, и они сознаютъ это, и кичатся этимъ.

Это подтверждается корреспонденціей изъ Гельсингфорса, помѣщенной въ № 7231 «Новаго Времени» отъ $^{17}/_{29}$ апрѣля 1896 г. Въ этой корреспонденціи говорится, что въ Гельсингфорсѣ наблюдается нѣчто «такое», что «наполняетъ воздухомъ крылья». Подъемъ духа «сторонниковъ» обособленности края основывается на слухахъ, почерпнутыхъ изъ «достовѣрныхъ источниковъ» финляндскихъ кружковъ Петербурга, будто бы «начатыя реформы не будутъ доведены до конца, что изъ кодификаціи основныхъ законовъ края—ничего не выйдетъ, что финское войско не будетъ объединено съ русской арміей, что таможня продлитъ свое существованіе и т. п.». Но будемъ надѣяться, что эти слухи *финляндскія дикія утки*; мы твердо вѣримъ, что не далеко то время, когда осуществятся предначертанія покойнаго Императора Александра III, клонящіяся къ «укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіей» [1]).

Мы высказали мысль, что финляндскимъ воротиламъ нежелательно строго опредѣленное установленіе отношеній Финляндіи съ Имперіей, что они затягиваютъ кодификацію основныхъ законовъ края, и полагаемъ, что это мнѣніе подтверждается проектомъ свода основыхъ законовъ, выработаннымъ финляндскимъ сенатомъ. Этотъ проектъ сильно распространенъ въ Финляндіи. Онъ ходитъ по рукамъ, но финляндцы народъ осторожный, русскому они не довѣрятъ такого документа, почему мы

[1]) Высочайшій рескриптъ 28 февраля 1891 г.

можемъ сказать лишь со словъ г. Еленева [1]), что этотъ проектъ не болѣе какъ краткое изложеніе другого проекта, выработаннаго въ 1889 году особымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго прокурора сената, г. Вейсенберга.

Проекту Вейсенберга г. Еленевъ посвящаетъ 152—183 страницы своего сочиненія. Мы не станемъ приводить всего, что говоритъ г. Еленевъ объ этомъ проектѣ, даже не станемъ приводить текста статей знаменитаго проекта, а лишь приведемъ общую и совершенно вѣрную характеристику «воплощенія» финляндскаго сепаратистскаго ученія, сдѣланную г. Еленевымъ. Приводить подробности этого одного изъ «мертворожденныхъ дѣтищъ» финляндской фантазіи мы считаемъ излишнимъ. Фантазія эта никогда не осуществится, такъ какъ оба проекта, г. Вейсенберга и финляндскаго сената, не только не удостоились утвержденія, но даже не были переданы на разсмотрѣніе сейма, и можно навѣрное сказать, что они не послужатъ не только основой, но и подспоріемъ при работахъ кодификаціонной коммиссіи финляндскихъ законовъ, учрежденной въ Петербургѣ.

Проектъ комитета г. Вейсенберга носитъ громкое названіе: «Форма Правленія для Великаго Княжества Финляндскаго». Основой этой «Формы правленія» служатъ все тѣ же конституціонные шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ. Всѣ же законодательные акты, изданные Россійскими Императорами съ 1809 г. по 1863 г., какъ не бывшіе въ разсмотрѣніи сейма, комитетъ г. Вейсенберга не признаетъ. Равнымъ образомъ этотъ комитетъ изъ основныхъ законовъ Россійской Имперіи признаетъ обязательными лишь законы престолонаслѣдія. Мотивы къ своему проекту комитетъ начинаетъ объясненіемъ; какіе законы должны быть признаны дѣйствительно основными законами Финляндіи, и тутъ же перечисляетъ одинъ за другимъ основные законы Швеціи, начиная съ XIV столѣтія, указывая на тѣ изъ нихъ, кажія по его мнѣнію могутъ быть признаны пригодными для Финляндіи. Въ самомъ же проектѣ «Формы правленія» комитетъ дѣлаетъ тщательный выборъ статей того или другого изъ древнихъ шведскихъ законовъ, которые служатъ лучшимъ основаніемъ къ наибольшему ограниченію власти русскихъ Государей, въ области администраціи и законодательства [2]).

---

[1]) Elenew, стр. 152.

[2]) Elenew, стр. 152—155.

Послѣ этой общей характеристики проекта комитета Вейсенберга г. Еленевъ указываетъ на нѣкоторыя изъ его статей и дѣлаетъ подробный разборъ ихъ. При этомъ часто оказывается, что желая подтвердить свою законодательную фантазію прежними законами, авторы проекта дѣлаютъ совершенно произвольныя и невѣрныя ссылки на шведскіе законы, неимѣющіе никакого отношенія къ созданнымъ ими постановленіямъ. Такому разбору г. Еленевъ посвящаетъ страницы 155—181 и затѣмъ говоритъ: «Таковъ этотъ проектъ, созданный усиліями комитета подъ предсѣдательствомъ Вейсенберга. Вмѣсто того, чтобы заняться скромнымъ, но болѣе полезнымъ и довѣреннымъ трудомъ, состоящимъ въ собраніи законовъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи и признанныхъ таковыми Высочайшей властью,— онъ захотѣлъ создать съ ногъ до головы новое законодательство. Изъ восьми финляндскихъ губерній онъ захотѣлъ образовать отдѣльное государство, имѣющее свое отдѣльное положеніе въ средѣ современныхъ народовъ; въ этомъ государствѣ вся дѣйствительная власть принадлежала бы сейму и сенату. Этому послѣднему онъ старается доставить положеніе замѣстителя отсутствующаго Императора. Что же касается Россійскаго Императора, то ему онъ даруетъ совершенно отрицательное право противопоставить свое veto рѣшеніямъ сейма, если Онъ признаетъ это за благо; но безъ всякой возможности проявить свое вліяніе на законодательство Великаго Княжества, какъ бы это ни было необходимо въ общихъ интересахъ Имперіи»... «Это, если угодно, кодификація, но кодификація и освѣщеніе всей автономной финляндской теоріи»... «Она (теорія) въ немъ (проектѣ) нѣкоторымъ образомъ реализировалась въ глазахъ финляндцевъ; она въ немъ воплощается и входитъ въ область права» [1]).

Затѣмъ г. Еленевъ говоритъ, что составители какъ этого проекта, такъ и втораго проекта сената, вѣроятно, разсчитывали, что ихъ труды не будутъ переданы на обсужденіе русскихъ правительственныхъ учрежденій, а непосредственно перейдутъ въ сеймъ, гдѣ, понятно, будутъ приняты. Мы не совсѣмъ согласны съ г. Еленевымъ; мы думаемъ, что такія мечты могли обуять возбужденное воображеніе г. Вейсенберга и его сотрудниковъ, но составители втораго проекта, который, если мы не ошибаемся, былъ законченъ послѣ распоряженія о пріостанов-

[1]) Elenew, стр. 183.

ленiи введенiя уложенiя 1889 г., не могли предаваться такимъ иллюзiямъ. Они хорошо знали, какъ о пріостановленiи уложенiя, такъ и о томъ, что печатаніе въ мѣстныхъ газетахъ проекта Вейсенберга было пріостановлено цензурой. Все это должно было охладить пылкое воображеніе сенатскихъ законодателей, и они должны были составить нѣчто другое, а не «краткое изложеніе проекта Вейсенберга». Но, какъ говоритъ г. Еленевъ со словъ финляндскихъ писателей, сенатъ лишь резюмировалъ проектъ Вейсенберга. Такое дѣйствіе сената кромѣ крайней смѣлости доказываетъ, что у нихъ былъ нѣсколько другой разсчетъ; они, вѣроятно, разсчитывали на то, что случилось; т.-е. разсчитывали отдалить по возможности время составленiя дѣйствительнаго свода законовъ. Такимъ только разсчетомъ и можно объяснить появленіе сенатскаго проекта. Послѣ пріостановленiя «Уложенiя», послѣ пріостановленiя печатанiя проекта Вейсенберга, нельзя было предполагать, чтобы существовало прежнее безграничное довѣріе. Это понимали гг. сенаторы, но они вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо знали, что если этотъ проектъ будетъ пересматриваться, то онъ будетъ пересматриваться въ коммиссiи съ участiемъ гг. финляндцевъ. Ихъ разсчетъ оправдался, финляндцы были призваны, и если оправдаются слухи, указанные г. корреспондентомъ «Новаго Времени» о томъ, что предначертанныя покойнымъ Государемъ реформы не осуществятся, то гг. составители втораго проекта блестяще выполнили свой планъ: они затянули реформы, безусловно необходимыя для охлажденiя воспаленнаго финляндскаго мозга. А это только и нужно! Имъ нужно время для полнаго укорененiя въ народныхъ массахъ финляндскаго ученiя. Имъ нуженъ туманъ неопредѣленности отношенiй Финляндiи къ Россiи, только въ этомъ туманѣ они могутъ безпрепятственно работать, какъ работали давно ихъ предшественники. Имъ нужно во что бы то ни стало еще нѣсколько лѣтъ сохранить настоящее положенiе.

Не смотря на полное уваженiе къ г-ну Еленеву, мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ, что въ этихъ проектахъ выразились намѣренiя сепаратистовъ; это далеко не послѣднее ихъ слово. Равнымъ образомъ мы не согласны съ г. Еленевымъ, что гг. сепаратисты «испугались» событiй 1890—1891 годовъ; они не похожи на запуганныхъ, пришибленныхъ. Повторяемъ, они идутъ вѣрнымъ путемъ къ точно опредѣленной цѣли, и если имъ удастся сохранить еще нѣсколько лѣтъ statu quo, то

они громко, на весь міръ крикнутъ свое послѣднее слово, сознавая, что это слово поддержитъ двухмилліонное населеніе лютеранско-финскихъ крестьянъ, на преданность которыхъ напрасно надѣется г. Еленевъ.

Все это мы постараемся доказать, теперь же возвратимся къ труду г-на Еленева. Находя, что въ двухъ проектахъ свода основныхъ законовъ Финляндіи высказались всѣ намѣренія финляндскихъ сепаратистовъ, онъ этимъ заканчиваетъ свою книгу.

Въ своемъ заключеніи, обнимающемъ 193—195 стран., онъ резюмируетъ все высказанное въ восьми главахъ его сочиненія и говоритъ: «Къ счастію или къ несчастію,—оба выраженія здѣсь примѣнимы, Россія знаетъ, что она болѣе сильная—къ счастію, такъ какъ она увѣрена, что всегда можетъ помѣшать сепаратистской оппозиціи идти дальше чѣмъ слѣдуетъ; къ несчастію—потому, что сознаніе силы было до сихъ поръ причиной ея черезчуръ сильнаго долготерпѣнія. Какъ бы то ни было, она знаетъ, что наиболѣе шумящіе—составляютъ лишь горсть людей»;.. «—если предположить, что даже все среднее сословіе, адвокаты, профессора, чиновники, землевладѣльцы, принадлежитъ къ этому движенію, то и тогда оказалась бы крайне незначительная часть народонаселенія Великаго Княжества; *масса въ полномъ составѣ здорова.* Массу эту составляютъ крестьяне, они составляютъ девяносто процентовъ населенія. Крестьяне же, по свидѣтельству всѣхъ знающихъ Финляндію, никогда не были затронуты пропагандой шведскихъ сепаратистовъ». Далѣе онъ говоритъ: «Финляндія имѣетъ свои отдѣльные законы и свое особое управленіе въ предѣлахъ великаго русскаго организма. Въ Россіи никто не требуетъ уничтоженія ни ея законовъ, ни ея управленія» [1]). Онъ заканчиваетъ свою книгу пожеланіемъ, чтобы Финляндія, понимающая свое должное положеніе въ Имперіи,—«сохраняющая свои особенности» и привиллегіи, была бы драгоцѣнной жемчужиной, въ соединеніи съ другими, въ священной коронѣ Россійскихъ Императоровъ [2]).

Соглашаясь вполнѣ съ опредѣленіемъ причинъ «долготерпѣнія» Россіи по отношенію къ Финляндіи, высказаннымъ г. Еле-

---

[1]) Elenew, стр. 193—194.

[2]) Elenew, стр. 195.

невымъ, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ исчисленіемъ силъ сепаратисткой партіи, съ увѣреніемъ, что никто въ Россіи не желаетъ измѣненія существующаго устройства Финляндіи и съ пожеланіемъ сохраненія ея «особенностей».

Говоря о силахъ сепаратистской партіи, г. Еленевъ совершенно умалчиваетъ «о финскихъ войскахъ», а эта сила не маленькая, да и сила обученная. Мы не можемъ указать точное количество этого войска; но мы полагаемъ, такого войска вмѣстѣ съ резервами и ополченіемъ въ настоящее время числится болѣе 80 тысячъ человѣкъ, что составляетъ болѣе 3% всего населенія (3.2%). Но дѣло не въ цыфрѣ, а въ томъ, къ какому разряду слѣдуетъ причислить этотъ классъ населенія: къ здоровымъ или къ зараженнымъ сепаратистскимъ ядомъ? Полагаемъ, что къ здоровымъ причислить войска нельзя. Вѣдь это люди, которыхъ съ 1881 г. (годъ введенія Устава о воинской повинности) заставляли присягать въ силу § 88 Устава о воинской повинности сейму. При этомъ, мы полагаемъ, имъ разъясняли и дарованную «на вѣчныя времена конституцію» и прочія «соглашенія» Борговскаго сейма. Вѣдь на это гг. начальствующіе имѣли полное право, такъ какъ нельзя заставлять присягать людей, не разъяснивъ имъ значенія присяги, а присяга дѣлается согласно § 18 «Формы правленія». слѣдовательно можно разъяснить, что такое «Форма правленія» и указать права Верховной власти въ силу этихъ законовъ.

Однимъ словомъ, § 88 открывалъ большой просторъ для внушеній различныхъ догматовъ финляндскаго ученія. При такомъ положеніи врядъ ли возможно причислить финскія войска къ населенію, не вкусившему плода отъ древа финляндскихъ фантазій. Принимая же во вниманіе, что присягнувшій по § 88 и получившій достодолжныя внушенія солдатъ, по окончаніи срока службы возвращается въ крестьянскую среду, всѣ внушенія черезъ него попадаютъ въ этотъ простой народъ, зачастую въ дополненномъ собственной фантазіей видѣ. Пишушему эти строки пришлось самому слышать сужденіе.: «вашъ (т. е. русскихъ) Царь—у насъ только Великій Князь; вы присягаете Царю, а Онъ присягаетъ нашему сейму». Мы не понимали, откуда могла взяться такая нелѣпость; но узнавъ о § 88, мы поняли, что это прямое послѣдствіе воинской присяги. Вѣдь Императоръ глава войска, а войско присягаетъ сейму, значитъ и глава долженъ присягать тому же сейму. Это совершенно логичный выводъ,

сдѣланный политически неразвитымъ человѣкомъ. Такое разсужденіе мы слышали въ деревнѣ прихода Рускіала, Сердобольскаго уѣзда. Полагаемъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ придти къ заключенію, что при существованіи § 88 Устава о воинской повинности, финскія войска не только слѣдуетъ считать зараженными финляндской сепаратистской горячкой, но ихъ должно признать лучшими распространителями этой заразы среди крестьянскаго населенія Финляндіи.

Затѣмъ г. Еленевъ утверждаетъ, что крестьянское сословіе незатронуто сепаратистскимъ ученіемъ. Мы не принадлежимъ къ знатокамъ финскаго народа, мы знаемъ самый микроскопическій кусочекъ этого края, но мы съ увѣренностью, не на основаніи своего взгляда, а оффиціальныхъ документовъ, можемъ удостовѣрить невѣрность этого сужденія гг. «знатоковъ финскаго народа». Въ этой же главѣ мы привели рѣчь тальмана крестьянскаго сословія *крестьянина* Слотте, сказанную имъ 24 января 1891 года. Изъ этой рѣчи ясно видно, что фантазіи гельсингфорскихъ вожаковъ проникли въ это сословіе, и оно открыто высказываетъ ихъ черезъ своихъ представителей.

Итакъ, не слѣдуетъ увлекаться, что фантазеровъ «горсть», что мы ихъ шапками закидаемъ. Нужно прямо смотрѣть въ глаза опасности и не уменьшать силу противника, нужно лишь принять мѣры къ устраненію опасности, нужно во время прервать горячку—прекратить бредъ.

Г. Еленевъ говоритъ, что въ Россіи никто не «требуетъ» уничтоженія особыхъ законовъ и особаго управленія края. «Требовать», положимъ, никто не имѣетъ права; но желать, высказывать свое мнѣніе о необходимости отмѣны этого особаго управленія и этихъ особыхъ законовъ *имѣетъ право каждый русскій*, для котораго дорога честь родной земли, для котораго дорога русская кровь. И этимъ правомъ пользуются наши лучшія газеты, служащія отголоскомъ общественнаго мнѣнія.

Послѣднія слова заключенія разсмотрѣннаго нами сочиненія г. Еленева прямо противорѣчатъ общей мысли его сочиненія и историческому правилу, указанному имъ: «провинція, одаренная отдѣльными правительственными учрежденіями, не замедлитъ мечтать о преимуществахъ, аналогичныхъ въ политическомъ смыслѣ» [1]). Приведя этотъ, такъ сказать, историческій за-

[1]) Elenew, стр. 43

конъ, г. Еленевъ приводитъ во всей своей книгѣ массу доказательствъ, что мечты о политической самостоятельности составляютъ душу финляндскаго ученія, и ученіе это г. Еленевъ считаетъ вреднымъ послѣдствіемъ «одаренія провинціи отдѣльными правительственными учрежденіями» и желаетъ полнаго уничтоженія этого ученія. Намъ кажется совершенно логичнымъ, желая уничтоженія послѣдствій, желать прежде всего уничтоженія причины, породившей эти послѣдствія; иначе и не могутъ быть уничтожены и послѣдствія. Поэтому заключительныя слова г. Еленева являются прямымъ противорѣчіемъ основной идеи всего его сочиненія. Не смотря на глубокое наше уваженіе къ труду г. Еленева, мы не можемъ не указать на этотъ недостатокъ его труда.

Заканчивая нашъ, сознаемся, весьма бѣглый и далеко не полный отчетъ о книгѣ г. Еленева «*Les prétentions des séparatistes finlandais*», мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько иное желаніе для блага самой Финляндіи.

Мы желаемъ, чтобы скорѣе наступило то время, когда Финляндія, забывъ всякія ученія объ «уніи» и тому подобныхъ нелѣпостяхъ, слилась-бы въ одно нераздѣльное, неразрывное цѣлое съ великимъ «русскимъ организмомъ», и чтобы Финляндія вмѣстѣ со всѣми народами, населяющими Великую Россійскую Имперію, составили одно могущественное государство подъ державнымъ управленіемъ единаго Россійскаго Императора, государство, въ предѣлахъ котораго былъ бы *одинъ законъ и одинъ государственный языкъ*.

Глава V.

Возникновеніе и конечная цѣль ученія партіи финляндской независимости.

Оканчивая вторую главу нашей книги, мы обѣщали указать цѣль, къ которой стремятся вожаки финляндской сепаратистской партіи, ради достиженія которой они не брезгаютъ никакими средствами. Цѣль эту чрезвычайно ясно и опредѣленно высказываетъ одинъ изъ болѣе энергичныхъ проповѣдниковъ финляндскаго ученія--профессоръ гельсингфорскаго университета Іоганнъ Рихардъ Даніельсонъ. Этотъ проповѣдникъ, ради проведенія идеи финляндской самостоятельности, готовъ грѣшить противъ исторической правды, не смотря на то, что самъ занимаетъ кафедру исторіи.

Въ своей брошюрѣ «Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державою» г. профессоръ находитъ, что для правильной оцѣнки событій 1808—1809 годовъ «недостаточно» тщательное изученіе исторіи Финляндіи въ царствованіе Густава III и Екатерины II [1]). По его мнѣнію, источники этихъ событій нужно искать гораздо раньше, и слѣдуя такому взгляду, онъ доказываетъ, что еще при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ Россія стремилась къ образованію изъ Финляндіи отдѣльнаго самостоятельнаго государства. Въ подтвержденіе чего онъ ссылается на манифестъ Императрицы, данный въ Москвѣ 18 марта 1742 г. ст. стиля, на пренія, происходившія въ государственной конференціи 24 февраля 1743 года, при подробномъ обсужденіи условій мира со Швеціей [2]), и на рескриптъ Императрицы на имя русскаго посланника въ Стокгольмѣ Никиты Панина отъ 30 ноября 1749 г. [3]). Въ первомъ изъ этихъ актовъ Императрица предлагала

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державой“, стр. 25

[2]) Тоже, стр. 23—24.

[3]) Тоже, стр. 25.

финляндцамъ помощь Россіи къ «созданію самостоятельнаго финляндскаго государства». При преніяхъ о мирѣ со Швеціей вице-канцлеръ Александръ Бестужевъ высказывалъ, что ослибы Швецію нельзя было склонить къ уступкѣ всей Финляндіи, «то слѣдовало бы изъ этой страны создать особое государство». Наконецъ, вышеуказаннымъ рескриптомъ Государыня уполномачивала Панина обѣщать финляндцамъ, «смотря по ихъ желанію», переходъ въ русское подданство, или «обращеніе Финляндіи въ автономное княжество подъ покровительствомъ Россіи».

Указавъ на эти отношенія Россіи къ Финляндіи въ царствованіе Елизаветы Петровны, г. Даніельсонъ переходитъ къ исторіи Аньяльскаго заговора и дѣятельности Спренгпортена.

«Какъ извѣстно, говоритъ г. Даніельсонъ, душою финляндской партіи самостоятельности во время Густава III былъ Георгъ Магнусъ Спренгпортенъ. Его измѣнническія сношенія съ русскимъ дворомъ начались въ 1786 г., когда черезъ русскаго посланника въ Гагѣ Колычева онъ представилъ Императрицѣ составленный имъ проектъ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи и учрежденія финляндской республики.

Этотъ проектъ заслужилъ одобренія Императрицы Екатерины II, которая на оборотѣ его, по словамъ того же профессора, написала слѣдующее: [1])

«Если бы проектъ независимости Ф. былъ бы вопросъ? отвѣтъ, что этотъ проектъ не противорѣчитъ интересамъ Россіи, не трудно было бы найти». Сочувствуя этому проекту, Императрица Екатерина II поручила русскому посланнику въ Швеціи Маркову предложить Спренгпортену «важныя выгоды», еслибы онъ согласился поступить на русскую службу, разумѣется съ правомъ вернуться въ свое отечество, когда найдетъ это нужнымъ [2]). Стренгпортенъ явился по этому зову въ Петербургъ осенью того-же 1786 года и началъ хлопоты о возстаніи въ Финляндіи. «Усерднымъ и дѣятельнымъ» его приверженцемъ былъ въ Финляндіи маіоръ И. А. Егергорнъ; онъ въ 1788 г. явился въ

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи“, стр. 28—29. Эта резолюція написана на французскомъ языкѣ.

[2]) Письмо Императрицы къ Маркову, Царское Село, 10 (21) іюня, примѣчаніе Даніельсона. Тамъ же, стр. 29.

Петербургъ въ качествѣ делегата отъ шведско-финскихъ офицеровъ для переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій между Россіей и Швеціей. Этотъ Егергорнъ, кромѣ записки, подписанной его довѣрителями, представилъ Императрицѣ личную свою записку отъ 1 августа 1778 г., въ которой настаиваетъ «на отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи въ видѣ самостоятельнаго княжества» [1]).

Далѣе г. Даніельсонъ продолжаетъ развивать свою мысль, что русское правительство, при Императрицахъ Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, стремилось, при содѣйствіи партіи финляндской независимости, къ отдѣленію Финляндіи отъ Швеціи, и образованію изъ этой шведской провинціи отдѣльнаго государства:—въ видѣ республики, по проекту Спренгпортена, или отдѣльнаго княжества, по проекту Егергорна. Финляндскій профессоръ исторіи, очевидно, отдаетъ предпочтеніе первому проекту. Это видно изъ его фразы «проектъ этотъ (Спренгпортена) является, такъ сказать, программой дѣятельности финляндской партіи независимости въ періодъ 1786—1808 г.» [2]).

Вдумайтесь, читатель, въ эти факты, прослѣдите историческія событія, подобранныя г. Даніельсономъ, и вамъ станетъ понятно, куда стремится партія финляндской независимости. Она считаетъ своимъ *правомъ* образованіе изъ Финляндіи отдѣльной республики, въ силу обѣщанія русскаго правительства временъ Екатерины II. Проектъ Спрегпортена—ея конечная цѣль. Для г. профессоровъ не важно, что эта партія независимости ровно ничего не сдѣлала, что всѣ проекты неосуществились, что Александръ I покорилъ Финляндію силою оружія, и пріобрѣлъ ее не на основаніи соглашенія съ революціонной партіей, а въ силу мирнаго трактата съ государствомъ, которому принадлежала власть надъ Финляндіей. Г. Даніельсонъ хотя и упоминаетъ объ этомъ трактатѣ, но старается ослабить его значеніе мнимымъ соглашеніемъ въ Борго и подписаніемъ какой то конституціи, *которой ни въ одномъ архивѣ не существуетъ*. Но обо всемъ этомъ уже достаточно говорилось, и повторять мы не станемъ. Замѣтимъ лишь одно, что г. Даніельсонъ и другіе проповѣдники этого ученія стараются главнымъ образомъ установить, что привиллегіи и

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи“, стр. 32—33.
[2]) Тоже, стр. 29.

мнимая конституція даны имъ какъ должное, что Императоръ Александръ I *обязанъ* былъ дать это въ благодарность за содѣйствіе, оказанное какъ финляндской партіей независимости, такъ и народомъ.

Указавъ, что проектъ Спренгпортена былъ программой дѣйствій этой партіи до 1808 г., г. Даніельсонъ говоритъ, что Спренгпортенъ принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ 1808 года [1]), и что имъ были поданы записки и проекты не только по поводу веденія войны, но и о дальнѣйшемъ устройствѣ Финляндіи. Главная мысль какъ Спренгпортена, такъ и его вѣрнаго приспѣшника Егергорна заключалась въ образованіи изъ Финляндіи отдѣльнаго государства. Относительно формы правленія этого предполагаемаго государства взгляды Спренгпортена при Императорѣ Александрѣ I нѣсколько измѣнились, вѣроятно вслѣдствіе знакомства со взглядами Императора. По словамъ г. Даніельсона, въ «Новогоднихъ размышленіяхъ» Спренгпортенъ настаиваетъ на томъ, что бы надъ Финляндіей былъ установленъ русскій протекторатъ, съ назначеніемъ одного изъ членовъ Императорскаго дома Великимъ Княземъ Финляндскимъ». Наконецъ, Спренгпортенъ сдѣлалъ еще уступку,—сталъ представителемъ придворной партіи, которая полагала, что Финляндіи слѣдовало предоставить самостоятельное политическое существованіе подъ скипетромъ русскаго Императора, «съ сохраненіемъ шведскаго конституціоннаго правленія» [2]). Спренгпортенъ пользовался въ то время большимъ вліяніемъ, его проекту сочувствовалъ Императоръ и ему было повелѣно слѣдовать съ русской арміей и своими совѣтами помогать Буксгевдену въ необходимыхъ сношеніяхъ съ финляндцами [3]).

Въ Петербургѣ существовала, кромѣ партіи, представителемъ которой являлся Спренгпортенъ, другая партія, по мнѣнію которой «Финляндію во всѣхъ отношеніяхъ слѣдовало признать русской провинціей, обывателямъ которой, по милости Императора, можно было даровать извѣстныя льготы, причемъ однако не могло быть и рѣчи объ особомъ подтвержденіи шведско-

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи“, стр. 46—47.
[2]) Тоже, стр. 46—47.
[3]) Тоже, стр. 53—54.

финскаго государственнаго устройства» [1]). Во главѣ этой партіи стоялъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцевъ, и самымъ дѣятельнымъ защитникомъ этого мнѣнія былъ тоже шведскій эмигрантъ, сотоварищъ Спренгпортена и Егергорна по Аньяльскому заговору нѣкто К. Г. Кликъ. Мнѣніе этой партіи, при началѣ военныхъ дѣйствій, пріобрѣло перевѣсъ надъ мнѣніемъ Спренгпортена, и Государь отказался отъ мысли, внушенной ему Спренгпортеномъ,—созыва сейма, и черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ объявилъ $^{16}/_{28}$ марта 1808 г. европейскимъ державамъ свое «твердое намѣреніе присоединить Финляндію къ Россіи», а черезъ графа Румянцева заявилъ $^{8}/_{20}$ апрѣля того же года, что созывъ «отсрочивается на неопредѣленное время» [2]). При этомъ было сдѣлано распоряженіе о приведеніи жителей Финляндіи къ присягѣ на вѣрность Императору, по формѣ, которая употреблялась въ Швеціи и Финляндіи при перемѣнѣ правительства.

Приведеніе этого распоряженія въ исполненіе сопровождалась, по словамъ г. Даніельсона, насиліями, которыя были главной причиной возстаній въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, весной 1808 г., угрожавшихъ тылу русской арміи [3]).

Вотъ эти-то возстанія въ связи съ побѣдами финскихъ войскъ надъ русскими, *о которыхъ финскій народъ, по словамъ г. Даніельсона, можетъ съ гордостью вспоминать* [4]), а равно и попытки шведовъ высадиться въ тылу русской арміи, поставили русскихъ въ крайне затруднительное положеніе. Спренгпортенъ является спасителемъ чести русскаго оружія; онъ указываетъ на созывъ сейма «какъ на единственное средство устраненія затрудненій». Императоръ, въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ, «рѣшился» слѣдовать совѣтамъ Спренгпортена, и вотъ появились одинъ за другимъ—манифестъ отъ $^{5}/_{17}$ іюня 1808 года, въ которомъ Императоръ обѣщаетъ сохранить «древнія установленія» Финляндіи, и распоряженіе о высылкѣ въ Петербургъ депутатовъ отъ всѣхъ четырехъ сословій для представленія свѣдѣній о нуждахъ и желаніяхъ населенія края [5]).

---

[1]) Тоже, стр. 53.
[2]) Тоже, стр. 54—55.
[3]) Тоже, стр. 59.
[4]) Тоже, стр. 50.
[5]) Тоже, стр. 55.

Эти мѣры, а въ особенности созывъ сейма, успокоили, по словамъ финляндскаго профессора, финляндское населеніе, и Финляндія, *до заключенія мирнаго трактата соединилась «добровольно»* съ Россіей и тѣмъ заслужила вѣчную ея благодарность, такъ какъ лишь вслѣдствіе этого «соединенія» Россія одержала окончательную побѣду надъ Швеціей и достигла мира.

Мы приведемъ подлинныя слова г. Даніельсона: «въ началѣ войны въ Петербургѣ проектировалась экспедиція въ самую Швецію. За нѣсколько дней до открытія сейма была произведена первая неудачная попытка. Императоръ однако твердо рѣшился не отказываться отъ своего намѣренія, и новая экспедиція повела къ окончанію войны. Что, еслибы народныя возстанія минувшаго года возобновились въ такое время, когда почти все русское войско оставило Финляндію? Что, если бы этимъ возстаніямъ была оказана поддержка шведскимъ, а можетъ быть и англійскимъ флотомъ? При самомъ крайнемъ шовинизмѣ нельзя отрицать, что русскіе отряды въ такомъ случаѣ были бы поставлены въ весьма критическое положеніе: не слѣдуетъ забывать, что война Россіи съ Турціею въ то время еще продолжалась. Но все измѣнилось, коль скоро миръ въ Финляндіи былъ обезпеченъ, и это именно необходимое условіе всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій достигалось переданнымъ земскимъ чинамъ удостовѣреніемъ, въ которомъ Императоръ утверждалъ конституцію Финляндіи» [1]).

Но этого мало. По мнѣнію г. профессора, Россія обязана Финляндіи не только за содѣйствіе, оказанное ею во время шведской войны 1808—1809 г., но еще болѣе за спасеніе отъ великихъ бѣдъ, грозившихъ ей въ 1812 году. Если бы не Финляндія, то Россія погибла бы окончательно; только благодаря Финляндіи, Швеція во время нашествія Наполеона не объявила войны Россіи и не овладѣла Петербургомъ въ то время, когда Наполеонъ вступилъ въ Москву [2]).

Вотъ, читатель, великія заслуги Финляндіи, за которыя Императоръ Александръ I обязанъ былъ дать ей тѣ привиллегіи, которыя даровалъ, а Россія настоящаго времени обязана, изъ

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи“, стр. 141—142.
[2]) Тамъ же, стр. 142—144.

чувства благодарности, признать за ней и тѣ права, которыхъ ни одинъ изъ Императоровъ Россіи не признавалъ за этимъ краемъ. *Вотъ, такъ сказать, нравственно—правовая сторона Финляндскаго ученія.*

Оставимъ эти вымыслы, и перейдемъ къ дѣйствительности. Что бы ни говорили финляндскіе проповѣдники, но они не могутъ оспорить существованіе Фридрихсгамскаго трактата, по которому Финляндія была отдана «въ собственность и Державное обладаніе Россійской Имперіи». Этотъ трактатъ былъ послѣдній ударъ, нанесенный партіи независимости шведскимъ правительствомъ. Но нужно отдать справедливость вожакамъ этой партіи: они предвидѣли это пораженіе и заблаговременно подготовили почву для своей дѣятельности въ Россіи. За Спренгпортеномъ и его сообщниками по Аньяльскому заговору слѣдуетъ признать дѣйствительно политическій тактъ и неотступное служеніе своей идеѣ. Убѣдившись, что Императоръ Александръ I не согласится признать Финляндію не только отдѣльной республикой, но даже отдѣльнымъ конституціоннымъ государствомъ подъ протекторатомъ Россіи, что Онъ желаетъ во что бы то ни стало *покорить* Финляндію, Спренгпортенъ и его сотоварищъ Егергорнъ постарались пріобрѣсти вліяніе на Императора и убѣдить его въ необходимости дать Финляндіи различныя привиллегіи и особыя учрежденія. Посредствомъ этихъ учрежденій они разсчитывали удержать за своей партіей дѣйствительную власть въ краѣ и устранить всякое вліяніе русскихъ государственныхъ людей. Какъ мы уже видѣли, они вполнѣ достигли своей цѣли. Привиллегіи были обѣщаны, впрочемъ, нужно сказать, въ крайне общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Затѣмъ оба аньяльскіе дѣятели занялись каждый составленіемъ отдѣльныхъ проектовъ будущаго управленія Финляндіей. Изъ этихъ проектовъ мы видимъ, что Спренгпортенъ гораздо лучше Егергона зналъ характеръ Императора Александра I и былъ гораздо дальновиднѣе его. Въ то время, когда этотъ послѣдній настаивалъ на немедленномъ пересмотрѣ шведскихъ конституціонныхъ законовъ, для примѣненія ихъ къ управленію Финляндіей, Спренгпортенъ, понимая, что Императоръ Александръ I не согласится подписать *никакой конституціи*, занялся болѣе скромнымъ дѣломъ: онъ составилъ проектъ высшаго правительственнаго учрежденія Финляндіи. Оставляя неприкосновенными самодержавныя права Россійскаго Императора, онъ

заботился лишь о томъ, чтобы это учрежденіе оставалось въ Финляндіи, и чтобы членами его не могли быть русскіе люди. Затѣмъ онъ, какъ мы уже видѣли, постарался оставить шведскій языкъ, «хотя временно», офиціальнымъ языкомъ края. Своими дѣйствіями Спренгпортенъ доказалъ замѣчательную энергію и способность приноравливаться къ обстоятельствамъ. Онъ два раза потерпѣлъ фіаско: при Екатеринѣ II, 30 декабря 1788 г., когда Императрица отказалась поддерживать военной силой идею созданія Финляндской республики, и при Александрѣ I, когда былъ заключенъ Фридрихсгамскій трактатъ. Однако, эти неудачи не сломили его. Онъ началъ работу снова, онъ заложилъ фундаментъ новаго зданія финляндской независимости, созданіемъ устава Правительствующаго Совѣта, сохраненіемъ за шведскимъ языкомъ права оффиціальнаго языка и введеніемъ въ манифесты и объявленія періода 1808—1809 годовъ крайне неопредѣленныхъ и общихъ выраженій, въ которыхъ не послѣднюю роль играли краткія слова «les constitutions». Фундаментъ былъ заложенъ крѣпко; и хотя Спренгпортену и неудалось докончить начатаго зданія, но онъ зналъ, что строители найдутся. Они дѣйствительно нашлись. Съ паденіемъ Спренгпортена появились Армфельдъ и Ребиндеръ, которые устранили отъ дѣлъ единственнаго русскаго—графа Сперанскаго, имѣвшаго до 1811 года какое либо вліяніе на финляндскія дѣла. Мы уже видѣли, какъ правительствующій совѣтъ, преобразованный въ финляндскій сенатъ, при содѣйствіи сначала комитета по финляндскимъ дѣламъ, а затѣмъ статсъ-секретаріата съумѣли не только устранить введеніе въ краѣ русскаго языка и парализовать всѣ попытки Русскихъ Государей сблизить завоеванный край съ Имперіей, но достигнуть всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго государства и ссылки, въ актахъ Императора Александра II, на конституціонные шведскіе законы 1772—1789 г., какъ на законы, дѣйствующіе въ краѣ. Мы уже указали, какимъ путемъ достигнуты были эти ссылки, и обѣщали отвѣтить, зачѣмъ понадобилось столько труда, столько обмана, повидимому совершенно излишняго. Безцѣльность этихъ обмановъ только кажущаяся; мы говорили, что эти обманы были строго обдуманы и служили средствомъ къ достиженію цѣли, намѣченной въ 1786 году Спренгпортеномъ. Теперь умѣстно разъяснить это. Не смотря на всю смѣлость и самонадѣянность господъ финляндскихъ юристовъ, историковъ и публицистовъ, съ которой они съ начала

60-хъ годовъ пропагандировали утвержденіе Императоромъ Александромъ I шведскихъ законовъ 1772—1789 г., вожаки, а не говорильныя машины, понимали, что можетъ наступить время, когда эта пропаганда станетъ извѣстна русскому правительству, и оно найдетъ средство покончить съ этими фантазіями. Вожаки хорошо знали, что всѣ привиллегіи края даны не по праву, не за заслуги передъ Россіей, а единственно въ *силу великодушія и самодержавной воли Россійскихъ Императоровъ*, и что никакой конституціи у Финляндіи нѣтъ. Они понимали, что эти привиллегіи во всякое время могутъ быть уничтожены, по волѣ той же Самодержавной Власти, а этого имъ не хотѣлось. Для нихъ необходимо было узаконить пропаганду. Обманъ помогъ, ссылка на законы, ограничивающіе верховную власть, достигнута при утвержденіи «Сеймоваго устава». Пропагандировать конституціонныя права народа было свободнѣе, явилась почва подъ ногами. Но и этого имъ было мало; они всетаки понимали, что эта ссылка на шведскіе законы добыта обманомъ, и что Государь никогда не подчинится этимъ законамъ. Какъ мы уже указали, въ дѣлѣ законовъ о печати Императоръ показалъ, что онъ Самодержавный Государь. Никто не посмѣлъ возражать. Возраженія могли повести къ полному разрушенію зданія, надъ которымъ такъ долго трудилась «партія независимости». Имъ нужна была сила для охраны этого зданія, достаточно цементированнаго «Сеймовымъ уставомъ». Ограничиться добытымъ они не хотѣли, полученное черезчуръ мало соотвѣтствовало цѣли партіи. Они знали, что съ одними народными необученными силами плохо вести борьбу съ могучимъ государствомъ, обладающимъ организованной арміей. Примѣръ Польши былъ у нихъ передъ глазами. Они знали, что въ 1815 году, во исполненіе международнаго трактата, Императоръ Александръ I *далъ и подписалъ* конституцію Польши, что Императоръ Николай I не только призналъ эту конституцію, «но даже короновался какъ Царь Польскій» въ 1829 году. Но не смотря на все это, когда Польша въ 1830 году захотѣла бо̀льшаго, чѣмъ имѣла *по праву*, тотъ же Императоръ Николай I «покорилъ» это царство, и «по праву завоевателя» уничтожилъ эту конституцію, оставивъ за завоеванной страной нѣкоторыя, по Его мнѣнію, возможныя привиллегіи. Они помнили 1863 годъ и видѣли, къ какимъ послѣдствіямъ привела безумная попытка Польши помѣриться силами съ Россіей. Вѣроятно, эти событія удержали разсчетливыхъ во-

жаковъ отъ всякихъ возраженій Императору Александру II, по поводу явнаго нарушенія Имъ 40 ст. «Формы правленія 1772 года». Повторяемъ, вожаки знали свое безсиліе, и какъ люди, твердо идущіе къ цѣли, они понимали, что имъ нужна сила, правильно организованная и подчиненная имъ въ силу закона.

Добыть такую силу было не легко, и добыть ее законно, безъ обмана, невозможно. Счастіе покровительствовало имъ. Во время подвернулась въ Россіи реформа отбыванія воинской повинности, а вслѣдствіе этого возбудился вопросъ о такой же реформѣ и въ Финляндіи. Вожаки поняли, что при ловкомъ оборотѣ дѣла, новая реформа сослужитъ ей хорошую службу. Обманывать имъ не привыкать стать и готовый, хотя отмѣненный въ самой Швеціи, § 18 «Формы правленія» былъ къ ихъ услугамъ. Эти мудрые вожаки партіи независимости достойнымъ образомъ отпраздновали ея вѣковое существованіе. Эта партія, начавъ свое существованіе измѣной шведскому королю, черезъ сто лѣтъ обманула русскаго Императора, котораго величала своимъ «великодушнымъ благодѣтелемъ». Не правда ли, достойные представители «честнаго и вѣрнаго народа»?

Пріобрѣтя, благодаря обману, организованное войско (численность котораго, благодаря запасу, ежегодно увеличивается), приносящее присягу на вѣрность сейму, а въ томъ числѣ, понятно, и вожакамъ этой партіи, она заговорила черезъ нѣсколько лѣтъ по введеніи Устава о воинской повинности гораздо смѣлѣе. Она позволила себѣ выразить составленіемъ проектовъ «Уголовнаго Уложенія» и «Формы Правленія для Великаго Княжества Финляндскаго» полное пренебреженіе не только къ русскому народу, не только къ основнымъ русскимъ законамъ, но даже къ верховной власти русскаго Государя. Эта партія въ лицѣ народныхъ представителей на сеймѣ 1891 года заговорила о нарушеніи Императорскими повелѣніями 1890 года конституціи и законовъ Финляндіи, и наконецъ сеймъ отвергъ всѣ измѣненія Уголовнаго Уложенія, одобренныя покойнымъ Императоромъ Александромъ III.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что все это происходило вслѣдствіе неполноты, неопредѣленности законовъ, о которыхъ говорили, какъ Императоръ Александръ II, такъ и Императоръ Александръ III, что мы черезчуръ мрачно смотримъ на вещи, что достаточно точно указать опредѣленныя отношенія Великаго княжества къ Имперіи, чтобы всѣ недоразумѣнія окончились.

Нѣтъ, это не недоразумѣніе, и мы не увлекаемся, высказывая, что партія независимости продолжаетъ идти своимъ путемъ къ указанной нами цѣли. Это мы сейчасъ же докажемъ.

Допустимъ, что всѣ выходки финляндскихъ: сейма, сената, и статсъ-секретаріата въ дѣлѣ уголовнаго уложенія и составленія проектовъ основныхъ законовъ не болѣе какъ недоразумѣніе. Но вѣдь неопредѣленность отношеній Финляндіи къ Россіи была вполнѣ выяснена рескриптомъ Императора Александра III отъ 28 февраля 1891 года. Въ этомъ рескриптѣ, какъ мы уже видѣли, было точно указано, что «Финляндскій край» (а не государство) состоитъ «въ собственности (а не въ уніи) и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской». Не смотря на такое точное и опредѣленное указаніе, тотъ же сеймъ, которому былъ объявленъ этотъ рескриптъ, высказываетъ полное пренебреженіе къ Державной волѣ Государя,—онъ отвергаетъ измѣненіе уголовнаго уложенія, оставляя въ силѣ узаконенія, послужившія поводомъ къ пріостановленію введенія въ дѣйствіе этого Уложенія, и *Императорскій сенатъ поддерживаетъ такое дѣйствіе сейма.* Что выражаетъ такое совмѣстное дѣйствіе, недоразумѣніе или прямой вызовъ Самодержавной Власти? Полагаемъ,—послѣднее.

На этотъ вызовъ, къ сожалѣнію, правительство не обратило никакого вниманія, оно ограничилось лишь тѣмъ, что *заставило* слѣдующій сеймъ 1894 г. принять проектъ уложенія въ измѣненномъ видѣ.

Не смотря на то, что Государь въ своемъ рескриптѣ отъ 28 февраля 1891 г. совершенно опредѣленно указалъ, что Финляндія не больше какъ «край», состоящій въ «собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской», что въ предложеніи сейму 1894 г. измѣненій уголсвнаго уложенія, которыя были указаны въ 1891 году, было сказано, что эти измѣненія предлагаются имъ «въ окончательной редакціи» [1]), мы видимъ, что сеймъ 1894 г. своими рѣшеніями ясно показываетъ, что онъ не признаетъ за Государемъ Его Самодержавныхъ правъ въ дѣлѣ законодательства. Передъ нами «Рѣшеніе земскихъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, состоявшееся на очередномъ

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“, 1894 г., № 13.

сеймѣ въ Гельсингфорсѣ, 2 іюня 1894 г.». Этимъ документомъ вполнѣ подтверждается высказанное нами мнѣніе.

Разсмотрѣвъ вышесказанное рѣшеніе, мы видимъ, что изъ 37 Высочайшихъ законодательныхъ предложеній разсмотрѣно 36, причемъ «отвергнуто» 2, принято съ измѣненіями 24, принято безъ измѣненій 10. Въ числѣ принятыхъ безъ измѣненій проектовъ, значится и уголовное уложеніе, не принять каковаго они не могли, такъ какъ имъ было указано, что этотъ проектъ въ «окончательной редакціи». Принятіе этого закона сдѣлано съ нѣкоторой оговоркой, сказанной, очевидно, для того, чтобы показать *свое право* не соглашаться съ Высочайшей волей и свое, такъ сказать, снисхожденіе къ этой волѣ. Въ § 1 этого рѣшенія говорится, что всѣ измѣненія указаннаго уложенія, изложенныя въ Высочайшемъ предложеніи, приняты сеймомъ, причемъ сеймъ высказалъ въ своемъ представленіи отъ 19 февраля 1894 г. ходатайство о немедленномъ введеніи этихъ законовъ «за устраненіемъ, *на сколько это зависитъ отъ земскихъ чиновъ,* препятствій, вслѣдствіе которыхъ приведеніе въ дѣйствіе означеннаго уложенія и относящихся къ нему постановленій было пріостановлено». Изъ этого ясно, что сеймъ желалъ показать, что «безъ его согласія» изданіе уложенія въ измѣненномъ видѣ согласно Высочайшей волѣ было невозможно. Мы указали, что изъ 37 Высочайшихъ законодательныхъ предложеній сеймомъ разсмотрѣно 36. Не разсмотрѣнъ, какъ видно изъ § 28 рѣшенія, «проектъ устава объ обязательной поставкѣ лошадей на случай войны»,—за неимѣніемъ времени. Очевидно, это ложь. Этотъ проектъ неразсмотрѣнъ потому, что сейму не угодно было его разсмотрѣть. Это доказывается тѣмъ, что сеймъ, «неуспѣвшій» разсмотрѣть этого проекта, «успѣлъ» разсмотрѣть и рѣшить 17 вопросовъ, неуказанныхъ въ Высочайшихъ предложеніяхъ (§ 33—§ 49 рѣшенія), и составить 22 петиціи, приведенныхъ въ § 50 рѣшенія. Изъ этихъ вопросовъ мы укажемъ на § 48, а изъ петицій на петицію, приведенную въ § 50, пун. 13.

Въ параграфѣ 48 рѣшенія сказано: «По поводу внесенныхъ во всѣхъ сословіяхъ записокъ о поддержаніи основныхъ законовъ края [1]). Мы (т. е. земскіе чины), 15 минувшаго февраля,

[1]) Тоже, 1896 г., № 24.

вошли къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, вызваннымъ условіями даннаго времени».

Понятно, мы не имѣемъ возможности узнать, о поддержкѣ какихъ «основныхъ законовъ» заботились всѣ сословія сейма 1894 года: о шведскихъ-ли законахъ 1772 и 1789 годовъ, о «Формѣ правленія» Вейсенберга и К°, или о проектѣ финляндскаго сената. Но для насъ важно, что сеймъ, «не успѣвшій разсмотрѣть Высочайшаго предложенія», находитъ время заниматься поддержкой «основныхъ законовъ края», т. е. созданіемъ какой то конституціи. Это дѣлается въ краѣ, состоящемъ «въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской», по основнымъ законамъ которой не можетъ быть допущено никакой конституціи.

Въ числѣ петицій мы указали на петицію, приведенную въ рѣшеніи § 50 пунк. 13. Въ этомъ пунктѣ говорится: «Чтобы Его Императорскому Величеству благоугодно было передать земскимъ чинамъ будущаго сейма Высочайшее предложеніе относительно закона о печати для Финляндіи, основаннаго на началѣ права финляндскихъ гражданъ безъ предварительной цензуры выпускать въ свѣтъ «повременныя и иныя изданія», и за нарушенія правилъ о печати «отвѣчать лишь передъ судомъ».

Эта петиція заслуживаетъ особаго вниманія. Еще въ 1872 г. Императоромъ Александромъ II было указано, что законы о печати не подлежатъ вѣдѣнію сейма, и что изданіе ихъ зависитъ *исключительно* отъ Высочайшей воли. Не смотря на такое категорическое заявленіе Государя, они вновь поднимаютъ этотъ вопросъ, разсчитывая на то, что слова Государя забыты. Ихъ главная забота наиболѣе ограничить власть Государя. Кромѣ этого, слѣдуетъ замѣтить, въ этой петиціи высказано желаніе полнаго упраздненія цензуры, но только «для финляндскихъ гражданъ», и устраненіе всякихъ административныхъ мѣръ къ прекращенію послѣдствій нарушеній правилъ о печати. Согласно этой петиціи, если бы она была уважена, можно было бы выпускать «безнаказанно» всевозможные памфлеты противъ Россіи, зная, что цензура ихъ не остановитъ, а финскій судъ не посмѣетъ обвинить своихъ же апостоловъ. Ходатайствуя о дарованіи такого права лишь для «финляндскихъ гражданъ», земскіе чины, вѣроятно, имѣли въ виду учредить цензуру для лицъ другихъ національностей, которымъ она (цензура) воспрещала бы всякія опроверженія финскихъ фантазій. Такая «односторонняя» сво-

бода слова давала лишь средства къ лучшему распространенію пропаганды, такъ какъ устраняла не только вмѣшательство цензуры въ это дѣло, но и появленіе какихъ либо опроверженій нелѣпостей ученія политической партіи края.

Появленіе § 48 рѣшенія и этой петиціи, въ связи съ оставленіемъ безъ разсмотрѣнія предложеннаго по Высочайшему повелѣнію проекта «устава о поставкѣ лошадей на случай войны», вполнѣ показываетъ, что Высочайшее разъясненіе дѣйствительнаго положенія Финляндіи, изложенное въ рескриптѣ отъ 28 февраля 1891 года, не имѣло вліянія на представителей финскаго народа, и что опозиція съ каждымъ годомъ проявляетъ все болѣе и болѣе смѣлости. Эта смѣлость возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія военной силы края и распространенія пропаганды партіи независимости среди простого народа.

Нужно отдать полную справедливость вожакамъ этой партіи, что, проявляя свою смѣлость, они вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что для открытой борьбы съ Россіей они черезчуръ слабы, и пока не пріобрѣтутъ достаточно силы, они не рискнутъ на открытое возстаніе. Они пользуются правами, добытыми, какъ мы уже видѣли, хитростью и обманомъ, и всѣми силами стараются отдалить осуществленіе реформъ, начатыхъ покойнымъ Императоромъ Александромъ III. Дѣйствуя такимъ образомъ, они опираются на шведскіе конституціонные законы, которые выставляютъ дѣйствительной конституціей края, а всякое проявленіе самодержавной власти считаютъ нарушеніемъ этой конституціи, о чемъ громко заявляютъ какъ финскому народу, такъ и Европѣ, желая создать какой-то финляндскій вопросъ.

Мы уже видѣли, насколько ученіе о конституціи окрѣпло въ краѣ; мы уже слышали заявленія о нарушеніи этой конституціи и о вліяніи этихъ нарушеній на народъ, мы знаемъ, что съ каждымъ годомъ военная сила Финляндіи, присягающая сейму, увеличивается, а потому не трудно понять, что партія финляндской независимости только выжидаетъ удобнаго случая. Этимъ случаемъ она считаетъ первое столкновеніе Россіи съ какой либо изъ европейскихъ державъ; тогда вожаки этой партіи воспользуются своей силой и заявятъ требованіе объ осуществленіи не проекта Вейсенберга 1889 г., а проекта Спренгпортена 1786 г.

Для того, чтобы узаконить такое требованіе въ глазахъ финскаго народа и Европы, финляндскіе воротилы временъ Импе-

ратора Александра II добились обманомъ ссылокъ на шведскіе конституціонные законы, сознавая, что русскіе Императоры не пожелаютъ подчиниться этимъ законамъ. Не смотря на такое сознаніе, они все таки добились ихъ, чтобы имѣть право кричать о нарушеніи конституціи. Они не ошиблись въ разсчетахъ; мы слышали это на сеймѣ 1891 г. Историки девятидесятыхъ годовъ, поддерживая этотъ крикъ, нашли нужнымъ напомнить проектъ Спренгпортена, чтобы указать народу, что только благодаря согласію русскаго правительства съ этимъ проектомъ и обѣщанію поддержать его, въ Финляндіи зародилась идея отдѣленія отъ Швеціи. Россія не только не исполнила этого обѣщанія, но даже не желаетъ признавать шведской конституціи, которую признавали ея Императоры, и которая составляла основу финско-русскаго соглашенія 1809 г. Этому учатъ историки и юристы финскій народъ, и когда придетъ время, то они позовутъ этотъ народъ на защиту попранныхъ его правъ и обратятся къ Европѣ съ мольбой объ освобожденіи «культурнаго» народа отъ рабства «невѣжественной» Россіи.

Вотъ, по нашему мнѣнію, конечная цѣль партіи независимости, и этой цѣли она не скрываетъ; нужно только хотя немного пожить въ Финляндіи, читать внимательно и вдумываться въ поученія финляндскихъ проповѣдниковъ и хотя поверхностно прослѣдить дѣятельность сената и сейма за послѣднее тридцатилѣтіе, чтобы придти къ такому убѣжденію.

Правиленъ-ли нашъ взглядъ, пусть судитъ читатель, мы высказали наше искреннее убѣжденіе и думаемъ, что обязаны были высказать его, въ виду ослѣпленія этимъ «культурнымъ» краемъ нѣкоторой части русскаго общества.

Глава VI.

Значеніе сената и статсъ-секретаріата Финляндіи.

На сколько было силъ, мы постарались указать, на основаніи имѣющихся у насъ источниковъ, стремленія финляндской сепаратистской партіи или, правильнѣе говоря, «партіи финляндской независимости».

Мы постарались указать, какую помощь этимъ стремленіямъ оказали высшія учрежденія Финляндіи: сенатъ и статсъ-секретаріатъ; мы указали старанія этихъ учрежденій всѣми способами парализировать предначертанія Россійскихъ Императоровъ, желавшихъ полнаго сближенія завоеваннаго края съ Имперіей.

Изъ этого, еще разъ сознаемся, крайне неполнаго обзора читатель, полагаемъ, пришелъ къ заключенію, что оба эти высшія учрежденія края приносятъ *абсолютный вредъ* не только общимъ интересамъ Россійской Имперіи, но и самой Финляндіи. О вредѣ этихъ учрежденій общимъ русскимъ интересамъ, полагаемъ, распространяться нечего; объ этомъ мы достаточно говорили въ предъидущихъ главахъ. Не трудно также понять, что способствуя распространенію и укрѣпленію идей партіи независимости и препятствуя сліянію края съ Имперіей, эти учрежденія безусловно приносятъ вредъ краю. Невозможно допустить предположенія, чтобы Россійская Имперія когда либо *добровольно* согласилась на отдѣленіе Финляндіи и образованіе изъ нея финской республики. Думать объ этомъ могутъ лишь люди, не знающіе русской исторіи. Слѣдовательно, для осуществленія фантазій партіи необходимо *заставить* Россію исполнить желаніе партіи. Заставить же возможно лишь силой. Несмотря на то, что благодаря ошибкамъ русской политики съ 1809 года по отношенію къ этому краю, онъ и пріобрѣлъ довольно значительныя силы, но все таки эти силы черезчуръ малы, чтобы разсчитывать на успѣхъ въ случаѣ открытаго возстанія.

Не трудно предсказать результатъ такой борьбы: масса крови, масса горя и разореніе страны. Вотъ результатъ, котораго можетъ достигнуть партія независимости, покровительствуемая учрежденіями края.

Думаемъ, что учрежденія, ведущія народъ къ такимъ результатамъ, *безусловно вредны*. Это нравственная сторона дѣла; посмотримъ матеріальную.

Сенатъ и статсъ-секретаріатъ стоятъ финскому народу ежегодно, по штатамъ, утвержденнымъ въ 1892 г. [1]) 1.492,100 финск. мар., что составляетъ по среднему курсу 266 м. за 100 р. кр. 559,537 руб. 50 коп. или на каждаго жителя Финляндіи около 23 коп. Нельзя сказать, чтобы это былъ небольшой налогъ только на два учрежденія края, которыя въ сущности и нужны лишь для того, чтобы доказать, что Финляндія не русская провинція, а отдѣльное государство. Но можетъ быть, намъ скажутъ, что эти учрежденія необходимы для народа, что русскіе органы центральнаго управленія не соотвѣтствуютъ духу финскаго народа, его нравамъ, его культурѣ. Это будутъ слова, которыхъ доказать нельзя. Для опроверженія такого мнѣнія обратимся къ Учрежденію Императорскаго сената, преобразованнаго въ 1892 году [2]).

Разсматривая Учрежденіе финляндскаго сената, состоящаго изъ двухъ департаментовъ: судебнаго и хозяйственнаго, мы видимъ, что это высшее учрежденіе края вполнѣ соотвѣтствуетъ органамъ русской центральной власти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, которыя мы постараемся указать. Одной изъ самыхъ важныхъ особенностей является § 4 Учрежденія, по которому члены этого сената хотя и назначаются по волѣ Государя, *но не иначе какъ изъ финляндскихъ гражданъ*. Эта особенность является той силой, которая способствуетъ развитію розни между краемъ и Имперіей, и составляетъ главную силу «партіи независимости». Этотъ параграфъ цѣликомъ перешелъ изъ регламента Правительствующаго Совѣта, проектъ котораго, какъ извѣстно, былъ составленъ Спренгпортеномъ. Введя такое правило, знаменитый творецъ проекта финской республики оградилъ внутреннее управленіе Финляндіи отъ всякаго русскаго

---

[1]) „Сборникъ пост. Велик. Княж. финляндск.“, за 1892 г., № 26, стр. 7—8, и № 30, стр. 49—64.

[2]) „Сборникъ пост. Велик. Княж. финляндск.“, 1892 г., № 30.

вліянія. Затѣмъ, разсматривая далѣе означенное учрежденіе, мы видимъ, что судебный департаментъ этого сената, въ силу § 82 Учрежденія, есть судъ высшей инстанціи и «наблюдаетъ за отправленіемъ въ Финляндіи правосудія согласно съ законами и постановленіями; но этому департаменту разрѣшается *самому и отступать отъ закона*. Чтобы эта фраза не показалась вымысломъ, мы приведемъ 4 п. § 83 Учрежденія финляндскаго сената. Въ началѣ этого параграфа говорится [1]): «Къ вѣдѣнію судебнаго департамента относятся:... 4) прошенія объ изъятіяхъ отъ установленныхъ въ законѣ правилъ, когда дѣло касается: a) признанія несовершеннолѣтнихъ свободными отъ опеки; b) разрѣшенія вступать въ бракъ въ воспрещенныхъ степеняхъ родства и свойства; c) о расторженіи брака по какой бы то нибыло причинѣ; d) разрѣшенія виновному или виновной послѣ развода вновь вступать въ бракъ; e) освобожденія отъ заключенія брака лицъ, которыя будучи обрученными или давши обѣщаніе вступить въ бракъ, прижили дѣтей; f) дозволенія вступать въ бракъ ранѣе достиженія опредѣленнаго возраста; g) освобожденія отъ испытаній въ наукахъ, предписанныхъ для пріобрѣтенія права поступленія на службу въ судебныхъ учрежденіяхъ страны». Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что рѣшенія судебнаго департамента по всѣмъ этимъ дѣламъ *окончательныя и обжалованію не подлежатъ*. Согласно другимъ четырнадцати пунктамъ того же § 83, дѣятельность этого департамента соотвѣтствуетъ дѣятельности всѣхъ департаментовъ русскаго Правительствующаго Сената, со включеніемъ и кассаціонныхъ департаментовъ (пп. 1, 2, 3, 6, 7, 15), министерства юстиціи (п. п. 8, 9, 10, 11, 12, 14 и 16), особой канцеляріи для принятія прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее Имя (п. 5), и наконецъ пунктъ 13, по которому этому департаменту дано право назначенія членовъ «законоподготовительнаго учрежденія». Это послѣднее право слѣдуетъ причислить также къ «особенностямъ» финляндскаго сената, такъ какъ, на сколько намъ извѣстно, въ Россіи подготовленіе законовъ поручалось II-му Отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи, Государственному Совѣту или особымъ коммиссіямъ; но во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ члены *назначались по Высочайшему усмотрѣнію*. Къ «особенностямъ» слѣ-

[1]) „Сборникъ Пост. Вел. Княж. Финлянд.“, 1892 г., № 30, стр. 19.

дуетъ причислить и право хозяйственнаго департамента сената разрѣшать изъятія отъ требованій законовъ касательно: а) дозволенія вступить въ должность по духовному и училищному вѣдомствамъ ранѣе достиженія положеннаго для того возраста, в) *освобожденія отъ испытаній въ наукахъ, предписанныхъ для пріобрѣтенія права поступать* на службу въ учебныя заведенія и административныя учрежденія» (п. 1 § 98) [1]).

Вотъ тѣ особенности, которыми отличается уставъ финляндскаго сената отъ организаціи русскихъ центральныхъ управленій. Въ силу какихъ соображеній установлены такія особенности мы не знаемъ, но полагаемъ, что приведенныя нами постановленія не могутъ оправдываться ни стремленіемъ къ общественному благу, ни справедливостью, ни политическимъ положеніемъ края. Цѣль введенія § 4 Спренгпортеномъ вполнѣ понятна, но оставленіе этого параграфа послѣ изданія рескрипта Императора Александра III отъ 28 февраля 1891 г. можетъ быть объяснено лишь недосмотромъ. Какъ мы уже видѣли, этимъ рескриптомъ Государь ясно указалъ, что Финляндія не отдѣльное государство, а край, состоящій въ собственности и Державномъ обладаніи Россійской Имперіи. Послѣ такого опредѣленія какъ объяснить правило, по которому уроженцы Россійской Имперіи не могутъ принимать участія въ управленіи «краемъ», подвластнымъ этой Имперіи, въ то время какъ уроженцы этого края могутъ и принимаютъ участіе въ дѣлахъ управленія самой Имперіи? Этотъ параграфъ, не имѣя ни исторической, ни правовой основы, сослужилъ службу лишь одной партіи независимости, унизивъ значеніе русской власти и давъ основаніе ученію о политической независимости этого завоеваннаго края. Не менѣе важное политическое значеніе имѣетъ и п. 13 § 83 Учрежденія, предоставляющій право сенату назначать членовъ законоподготовительнаго учрежденія. Благодаря такому праву, сенатъ, преслѣдуя цѣли партіи независимости, назначаетъ такихъ членовъ, которые создаютъ проекты, подобные разобраннымъ нами Уголовному Уложенію и Формѣ Правленія Вейсенберга и К°, и тѣмъ затягиваетъ точное опредѣленіе отношеній края къ Имперіи, что, какъ мы видѣли, входитъ въ программу дѣйствій этой партіи. Остальныя особенности этого учрежденія, указанныя 4 п.

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“, 1892 г., № 30, стр. 24.

§ 83 и 1 п. § 98, даже не имѣютъ и политической подкладки, кромѣ права освобождать отъ испытаній въ наукахъ.

Всѣ права, данныя сенату этими положеніями, составляютъ узаконеніе полнаго произвола со стороны этого учрежденія, и права разрѣшенія финляндскимъ гражданамъ творить преступленія. Между этими правами мы видимъ право разрѣшенія вступать въ бракъ родственникамъ, и замѣтьте, безъ ограниченія степени родства, такъ какъ такого ограниченія не указано. Поэтому, если судебному департаменту будетъ угодно, то онъ имѣетъ право разрѣшить бракъ брата и сестры, отца съ дочерью, сына съ матерью, а вѣдь такія дѣянія по законамъ всего міра именуются «преступленіемъ кровосмѣшенія»; затѣмъ сенатъ имѣетъ право «разрѣшить» не вступать въ бракъ лицу, обручившемуся съ дѣвушкой и прижившему съ ней дѣтей; а такое дѣяніе, по русскимъ законамъ, преслѣдуется уголовнымъ порядкомъ, и лицо, соблазнившее дѣвушку обѣщаніемъ жениться, въ Россіи понесетъ довольно тяжкое наказаніе; въ русской же провинціи Императорскій сенатъ можетъ назвать такое преступленіе законнымъ. Развѣ это не дикія аномаліи, читатель?

Думаемъ, что допущеніе такого порядка не можетъ быть оправдано ни нравами, ни религіей, ни какими либо другими основательными причинами.

Мы сказали, что право освобожденія отъ испытаній въ наукахъ лицъ, желающихъ поступить на государственную службу, имѣетъ политическую подкладку; мы должны нѣсколько пояснить эту мысль. Партія независимости, въ лицѣ сената и статсъ-секретаріата, какъ нами было указано, съ 1824 года борется съ большимъ успѣхомъ съ введеніемъ въ краѣ обязательнаго знанія русскаго языка; но несмотря на эту борьбу, существуютъ Высочайшія повелѣнія, по которымъ знаніе русскаго языка для чиновниковъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ обязательно. И вотъ, для противодѣйствія такой Высочайшей волѣ хорошимъ подспорьемъ является указанное нами право сената освобождать отъ испытанія «въ наукахъ» (слѣдуетъ читать: знаніи русскаго языка). Этимъ правомъ можно только объяснить существованіе на службѣ по почтовому вѣдомству лицъ, ни слова не говорящихъ и не понимающихъ по русски, хотя умѣющихъ скопировать и прочесть адресъ на письмѣ. Такихъ не только чиновниковъ, но и завѣдывающихъ почтовыми конторами въ Выборгской губерніи намъ пришлось лично видѣть въ 1896 году. Въ

силу же 4 ст. Высочайшаго Манифеста $\frac{31 \text{ мая}}{12 \text{ іюня}}$ 1890 г. [1]), для почтовыхъ чиновниковъ «Выборгской губерніи» знаніе русскаго языка обязательно.

Указавъ значеніе особенностей въ Учрежденіи Финляндскаго Сената, которыхъ не встрѣтимъ ни въ одномъ изъ русскихъ учрежденій, мы указали, что въ остальномъ дѣятельность судебнаго департамента финляндскаго сената вполнѣ можетъ быть замѣнена существующими установленіями въ Имперіи.

Теперь разсмотримъ кругъ дѣятельности хозяйственнаго департамента сената. Изъ §§ 1 и 94 Учрежденія финляндскаго сената видно, что хозяйственный департаментъ состоитъ изъ девяти экспедицій (§ 1) и «завѣдываетъ гражданскимъ управленіемъ Финляндіи и административнымъ судопроизводствомъ въ высшей инстанціи и принимаетъ къ разсмотрѣнію всѣ дѣла, относящіяся до народнаго хозяйства и благоустройства» (§ 94) [2]). Всѣ дѣла и вопросы, поступающіе въ этотъ департаментъ, «смотря по различному ихъ свойству», распредѣляются между экспедиціями департамента, и «сомнѣнія относительно подвѣдомственности дѣла той или другой экспедиціи разрѣшаются департаментомъ» (§§ 95 и 96 Учрежденія) [3]). Изъ этихъ постановленій мы видимъ, что этотъ департаментъ составляетъ высшее административное учрежденіе, которому подвѣдомственно девять экспедицій, вѣдающихъ вопросы, относящіеся до управленія краемъ. Эти экспедиціи, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ министерствамъ. Сенаторы, завѣдывающіе этими экспедиціями, называются «начальниками экспедицій». Эти начальники экспедицій и составляютъ вмѣстѣ общее собраніе хозяйственнаго департамента, который разрѣшаетъ болѣе важныя дѣла, подвѣдомственныя въ Россіи Комитету Министровъ (§§ 99—100 Учрежденія) [4]).

Мы сказали, что девять экспедицій вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣятельности нашихъ министерствъ; это видно изъ нижеслѣдующихъ постановленій Учрежденія сената. Предметамъ занятій экспедицій посвящена II глава третьяго отдѣла Учрежденія сената. §§ 102—135.

---

[1]) Мальшевъ, „Общее Уложеніе Финляндіи“, стр. 349.

[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“, 1892 г., № 30, стр. 23.

[3]) Тоже, стр. 23.

[4]) Тоже, 30, стр. 29.

Сдѣлаемъ обзоръ этихъ экспедицій:

Экспедиція Юстиціи [1]) вѣдаетъ дѣла, принадлежащія вѣдомству русскаго Министерства Юстиціи, за исключеніемъ пп. 7 и 8 § 102. По этимъ пунктамъ къ вѣдомству этой экспедиціи подлежатъ вопросы: о пріобрѣтеніи права гражданства въ Финляндіи, о разрѣшеніи выселенія изъ края (п. 7 § 102) и о перемѣнахъ въ производствѣ и порядкѣ выборовъ депутатовъ сословія горожанъ (п. 8). Для правильнаго опредѣленія, къ вѣдѣнію какого русскаго министерства подлежатъ эти вопросы, слѣдуетъ вспомнить, что согласно опредѣленію рескрипта Императора Александра III отъ 28 февраля 1891 г., Финляндія не отдѣльное государство, а край, состоящій въ собственности и Державномъ обладаніи Россійской Имперіи, т.-е. русская провинція, а потому вопросъ о припискѣ уроженцевъ одной губерніи въ другую для всѣхъ податныхъ сословій, а въ томъ числѣ финляндскихъ гражданъ, кромѣ дворянъ и духовенства, подлежитъ вѣдѣнію казенныхъ палатъ министерства Финансовъ. Перечисленіе же дворянъ зависитъ отъ департамента Герольдіи. Имѣя же въ виду несуществованіе финляндской конституціи, сеймъ нельзя смѣшивать ни съ законодательнымъ собраніемъ, ни съ рейхстагомъ Западной Европы, а слѣдуетъ приравнять къ областнымъ земскимъ собраніямъ, съ нѣсколько, по правдѣ говоря, излишне расширенными правами. А разъ его слѣдуетъ причислить къ земскимъ учрежденіямъ, то и для вопросовъ 8 п. § 102 есть мѣсто въ русскомъ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ. Въ остальномъ, кромѣ вышеразъясненныхъ пп. 7 и 8 § 102, вѣдомство экспедиціи Юстиціи вполнѣ соотвѣтствуетъ вѣдомству русскаго Министерства Юстиціи. Это мы видимъ изъ текста § 103 Учрежденія: «Къ экспедиціи Юстиціи относятся: суды края, законоподготовительное учрежденіе и тюремное управленіе».

Гражданская экспедиція [2]) вѣдаетъ дѣла, входящія въ кругъ дѣятельности русскаго министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ этомъ насъ убѣждаютъ тринадцать пунктовъ § 104 и § 105. Этотъ послѣдній параграфъ мы приведемъ буквально: «Къ Гражданской экспедиціи относятся: губернскія правленія, магистраты, полицейскія управы, главное управленіе по дѣламъ пе-

---

[1]) *Тамъ же, стр. 31.*

[2]) Тамъ же, стр. 32.

чати, медицинское управленіе, главное управленіе публичныхъ зданій и статистическое центральное бюро».

Финансовая экспедиція [1])—это часть нашего Министерства Финансовъ, въ чемъ убѣждаетъ § 107 Учрежденія: «Къ Финансовой экспедиціи относятся: Финляндскій банкъ, Финляндская статсъ-контора, таможенное управленіе, контора заготовленія гербовой бумаги и монетный дворъ». Нѣкоторымъ департаментамъ того же русскаго министерства соотвѣтствуетъ *Экспедиція Торговли и Промышленности* [2]), это видно изъ содержанія § 119, который мы и приводимъ буквально: «Къ Экспедиціи Торговли и Промышленности относятся: главное управленіе лоцманскаго и маячнаго вѣдомства, управленіе промышленности и геологическая коммиссія, Политехническій институтъ, торговые стряпчіе и учебныя заведенія: промышленныя, ремесленныя, мореходныя и коммерческія, а также главные контролеры винокуренныхъ и спиртныхъ заводовъ». Равнымъ образомъ дѣла, указанныя 2 и 3 п. § 108, опредѣляющаго кругъ дѣятельности *Камерной экспедиціи*, вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣятельности департамента окладныхъ сборовъ русскаго Министерства Финансовъ, такъ какъ эти два пункта относятся до сборовъ личныхъ и имущественныхъ налоговъ.

Остальныя дѣла, входящія въ кругъ дѣятельности «Камерной экспедиціи», разсматриваются въ Россіи двумя вѣдомствами: Государственнымъ Контролемъ и Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Земледѣлія. Дѣла, относящіяся къ первому вѣдомству, указаны въ п. 1 § 108: «ревизія счетоводства казны и мѣры къ улучшенію контроля по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія». Дѣла же, указанныя въ п. 4—8 § 108, подлежащія вѣдѣнію Камерной экспедиціи, а равно и дѣла, указанныя въ пп. 1, 2 и 4 § 114, подлежащія вѣдѣнію экспедиціи Сельскаго Хозяйства, соотвѣтствуютъ дѣятельности русскаго Министерства Государственныхъ Имуществъ и Земледѣлія. Это видно изъ буквальнаго содержанія указанныхъ нами параграфовъ Учрежденія Финляндскаго Сената. § 108 «Камерная экспедиція» производитъ дѣла, касающіяся: . . .4) управленія и завѣдыванія казенными земельными владѣніями и милиціонными бостелями, 5) казенныхъ лѣсовъ и лѣснаго вѣдомства; 6) засе-

[1]) Тамъ же, стр. 33.

[2]) Тамъ же, стр. 36—37.

ленія казенныхъ земель; 7) казенныхъ рыбныхъ ловель; 8) веденія инвентарной вѣдомости казеннымъ движимымъ и недвижимымъ имуществамъ» [1]). § 114 «Экспедиціи Сельскаго Хозяйства [2]) подлежатъ дѣла касающіяся: 1) земледѣлія и побочныхъ промысловъ онаго, а также рыбной ловли, охоты и звѣроловства: 2) земледѣльческихъ и молочно-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній; 3) осушки болотъ и необходимаго для сего спуска озеръ, а также расчистки рѣкъ». Дѣла, указанныя въ остальныхъ трехъ пунктахъ, не относятся къ дѣятельности русскаго Министерства Государственныхъ Имуществъ и Земледѣлія, такъ какъ въ Имперіи дѣла: межеваго вѣдомства (п. 4, § 118) подлежатъ вѣдѣнію Министерства Юстиціи; мѣръ и вѣсовъ (п. 5, § 118)—Министерства Финансовъ и ветеринарной части (п. 6, § 118)—Медицинскому Департаменту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Вѣдѣнію *Экспедиціи путей сообщенія* [3]) подлежатъ дѣла, касающіяся: а) сооруженія желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ и частныхъ, водяныхъ сообщеній, портовыхъ сооруженій и фарватеровъ, б) добавочнаго содержанія за выслугу лѣтъ и пособій на погребеніе, если дѣло относится до лицъ желѣзнодорожнаго вѣдомства (пп. 1—4—8 § 116), в), почтоваго вѣдомства, почтовой сберегательной кассы, вопросовъ о телеграфахъ и телефонахъ (п. 5 и 7 § 116) и г), проѣзжихъ дорогъ, мостовъ и перевозовъ, почтовыхъ станцій и почтовой гоньбы и уѣздной почты (п. 6 § 116). Какъ видно изъ перечисленныхъ нами предметовъ занятій этой экспедиціи, дѣла, указанныя въ пунктахъ 1—4 и 8 § 116, въ Россіи подвѣдомственны Министерству Путей Сообщенія. Что-же касается до остальныхъ, то всѣ подобныя дѣла вѣдаются въ Россіи Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ почты, телеграфы и телефоны состоятъ въ вѣдомствѣ Управленія почтъ и телеграфовъ, а грунтовыя дороги въ вѣдомствѣ Земствъ. Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что упомянутые, въ пунктѣ 7, «вопросы о телеграфахъ» вѣроятно касаются желѣзнодорожныхъ телеграфныхъ линій, такъ какъ общій телеграфъ *никогда не былъ въ вѣдѣніи Финляндскаго Сената.*

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30, стр. 33.
[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30, стр. 35.
[3]) Тамъ же, стр. 35 и 36.

Сколько намъ извѣстно, со времени проведенія телеграфа въ Финляндіи былъ образованъ особый финляндскій телеграфный округъ, состоящій въ вѣдомствѣ Управленія телеграфа въ Петербургѣ. Почтовыя же учрежденія хотя въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ $\frac{31 \text{ мая}}{12 \text{ іюня}}$ 1890 года и подчинены Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, но осталось нѣкоторое вліяніе и Финляндскаго Сената (3 п. означеннаго повелѣнія). Благодаря этому вліянію, появляются чиновники, не умѣющіе или не желающіе говорить по русски. Въ этомъ вѣдомствѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, до настоящаго времени для оплаты корреспонденціи заграничной и внутри края, существуютъ особыя финскія марки съ финскимъ львомъ, а для корреспонденціи съ Имперіей существуютъ марки хотя и русскія 7 копѣечнаго достоинства, но имѣющія особое отличіе: вокругъ государственнаго русскаго герба помѣщены семь кружковъ. Письма же съ обыкновенными русскими марками не принимаются, и въ продажѣ въ финляндскихъ почтовыхъ конторахъ таковыхъ не имѣется. Въ Россіи же не годятся марки съ злосчастными кружками. Это различіе почтовыхъ знаковъ имѣетъ свое неудобство для людей, ведущихъ дѣловую корреспонденцію. Прося отвѣта у людей мало знакомыхъ, крайне неловко не приложить марки на отвѣтъ, а тутъ я лишенъ этой возможности и приходится посылать на отвѣтъ деньги и переплачивать за письмо. Это неудобство легко устранить, введя однообразные знаки для всей Имперіи, не исключая и *Финляндскаго государства*. Для этого даже не требуется соглашенія съ финляндскимъ сенатомъ, достаточно распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, которому въ силу 1 ст. Высочайшаго повелѣнія $\frac{31 \text{ мая}}{12 \text{ іюня}}$ 1890 года предоставляется «вводить по почтовой части Великаго Княжества Финляндскаго, взамѣнъ мѣстныхъ постановленій, правила и таксы, дѣйствующія въ Имперіи [1])». Почему до настоящаго времени эта статья Высочайшаго повелѣнія остается мертвой буквой закона,—положительно непонятно.

Мы нѣсколько отвлеклись отъ разсмотрѣнія вопроса замѣнимости дѣятельности финляндскихъ экспедицій сената органами русскихъ центральныхъ управленій. Да проститъ намъ читатель это отступленіе, которое мы находили умѣстнымъ. Теперь бу-

---

[1]) Малышевъ, „Общее Уложеніе Финляндіи“, стр. 318.

демъ продолжать. Намъ остается разсмотрѣть кругъ дѣятельности двухъ экспедицій: Милиціонной и Духовной.

Милиціонная экспедиція, какъ видно изъ §§ 110 и 111 [1]), разсматриваетъ дѣла, подвѣдомственныя въ Россіи Военному Министерству, и къ ней относятся: финскія войска, кадетскій корпусъ, кригсъ-комиссаріатъ, губернскія и призывныя по воинской повинности присутствія. При этомъ мы должны замѣтить, что вся армія Финляндіи мирнаго времени, согласно § 121 Устава о воинской повинности редакціи 1878 г. [2]), состоитъ изъ 5,000 нижнихъ чиновъ, а по редакціи отъ 11 февраля 1889 г.— 5,600 ч., но такъ какъ эта армія составляетъ одну изъ «особенностей» финскихъ учрежденій, то для управленія ею понадобилось и «особое» управленіе, на которое совершенно непроизводительно затрачиваются довольно солидныя суммы, какъ это мы выяснимъ ниже. Мы навѣрное не знаемъ, но говорятъ, что эта армія въ настоящее время увеличена до 8,000 нижнихъ чиновъ. Если это и такъ, то и тогда слѣдуетъ замѣтить, что вся эта армія равняется по численности двумъ русскимъ пѣхотнымъ полкамъ. Въ слѣдующей главѣ мы еще поговоримъ объ этой арміи.

Духовная экспедиція вѣдаетъ, такъ сказать, «духовную» жизнь, края въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. религію и народное образованіе. Этой экспедиціи подчинены не только учрежденія «господствующей» въ краѣ [3]) евангелическо-лютеранской церкви, съ ея безчисленными сектами, но она вторгается въ область вѣдомства Святѣйшаго Синода, какъ это видно изъ п. 3 § 112 Учрежденія. Приведя текстъ § 112 Учрежденія Сената, мы укажемъ, что въ Россіи существуютъ учрежденія, которыя вполнѣ могутъ замѣнить Духовную Экспедицію Хозяйственнаго Департамента Финляндскаго Сената.

Въ силу § 112, «Духовной Экспедиціи [4]) подвѣдомственны дѣла касающіяся: 1) лютеранской церкви и завѣдыванія приходскими дѣлами ея, насколько оныя подлежатъ разсмотрѣнію правительства; 2) духовно-административнаго раздѣленія края; 3) внѣшнихъ

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30, стр. 34.
[2]) Тоже, 1878 г., № 25, стр. 29.
[3]) Мнѣніе профессора Даніельсона.
[4]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30, стр. 34—35.

дѣлъ православныхъ приходовъ края; 4) иновѣрческихъ приходовъ; 5) народныхъ школъ; 6) анормальныхъ школъ; 7) казенныхъ и частныхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній; 8) университета; 9) ассигновокъ и учрежденій для наукъ и изящныхъ искусствъ; 10) просьбъ о пожалованіи вдовамъ и дѣтямъ умершихъ духовнаго и учительскаго званія лицъ чрезвычайныхъ пенсіонныхъ годовъ и денежнаго вознагражденія взамѣнъ льготныхъ пенсіонныхъ годовъ; 11) зачета службы по отношенію къ производству по духовному вѣдомству тѣмъ пасторамъ и учителямъ, которые ранѣе, согласно постановленіямъ, не имѣли подобнаго права».

Изъ перечня дѣлъ этой экспедиціи видно, что за исключеніемъ п. 3. § 112, который въ Россіи относится къ вѣдомству Святѣйшаго Синода, остальныя дѣла этой экспедиціи въ Россіи вѣдаются министерствами: Внутреннихъ дѣлъ по отношенію духовныхъ дѣлъ лютеранскаго и другихъ исповѣданій, кромѣ православнаго (пп. 1, 2, 4 и частью 10 и 11 § 112), и Народнаго Просвѣщенія по дѣламъ народнаго образованія.

Сопоставляя дѣятельность Экспедиціи Хозяйственнаго Департамента съ дѣятельностью русскихъ учрежденій, мы видѣли, что она вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣятельности министерствъ: Юстиціи (пп. 8—16 § 83; пп. 1—6 § 102 и § 114); Внутреннихъ Дѣлъ (п. 8 § 102; пп. 1—13 § 104; пп. 1—2—4 и частью 10 и 11 § 112; п. 6 § 114; пп. 5—7 § 115); Финансовъ (п. 7 § 102; пп. 1—14 § 116; 2—3 § 108); Государственныхъ Имуществъ и Земледѣлія (пп. 4—8 § 108; пп. 1—3 § 114); Военнаго (пп. 1—7, § 109); Народнаго просвѣщенія (пп. 5—9 частью 10 и 11 § 112); Путей Сообщенія (пп. 1—4 и 8 § 116) и Государственнаго Контроля (п. 1 § 108). Такое сопоставленіе ясно указываетъ, что для завѣдыванія всѣми дѣлами Финляндіи въ Имперіи существуютъ готовыя вполнѣ компетентныя учрежденія и, если бы правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости *полнаго сліянія* этого *завоеваннаго края* съ Имперіей, то для такой реформы не только не понадобится ни одной пени расхода, а напротивъ, осталась бы довольно солидная экономія.

Ко всему сказанному о финляндскомъ сенатѣ намъ остается дополнить нѣсколько словъ о финлянскомъ статсъ-секретаріатѣ. Основа этого учрежденія, какъ мы знаемъ, положена въ 1811 году шведскимъ эмигрантомъ и товарищемъ Спренгпортена

по Аньяльскому заговору—Армфельдтомъ. Назначеніе этого учрежденія—производство докладовъ Государю тѣхъ дѣлъ Финляндіи, которыя требуютъ Высочайшаго утвержденія. Ненужность такого учрежденія указывалъ даже Спренгпортенъ, у него даже не хватило смѣлости сразу и окончательно устранить вліяніе органовъ управленія Имперіи на дѣла Финляндіи. Какъ мы видѣли, этотъ создатель проекта финской республики и, какъ первой ступени къ ней, Финляндскаго Правительствующаго Совѣта, всетаки предполагалъ, чтобы дѣла Совѣта докладывались чрезъ подлежащихъ русскихъ министровъ. Но къ сожалѣнію, планъ болѣе смѣлаго шведскаго заговорщика восторжествовалъ и статсъ-секретаріатъ, какъ мы уже видѣли, достаточно ознаменовалъ свою дѣятельность, начавъ парализованіе закона 1812 г. о введеніи русскаго языка въ Финляндіи и кончая стремленіемъ ограничить Самодержавную власть руссихъ Государей проектами «Формы правленія». Врядъ-ли такая дѣятельность полезна и такое учрежденіе необходимо сохранять. Вѣдь доклады сената дѣйствительно, безъ ущерба для дѣла, могутъ производиться русскими министрами, и кромѣ пользы отъ сохраненія расходовъ на это учрежденіе, станетъ невозможнымъ введеніе въ текстъ законовъ, издаваемыхъ для Финляндіи, различныхъ параграфовъ шведскихъ конституціонныхъ законовъ, какъ это продѣлано статсъ-секретаріатомъ.

Полагаемъ, что мы достаточно ясно указали ненужность этихъ финляндскихъ учрежденій. Существованіе ихъ не оправдывается никакими актами, ни даже обѣщаніями Императора Александра I, въ его манифестахъ 1808 и 1809 г.; эти учрежденія даны по волѣ Самодержавнаго русскаго Монарха, и той же Самодержавной волей могутъ быть упразднены, разъ будетъ признана непригодность ихъ. Настаивать на сохраненіи этихъ установленій могутъ развѣ финляндскіе «государственники», чтобы имѣть основаніе пропагандировать ученіе о политическомъ положеніи Финляндіи какъ отдѣльнаго государства. Только для нихъ и важны эти отдѣльныя учрежденія, дающія имъ возможность разыгрывать политическую роль и жить на счетъ государства, интересамъ котораго они вредятъ. Но врядъ-ли слѣдуетъ обращать вниманіе на этихъ «политикановъ». Важны не ихъ интересы, важны интересы Россійской Имперіи и финскаго народа. Ни русскому, ни финскому народу

эти учрежденія не нужны, и если надлежащимъ образомъ своевременно финнамъ будетъ разъяснена польза отъ сокращенія расхода на эти учрежденія, то такое сокращеніе ничего кромѣ благодарности не можетъ вызвать съ ихъ стороны. А сокращеніе расхода съ упраздненіемъ этихъ двухъ учрежденій навѣрно будетъ довольно солидное. Если допустить, что съ увеличеніемъ на извѣстную степень работы въ русскихъ министерствахъ потребуется небольшое увеличеніе рабочей силы этихъ учрежденій, то во всякомъ случаѣ сокращеніе будетъ хотя на сумму содержанія, получаемаго гг. сенаторами судебнаго департамента, хозяйственнаго департамента, прокуроромъ сената и его экспедиціей, статсъ-архивомъ, статсъ-секретаріатомъ и всѣми начальниками девяти экспедицій, съ ихъ реффендаріи-секретарями. Цифра же получаемаго всѣми этими сановниками жалованія не маленькая; какъ видно изъ штатовъ сената [1]) и статсъ-секретаріата [2]), она равняется 926,000 финск. марокъ; къ этому слѣдуетъ добавить 81,973 марки 33 пени содержанія законоподготовительнаго учрежденія [3]); итого 1,007,973 марки 33 пенни или по указанному курсу 377,990 руб. ежегодно. Эта цифра могла быть употреблена съ большей пользой для того же финскаго народа, чѣмъ содержаніе учрежденій, поддерживающихъ несбыточныя и опасныя фантазіи финляндской партіи независимости.

Все, что мы говорили, касалось нравственной и матеріальной пользы финскаго народа; но мы полагаемъ, что намъ позволено будетъ сказать нѣсколько словъ и объ интересахъ русскаго народа. Въ теченіе многихъ вѣковъ русскій народъ боролся со Швеціей за обладаніе этимъ краемъ. Если взять въ соображеніе всѣ войны, которыя велись Россіей въ этомъ краѣ, то думаемъ, что врядъ-ли во всей Финляндіи найдется хотя пядь земли, не омытой русской кровью, а потому думаемъ, что русскіе люди въ правѣ желать уничтоженія тѣхъ «особенныхъ» учрежденій края, которыя даютъ возможность меньшинству

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1891 г., № 30, стр. 49—64.

[2]) Тоже, № 26, стр. 7—8.

[3]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1893 г., № 3.

народонаселенія развивать фантазіи, для противодѣйствія которымъ рано или поздно могутъ потребоваться опять русскія войска. Русскій народъ крайне добродушный побѣдитель, онъ не желаетъ рабства побѣжденныхъ, онъ готовъ каждаго побѣжденнаго признать братомъ, какъ брата принять на равныхъ съ собою правахъ въ великую русскую семью. Но отъ него несправедливо требовать, чтобы онъ жертвовалъ своими силами, своею кровью ради несбыточныхъ фантазій побѣжденнаго. Вотъ почему намъ кажется,—справедливо было бы въ интересахъ и русскаго народа изслѣдовать основательно не только стремленія финляндской партіи независимости, но и дѣятельность финлянскаго сената и статсъ-секретаріата, оказывающихъ покровительство этой партіи, и пока не поздно, лишить эту партію средствъ повторить въ Финляндіи грустныя событія 1830 и 1863 годовъ Польши и Западнаго края.

Но, можетъ быть, найдутся опоненты, которые скажутъ вмѣстѣ съ г. Даніельсономъ, что сравнивать Финляндію съ Польшей нельзя, что въ Финляндіи не было событій, аналогичныхъ съ возстаніями 1830 и 1863 гг., и что нѣтъ основаній въ будущемъ ожидать подобныхъ дѣйствій со стороны «честнаго и вѣрнаго» финскаго населенія. Да, аналогичныхъ событій *пока еще не было*, но нужно посмотрѣть, почему они были въ одномъ краѣ, и почему ихъ не было въ другомъ, и тогда только можно съ большей или меньшей вѣроятностью сказать, что такія событія могутъ или не могутъ совершиться въ Финляндіи.

Какъ извѣстно, Польша только послѣ Вѣнскаго конгресса перестала быть отдѣльнымъ государствомъ. На этомъ конгрессѣ она была раздѣлена между тремя сосѣдями, но при раздѣлѣ каждой изъ отдѣльныхъ частей были оставлены самостоятельныя права, точно опредѣленныя международнымъ актомъ. Приведемъ 1-ю ст. акта Вѣнскаго конгресса отъ 9 іюня 1815 года.

«Герцогство Варшавское навсегда присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно, въ силу своей конституціи, будетъ въ неразрывной связи съ Россіей и во владѣніи Его Величества Императора Всероссійскаго, наслѣдниковъ Его и преемниковъ на вѣчныя времена.

«Его Императорское Величество предполагаетъ даровать, по Своему благоусмотрѣнію, внутреннее устройство сему государству, имѣющему состоять подъ особымъ управленіемъ. Его Вели-

чество присовокупитъ къ прочимъ титуламъ и титулъ Царя, Короля Польскаго. Поляки, какъ россійскіе подданные, такъ равномѣрно и австрійскіе и прусскіе, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія» [1]).

Такимъ образомъ присоединеніе Герцогства Варшавскаго или Царства Польскаго въ 1815 году совершилось на опредѣленныхъ условіяхъ. Эти условія, какъ мы уже говорили, Императоры АлександръI и Николай I точно выполнили, а послѣдній даже короновался какъ Король, Царь Польскій въ Варшавѣ въ 1829 г. Но условія Вѣнскаго конгресса нарушила Польша, и въ 1830 году совершилось полное безусловное покореніе Царства Польскаго. Императоръ Николай I уничтожилъ польскую конституцію, но къ несчастію Россіи и Польши, оставилъ нѣкоторыя «особыя» учрежденія, подобныя учрежденіямъ Финляндіи. Эти-то «особыя учрежденія» и были главной причиной событій 1863 г. Подъ покровительствомъ этихъ учрежденій могъ созрѣть и пропагандироваться планъ возстановленія польскаго королевства въ фантастическихъ границахъ. Благодаря только этимъ учрежденіямъ было возможно тайное развитіе тѣхъ идей, которыя вскорѣ послѣ смерти Императора Николая I начали высказываться въ польской мѣстной и заграничной печати. Часть русской печати указывала на эти идеи, какъ на предвѣстникъ бури. Но этихъ указаній не слушали и пропаганда безпрепятственно работала, и все больше и больше пріобрѣтала адептовъ среди увлекающейся какъ польской, такъ частью и русской молодежи. Польша задумала возстать, но зная силу Россіи, она не рѣшилась дѣйствовать одна. Революціонная партія разослала своихъ пословъ, которые, какъ извѣстно, заручились обѣщаніями Наполеона III и лондонскаго кабинета. Подготовленія шли чуть не открыто и польскіе воротилы въ Петербургѣ умѣли усыпить русское правительство. Подготовивъ все и увлекшись надеждами на помощь парижскаго и лондонскаго кабинетовъ, вожаки начали первый актъ драмы, наступилъ періодъ пѣсень, сходокъ и рѣчей. Поляки старались всевозмомными оскорбленіями вызвать столкновеніе, но и такое поведеніе не дѣйствовало, «особое управленіе» Польшей продолжало существовать. Польскіе заправилы стояли у кормила правленія. Драма

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державою“, стр. 123.

разыгралась. Возстаніе подавлено. Погибло много людей съ обѣихъ сторонъ. Много увлекающейся молодежи заплатило за свое увлеченіе жизнью, годами тяжелой ссылки или скитаніемъ заграницей. И только послѣ этой полной ужаса и крови драмы поняли причину всѣхъ несчастій. Поняли, что причина всего зла *особенность края*, и началась другая политика, политика не «соединенія», а *сліянія* края въ одно цѣлое съ остальной Россіей. «Особыя» учрежденія были уничтожены, Царство Польское перестало существовать, это названіе было замѣнено названіемъ «Привислянскій край», нынѣ Варшавское генералъ-губернаторство. Повсюду введены русскія учрежденія, русскіе законы и русскій языкъ. Край успокоился и мало по малу начинаетъ сознавать всю нелѣпость прежнихъ мечтаній. Политика «сліянія», начавшись послѣ подавленія возстанія 1863 г., продолжается, и можно съ увѣренностью сказать, что пройдетъ еще нѣкоторый, сравнительно небольшой періодъ времени, и никакіе «политиканы» и «государственники» не въ силахъ будутъ производить какія либо смуты въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ. При первой попыткѣ, при первомъ словѣ, они позорно будутъ изгнаны тѣмъ же самымъ народомъ, который до возстанія слушалъ ихъ какъ апостоловъ, какъ мучениковъ за честь «отчизны»; нужно только «*располячить*» костелъ, по мѣткому выраженію «Новаго Времени».

Теперь взглянемъ на положеніе Финляндіи. Въ этомъ краѣ не могло быть событій 1830 г., такъ какъ никогда не было событій 1815 г. Польша по трактату 1815 г. имѣла конституцію, она была присоединена условно. Финляндія же по трактату 1809 г. не имѣла никакой конституціи, и отдана была безусловно «въ собственность и Державное обладаніе Россійской Имперіи».

Польша, обладая правами трактата 1815 года, возмечтала о полномъ отдѣленіи отъ Россіи въ 1830 г. Финляндскимъ воротиламъ, прежде чѣмъ говорить о независимости, нужно было создать права, которыхъ этотъ край не имѣлъ, и они начали трудную работу созданія правъ, вполнѣ аналогичныхъ съ правами Польши 1815 г. На эту работу они затратили не мало времени, не мало труда. Работая въ этомъ направленіи, они знали, что достигнувъ лишь этихъ правъ, они могутъ выдвинуть на сцену знаменитый проектъ Спренгпортена о финляндской республикѣ. Въ этомъ направленіи давно работала партія независи-

мости, родоначальникомъ которой слѣдуетъ считать того же Спренгспортена. Послѣ долгихъ усилій, при дѣятельной помощи сената и статсъ-секретаріата, ей наконецъ удалось, благодаря обманамъ и интригамъ, пріобрѣсти совершенно «аналогичное» положеніе съ положеніемъ Царства Польскаго 1815—1830 гг. Такое положеніе явилось лишь въ 1881 г.

Добывъ такое положеніе, знаменитая партія независимости начинаетъ подготовленіе къ постановкѣ драмы, разыгранной Польшей. Пользуясь поддержкой сената и надѣясь на силы финской арміи, эта партія въ настоящее время нашла возможнымъ приступить къ постановкѣ перваго акта польской драмы шестидесятыхъ годовъ, т. е. пѣсень, рѣчей и вызововъ.

Вглядитесь хорошенько въ народныя празднества, совершаемыя съ нѣкотораго времени въ разныхъ мѣстахъ «Финляндскаго государства», прочтите брошюры, распространяемыя заграницей апостолами финляндскаго ученія, прослѣдите за вызовами, которые отъ времени до времени «безнаказанно» раздаются въ мѣстныхъ газетахъ, и тогда поймете, что въ Финляндіи *уже совершаются* событія, вполнѣ аналогичныя съ первымъ актомъ польской драмы.

О брошюрахъ господъ Даніельсона, Мехелина и друг. достаточно сказано; мы упомянемъ лишь о народныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ Финляндіи. Эти торжества называютъ «Laulujuhla», т. е. праздникъ пѣнія. Они устраиваются ежегодно въ одномъ изъ небольшихъ городовъ края и на нихъ съѣзжаются десятки тысячъ людей. Намъ пришлось видѣть въ этомъ году одинъ изъ такихъ праздниковъ, и мы нѣсколько ниже подробно опишемъ его; теперь скажемъ, что все это совершается съ вѣдома финляндскаго сената и, разумѣется, внѣ надзора русскихъ властей.

Всѣ эти съѣзды требуютъ расходовъ; для чего и кѣмъ они дѣлаются? Вотъ вопросъ, который требуетъ изслѣдованія самаго тщательнаго. На эти празднества слѣдуетъ обратить особое вниманіе. Надзоръ за прессой также принадлежитъ тому же сенату, а потому посмотримъ, что говорится въ послѣднее время въ руководящихъ финляндскихъ газетахъ этой партіи. Мы не станемъ приводить всѣхъ оскорбленій по адресу Россіи и русскаго правительства, чуть не ежедневно появляющихся въ мѣстныхъ финскихъ и шведскихъ газетахъ, мы лишь укажемъ на двѣ корреспонденціи, помѣщенныя въ «Новомъ Времени» за

1896 г. Въ № 7143 этой газеты отъ 17/29 января напечатана корреспонденція изъ Гельсингфорса, въ которой разсказывается, что русская акціонерная компанія обратилась съ ходатайствомъ къ «финляндскому правительству» о разрѣшеніи воспользоваться для электрическаго освѣщенія Петербурга частью даровой двигательной силы водопада Иматра. Финляндскій сенатъ передалъ это ходатайство на заключеніе экспедиціи торговли и промышленности, которая нашла возможнымъ сдать въ аренду право пользованія частью водопада, «отнюдь не продавая этого права въ собственность акціонеровъ». Такое мнѣніе экспедиціи возбудило негодованіе прессы, которая кричитъ, «чтобы иностранныя руки» не смѣли прикоснуться къ «національной собственности» финскаго народа, и не дерзнули «осквернять гордость Финляндіи—Иматры»! Какъ поступилъ сенатъ послѣ такихъ отзывовъ печати, мы не знаемъ, да это не важно. Важно то, что мѣстныя газеты позволили себѣ такія выраженія, что эти выраженія появились въ печати съ разрѣшенія цензуры. Но это можетъ быть объяснено невоспитанностью какъ членовъ цензурнаго комитета, такъ и гг. писателей, и притомъ эти выраженія относятся къ «русскимъ», а не къ русскому правительству. Но вотъ образчикъ проповѣди мѣстной печати, относящейся прямо къ верховной власти Россіи. Въ № 7263 «Новаго Времени» отъ 19/31 мая 1896 г., гельсингфорскій корреспондентъ этой газеты г. М—въ разсказываетъ, какую бурю среди финляндскихъ «государственниковъ» произвело извѣстіе, что законопроектъ о реформѣ финляндской таможни, разработанный особой коммиссіей при Министерствѣ Финансовъ, будетъ переданъ въ Государственный Совѣтъ и рѣшенъ безъ участія сейма. По этому поводу «застрѣльщики» этихъ государственниковъ, т. е. пресса, начала разглагольствованія о томъ, что «русское правительство», иначе говоря Императоръ, не имѣетъ права, въ силу знаменитыхъ шведскихъ конституціонныхъ законовъ, рѣшать таможенные вопросы безъ участія сейма. Ссылки на эти законы вещь старая, избитая и разобранная, но важно то, что эти толки о нихъ всетаки продолжаются, да еще и то, что къ старымъ мотивамъ прибавился и новый, который г. М—въ приводитъ частью буквально. По его словамъ, «Nya Pressen», (очень распространенная въ Финляндіи газета), кромѣ обыденной ссылки на шведскіе законы, запрещающіе королю назначать налоги безъ участія сейма, приводитъ слѣдующій доводъ,

почему таможенный вопросъ нельзя рѣшить безъ участія земскихъ чиновъ Финляндіи: «таможенныя пошлины Финляндіи приближаются къ круглой цифрѣ 25 милліоновъ марокъ ежегодныхъ поступленій, что вскорѣ составитъ около двухъ пятыхъ всѣхъ «государственныхъ» доходовъ княжества, или около 10 марокъ на каждаго жителя. Возможно-ли, чтобы подобное дѣло предоставлено было усмотрѣнію только правительства? Представьте себѣ только, что сеймъ не пожелалъ бы, напримѣръ, принять подоходнаго налога, и тогда правительству стоило бы только наложить по 1-й пенни на килограммъ хлѣба и муки, чтобы въ другой формѣ взять съ народа еще болѣе того, въ чемъ отказалъ ему сеймъ».

Этотъ доводъ, пожалуй, посильнѣе всѣхъ ссылокъ на шведскіе законы; оказывается, что сеймъ можетъ отказать Государю въ налогѣ, что кто-то можетъ предоставить и не предоставить Самодержавному Государю права издавать тѣ или другіе законы о таможнѣ. Какая же это власть: сеймъ, сенатъ или вожаки партіи независимости? Ну, а если Государь не послушаетъ этой *всемогущей власти*, и не смотря на запрещеніе, установитъ новый таможенный уставъ? Вѣроятно, финляндскій народъ откажется повиноваться такому уставу, окажетъ активное сопротивленіе волѣ Государя. Это, что-ли, желали сказать господа «застрѣльщики» финляндскихъ «государственниковъ»?

Въ № 7268 «Новаго Времени» отъ 24 мая 1898 г. помѣщено заимствованное изъ «Nya Pressen» извѣстіе о визитѣ, сдѣланномъ однимъ изъ финляндскихъ депутатовъ, прибывшихъ на коронацію, г. Монтгомери посламъ Германіи, Австріи и Франціи. Передавая это извѣстіе, г. хроникеръ «Новаго Времени» жалѣетъ, что «Nya Pressen» не разъяснила интереснаго вопроса: чѣмъ былъ вызванъ подобный визитъ финскаго депутата къ представителямъ иностранныхъ державъ, и въ качествѣ кого именно г. Монтгомери посѣтилъ названныхъ пословъ? Вспомнимъ, что г. Монтгомери одинъ изъ проповѣдниковъ финляндскаго ученія, и тогда намъ будетъ ясно, что онъ являлся въ качествѣ «представителя» отдѣльнаго государства Финляндскаго, сестоящаго въ уніи съ Россіей, «съ тою цѣлью, съ какой г. Монтгомери издавалъ свои брошюры на разныхъ языкахъ, т.-е. съ цѣлью пріобрѣтенія «расположенія» въ политическомъ мірѣ Европы къ стремленіямъ этого новаго, никѣмъ не признаннаго государства. Неправда-ли, какъ это напоминаетъ

дѣятельность «пословъ польскаго народа» къ Европейскимъ дворамъ шестидесятыхъ годовъ? Только не сообразили гг. «государственники», что Европа 1896 г. иначе смотритъ на Россію, чѣмъ смотрѣла въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и что теперь врядъ-ли найдется въ Европѣ хотя одно правительство, которое признало бы возможнымъ оказать хотя нравственную поддержку финляндскимъ фантазіямъ. Каковы результаты этихъ визитовъ въ смыслѣ установленія политическихъ сношеній — не извѣстно. Думаемъ, что никакихъ, но въ Финляндіи этому визиту придаютъ огромное значеніе. Всѣ газеты и газетки края перепечатали его, а общественное мнѣніе въ пріемѣ г. Монтгомери европейскими послами усматриваетъ чуть не признаніе со стороны Европы политическихъ правъ Финляндскаго государства.

Для того, чтобы еще рельефнѣе показать сходство финляндскихъ фантазій съ таковыми же, бывшими въ Польшѣ въ началѣ 60 годовъ, мы укажемъ на статью г. Абова «О Финляндіи», помѣщенную въ № 7279 «Новаго Времени», въ которой онъ приводитъ мечтанія различныхъ финляндскихъ патріотовъ, ожидающихъ рожденія финскаго Александра Македонскаго, который создастъ новое финское государство «*отъ Торнео до Тихаго океана*». Развѣ все это не напоминаетъ знаменитыхъ границъ Польскаго государства «*отъ моря до моря*»?!

Не знаемъ, какъ смотрятъ другіе на всѣ эти явленія въ жизни финляндскаго края, но принимая во вниманіе извѣстныя явленія, предшествовавшія польскому возстанію, мы смѣло говоримъ, что эти явленія вполнѣ сходны съ польскими выходками начала шестидесятыхъ годовъ. Мы глубоко убѣждены на основаніи всего нами высказаннаго, что если не будетъ поставлено надлежащей преграды дальнѣйшимъ стремленіямъ финскихъ заправилъ, то въ недалекомъ будущемъ еще разъ русскою кровью придется обагрить финскую землю.

Тяжело это высказывать, но еще тяжелѣе сознавать и молчать. Мы высказали искреннее свое убѣжденіе. Насколько заслуживаютъ вниманія затронутые нами вопросы, — судить не намъ, людямъ маленькимъ; пусть это рѣшаютъ люди «власть имущіе». Если же они найдутъ возможнымъ обратить вниманіе на указанныя нами явленія, то они же найдутъ возможнымъ не только провѣрить указанное нашимъ бѣглымъ обзоромъ, но и раскрыть многое, неизвѣстное намъ. Средствъ для этого достаточно. Ревизіи окраинъ Россійской Имперіи, совер-

шенныя въ Царствованіе Императора Александра III, принесли не мало пользы государству. Одна только Финляндская окраина ни разу не была обревизована русскими сенаторами. Отчего бы не прибѣгнуть къ этому испытанному средству для изслѣдованія истиннаго положенія дѣлъ края. Такая ревизія раскрыла бы, что финляндскій сенатъ, имѣя власть и возможность парализовать дѣятельность партіи независимости строгимъ надзоромъ за дѣятельностью различныхъ обществъ и прессы, не только не исполняетъ этой прямой своей обязанности, а напротивъ, какъ бы поощряетъ всѣ затѣи этой партіи. А разъ это будетъ раскрыто оффиціально, то полагаю, что не будетъ и рѣчи о дальнѣйшемъ существованіи ненужнаго и даже вреднаго учрежденія.

Глава VII.

Силы и средства партіи финляндской независимости: армія, таможня, монетная система и государственный языкъ.

Въ прошедшей главѣ мы указали на безполезность и даже вредность высшихъ учрежденій края: сената и статсъ-секретаріата. Мы указали, что эти учрежденія оказывали если не активное, то во всякомъ случаѣ пассивное содѣйствіе партіи независимости, а такъ какъ по нашему мнѣнію все вниманіе русскаго правительства должно быть обращено на эту партію, ее необходимо «обезвредить», необходимо лишить финляндскую пропаганду основъ, силы и средствъ, и тогда только возможно будетъ съ увѣренностью сказать, что попытки къ осуществленію фантазій этой партіи немыслимы.

Что же составляетъ силу и средства этой партіи? Силу этой партіи и основу ея ученія составляютъ учрежденія, подтверждающія правильность ученія о положеніи Финляндіи, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго государства; таковы: армія, таможня, отдѣльная монетная система и отдѣльный государственный языкъ. Средствами распространенія этого ученія являются: сеймъ, школа, печать и устная политическая проповѣдь.

Атрибуты государственнаго значенія края составляютъ всю силу ученія партіи независимости. До тѣхъ поръ, пока край будетъ пользоваться вышеуказанными атрибутами, никакія изслѣдованія финляндскаго вопроса, никакія опроверженія сепаратистскаго ученія не могутъ имѣть значенія въ Финляндіи. Что бы ни говорили русскіе публицисты о томъ, что Финляндія русская провинція, они встрѣтятъ весьма вѣское опроверженіе: указаніе на особыя «государственныя учрежденія Финляндіи», не мыслимыя въ остальныхъ русскихъ провинціяхъ. Эти учрежденія имѣютъ тѣмъ болѣе значенія, что они очевидны для каждаго простого человѣка, не имѣющаго понятія о политическихъ дебатахъ. Каждый финнъ-крестьянинъ прекрасно знаетъ, что рус-

скій *не можетъ* поступить въ финскія войска и что финляндца *не могутъ* послать служить въ русскія войска, точно также какъ не могутъ послать служить въ войскахъ другого государства; онъ знаетъ, что у него есть *свои* деньги, которыя *лучше русскихъ денегъ*, такъ какъ русскія деньги дешевле; онъ знаетъ, что каждый чиновникъ *обязанъ* говорить съ нимъ на его родномъ языкѣ, что даже къ русскому генералъ-губернатору онъ *можетъ* обратиться съ просьбой на финскомъ языкѣ, въ то же время какъ русскій, живущій въ краѣ, не можетъ обращаться къ мѣстнымъ властямъ иначе какъ по фински; онъ знаетъ, что ему въ Финляндіи не нужно знать ни русскаго языка, ни русскихъ законовъ, а русскому въ той же Финляндіи необходимо знать какъ языкъ, такъ и законы края. Всѣ эти видимые атрибуты отдѣльнаго государства вполнѣ убѣждаютъ каждаго мѣстнаго крестьянина въ правдивости его учителей, толкующихъ о Финляндіи, какъ объ отдѣльномъ государствѣ, въ которомъ русскій Императоръ «только Великій Князь, не имѣющій права измѣнять законы».

Мы указали, что атрибуты, присущіе каждому самостоятельному государству, составляютъ *нравственную силу* ученія финляндскихъ «государственниковъ», какъ наглядно подтверждающіе ихъ ученіе. Но между этими атрибутами есть одинъ, составляющій *физическую силу* этой партіи—это финское войско, и на него то и должно быть обращено главное вниманіе правительства.

Мы уже указали, что въ силу самой присяги, требуемой § 88 Устава о воинской повинности 1878 г., финское войско должно быть проникнуто ученіемъ партіи независимости. А разъ это такъ, то понятно, что при открытомъ возстаніи оно явится физической силой партіи и составитъ центръ, около котораго соберется возбужденное вожаками населеніе. Посмотримъ теперь численность этой силы.

По уставу 1878 г., численность «финской дѣйствующей арміи» въ мирное время опредѣлена въ «пять тысячъ» нижнихъ чиновъ [1]). Изъ оффиціальнаго «Finlands Stats Kalender» на 1894 годъ видно, что финскую дѣйствующую армію составляютъ

---

[1]). § 121 Устава о воинской повинности 1878 г., затѣмъ въ 1889 г. редакція этого параграфа измѣнена и численность нижнихъ чиновъ увеличена до 5600 чел.

9 пѣхотныхъ батальоновъ, каждый въ 4 роты, и одинъ драгунскій полкъ, въ составѣ 6 эскадроновъ. Изъ 9 пѣхотныхъ батальоновъ 1 —гвардія и 8—армія, размѣщенная по губернскимъ городамъ края [1]). Кромѣ дѣйствующей арміи, имѣется финскій военный резервъ (Finska militären reservs) [2]). Весь этотъ резервъ раздѣленъ на 8 батальоновъ, соотвѣтствующихъ 8-ми армейскимъ батальонамъ дѣйствующей арміи. Въ каждомъ батальонѣ резерва имѣется одинъ батальонный и четыре ротныхъ командира. Эти послѣдніе размѣщены въ 32 сборныхъ пунктахъ Финляндіи. При каждомъ ротномъ командирѣ имѣется опредѣленное количество инструкторовъ нижнихъ чиновъ. Для опредѣленія численнаго состава какъ дѣйствующей финской арміи, такъ и ея резерва, мы должны пояснить порядокъ отбыванія воинской повинности въ Финляндіи.

«Къ отбыванію воинской повинности ежегодно призываются всѣ финляндцы, достигшіе 21 года и способные носить оружіе. Одни изъ нихъ, по жребію, зачисляются въ дѣйствующее войско, другіе въ запасъ. Въ дѣйствующемъ войскѣ срокъ службы полагается только три года и въ запасѣ пять лѣтъ. Отслужившіе въ дѣйствующемъ войскѣ три года, переводятся въ запасъ на два года, образуя тамъ инструкторовъ». Такимъ образомъ резервъ или запасъ состоитъ изъ ежегоднаго призыва всѣхъ финляндцевъ, непопавшихъ «по жребію» въ дѣйствующія войска. Инструкторами этого резерва являются лица, прослужившія уже 3 года, и вполнѣ обученные солдаты дѣйствующей арміи. Зачисленные въ запасъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ ежегодно на одинъ мѣсяцъ призываются въ учебные сборы. Изъ этого резерва въ военное время берется потребное количество людей на укомплектованіе дѣйствующей арміи. Окончившіе срокъ службы въ запасѣ переводятся до 40 лѣтняго возраста въ ополченіе, которое призывается на «защиту финляндскаго отечества въ случаѣ вступленія въ него непріятеля» [3]).

Изъ этого ясно, что почти каждый финляндецъ долженъ пройти военную школу или въ дѣйствующихъ войскахъ, или въ запасѣ. Благодаря такому порядку, Финляндія, имѣя крайне

---

[1]) Finlands Stats Kalender 1894, стр. 198—214.

[2]) Тамъ же, стр. 214—217.

[3]) Еленевъ, „Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности“, стр. 38—39.

небольшую дѣйствующую армію, можетъ выставить значительную вооруженную силу въ случаѣ надобности. Опредѣлить точно численность этой силы въ настоящее время мы не можемъ, но имѣемъ нѣкоторыя данныя для приблизительнаго исчисленія. Въ 1886 году дѣйствующія войска Финляндіи состояли только изъ 9-ти батальоновъ пѣхоты, въ которыхъ числилось 4579 нижнихъ чиновъ. Приказомъ отъ 17 апрѣля 1889 года сформированъ драгунскій полкъ въ составѣ 712 нижнихъ чиновъ. По указу 6 мая 1883 года въ учебные сборы были призваны «два класса» резерва: срока 1881 года—8700 человѣкъ и срока 1882 года—8400 человѣкъ, итого 17,100; явилось 13,000 человѣкъ. Затѣмъ съ 1884 года призывались ежегодно по 3 класса въ количествѣ: въ 1884 году—21,390 человѣкъ; въ 1885 г.—19,344; 1886 г—17,826; 1887 г.—17,639 и въ 1888 г.—19,946 челов. Явилось въ этомъ послѣднемъ году 16,870. Для обученія этого резерва имѣется 40 офицерввъ и 192 унтеръ-офицера [1]). Попробуемъ на основаніи этихъ данныхъ вывести численность боевой силы Финляндіи въ настоящее время. Допустимъ, что численность дѣйствующихъ войскъ съ 1886 года не увеличилась; предположимъ, что съ 1889 года зачислялось въ резервъ наименьшее количество людей, т.-е. $^1/_3$ учебнаго призыва 1887 года, или по 5880 человѣкъ ежегодно, и наконецъ, что при призывѣ резерва и ополченія не явится наибольшее количество призывныхъ, т.-е. 25% призыва (въ 1884 году неявилось $24^1/_2$% всего призыва, въ 1887—15%). Дѣлая такія предположенія, оказывается, что *Финляндія въ 1896 году могла выставить не менѣе 82,000 обученныхъ солдатъ.* Теперь укажемъ точно число офицеровъ этой арміи «финскаго государства» по чинамъ: генералъ-лейтенантовъ—1, генералъ-маіоровъ—3, полковниковъ—12, подполковнковъ—21, капитановъ и ротмистровъ—41, штабсъ-капитановъ и штабсъ-ротмистровъ—42, поручиковъ 87, подпоручиковъ и корнетовъ 64; итого 271 человѣкъ. Изъ числа этихъ офицебовъ пять—офицеры генеральнаго штаба (1 генер.-маіоръ, 3 полковника и 1 подполковникъ). Приводя численность офицеровъ финской арміи, мы не приняли въ разсчетъ офицеровъ, состоящихъ при финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ: 1 генералъ-лейтенантъ, 1 генералъ-маіоръ, 5 полковниковъ, 4 ка-

[1]) С. Петровскій. „Финляндская окраина", выпускъ I, стр. 169—173 и 193.

питана и 4 поручика; итого 15 человѣкъ [1]). Указавъ боевую способность Финляндіи, мы повторяемъ, что въ мирное время армія этого «государства» состоитъ изъ 9 пѣхотныхъ батальоновъ и 1 кавалерійскаго полка, численностью всего въ пять тысячъ двѣсти весемьдесятъ четыре человѣка. Начальство надъ финскими войсками, въ силу § 119 устава о воинской повинности [2]), принадлежитъ «генералъ-губернатору края, командующему вмѣстѣ съ тѣмъ и русскими войсками, расположенными въ краѣ», причемъ «военный министръ Имперіи въ семъ же званіи для финскихъ войскъ», докладываетъ Императору дѣла, касающіяся этихъ войскъ. Но для особой финской арміи такого управленія недостаточо; понадобились: особый начальникъ финскихъ войскъ съ помощникомъ, два «особыхъ» штаба—одинъ при управленіи генералъ-губернатора, отдѣльно отъ штаба финляндскаго военнаго округа, другой при начальникѣ финскихъ войскъ,—особый докладчикъ по дѣламъ финской арміи при военномъ министрѣ въ Петербургѣ съ особой канцеляріей, и наконецъ особое военное министерство въ Гельсингфорсѣ (милиціонная экспедиція финляндскаго сената). На всѣ эти особыя управленія тратятся деньги не малыя. Изъ бюджета 1893 года [3]) видно, что на нихъ, кромѣ содержанія милиціонной экспедиціи сената, тратится ежегодно 200,276 финскихъ марокъ или 75,103 р. 50 коп. кред. Думаемъ, что такая сумма, если не вся, то большая часть ея, тратится непроизводительно и при сліяніи «финской арміи» съ русской должна остаться въ экономіи.

Указавъ, насколько позволяли имѣвшіеся у насъ источники, боевую способность Финляндіи, мы попросимъ господъ спеціалистовъ военнаго дѣла рѣшить задачу: какая понадобится армія для подавленія возстанія страны, имѣющей возможность выставить обученную народную милицію въ 82,000 человѣкъ, принимая во вниманіе топографическія условія края? Г. Еленовъ полагаетъ, что каждый финскій стрѣлокъ, среди сочувствующаго мѣстнаго населенія, будетъ стоить Россіи десяти

---

[1]) «Finlands Stats-Kalender» 1896 г., стр. 202—224.

[2]) Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго за 1878 г., № 15, стр. 29.

[3]) Тоже, 1893 г., № 5.

человѣкъ [1]). Мы готовы допустить, какъ предположеніе, что только эта народная армія и будетъ составлять всѣ силы возстанія, что все остальное населеніе болѣе двухъ милліоновъ останется индиферентнымъ. При такомъ скромномъ предположеніи, мы полагамъ, что гг. спеціалисты не признаютъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что для подавленія такого возстанія нужно по крайней мѣрѣ вдвое сильнѣйшую армію, то-есть около 164,000 человѣкъ. Депустимъ опять таки, что по невѣдѣнію мы сильно ошибаемся; допустимъ, что въ дѣйствительности нужно на 3 финна одинъ русскій солдатъ, т.-е. что спеціалисты скажутъ, что въ случаѣ возстанія достаточно лишь 27,000 человѣкъ. Спорить не будемъ, цифра для насъ не играетъ роли; по нашему мнѣнію, важно одно, что при настоящемъ строѣ Финляндіи, финляндскіе фантазеры могутъ имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстную силу и что при подавленіи этой силы погибнетъ извѣстное количество *русскихъ* людей, прольется не мало *русской крови*. Для насъ важно, что такую печальную, совершенно ненужную жертву вынужденъ будетъ принести русскій народъ. Остальные спеціально военные вопросы по отношенію финской арміи пусть рѣшатъ русскіе военные спеціалисты; это ихъ обязанность, ихъ святой долгъ передъ родиной.

Пусть они обдумаютъ: нормально-ли существованіе особой финской арміи, въ которой могутъ служить, въ силу дѣйствующаго закона (§ 120 «Устава о воинск. повин. 1878 г.») [2]), лишь финляндскіе граждане? Пусть они рѣшатъ, не грозитъ-ли такое ненормальное положеніе опасностью для спокойствія края и Россіи, не потребуетъ-ли оно современемъ указанныхъ нами жертвъ, и если они признаютъ, что мы хотя отчасти правы, что *такое положеніе можетъ потребовать со стороны Россіи хотя бы самой минимальной кровавой жертвы*, то пусть они заблаговременно позаботятся объ устраненіи возможности печальныхъ событій. По нашему мнѣнію, велики заслуги военныхъ героевъ, одерживающихъ побѣды на кровавыхъ нивахъ, но еще выше заслуги военныхъ дѣятелей, которые не проливъ ни одной капли крови, за-

---

[1]) Еленевъ. „Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности“, стр. 39.

[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1878 г., № 25.

ставятъ покориться ихъ волѣ. По нашему крайнему разумѣнію, такая безкровная побѣда надъ финляндскими сепаратистами еще возможна въ настоящее время, и не особенно затруднительна. Мы думаемъ, что для этого нужно произвести сліяніе финскихъ войскъ съ русскими. Сліяніе это возможно или путемъ полнаго объединенія армій назначеніемъ людей, призываемыхъ къ отбыванію повинности, въ русскія войска, или же путемъ отмѣны §§ 88 и 120 «Устава о воинск. повин.» 1878 г. и распредѣленія финскихъ солдатъ между русскими полками, стоящими даже въ Финляндіи, и назначеніе русскихъ офицеровъ и русскихъ солдатъ въ финляндскія войска. При этомъ слѣдуетъ устроить такъ, чтобы какъ въ русскихъ полкахъ, такъ и въ финскихъ батальонахъ русскій элементъ преобладалъ надъ финскимъ по крайней мѣрѣ въ два раза, т.-е. чтобы на одного финляндца приходилось по крайней мѣрѣ два русскихъ, и чтобы командиры всѣхъ отдѣльныхъ частей войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, начиная со взводныхъ офицеровъ, были бы обязательно русскіе. Оставшіеся безъ должностей финскіе офицеры могли бы получить одинаковыя должности въ русскихъ войскахъ, но расположенныхъ въ Имперіи.

Все это касается дѣйствующихъ войскъ края; для оздоровленія резерва нужно измѣнить порядки отбыванія воинской повинности, т. е. ввести русскій уставъ, подчинить его русскимъ офицерамъ и дать русскихъ инструкторовъ.

Но это дѣло военныхъ спеціалистовъ и они, вѣроятно, найдутъ способы.

Эта мѣра, по нашему мнѣнію, могла бы оказать благодѣтельное вліяніе не только въ смыслѣ сближенія *двухъ чуждыхъ другъ другу армій,* но и въ смыслѣ сближенія финскаго народа съ русскимъ, а равно и въ смыслѣ распространенія знанія русскаго языка въ краѣ. Для господъ офицеровъ финскаго войска такая мѣра не составила бы, полагаемъ, никакого лишенія; вѣдь служитъ же много *финскихъ гражданъ* въ русскихъ войскахъ добровольно, и не находятъ въ этомъ никакого неудобства. Что же касается до нижнихъ чиновъ, то мы не думаемъ, чтобы эта мѣра въ настоящее время вызвала неудовольствіе съ ихъ стороны, разъ они останутся въ предѣлахъ Финляндіи. Мы не можемъ указать суммы, во что можетъ обойтись такая реформа, но думаемъ, что если бы потребовался нѣкоторый расходъ на осуществленіе какого либо способа *сліянія армій,* то передъ

этимъ расходомъ останавливаться не слѣдуетъ, такъ какъ онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ менѣе расхода, который черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ потребоваться для усмиренія края, и кромѣ того, этотъ расходъ сохранитъ не мало *человѣческихъ жертвъ, которыхъ нельзя оцѣнивать рублями.*

Можетъ быть, намъ возразятъ, что такая мѣра совершенно не нужна, что финская армія подчинена русскому генералъ-губернатору, командующему войсками округа, что благодаря такому надзору, никакія случайности невозможны. Думаемъ, что такое возраженіе можетъ послѣдовать лишь со стороны лицъ, не знающихъ военнаго быта; люди же, знакомые съ жизнью солдата, вѣроятно признаютъ, что ни одинъ генералъ, какъ бы ни были велики его способности, не можетъ *воспитывать*, а въ особенности *перевоспитывать* войска безъ содѣйствія младшихъ офицеровъ, близко стоящихъ къ солдату. На такое же содѣйствіе со стороны офицеровъ «финской арміи» врядъ-ли можно разсчитывать. А потому думаемъ, что какъ бы ни были велики дарованія русскаго командующаго войсками, какъ бы ни было велико его желаніе установить правильное отношеніе края къ Россіи, одинъ онъ безсиленъ, и при настоящемъ порядкѣ вещей въ Финляндіи, онъ даже не можетъ знать, что дѣлается въ краѣ, что дѣлается въ финской арміи, и потому его начальство является номинальнымъ.

Равнымъ образомъ намъ могутъ сказать, что лица, стоящія во главѣ финской арміи, прослужили не малое количество лѣтъ въ русской арміи и доказали своей службой преданность Россіи. Не оспаривая достоинства лицъ, командующихъ отдѣльными частями финской арміи, и вообще не касаясь достоинства отдѣльныхъ личностей, мы на основаніи изложенныхъ нами данныхъ утверждаемъ:

1) Что при несуществованіи отдѣльнаго самостоятельнаго государства Финляндскаго, отдѣльная финская армія—явленіе ненормальное.

2) Что при существованіи § 88 устава о воинской повинности, финскія войска *должны быть* заражены ученіемъ финляндской партіи независимости и *обязаны* повиноваться распоряженіямъ сейма въ силу своей присяги.

3) Что постоянная оппозиція, выказываемая сеймомъ, сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ сближенію Финляндіи съ Россіей, дѣятельность вожаковъ финляндской сепаратистской пар-

тіи и явленія послѣдняго времени ясно указываютъ, что при дальнѣйшемъ развитіи настоящаго положенія рано или поздно должно произойти открытое возстаніе, въ которомъ *должны будутъ* принять активное участіе, если не высшіе, то нижніе чины финскихъ войскъ.

4) Что никакое вліяніе нѣсколькихъ человѣкъ не можетъ остановить возбужденныхъ страстей народныхъ массъ.

и 5) Что подавленіе такого возстанія возможно лишь силой, предупрежденіе же такихъ печальныхъ событій пока еще возможно достигнуть полнымъ упраздненіемъ всѣхъ ненужныхъ государственныхъ «особенностей» края и принятіемъ энергичныхъ мѣръ къ полному *сліянію* края съ Имперіей.

Повторяемъ, мы не касаемся частныхъ лицъ, мы не пишемъ доносовъ, мы указываемъ на факты, опубликованные печатью, и дѣлаемъ выводы изъ этихъ фактовъ. Правильны-ли наши выводы—судить не намъ; умѣстны-ли мѣры къ предупрежденію грозящихъ несчастій, предлагаемыя нами, пусть скажутъ люди, обязанные по своему положенію заботиться о мирномъ государственномъ процвѣтаніи. Мы высказываемъ свое мнѣніе потому, что считаемъ недобросовѣстнымъ молчать, когда явилось, можетъ быть, и ошибочное сознаніе о близости и возможности общественныхъ несчастій. Мы не будемъ считать свой слабый трудъ безполезнымъ, если русскіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія займутся точнымъ изслѣдованіемъ такъ называемаго финляндскаго вопроса и укажутъ мѣры къ уничтоженію ненормальности политическаго положенія Финляндіи, или докажутъ, на основаніи полныхъ и точныхъ изслѣдованій этого вопроса, что настоящее положеніе Финляндіи вполнѣ нормально, и что явленія, указанныя нами, не грозятъ общественному спокойствію края и благосостоянію Россіи. Но пока это не доказано, мы твердо высказываемъ свое искреннее глубокое убѣжденіе, что финляндскіе воротилы готовятъ для Россіи событія, «*вполнѣ аналогичныя*» съ польской драмой 1863 года, и повторяемъ, что для предупрежденія этой драмы необходимо принятіе энергичныхъ мѣръ *къ мирному сліянію края съ Имперіей.*

Кромѣ войска, мы еще указали на три государственныя особенностя, которыя служатъ поддержкой ученія о Финляндіи, какъ отдѣльномъ государствѣ. Это таможня, монетная система

и государственный языкъ. Первыя двѣ особенности, хотя и не имѣютъ особеннаго значенія въ смыслѣ силы партіи независимости, но по нашему крайнему разумѣнію, являются излишними учрежденіями, порождающими рознь между краемъ и Имперіей и отчасти вредными для торговыхъ сношеній края съ Россіей.

Если Финляндія не государство, а русскій край, то насъ положительно удивляетъ, зачѣмъ между Финляндіей и Россіей существуетъ таможня? Мы не понимаемъ, почему Имперія должна платить пошлины Финляндіи, а Финляндія—Имперіи? Если Финляндія—русская провинція, то вѣдь это выходитъ перекладываніе изъ одного государственнаго кармана въ другой, а это перекладываніе отзывается на торговлѣ, т.-е. на интересахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и государства. Это мы поясникъ примѣрами.

По таможенному уставу, дѣйствующему въ Финляндіи, привозъ изъ Имперіи нѣкоторыхъ товаровъ безпошлинно воспрещенъ, и пошлина настолько велика, что эти товары послѣ оплаты ихъ пошлиной не находятъ покупателей въ краѣ; между тѣмъ потребность на эти товары существуетъ, а потому необходимо довольствоваться худшимъ товаромъ, привозимымъ изъ заграницы черезъ финляндскія приморскія таможни. Возьмемъ цѣны на товаръ чисто русскаго производства, производители котораго платятъ русскому правительству значительный акцизъ: это табакъ и сахаръ. Табакъ, какъ извѣстно, въ Финляндіи не растетъ, въ Крыму же, Бессарабіи и на Кавказѣ разведеніе табаку составляетъ одну изъ солидныхъ отраслей сельскаго хозяйства и этой отраслью занято не мало рабочихъ рукъ. Табачныя фабрики сильно развиты на югѣ Россіи и уплачиваютъ русскому Министерству Финансовъ не только всевозможные торговые и подоходные налоги, но и особый акцизъ, размѣръ котораго доходитъ до 33% розничной продажной цѣны. При такомъ акцизѣ, пишущій эти строки на югѣ Россіи курилъ очень хорошій табакъ за 1 р. 50 к. фунтъ, или, переводя на финскій вѣсъ, за 3 р. 53 коп. килограммъ (1 кило—2,35 фун.). Въ Финляндіи табаку русскихъ фабрикъ не достанете, но есть табакъ и папиросы мѣстныхъ фабрикъ, на произведеніяхъ которыхъ *акцизной бандероли не имѣется.* Такимъ образомъ съ табачныхъ издѣлій, продаваемыхъ въ Финляндіи, русское Мини-

стерство Финансовъ *акциза не получаетъ*. Выше мы сказали, что табакъ въ Финляндіи *не растетъ*, слѣдовательно фабриканты обрабатываютъ табакъ *привозной*. Если онъ привезенъ изъ Россіи, то вся громадная таможенная пошлина опять таки не попадаетъ *въ русскую казну*; если же онъ привозится изъ Турціи или другихъ государствъ, то не только теряетъ русская казна, но и русскій земледѣлецъ; а въ обоихъ случаяхъ теряетъ потребитель. Въ г. Сердоболѣ приходится платить за 1 килограммъ табаку выборгской фабрики Ф. Сергѣева, по качеству гораздо хуже чѣмъ указанный нами выше табакъ, 20 финск. марокъ или по курсу дня 266 мар. за 100 руб.—7 р. 53 коп. Нормально-ли подобное положеніе вещей? Вѣдь земледѣлецъ и фабрикантъ оплатили всѣ налоги, дающіе имъ право продавать свои произведенія въ предѣлахъ *всей Россіи;* за что же имъ ставятъ въ предѣлахъ той же Россіи таможенную рогатку и требуютъ новыхъ платежей въ пользу неизвѣстнаго «государства» Финляндскаго, и тѣмъ закрываютъ рынки «этого государства»? За что русское Министерство Финансовъ, не получая ничего съ табачныхъ произведеній, продаваемыхъ въ этой русской окраинѣ, допускаетъ закрытіе рынковъ для русскихъ производителей, дающихъ государству солидныя средства? За что, наконецъ, злосчастный русскій курильщикъ, попавшій въ это «культурное государство», обязанъ нести двойное наказаніе за свою дурную привычку курить скверный табакъ и платить за него лишнихъ 100% противъ цѣны, которую онъ всю жизнь платилъ, живя въ Россіи, за хорошій табакъ. Неужели все это потому, что нужно поддерживать «культурную» страну за счетъ русскихъ «дикарей»? Право же оно и для кармана накладно, да и русскому сердцу обидно!

Все, что мы говорили о табакѣ, приходится сказать и о сахарѣ, только разница цѣнъ не такъ чувствительна. Качество же сахара гораздо хуже и сахаръ получается *навѣрное* не изъ Россіи. По поводу этого товара приходится вспомнить, что Министерство Финансовъ, желая поддержать русскихъ сахарозаводчиковъ и дать возможность вывоза русскаго сахара заграницу, возвращало заводчикамъ акцизъ съ вывезеннаго сахара, а въ Россіи устанавливается таможня, закрывающая финляндскіе рынки для тѣхъ же заводчиковъ. Все это странно и не понятно.

Не менѣе ненормальна и «*особая монетная система*». Опять таки повторяемъ: если Финляндія не отдѣльное государство, то зачѣмъ ей отдѣльная монетная система, зачѣмъ отдѣльные займы, почему вообще отдѣленіе кассы края отъ кассы Имперіи? Все это не имѣетъ ни исторической, ни правовой основы. Почему тотъ же Финляндскій край Россійской Имперіи до 1860 г. довольствовался русской монетной системой, а съ 1860 г. эта система оказалась непригодной, рубль сталъ нехорошъ и понадобилась марка? Если полезна вообще меньшая единица, чѣмъ рубль, то отчего не ввести эту единицу во всей Имперіи? Къ чему въ одномъ государствѣ заводить двѣ монетныя системы? Вотъ вопросы, которые являются у каждаго, появляющагося въ Финляндіи.

Прослѣдимъ исторію измѣненія монетной системы по оффиціальнымъ документамъ, и мы опять увидимъ обыкновенный финляндскій способъ добыванія признаковъ государственности. Съ 1809 г. по 1860 г., т. е. въ теченіе полувѣка, въ Финляндіи признавался единственной законной монетой рубль, который въ этомъ краѣ, какъ и въ остальной Имперіи, принимался всѣми за монетную единицу, неподвергающуюся внутри государства никакимъ курсовымъ колебаніямъ, и гг. финляндскіе сенаторы, статсъ-секретари и профессора и прочій чиновный людъ не чувствовали никакого неудобства, получая жалованье русскими рублями и ведя подпольную кротовую работу противъ той же Россіи. Выказывать свои «государственныя стремленія» они еще не смѣли. Они смирно сидѣли по своимъ норамъ, заботясь удержать лишь право творить *свои дѣла на шведскомъ языкѣ*. Они умѣли молчать и ждать удобной минуты. И дождались!

Императоръ Николай I умеръ. Тяжелая война съ западомъ была окончена, молодой Императоръ короновался и вся Россія какъ бы ожила; готовились великія реформы, началась кипучая работа. Всякій, кто пережилъ эти годы, вѣроятно и теперь помнитъ, какъ всѣ мы увлекались этими великими реформами, никто и не думалъ о какой-то Финляндіи; каждый, начиная отъ кончающаго курсъ гимназиста до великихъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, нетерпѣливо ждалъ осуществленія готовящейся крестьянской реформы. Кто радовался, кто полегоньку бурчалъ, но можно смѣло сказать, что всѣ были заняты только этой реформой. Вотъ этой-то минутой и воспользовались гг. финляндскіе дѣятели. Они поняли, что могутъ вылѣзти изъ своихъ

норъ, они знали, что никто не обратитъ на нихъ никакого вниманія. Нужно отдать имъ полную справедливость: они ловко, умно провели дѣло монетной системы. Они еще не говорили о «государственномъ» значеніи Финляндіи, они не заикнулись ни объ основныхъ законахъ края, ни о негодности русскаго рубля. За нѣсколько дней до рожденія финской марки, финляндскій сенатъ опубликовалъ «Путевой регламентъ для чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго отъ 7/19 марта 1860 г.», въ которомъ счетъ суточныхъ денегъ, получаемыхъ всѣми чинами Финляндіи, отъ генералъ-губернатора и министра статсъ-секретаря до маячнаго сторожа включительно, былъ опредѣленъ на русскіе рубли [1]). А черезъ нѣсколько дней министръ статсъ-секретарь графъ Армфельдъ поднесъ докладъ, которымъ началось изгнаніе бѣднаго русскаго рубля изъ предѣловъ «культурной» Финляндіи.

Это, кажется, былъ первый дебютъ графа Армфельда въ роли пріобрѣтателя атрибутовъ государственности для Финляндіи. Дебютъ оказался удачнымъ. $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апрѣля}}$ 1860 г. появился манифестъ, въ которомъ было объявлено, что въ Финляндіи устанавливается особая для этого края монетная единица, подъ названіемъ «марка» (mark.), раздѣленная на сто маленкихъ единицъ, подъ названіемъ «пенни». Каждая марка соотвѣтствуетъ четверти рубля по количеству чистаго серебра въ 4 золотн. 21 долю, заключающагося, согласно дѣйствующимъ нынѣ законамъ о монетѣ, въ рублѣ серебромъ, и будетъ, такимъ образомъ, содержать одинъ золотникъ пять съ четвертью долей чистаго серебра [2]).

Такимъ образомъ появилась въ свѣтъ финская марка, но появилась не самостоятельной «государственной монетой» Финляндіи, не вслѣдствіе какихъ либо конституціонныхъ правъ и законовъ отдѣльнаго государства, а какъ подраздѣленіе русскаго рубля, совершенно тождественное съ русскимъ четвертакомъ, введенное самодержавной волей Государя, признавшаго «необходимымъ уменьшить монетную единицу» для края.

Если бы гг. «государственники» заботились лишь о благѣ края, для котораго нужно только уменьшеніе монетной единицы, то они удовлетворились бы закономъ $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апрѣля}}$ 1860 г., и въ

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. Кн. Финляндскаго“ 1860 г., № 6.
[2]) Тоже, № 7.

краѣ имѣли бы право гражданства какъ рубль, такъ и новое дѣтище его «марка», съ подраздѣленіями на пенни, но «государственникамъ» нужно было не уменьшеніе монетной единицы, имъ нужно было какую угодно, хотя бы и увеличенную монетную единицу, *но лишь бы русскій рубль не существовалъ*, лишь бы имѣть какой либо *видимый призракъ отдѣльнаго государства.* Законъ $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апрѣля}}$ 1860 г. былъ первой ступенью къ достиженію завѣтной ихъ мечты, и нужно отдать имъ справедливость, они съ большимъ терпѣніемъ и крайней осторожностью провели дѣло изгнанія русскаго рубля изъ предѣловъ Финляндіи.

Вышеприведеннымъ закономъ установилась чеканка монеты въ 1, 5, 10 и 20 пенни, а затѣмъ разрѣшался выпускъ кредитныхъ билетовъ въ 1 и 3 марки. Черезъ 15 дней послѣ изданія этого закона, появилось новое повелѣніе о составленіи проекта закона о выпускѣ кредитныхъ билетовъ высшаго достоинства и учрежденіи въ краѣ монетнаго двора для чеканки «серебряной монеты» [1]). Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ законодательныхъ постановленій, подготовляющихъ окончательное введеніе марки, появился законъ 9 августа 1877 года [2]), т.-е. во время разгара послѣдней турецкой войны, по которому Финляндія пріобрѣла свою особую монету, основанную на золотѣ; единицей монетнаго вѣса является не русскій золотникъ, а французскій граммъ; наконецъ, русскій рубль совершенно изгонялся, никто не обязанъ былъ мѣнять его на финскія деньги и его обязаны были принять только при уплатахъ, и то не болѣе какъ на 2 р. 50 к., соотвѣтствующихъ 10 фин. маркамъ. Такимъ образомъ 17 лѣтъ трудились гг. «государственники» надъ изгнаніемъ рубля и блистательно добились осуществленія своей цѣли. Средствами достиженія этой цѣли, какъ увѣряетъ финляндскій историкъ Бергъ, были: «усердіе, осторожность, умѣніе принаравливаться къ обстоятельствамъ и мудрость» государственныхъ дѣятелей Финлиндіи. Мы же проще опредѣлимъ эти средства, на основаніи словъ Императора Александра II, сказанныхъ, по свидѣтельству того же историка, Государемъ, когда выяснились послѣдствія закона о монетной системѣ Финляндіи. По словамъ г. Берга, узнавъ эти послѣдствія, Государь сказалъ: «on a

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1860 г., № 8.

[2]) Тоже, 1877 г., № 22.

escamoté mon consentement!» На основаніи этихъ *историческихъ* словъ мы имѣемъ полное право сказать, что законъ о монетной системѣ Финляндіи проведенъ лишь потому, что «государственные» дѣятели Финляндіи не задумались *злоупотребить* довѣріе, которое питалъ къ нимъ Государь.

Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ г. Еленева, что вышеприведенныя слова Императора Александра II могли быть сказаны Имъ не только по поводу закона о монетной системѣ, но и по поводу *многихъ* льготъ, дарованныхъ великодушнымъ Государемъ Финляндіи [1]).

Законъ 14 августа 1890 г. возстановилъ обязательный пріемъ русскихъ денегъ въ этомъ краѣ, но по «*курсу*» [2]), который хотя и незначительно, но измѣняется очень часто. Страдательными лицами обыкновенно является простой рабочій людъ, котораго порядкомъ надуваютъ при размѣнѣ. Этому способствуетъ порядокъ всѣхъ вообще учрежденій, принимающихъ платежи русскими деньгами по курсу и не выставляющихъ курса дня, такъ что платящій деньги вполнѣ зависитъ отъ добросовѣстности агентовъ этихъ учрежденій. Вообще эта система порождаетъ много мелкихъ неудобствъ, много мелкихъ потерь для пріѣзжающихъ въ Финляндію съ русскими деньгами, и является весьма крупнымъ видимымъ подтвержденіемъ ученія о финляндской независимости.

Мы сказали, что пріемъ русскихъ денегъ по курсу порождаетъ много мелкихъ неудобствъ для частныхъ лицъ; но эти «*мелкія*» неудобства даютъ *крупный* барышъ финляндской казнѣ, и этотъ барышъ она получаетъ отъ русскихъ дикарей. Мы можемъ указать лишь незначительную часть барыша. Въ отчетѣ финскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1888 годъ показана *курсовая выгода* въ 16,182 фин. марки [3]). Понятно, что съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ эта цифра значительно увеличилась. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что главный размѣнъ денегъ происходитъ не на желѣзныхъ дорогахъ, а въ финскихъ банкахъ. На желѣзныхъ дорогахъ размѣна нѣтъ, а есть лишь пріемъ по курсу русскихъ денегъ за проѣздъ пассажировъ и провозъ товаровъ. Размѣнъ же происходитъ въ фин-

---

[1]) „Какъ проведенъ финляндцами уставъ 1878 г.“ Ѳ. Еленева, стр. 32.
[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1890 г., № 19.
[3]) С. Петровскій. „Финляндская окраина“. Выпускъ I, стр. 436.

ляндскомъ государственномъ и частныхъ банкахъ. Не худо было бы нашему Министерству Финансовъ затребовать отъ всѣхъ финскихъ банковъ отчета «*курсовой выгоды*»; думаемъ, судя по вышеприведенной цифрѣ, что эта выгода составила бы солидную цифру. Мы думаемъ, что не сдѣлаемъ ошибки, если предположимъ, что указанная нами «курсовая выгода», получаемая желѣзными дорогами, составитъ $^1/_{20}$ часть всей «курсовой выгоды», получаемой финляндской казной отъ размѣна русскихъ денегъ, а вѣдь это составитъ только 323,640 фин. мар. или 121,365 рублей.

Откуда же получается такая курсовая выгода?

При объявленіи курса всегда выставляются двѣ цифры; возьмемъ курсъ $^{29}/_{17}$ сентября 1896 г. [1]) за 100 р. 266—269 мар. Если вамъ нужно размѣнять 100 руб., то вы получаете 266 мар., если же вамъ нужно купить 100 руб., то вы платите 269 мар.; такимъ образомъ на размѣнѣ вы теряете на каждыхъ 100 руб. 3 марки или 1 руб. 12 коп., т. е. свыше 1%. Вотъ какъ умѣетъ наживаться финская казна на счетъ кармановъ русскихъ «дикарей».

Въ настоящее время Министерство Финансовъ въ Петербургѣ занято переходомъ отъ серебряной къ золотой монетѣ, въ видахъ уменьшенія курсовыхъ потерь при заграничныхъ платежахъ. Пусть же оно позаботится объ уничтоженіи тѣхъ же потерь при внутреннихъ платежахъ. Мы не станемъ разбирать, какая система лучше, золотая или серебряная, какая изъ монетныхъ единицъ лучше, крупная или мелкая, и позволимъ себѣ откровенно сказать, что, по нашему мнѣнію, народное благосостояніе зависитъ не отъ той или другой монетной единицы, а отъ многихъ совершенно другихъ причинъ. Какую угодно монетную единицу пусть изобрѣтаютъ гг. финансисты, мелкую или крупную, но пусть устроятъ такъ, чтобы хотя *внутри государства эта монета не подвергалась курсовымъ колебаніямъ.*

Пусть они придумаютъ такую единицу, которая была бы удобна не только для обширной «не культурной» Россіи, но и для «высоко культурной» Финляндіи, и которую бы и эта привиллегированная «страна» признала достойной пользоваться правомъ гражданства въ ея предѣлахъ.

---

[1]) Laatokka, № 79—1896 г.

Кромѣ того, пусть гг. русскіе финансисты обдумаютъ, не благоразумнѣе-ли было бы двѣ русскихъ кассы: кассу Имперіи и кассу Финляндскаго края соединить въ одну кассу единой Россійской Имперіи? Пусть они посмотрятъ на это дѣло не съ одной финансовой точки зрѣнія, пусть взглянутъ на этотъ вопросъ и со стороны *политической*, и можетъ быть они вспомнятъ, что при всякомъ возстаніи, при всякой войнѣ необходимы деньги, и что эти деньги составляютъ почти такую же силу, какъ и войско. Зачѣмъ же эту силу оставлять въ рукахъ особаго финляндскаго правительства, стремящагося ограничить и пожалуй совершенно сбросить власть русскаго правительства? Вообще мы думаемъ, что установленіе однообразной монеты для всей Россійской Имперіи и соединеніе кассъ во едино было бы полезно даже въ смыслѣ сокращенія расходовъ. Мы не знаемъ во что обходится изготовленіе финскихъ кредитокъ и чеканка финской монеты, но во всякомъ случаѣ все это что либо да стоитъ. Изъ имѣющагося у насъ бюджета Финляндіи на 1893 годъ видны такія статьи расхода: «Расходы по заготовленію гербовой бумаги и проч. примѣрно—109,820 мар. [1])» и «Монетному учрежденію 33,100 мар. [2])». Не знаемъ, что подразумѣваютъ составители бюджета подъ указаннымъ въ первой статьѣ *«и проч.»*, можетъ быть это и есть изготовленіе финскихъ кредитокъ. Въ виду того, что въ Россіи изготовляется своя государственная гербовая бумага, полагаемъ, что въ особой финской гербовой бумагѣ нѣтъ надобности, что при сліяніи края съ Имперіей, если не вся сумма, указанная въ вышеприведенныхъ двухъ статьяхъ: 143,020 мар. или 53,632 р. 50 к. (по курсу 266 за 100), то во всякомъ случаѣ значительная ея часть осталась бы въ экономіи. Мы же думаемъ, что учрежденія, завѣдывающія государственнымъ хозяйствомъ, обязаны заботиться о сокращеніи всякаго непроизводительнаго расхода, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ.

Теперь намъ остается сказать еще объ одномъ изъ

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“, 1893 г., № 4, стр. 3.

[2]) Тоже, 1893 г. № 3, стр. 5. При этомъ добавимъ, что въ теченіи 1877, 1885, 1886 и 1887 годовъ на финляндскомъ монетномъ дворѣ не было отчеканено ни одной монеты („Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1894 г., стр. 114).

признаковъ «государственности» Финляндіи—это о государственныхъ языкахъ края.

Это опять таки одна изъ тѣхъ «особенностей» края, которыя не могутъ быть оправданы никакими соображеніями.

Какъ мы уже сказали во II главѣ нашей книги, въ завоеванномъ Финляндскомъ краѣ «временно» былъ оставленъ оффиціальнымъ языкомъ языкъ шведскій. Императоръ Александръ I ни однимъ изъ свохъ актовъ не обѣщалъ оставленія это языка государственнымъ языкомъ. Русскій языкъ не былъ введенъ въ оффиціальную переписку немедленно по завоеваніи края, въ виду того, что чиновники не знали русскаго языка, а русскимъ неизвѣстны были «коренные законы» края, утвержденные Императоромъ. Что дѣйствительно оставленіе шведскаго языка было *временной мѣрой*, подтверждается какъ указаннымъ нами въ той же главѣ докладомъ Спренгпортена, такъ и изданнымъ въ 1812 году закономъ объ изученіи русскаго языка всѣми чиновниками края въ теченіе 6 лѣтъ и о введеніи преподаванія этого языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы уже видѣли, какая участь постигла этотъ законъ. Не будучи отмѣненнымъ, *онъ тѣмъ не менѣе сталъ мертвой буквой*. Это умѣли устроить сенатъ и статсъ-секретаріатъ Финляндіи, и благодаря ихъ стараніямъ, «временная мѣра» продолжалась 55 лѣтъ. Затѣмъ въ 1865 году, наравнѣ со шведскимъ языкомъ, былъ признанъ оффиціальнымъ языкомъ края [1]) и языкъ народный,—финскій. Русскій же языкъ, въ этой русской окраинѣ былъ совершенно изгнанъ, и это была не временная мѣра, а законъ. Итакъ, съ 1865 года въ этомъ «особомъ государствѣ» существуютъ *два «государственныхъ»* равноправныхъ языка, шведскій и финскій. Такое *«двуязычіе»* порождаетъ подчасъ весьма курьезныя вещи. Въ ноябрѣ 1895 г. мы получили оффиціальный документъ изъ выборгской межевой конторы, писанный на двухъ языкахъ; но не подумайте, что документъ этотъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ писанъ по-шведски, другой по-фински,—нѣтъ, читатель, это *одинъ документъ*, въ которомъ *одна фраза написана по-шведски, другая по-фински*, и даже въ одной фразѣ встрѣчаются слова финскія и слова шведскія вмѣстѣ. Можете себѣ представить, что за языкъ такого документа, онъ непонятенъ ни финну, ни

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1865 г., № 6.

шведу, а ужъ русскому и подавно, и чтобы разобрать его нужно *шведо-финна*. Вотъ до какихъ курьезовъ доводитъ *двойной* государственный языкъ края. И вотъ гг. финляндцы согласны изучать два языка, писать бумаги на какомъ-то шведско-финскомъ языкѣ, но лишь бы не былъ введенъ русскій языкъ.

Признавая финскій языкъ оффиціальнымъ языкомъ края наравнѣ со шведскимъ, законъ, понятно, не могъ предвидѣть, что гг. чиновники дойдутъ до такого поклоненія двуязычію края, что начнутъ писать оффиціальные документы на какомъ-то шведо-финскомъ языкѣ. Мы привели этотъ фактъ, какъ курьезъ, до котораго додумались «культурные» чиновники Финляндіи. Этимъ мы вовсе не желали сказать, чтобы вся оффиціальная переписка велась такъ безобразно. Это не болѣе какъ *курьезъ*. Намъ же интересно не это, для насъ важны причины, вслѣдствіе которыхъ въ русской провинціи существуютъ два оффиціальныхъ языка, неизвѣстныхъ въ Россіи, а русскій *государственный языкъ* всей Россійской Имперіи *совершенно изгнанъ* изъ употребленія. Затѣмъ для насъ важно указать послѣдствія такого ненормальнаго положенія.

Какъ извѣстно, до 1809 года Финляндія была провинціей Шведскаго королевства: въ ней дѣйствовали шведскія учрежденія, оффиціальнымъ языкомъ былъ языкъ шведскій и всѣ чиновники назначались изъ *шведскихъ уроженцевъ*, не смотря на то, что населеніе края составляли исключительно финны, говорящіе финскимъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго со шведскимъ. Но такъ какъ финны состояли *въ подданствѣ* Швеціи, то такое положеніе было нормально. Представители финскаго народа участвовали, въ силу общей шведской конституціи, въ собраніяхъ представителей шведскаго народа, какъ часть этого народа, и обязаны были говорить въ этихъ собраніяхъ *на шведскомъ языкѣ*. По признанію самого Даніельсона, финны пользовались одинаковыми правами со шведами, и различія между ними никакого не было. Въ шведскихъ законахъ, по его словамъ, обыкновенно употреблялось просто выраженіе «шведскіе люди», которое имѣло столь обширное значеніе, что подъ нимъ подразумѣвались всѣ полноправные члены государства, независимо отъ того, былъ-ли отецъ шведъ или финнъ [1]).

---

[1]) Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи съ Россійской державою“, стр. 84

Г. Еленевъ приводитъ одинъ фактъ, изъ котораго можно заключить, что вышеприведенныя разсужденія о равноправности финновъ и шведовъ нѣсколько невѣрны. По словамъ г. Еленева [1]), финляндцы въ половинѣ прошлаго столѣтія просили шведскій «риксдагъ», чтобы на должности въ Финляндіи назначались только уроженцы этой страны. Эту просьбу они мотивировали тѣмъ, что чиновники, присланные изъ Швеціи, не знаютъ народнаго финскаго языка. Риксдагъ отказалъ въ этой просьбѣ, а для устраненія неудобства, на которое жаловались финляндцы, риксдагомъ были приняты мѣры *къ обученію финновъ шведскому языку*. Такъ, финнамъ было предписано посылать своихъ дѣтей въ шведскія семейства для обученія языку, въ народѣ были распространены изданные на государственный счетъ катехизисы, молитвенники и проч. *на шведскомъ языкѣ*. Изъ этого факта ясно, что финны не пользовались равными правами со шведами, а были имъ подчинены, такъ какъ *не шведскіе чиновники для пониманія финновъ должны были изучать финскій языкъ, а финскій народъ долженъ былъ изучать шведскій языкъ для пониманія шведскихъ чиновниковъ*. Въ 1809 году Финляндія была уступлена Швеціей «въ собственность и Державное обладаніе Россійской Имперіи», т.-е. другими словами, Финляндія стала частью Россіи, и финны стали «полноправными членами» новаго государства Россіи, т.-е. должны были бы стать «русскими людьми» и пользоваться правами, равными всѣмъ русскимъ гражданамъ, и государственнымъ языкомъ края долженъ бы стать, вмѣсто шведскаго языка, языкъ русскій. Такая перемѣна явилась бы естественнымъ послѣдствіемъ перемѣны въ судьбѣ этого народа. Въ дѣйствительности же оказалось совершенно иначе. По волѣ Императора Александра I въ Финляндіи оставлены были прежнія учрежденія и почти всѣ чиновники этихъ учрежденій. Эти чиновники были шведы, не знавшіе ни финскаго, ни русскаго языка. Два новыхъ учрежденія: правительствующій совѣтъ (нынѣ сенатъ) и коммиссія по дѣламъ Финляндіи (нынѣ статсъ-секретаріатъ) были образованы по проекту шведскихъ эмигрантовъ, главной цѣлью которыхъ было *не благо финскаго народа*, а *благосостояніе дворянства и чиновничества* этого края и *устраненіе вліянія русской власти* въ этомъ краѣ. Для этого имъ необходимо было удержать въ оффиціаль-

[1]) Elenew, «Les prétentions des séparatistes finlandais», стр. 169.

ной перепискѣ господство шведскаго языка. Они понимали, что съ введеніемъ въ оффиціальную переписку русскаго языка можетъ устраниться необходимость въ монополіи финляндскихъ уроженцевъ занимать должности въ Финляндіи. Не смотря на все вліяніе, какимъ пользовались гг. Спренгпортенъ и Армфельдъ въ царствованіе Императора Александра I, они не рѣшались ходатайствовать о дарованіи краю привиллегіи сохраненія шведскаго языка, какъ оффиціальнаго языка края, на «вѣчныя времена»; они сочли за лучшее удержать этотъ языкъ *временно*, надѣясь продлить эту временную мѣру до безконечности. Мы уже видѣли, какъ г. Спренгпортенъ съумѣлъ установить эту временную мѣру, а гг. Армфельдъ и Ребиндеръ съумѣли продлить ее и парализовать дѣйствіе закона 1812 года. Благодаря этой тактикѣ шведо-финскихъ патріотовъ, въ русской провинціи въ теченіе полувѣка оффиціальнымъ языкомъ края оставался языкъ, не извѣстный Россіи и чуждый большинству населенія края.

Оставаясь оффиціальнымъ языкомъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, шведскій языкъ оставался и языкомъ школы. Это было крайне удобно для финляндскихъ патріотовъ, мечтавшихъ о возведеніи Финляндіи на степень отдѣльнаго государства. Не слѣдуетъ забывать, что лица, стоявшія во главѣ финляндскихъ учрежденій въ царствованіе Императора Александра I, были или участники Аньяльскаго заговора, или ихъ послѣдователи, что эти лица послѣ покоренія Финляндіи не переставали мечтать, какъ говоритъ Манергеймъ, о созданіи и проведеніи особой финляндской конституціи. Потерпѣвъ фіаско, они не успокоились. Пользуясь нѣкоторыми неточными выраженіями актовъ Императора Александра I, они создали основы ученія государственности этого края, и благодаря тому, что въ учебныхъ заведеніяхъ края преподаваніе велось на шведскомъ языкѣ, неизвѣстномъ Россіи, создатели этого ученія имѣли возможность распространить его среди учащейся молодежи. Вожаки партіи при Императорѣ Николаѣ I не смѣли проводить своего ученія въ печати; въ своихъ газетахъ въ предѣлахъ края они не смѣли толковать о конституціи, ни о Борговскомъ соглашеніи, ни объ основныхъ законахъ края; единственнымъ полемъ ихъ дѣятельности оставались учебныя заведенія, и здѣсь они сѣяли свои сѣмена. Все велось скрыто и умѣло. Что пропаганда этого ученія велась именно въ учебныхъ заве-

деніяхъ во времена Николая I, ясно изъ того, что едва умеръ Императоръ Николай I, какъ появились на свѣтъ Божій сочиненія господъ Пальмена и проповѣдниковъ независимости Финляндіи, въ которыхъ уже это ученіе являлось вполнѣ разработаннымъ. Но эти сочиненія не могли вліять на массу населенія, такъ какъ были изданы на шведскомъ языкѣ. За финскимъ языкомъ еще не было признано право гражданства. Партія независимости понимала, что только съ вкорененіемъ принциповъ ея ученія среди народа она пріобрѣтетъ значеніе и силу, а для этого необходимо было добиться, чтобы народный языкъ сталъ оффиціальнымъ языкомъ края. Стремленіе сблизиться съ народомъ не было общимъ стремленіемъ. Образовались двѣ партіи: свекоманская и финноманская [1]). Партія финномановъ съумѣла добиться признанія за финскимъ языкомъ права гражданства, хотя и *наравнѣ съ языкомъ шведскимъ*. Оставленіе шведскаго языка такимъ же оффиціальнымъ языкомъ, какъ и финскій, возможно объяснить лишь тѣмъ, что къ свекоманской партіи принадлежали дворяне,—шведы по рожденію, стоявшіе во главѣ высшихъ финляндскихъ учрежденій.

Въ русской литературѣ, насколько намъ извѣстно, сложилось почему-то мнѣніе, что свекоманы составляютъ такъ называемую партію сепаратистовъ, что напротивъ, финноманы стремятся къ сближенію съ Россіей. Такое мнѣніе крайне ошибочно. Насколько намъ пришлось убѣдиться, въ настоящее время обѣ партіи равно враждебны Россіи, они обѣ готовы употребить всѣ силы, чтобы отдѣлиться отъ нея, съ тою только разницей, что мечта свекомановъ присоединиться къ Швеціи и Норвегіи, а финномановъ—образовать отдѣльную финскую республику. Первые—конституціонные монархисты, идеалъ которыхъ—шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ; идеалъ же вторыхъ—государственное устройство Швейцаріи. Для свекомановъ Спренгпортенъ—измѣнникъ, для финномановъ этотъ авторъ проекта образованія финской республики—н а р о д н ы й г е р о й, обманутый русскимъ правительствомъ. Эта партія и есть въ сущности ядро партіи финляндской независимости. Поэтому мы находимъ, что признавая финскій языкъ оффиціальнымъ языкомъ края, законъ

[1]) Въ сущности это подраздѣленіе партіи финляндской независимости; обѣ эти партіи для противодѣйствія Россіи дѣйствуютъ всегда дружно.

$^{8}/_{20}$ февраля 1865 года [1]) оказалъ большую услугу партіи независимости. На этомъ языкѣ, какъ языкѣ оффиціальномъ, появились учебники, газеты и различныя популярныя изданія, которыя, благодаря полуграмотности [2]) всего крестьянскаго населенія края, а равно дешевизнѣ [3]), расходятся массами въ народѣ. Рѣдкій крестьянинъ не получаетъ хотя одной газеты, и такъ какъ эти изданія плодъ труда партіи независимости, то ясно, что ученіе этой партіи годъ отъ году все болѣе и болѣе распространяется среди простого народа, и съ каждымъ годомъ дѣйствія партіи становятся все смѣлѣе и смѣлѣе. Кромѣ печатныхъ проповѣдей, для которыхъ, не смотря на полную свободу финляндской печати, все-таки существуютъ нѣкоторыя рамки, пущена въ ходъ и устная пропаганда. Этотъ способъ распространенія идей крайне удобенъ въ виду массы различныхъ обществъ и союзовъ, въ которыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ произносятся рѣчи. Эти рѣчи не подлежатъ не только контролю русскихъ правительственныхъ властей, но даже не могутъ быть дословно приведены въ русскихъ газетахъ, такъ какъ можно съ увѣренностью сказать, что въ распоряженіи редакцій русскихъ газетъ нѣтъ ни одного стенографа, знающаго финскій языкъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, проповѣди, дѣлая свое дѣло, остаются совершенно неизвѣстными тѣмъ, кому о нихъ вѣдать надлежитъ.

Указавъ значеніе оффиціальныхъ языковъ края, взглянемъ, возможно-ли исправленіе этой политической ошибки прошлаго времени. По нашему мнѣнію, это еще поправимо, и для этого не потребуется даже изданія новаго закона: стоитъ только *возстановить во всей силѣ* законъ Императора Александра I, изданный въ 1812 г., о русскомъ языкѣ, и отмѣнить «*временныя постановленія*», измѣняющія этотъ законъ. При этомъ понятно, что указанный въ этомъ законѣ 6-лѣтній срокъ для обязательнаго изученія русскаго языка чиновниками края, дол-

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1865 г., № 5.

[2]) Мы употребляемъ выраженіе „полуграмотность“ потому, что большинство крестьянскаго населенія края умѣетъ лишь читать печатное, но ни писать, ни разбирать писаннаго не умѣетъ.

[3]) Есть газеты, издающіяся два раза въ недѣлю, цѣною 3 финск. марки въ годъ или 1 р. 13 к., таковы всѣ газеты, издающіяся въ разныхъ небольшихъ городахъ края, вродѣ Сердоболя, Іонсу и др.

женъ быть значительно сокращенъ, а для нѣкоторыхъ даже совершенно уничтоженъ. Точное же выполненіе этого закона должно быть гарантировано учрежденіемъ самого строгаго надзора со стороны русской власти.

Указывая на необходимость сокращенія вышесказаннаго 6-лѣтняго срока, мы имѣли въ виду два основанія: первое, что шесть лѣтъ черезчуръ долгій періодъ, въ который партія независимости, благодаря господству финскаго языка, можетъ сдѣлать много непоправимаго зла; второе, этотъ срокъ былъ принятъ черезъ три года по завоеваніи края, когда русскій языкъ совершенно не былъ извѣстенъ въ Финляндіи,—въ настоящее же время, какъ бы ни было незначительно распространеніе въ краѣ знанія русскаго языка, но оно вслѣдствіе сношеній ея съ Имперіей, во всякомъ случаѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ было въ 1812 году, а въ особенности этотъ языкъ долженъ быть извѣстенъ гг. чиновникамъ, такъ какъ большинство изъ нихъ, если не получили университетскаго образованія, то во всякомъ случаѣ окончили курсъ въ мѣстныхъ хотя 5 классныхъ лицеяхъ, гдѣ *преподается* русскій языкъ. На этихъ основаніяхъ мы находимъ, что назначеніе срока, указаннаго въ законѣ 1812 г., было бы проволочкой, не соотвѣтствующей положенію вещей. Теоретически всѣ чиновники, за исключеніемъ учителей народныхъ школъ, знаютъ русскій языкъ, а на практическую подготовку совершенно достаточно 1 года. Этотъ срокъ мы опять не беремъ произвольно, а на основаніи постановленій того же финляндскаго сената, который при назначеніи стипендій для изученія русскаго языка опредѣляетъ годовой срокъ для такого изученія [1]). Понятно, что этотъ срокъ не долженъ распространяться на тѣхъ чиновниковъ, для которыхъ, въ силу дѣйствующихъ узаконеній, знаніе русскаго языка обязательно.

Для того же, чтобы законъ 1812 г., если бы правительство нашло нужнымъ возстановить его, не оставался мертвой буквой финляндскаго законодательства, или не былъ обойденъ господами финскими воротилами, необходимъ, какъ мы уже сказали, строгій надзоръ, со стороны русскаго же правительства, за точнымъ исполненіемъ его. Такой надзоръ не былъ бы новостью

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1893 г., № 21, стр. 4

въ Финляндіи, это было бы лишь фактическое возстановленіе *неотмѣненнаго* закона Императора Николая I отъ 21 іюня 1841 года [1]).

Этотъ законъ, собственно говоря, не относится къ введенію русскаго языка въ оффиціальное дѣлопроизводство края, а лишь къ элементарнымъ учебнымъ заведеніямъ Великаго Княжества. Но въ немъ есть одна статья, которую можно было бы примѣнить въ случаѣ, если бы найдено было возможнымъ два оффиціальныхъ языка края замѣнить однимъ государственнымъ русскимъ языкомъ. Мы говоримъ о статьѣ 7 этого закона. Во время Императора Николая I хотя и произошло одно очень важное ограниченіе русскаго языка, о которомъ мы говорили въ I главѣ этой книги, но все таки преподаваніе русскаго языка въ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ и нѣкоторыхъ факультетахъ университета края *было обязательно*, и согласно 7 ст. означеннаго закона предписывалось для вящаго наблюденія за успѣхами въ обученіи русскаго языка опредѣлить въ каждую епархію по одному экзаменатору сего (русскаго) языка, которые непремѣнно должны быть русскіе уроженцы [2]).

Нужно отдать справедливость, что эта мѣра была весьма удачна и благодаря ей русскій языкъ преподавался настолько хорошо, что и теперь старики, получившіе образованіе при Императорѣ Николаѣ I, до сихъ поръ очень хорошо говорятъ по русски. Вотъ такіе-то экзаменаторы—*«русскіе уроженцы»* и должны бы проэкзаменовать всѣхъ чиновниковъ края. Въ случаѣ признанія полезнымъ введенія русскаго языка, по нашему мнѣнію, крайне было бы цѣлесообразно предупредить гг. финскихъ чиновниковъ, что при неудовлетворительномъ знаніи русскаго языка они будутъ замѣщены *русскими чиновниками*, и можно съ увѣренностью сказать, что весь служащій финляндскій міръ станетъ понимать русскую рѣчь и заговоритъ по русски.

Мы полагаемъ, что введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство края дало бы весьма хорошіе результаты, но только если бы эта мѣра была введена твердо, и не было бы сдѣлано никакихъ исключеній ни для какихъ учрежденій: ни для государ-

---

[1]) Изданъ въ Гельсингфорсѣ и отпечатанъ сенатомъ въ типографіи вдовы Симеліусъ 1841 г.

[2]) Тоже, стр. 8.

ственныхъ, ни для общественныхъ. Неудобство, которое бы первое время ощущалось небольшимъ количествомъ крестьянъ, не пользующихся услугами адвокатовъ, можно было бы устранить введеніемъ временной мѣры, указанной въ Высочайшемъ объявленіи 3 декабря 1866 г. [1]).

Въ силу этого объявленія, всѣ учрежденія Финляндіи обязаны принимать отъ русскихъ уроженцевъ какъ прошенія, такъ и документы на русскомъ языкѣ, и дѣлать съ нихъ переводы на финскій или шведскій языки. Съ введеніемъ въ краѣ русскаго языка, можно было для финновъ, дѣйствующихъ лично, а не черезъ адвокатовъ (такъ какъ находимъ, что адвокаты, какъ и чиновники, обязаны знать русскій языкъ), *временно* допустить подачу прошеній и документовъ на финскомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобы таковыя переводились безвозмездно на русскій языкъ. Такое правило, вѣроятно, не осталось бы для финновъ мертвой буквой, какъ оно остается для русскихъ въ настоящее время. Теперь же хотя отъ русскихъ и принимаютъ прошенія по русски, но по нимъ ничего не дѣлаютъ, и даже не отвѣчаютъ на нихъ [2]).

Уничтоженіе этого послѣдняго изъ разобранныхъ нами признаковъ «государственности» Финляндіи было бы великимъ благомъ для Россіи, оно сравняло бы этотъ край фантазеровъ съ остальными частями Россійской Имперіи.

Сліяніемъ Финляндіи съ Имперіей совершенно уничтожились бы ошибки внутренней политики временъ Императора Александра I, который оставилъ своимъ преемникамъ не единую Россію, а Русь, соединенную съ тремя «государствами»: польскимъ, нѣмецкимъ и шведо-финскомъ.

Первымъ двумъ Преемникамъ Императора Александра I пришлось пролить много крови для *начала* сліянія польскаго «государства» съ Россіей.

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1866 г., № 28.

[2]) Намъ положительно извѣстно, что въ январѣ 1895 г. изъ Владикавказа на имя выборгскаго губернатора было отправлено прошеніе на русскомъ языкѣ. Въ этомъ прошеніи ходатайствовали о принятіи охранительныхъ мѣръ надъ имуществомъ умершей въ Финляндіи матери просительницъ. Прошеніе было оплачено русской гербовой маркой 80 коп., такая же была приложена для объявленія отвѣта; но ни распоряженія объ охранѣ, ни объявленія о неправильности прошенія не послѣдовало.

Третій преемникъ Императора Александра I, внукъ Его Царь-Миротворецъ Александръ III, не проливъ ни одной капли крови, единой силой Своей непреклонной воли закончилъ дѣло сліянія съ Россіей государствъ польскаго и нѣмецкаго, упрочивъ русскія учрежденія въ Привислянскомъ краѣ и замѣнивъ нѣмецкіе порядки русскими въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Имъ же положено основаніе сліянія и послѣдняго «финскаго государства».

Уже могучее слово было высказано рескриптомъ 28 февраля 1891 г., уже русскіе государственные дѣятели были въ первый разъ призваны къ размотрѣнію и разоблаченію финляндскихъ фантазій, выразившихся въ знаменитыхъ: уголовномъ уложеніи и «формахъ правленій», сочиненныхъ Вейсенбергомъ и финляндскимъ сенатомъ, уже былъ преднадчертанъ рядъ широкихъ реформъ, съ цѣлью завершить объединеніе финскаго края съ Имперіей, но всемогущая воля Царя Царей призвала великаго Миротворца въ иной міръ.

Это было великое горе земли русской; но Великій Богъ не оставитъ свою святую Русь; Онъ дастъ силы Молодому Русскому Царю, полному энергіи и любви къ своему испытанному русскому народу, твердо и мирно идти по пути, начертанному Его Державнымъ Отцомъ, и достигнуть сліянія всѣхъ народовъ Россійской Имперіи въ одно цѣлое великое государство, въ которомъ на всемъ его необъятномъ пространствѣ будетъ господствовать Одинъ Самодержавный Русскій Царь, въ которомъ каждый отъ мала до велика будетъ повиноваться лишь одному *русскому закону*, гдѣ могучая русская рѣчь будетъ смѣло раздаваться и въ Храмѣ Божіемъ, и въ Судѣ Царскомъ, и въ хижинѣ бѣдняка!

Мы глубоко вѣримъ въ великое будущее Руси, мы вѣримъ, что недалеко то время, когда всѣ народы земли русской, забывъ прежнія недоразумѣнія, нелѣпую вражду и несбыточныя фантазіи, братски протянутъ другъ другу руки, и дружно и мирно будутъ трудиться на благо общей родины—великой матушки Россіи, выбросивъ за бортъ ненужный, обветшалый, истрепанный польско-нѣмецко-шведо-финскій хламъ!

Глава VIII.

Средства распространенія ученія партіи независимости: сеймъ, школы, пресса, устныя проповѣди.

Намъ остается сдѣлать обзоръ средствъ, употребляемыхъ партіей финляндской независимости для распространенія своего ученія среди населенія края. Этими средствами мы считаемъ: сеймъ, школу, прессу и устныя проповѣди.

1. Сеймъ.

Что такое финляндскій сеймъ, при доказанности того положенія, *что никакой финляндской конституціи не было и нѣтъ?*

По нашему мнѣнію, финляндскій сеймъ не болѣе какъ учрежденіе, равное русскому земскому собранію. Придавать этому собранію значеніе парламентовъ разныхъ наименованій западной Европы—крайне ошибочно. Для парламента необходима конституція, а финляндской конституціи, повторяемъ, *никогда не было и нѣтъ, да и будемъ надѣяться, никогда и не будетъ.*

Мы причислили сеймъ къ средствамъ распространенія ученія партіи независимости, но полагаемъ, что кромѣ того онъ служитъ и видимымъ доказательствомъ основательности увѣреній проповѣдниковъ ученія этой партіи о политическомъ положеніи Финляндіи, «какъ отдѣльнаго конституціоннаго государства». Что сеймовый уставъ для ученія этой партіи имѣетъ именно такое значеніе,—это видно изъ восклицанія г. Даніельсона, что этотъ уставъ «камень преткновенія», о который разбиваются всѣ старанія русскихъ публицистовъ доказать, что шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 г. не признаны Россійскими Императорами. Этотъ знаменитый историкъ и столпъ финляндской партіи независимости находитъ, что съ изданіемъ этого устава мы, русскіе, «*обязаны*» признавать за этими шведскими законами «силу Императорскаго указа». Въ III главѣ мы подробно разсмотрѣли дѣйствительное значеніе изданія этого устава, и потому повторять не будемъ.

Что дѣйствительно это «особое» учрежденіе края имѣетъ значеніе средства распространенія ученія партіи независимости, видно изъ слѣдующаго: на сеймъ собираются депутаты всей Финляндіи; наибольшимъ вліяніемъ въ сеймѣ, какъ по своему общественному положенію, такъ и по численности представителей, разумѣется, пользуются сословія: рыцарства и дворянства и духовенства [1]); эти же сословія, какъ мы уже видѣли, главнымъ образомъ и составляютъ оппозицію русскому правительству. Въ числѣ представителей отъ дворянъ какъ въ 1891 г., такъ и въ 1894 г., мы встрѣчаемъ имена Монтгомери, Л. Мехелина, а въ числѣ представителей людей науки, причисленныхъ § 11 сеймоваго устава къ духовенству, красуется и имя знаменитаго вожака партіи г. профессора І. Р. Даніельсона. Въ силу § 8 сеймоваго устава, каждый депутатъ можетъ высказывать все, что угодно, зная, что ни за какія разглагольствованія онъ не понесетъ наказанія иначе, какъ по изъявленіи на это согласія «по-крайней мѣрѣ пяти шестыхъ членовъ» сословія [2]), къ которому принадлежитъ депутатъ. Благодаря такому закону, въ засѣданіяхъ сейма проповѣдывались открыто принципы партіи неза-

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ „Статистическихъ ежегодникахъ Финляндіи“ не указана численность дворянскаго сословія Финляндіи и мы не знаемъ этой цифры. Изъ рѣшенія же сейма отъ 2 іюня 1894 года (Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго за 1895 г., № 24), подписаннаго всѣми депутатами сейма, видно, что всѣхъ депутатовъ было 257 чел., изъ которыхъ отъ сословія „рыцарства и дворянства“ **103**, отъ сословія „духовенства“ 35, отъ сословія „горожанъ“ 58, и отъ сословія „крестьянъ“ 61, или: рыцарства и дворянства 40%, духовенства 13%, горожанъ 23% и крестьянъ 24%. Интересны цифры, указывающія право избирателей по сословіямъ, и тутъ оказывается громадное преимущество на сторонѣ дворянъ и духовенства. Численность духовенства и горожанъ извѣстна положительно, не извѣстно лишь число дворянъ. Изъ Статсъ-календаря Финляндіи на 1896 г. 1 отдѣлъ, стран. 284—338, §§ 600—680, видно, что духовныхъ лицъ лютеранскаго вѣроисповѣданія 768 чел.; въ силу § 11, они должны избрать не менѣе 28 депутатовъ, каковые, какъ видно изъ приведеннаго нами „рѣшенія“ сейма 1894 г., и избраны (7 депутатовъ изъ 35 значатся отъ учебнаго вѣдомства). Горожанъ, по свѣдѣнію Статсъ-календаря, стр. 125—126, отд. 2, въ 1894 г. во всей Финляндіи числилось 264,608 душъ, а всего населенія, какъ уже нами указано въ 1 главѣ, 2,483,249, слѣдовательно, дворянъ и крестьянъ будетъ 2.217,873; если допустить, что ½ % всего населенія дворяне, то получимъ, что одинъ депутатъ приходится на *107 дворянъ*, *27 духовныхъ*, *4,562 горожанина* и *36,176 крестьянъ*. Цифры горожанъ и духовенства точны; разница же, если будетъ въ другихъ сословіяхъ, то, вѣроятно, въ пользу дворянъ.

[2]) «Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго» за 1869 г., № 11, стр. 3, § 8.

висимости [1]). Ораторовъ слушали представители другихъ сословій, и рѣчи печатались. Онѣ разносились по всѣмъ городамъ и весямъ «финляндскаго государства» какъ представителями 37 городовъ и 61 судебныхъ округовъ, такъ и услужливыми газетами края. Такимъ образомъ сеймъ является средствомъ разпространенія ученія партіи.

Видя безнаказанность ораторовъ, простой народъ мало по малу приходилъ къ убѣжденію въ правотѣ ученія, котораго ни русское правительство, ни русскіе люди не опровергали. По истинѣ надо удивляться долготерпѣнію правительства. Вѣдь со времени установленія періодическихъ сеймовъ, т.-е. съ 1863 г., принципы партіи перестали быть тайной, они высказывались черезчуръ открыто, и русское правительство ровно ничего не сдѣлало, чтобы прекратить подобную пропаганду. Напротивъ, оно какъ бы поощряло образъ дѣйствія вожаковъ, такъ какъ не только не привлекало ихъ къ какой либо отвѣтственности за ихъ разговоры и даже дерзости, но зная ихъ дѣятельность, оставляло занимать университетскія кафедры, съ которыхъ они еще свободнѣе проповѣдуютъ свои измышленія молодому пылкому, воспріимчивому поколѣнію.

Кто виноватъ въ томъ, что ученіе, не имѣющее никакой твердой основы, пустило глубоко корни въ средѣ финляндской молодежи и отчасти среди простаго финскаго народа? Одни-ли вожаки виновны? Безспорно нѣтъ. Если проповѣдники, сознающіе вредъ ученія и виновны, то нельзя оправдать и власть, дающую возможность распространять эту проповѣдь.

Однако, кто бы ни былъ виновенъ и какъ бы не разрѣшали вопросы о виновности или невиновности, легче отъ этого не будетъ. Нужно исправлять прошлыя ошибки, нужно искоренять зло, пока еще не поздно.

Но какъ же его исправить, какъ уничтожить зло, покровительствуемое дѣйствующими законами и существующими учрежденіями?

---

[1]) Достаточно для доказательства нашего мнѣнія припомнить разглагольствованія гг. депутатовъ сеймовъ:—1863 г., послѣдствіемъ которыхъ была рѣчь Императора Александра II при закрытіи этого сейма; рѣчи при разсмотрѣніи въ сеймѣ проекта устава о воинской повинности (Мехелина, Монтгомери и Альфтана, смотри стр. 35—37 брошюры г. Еленева „Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г.“); наконецъ, рѣчи 1891 г., вызвавшія рескриптъ 28 февраля 1891 года.

Въ государствѣ съ монархическимъ неограниченнымъ правленіемъ подобное зло уничтожается быстрѣе и проще, чѣмъ въ государствахъ конституціонныхъ, гдѣ для отмѣны или измѣненія извѣстнаго закона, не смотря на очевидную его непригодность, требуется согласіе представителей. Вотъ это согласіе иногда и трудно получается, вслѣдствіе вліянія той или другой партіи въ собраніи представителей. Подчасъ извѣстное постановленіе, приносящее безусловный вредъ общимъ интересамъ страны, продолжаетъ существовать благодаря только тому, что оно выгодно вліятельной партіи.

Все это хорошо извѣстно каждому, и да проститъ намъ читатель, что мы позволяемъ себѣ напомнить эти азбучныя свѣдѣнія; но это мы дѣлаемъ потому, что общій характеръ сеймоваго устава, а въ особенности буквальный смыслъ § 83 [1]) этого устава, заставляетъ насъ вновь повторить высказанное нами мнѣніе о ненормальности всѣхъ «особыхъ» учрежденій Финляндіи.

При отсутствіи финляндской конституціи, финляндскій сеймъ болѣе другихъ учрежденій этого края составляетъ признакъ ненормальнаго политическаго положенія. Прочитавъ внимательно параграфъ за параграфомъ весь уставъ, невольно приходимъ къ заключенію, что въ Финляндіи Россійскій Императоръ, въ качествѣ Великаго Князя, Конституціонный Государь, власть котораго до того ограничена, что измѣнить или отмѣнить этотъ уставъ Онъ можетъ лишь «совокупнымъ рѣшеніемъ», постановленнымъ вмѣстѣ съ земскими чинами. Или, говоря другими словами, безъ согласія народныхъ представителей края Государь не имѣетъ права ни измѣнить, ни отмѣнить этотъ уставъ. Слѣдовательно ясно, что власть Императора ограничена; а если она ограничена, то гдѣ же актъ, ограничивающій эту власть, гдѣ конституція края? Вѣдь «*Сеймовый уставъ*»

---

[1]) „§ 83. Настоящій „Сеймовый уставъ“ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ основнымъ закономъ для Монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ“ („Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1869 г., № 11, стр. 26). Кромѣ этого, въ § 71 того же устава говорится: „Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій“.

не конституція, это лишь послѣдствіе какой-то конституціи [1]). Слѣдствіе безъ причины быть не можетъ, а здѣсь безъ конституціи явилось ея слѣдствіе—«Сеймовый уставъ». Наше мнѣніе о томъ, что «Сеймовый уставъ» есть *послѣдствіе* конституціи вполнѣ подтверждается исторіей происхожденія этого устава. По повелѣнію Императора Александра II, былъ образованъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Норденстама, для приведенія въ порядокъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ. Этотъ комитетъ составилъ проектъ, названный «Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго», и какъ приложеніе къ нему проектъ «Сеймоваго устава». Это «Уложеніе» было той *конституціей*, ограничавающей власть Императора, о которой мечтали финляндцы съ 1809 г. Государь въ 1865 году отвергъ оба эти проекта и уже послѣ этого графу Армфельду удалось провести только *одинъ* «Сеймовый уставъ» [2]). Въ этомъ-то и заключается ненормальность этого устава. Какъ исправить такую ненормальность? По нашему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ сдѣлать одно изъ двухъ: или дать конституцію краю, или же отмѣнить «Сеймовый уставъ», и поставить сеймъ въ рамки земскаго собранія.

Дарованіе конституціи краю, мы говоримъ съ увѣренностью, не можетъ составлять намѣренія Верховной Власти; это противорѣчило бы вѣками освященнымъ основнымъ законамъ Россійской Имперіи, составляющимъ ея силу и гордость. Это было бы прямое противорѣчіе тѣмъ законамъ, по которымъ русскій народъ признаетъ своего Царя не только главою государства, но избранникомъ и помазанникомъ Божіимъ, который правитъ государствомъ не въ силу какихъ либо договоровъ съ народомъ, а въ силу власти, данной Ему Царемъ Царствующихъ.

Если же наше мнѣніе вѣрно, и дарованіе конституціи не входитъ въ намѣренія Верховной Власти, то единственнымъ унормированіемъ ненормальнаго положенія, вызваннаго изда-

---

[1]) Въ III главѣ настоящей статьи мы достаточно высказали, какъ могъ появиться этотъ законодательный актъ, а работами гг. Ордина и Еленева вполнѣ точно установлено, что шведскіе законы 1772 и 1789 г. никогда не были признаны Россійскими Императорами, поэтому для насъ *вопросъ несуществованія финляндской конституціи является вполнѣ доказаннымъ* и мы болѣе о немъ и говорить не будемъ.

[2]) Еленевъ. „Какъ проведенъ финляндскій уставъ 1878 г.“, стр. 24—31.

ніемъ «Сеймоваго устава», является преобразованіе самого сейма въ областное земское собраніе. Мы стоимъ за слово «областное», такъ какъ для Финляндіи, соотвѣтствующей какъ по пространству, такъ и по населенію, русской губерніи, совершенно достаточно одного земскаго собранія, соотвѣтствующаго нашему губернскому собранію. Но могутъ возразить, что въ силу § 83 «Сеймоваго устава» этого нельзя сдѣлать безъ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи, а они навѣрное на это не согласятся. Для того, чтобы признать такое возраженіе основательнымъ, необходимо признать, что до изданія этого закона были признаны шведскіе конституціонные законы, о которыхъ упоминается въ Высочайшемъ утвержденіи устава $^{3}/_{15}$ апрѣля 1869 г. Этого же признать невозможно, въ силу соображеній, указанныхъ нами въ III главѣ настоящей книги, гдѣ нами, полагаемъ, ясно было доказано, какимъ образомъ гр. Армфельдъ могъ добиться утвержденія устава. А разъ приведенныя нами соображенія вѣрны, то кикакіе его параграфы необязательны для Государя, и единственно отъ Его Самодержавной воли зависитъ отмѣна и измѣненіе не только этого устава, но и всѣхъ «особенностей» этого края, мѣшающихъ полному сліянію края съ Имперіей.

Теперь посмотримъ, насколько не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи для самой Финляндіи было бы благодѣтельно преобразованіе сейма въ земское собраніе. Изъ § 7 рѣшенія земскихъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, состоявшагося на очередномъ сеймѣ въ Гельсингфорсѣ 2 іюня 1894 г., видно, что на общіе расходы сейма назначена сумма въ 386,000 ф. мар. [1]). Кромѣ этого расхода, край тратитъ на посылку и содержаніе депутатовъ сейма не малую сумму. Для точнаго опредѣленія этого расхода у насъ нѣтъ оффиціальныхъ данныхъ, но благодаря сообщенію одного изъ депутатовъ сейма 1894 года отъ сословія крестьянъ, мы знаемъ, что каждый депутатъ получаетъ отъ своихъ избирателей minimum 25 марокъ въ день, кромѣ путевыхъ расходовъ отъ мѣста жительства до Гельсингфорса и обратно. Принимая же во вниманіе, что сеймъ, въ силу § 5, продолжается 4 мѣсяца, мы получимъ, что каждый депутатъ стоитъ населенію, кромѣ расхода на его проѣздъ, 3,000 фин. мар. При такомъ разсчетѣ окажется,

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1895 г., № 24.

что край на каждый сеймъ долженъ тратить, кромѣ указанныхъ общихъ расходовъ, еще на посылку 257 депутатовъ 771,000 мар.; итого расходъ по сейму не менѣе 1.157,000 ф. мар., не считая содержанія ландмаршала, 3 тальмановъ и одного секретаря сословій, которымъ вознагражденіе за труды назначается, въ силу §§ 23 и 28 по Высочайшему повелѣнію, «изъ статныхъ суммъ». Допустимъ, что такое жалованіе для ландмаршала и тальмановъ равно сенаторскому окладу, а секретарю равное съ референдаріемъ-секретаремъ экспедиціи. При такомъ разсчетѣ вышеуказанную сумму нужно увеличить на 30,166 мар. [1]) и тогда расходъ каждаго сейма составитъ 1.187,166 фин. мар. или въ годъ 395,722 фин. марки или 148,395 руб. 75 коп. кред. [2]). Эта сумма, при преобразованіи сейма въ земское собраніе, сохранилась бы цѣликомъ, такъ какъ наши земскіе гласные, отвлекаясь отъ занятій по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ, не получаютъ за это никакого вознагражденія. Такимъ образомъ преобразованіе и этой «особенности» въ случаѣ сліянія края не только принесло бы нравственную пользу краю, лишивъ возможности вожаковъ партіи безнаказанно вести свою пропаганду, но и составило бы довольно значительную экономію.

Разсмотрѣвъ вопросъ о сеймѣ, мы сведемъ цифру сбереженій расходовъ въ краѣ въ случаѣ, если бы послѣдовало полное сліяніе края съ Имперіей. Изъ разсчетовъ, приведенныхъ нами въ предыдущихъ главахъ, мы видѣли, что ежегодно получалась бы экономія:

1) Отъ упраздненія финляндскихъ: сената, законоподготовительнаго учрежденія и статсъ-секретаріата . . .	1.007,973 м. 33 п.
2) Отъ сліянія управленія финской арміи съ русской	200,276 » — »
3) Отъ объединенія монетной системы и гербоваго сбора	143,020 » — »
4) Отъ преобразованія сейма въ земское собраніе	395,722 » — »
Итого ежегоднаго сбереженія . .	1.746,991 м. 33 п

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30, стр. 49 и 51.

[2]) Сеймъ собирается черезъ 3 года, и деньги тратятся разомъ, но для опредѣленія годовой экономіи мы показываемъ 1/3 суммы ежегодно.

Но это далеко не вся экономія, которая получилась бы отъ введенія русскихъ учрежденій въ управленіе края.

Мы знаетъ, что Финляндія занимаетъ территорію въ 365,590 кв. километровъ, съ населеніемъ въ 2.483,249 человѣкъ. Этотъ край въ административномъ отношеніи раздѣленъ на 8 губерній, въ которыхъ 51 уѣздъ и 264 ленсманскихъ округа (станъ) [1]). Мы также знаемъ, что въ Россіи имѣются губерніи, которыя по пространотву и населенію равняются всей Финляндіи. Для примѣра возьмемъ Пермскую губернію; она занимаетъ пространство 393.396 кв. верстъ, съ населеніемъ 2.908,581 чел. (1 января 1895) [2]) Эта губернія въ административномъ отношеніи раздѣляется на 12 уѣздовъ, съ 41 станами [3]). Изъ этого ясно, что со введеніемъ русскихъ учрежденій для управленія всей Финляндіей достаточно было бы 1 губернатора съ 12 исправниками и 41 становымъ приставомъ, при чемъ расходъ на администрацію края, понятно, значительно сократился бы. Но принимая во вниманіе положеніе Финляндіи, какъ пограничной окраины, съ населеніемъ, отравленнымъ различными сепаратистскими ученіями, такого административнаго надзора было бы недостаточно, но во всякомъ случаѣ возможно сокращеніе всѣхъ администрацій на половину, т. е. образованіе особаго генералъ-губернаторства въ 4 губерніи, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ количества уѣздовъ и становъ. Принимая во вниманіе, что въ Финляндіи ежегодно тратится [4]) на содержаніе:

Губернаторовъ и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ	1.762,768 м. 71 п.
Межевому вѣдомству.	208,350 » — »
Строительнымъ комитетамъ	115,100 » — »
Итого. . . .	2,086,218 м. 71 п.,

окажется при предполагаемомъ нами раздѣленіи края на 4 губерніи ежегодная экономія 1.043,109 мар. 35 п., что съ выше-

---

[1]) Статистическій Ежегодникъ Финляндіи 1894 г., стр. 2. Пространство Финляндіи въ этомъ Ежегодникѣ, стр. 1, показано: земли 331,944 кв. килом., веръ 41,660, итого 373,604 кв. килом.

[2]) Адресъ-календарь Пермской губерніи и памятная книжка, отдѣлъ III, стр. 3.

[3]) Пермскій Адресъ-календарь 1896 г. Отдѣлъ I, стр. 71.

[4]) Бюджетъ 1893 г. Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго 1893 г. № 5.

указанной экономіей составитъ сбереженіе не менѣе 2.790,100 м. 68 п. или 1.046,287 руб. 75 коп. Думаемъ, что эта сумма могла бы быть употреблена съ большей пользой для края, чѣмъ это дѣлается теперь.

2. Школы.

Высказавъ наше мнѣніе о возможномъ преобразованіи сейма, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другого средства распространенія ученія партіи независимости, т. е. школъ Финляндіи. Къ сожалѣнію, мы обладаемъ крайне ограниченнымъ количествомъ источниковъ, а между тѣмъ этотъ предметъ весьма важенъ. Школа въ широкомъ значеніи этого слова даетъ основу воззрѣній, съ которыми юноша вступаетъ въ жизнь. Свѣдѣнія, полученныя въ школѣ, такъ сказать входятъ въ плоть и кровь человѣка, и если жизнь заставитъ усумниться въ истинѣ міровоззрѣній, пріобрѣтенныхъ въ школѣ, то приходится потратить не мало силъ, чтобы отрѣшиться отъ взглядовъ, вложенныхъ наставниками, которымъ вѣрилось на слово, отъ которыхъ не требовалось никакихъ доказательствъ. Нужны недюжинныя природныя способности, чтобы разобраться въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, чтобы вѣрно опредѣлить, въ какомъ изъ двухъ ученій правда. Исканіе этой правды иногда доводило людей до страшныхъ несчастій. Исторія нерѣдко указываетъ намъ примѣры, какіе плоды приносило школьное образованіе, когда оно попадало въ руки какой нибудь политической или религіозной партіи, которая ради своихъ партійныхъ цѣлей неостанавливалась передъ искаженіемъ даже научной истины. Мы не станемъ повторять, до какихъ искаженій доходили іезуиты, завладѣвъ школами запада, какія свѣдѣнія сообщались ученикамъ польскихъ гимназій у насъ въ Россіи, когда эти школы были въ рукахъ польскихъ заправилъ. Все это вещи давно извѣстныя.

Въ школѣ подготовляется наростающее поколѣніе, будущіе члены государства, а потому весьмо естественно, чтобы государство, въ лицѣ своего правительства, заботились о подготовкѣ гражданъ, способныхъ приносить пользу, а не вредъ государственному строю страны. Если Финляндія составляетъ часть Россійской Имперіи, то естественно, чтобы правительство этой Имперіи имѣло главное наблюденіе надъ образованіемъ подростающаго поколѣнія этого края; чтобы это наблюденіе не огра-

ничивалось утвержденіемъ программъ различныхъ учебныхъ заведеній, но чтобы оно черезъ свои органы постоянно слѣдило, какъ выполняются эти программы, какія политическія воззрѣнія проповѣдываются въ этихъ училищахъ. По дѣйствующимъ же узаконеніямъ края, русское центральное управленіе не только не имѣетъ никакого вліянія на народное образованіе этого края, но оно даже не имѣетъ никакого понятія, что преподается въ этихъ училищахъ, что говорится въ учебникахъ, принятыхъ для руководства въ этомъ краѣ.

Скажемъ больше. Наше русское министерство народнаго просвѣщенія настолько безсильно въ этомъ краѣ, что не можетъ устранить отъ педагогической дѣятельности лицъ, завѣдомо искажающихъ науку ради поддержанія финляндскихъ политическихъ фантазій. Говоримъ прямо: насъ поражаетъ, что извѣстные всей читающей Россіи гг. Даніельсонъ, Германсонъ и другіе, не смотря на свои открытыя историческія измышленія, направленныя противъ общихъ государственныхъ интересовъ Россійской Имперіи, до сихъ поръ состоятъ профессорами гельсингфорскаго университета; насъ поражаетъ, что человѣкъ, издавшій «Сборникъ основныхъ законовъ Финляндіи» и помѣстившій въ числѣ этихъ законовъ шведскіе законы 1772 и 1789 гг., сенаторъ Пальменъ, стоялъ не только во главѣ высшаго судебнаго учрежденія, но и во главѣ того же университета, въ качествѣ вице-канцлера. Не знать ихъ политическихъ воззрѣній и проповѣдей наше министерство не можетъ. Всѣ эти господа, благодаря работамъ гг. Ордина, Еленева и другихъ истинно русскихъ людей, черезчуръ хорошо извѣстны въ Россіи. Разъ же русское министерство знаетъ все это и терпитъ подобное положеніе вещей, то значитъ оно безсильно уничтожить зло. Мы говоримъ не только о гг. Пальменѣ, Даніельсонѣ и Германсонѣ, мы говоримъ о существующемъ ненормальномъ положеніи края, при которомъ министерство, обязанное заботиться о подготовкѣ государственныхъ дѣятелей, преданныхъ извѣстному государственному строю, знаетъ, что въ цѣлой окраинѣ учебныя заведенія систематически подготовляютъ противниковъ такого строя, и зная это должно молчать. Мы говоримъ не объ отставкѣ гг. Даніельсона и Германсона и друг.,—нѣтъ, удалите этихъ господъ, найдутся другіе; этимъ зло не уничтожится. Нужно, чтобы народное обрзованіе въ государствѣ было строго систематично, однообразно и чтобы надзоръ за нимъ былъ сосре-

доточенъ въ одномъ главномъ управленіи, которое могло бы регулировать народное образованіе сообразно потребностямъ государства. Народное образованіе должно быть однимъ стройнымъ оркестромъ, управляемымъ знающимъ, искуснымъ дирижеромъ, и тогда въ этомъ оркестрѣ не будутъ слышны диссонансы, рѣжущіе ухо даже не знатока музыки.

Всѣ это отлично понимаютъ, но почему-то молчатъ объ этомъ вопросѣ; отчего не разработать его основательно? Мы полагаемъ, что подчиненіе всѣхъ безусловно учебныхъ заведеній Россійской Имперіи русскому министерству народнаго просвѣщенія принесло бы несомнѣнно пользу не только общимъ государственнымъ интересамъ Россіи, но и самому краю. Такое подчиненіе сблизило бы край съ Имперіей, дало бы возможность финляндскому юношеству познакомиться съ дѣйствительной исторіей Россіи, съ ея законами, и они увидѣли бы, что русскіе далеко не такіе дикари, какими ихъ рисуютъ гг. финляндскіе профессора. Но для такого объединенія нужно разъ навсегда и безповоротно рѣшить, что Финляндія—русская провинція, и что она обязана не соединиться, а слиться въ одно неразрывное цѣлое съ Россіей. Для этого необходимо не только признать русскій языкъ оффиціальнымъ языкомъ края, но установить преподаваніе всѣхъ предметовъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края на русскомъ языкѣ, и ввести программы русскихъ учебныхъ заведеній. Намъ скажутъ, что это нелегкая задача, что на это потребуются и время, и деньги. Согласны, но денегъ хватитъ отъ экономіи при упраздненіи многихъ «особенныхъ учрежденій края»; что же касается до времени, то разумѣется такой реформы нельзя произвести въ одинъ день. На это потребуется, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ и не мало труда, но что значатъ годы въ жизни народа! Можетъ быть, защитники финляндской обособленности возразятъ, что по характеру финскаго языка, финны не могутъ учиться по русски, наконецъ, что такая дорого стоющая затѣя не принесетъ никакой существенной пользы и что школа въ Финляндіи не служитъ разсадникомъ какихъ либо вредныхъ ученій.

Думаемъ, что такія возраженія далеко не основательны. Въ Россіи масса инородцевъ, говорящихъ на разныхъ нарѣчіяхъ, не имѣющихъ никакого сходства съ русскимъ языкомъ, однако эти инородцы обучаются въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ все преподается по русски. Въ этихъ же учебныхъ заведеніяхъ

найдется не мало и дѣтей «финляндскихъ гражданъ», а въ особенности такихъ, которыя могутъ воспитываться на *казенный русскій счетъ* и отъ этого они не чувствуютъ никакого неудобства. Лучшимъ доказательствомъ того, что финскіе крестьяне способны весьма скоро выучиваться говорить по русски, безъ всякихъ школъ, служатъ финны, являющіеся для заработковъ въ Петербургъ. Петербургскіе жители отлично знаютъ, что эти финны, въ силу необходимости, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выучиваются русскому языку; правда, они говорятъ неправильно, съ особымъ акцентомъ, но всетаки настолько хорошо, что могутъ служить въ русскихъ семействахъ, незнающихъ финскаго языка. Нужно добавить, что эти люди являются въ Петербургъ, большею частью, взрослыми, когда изученіе чужого языка не особенно легко, и если они скоро выучиваются говорить, то это служитъ доказательствомъ того, что финны способны говорить по русски и если учить ихъ этому языку въ дѣтствѣ, при помощи опытныхъ учителей, то они будутъ его прекрасно знать.

Что такая реформа оказала бы благодѣтельное вліяніе на политическія воззрѣнія населенія края и способствовала бы уничтоженію различныхъ политическихъ фантазій, мы видимъ по результатамъ реформы, совершающейся въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ этихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, еще очень недавно все преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ и край разыгрывалъ не рѣдко роль какого-то маленькаго нѣмецкаго государства. Императоръ Александръ III призналъ за благо уничтожить эту особеность края и ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ. Реформа постепенно вводится, и хотя она еще не приведена къ концу, тѣмъ не менѣе результаты ея уже Россія узнала 8 іюня 1896 г., читая описанія народнаго праздника въ Ревелѣ. Результаты же школьнаго образованія «Финляндскаго государства» въ тотъ же самый день, можетъ быть даже въ тѣ же часы, мы видѣли въ г. Сердоболѣ, гдѣ въ этотъ день заканчивался такой же праздникъ пѣнія, какой начинался въ Ревелѣ. Въ Ревелѣ *на русскомъ языкѣ* пѣли *русскій народный гимнъ*, а въ городѣ Сердоболѣ *на финскомъ языкѣ* распѣвали «*Біернборгскій*» и «*Военный*» *марши*, въ которыхъ народъ приглашался оставить «*мирныя занятія*» и идти на «*знакомую кровавую работу*», указывали на военное знамя, которое направляется «къ востоку», т.-е. къ Россіи, и призывали «*всѣхъ на границу*»! Вообразите

себя въ Петербургѣ, вообразите два телефона, одинъ изъ Ревеля, другой изъ Сердоболя, вообразите, что трубки отъ этихъ телефоновъ вы приложили къ своимъ ушамъ. Съ одной стороны вы услышите «*Царствуй на страхъ врагамъ!*», а съ другой: «Бодро на работу кровавую стремитесь, на границу стремитесь!» Не правда-ли хорошая гармонія? А все потому, что два дирижера. Съ одной стороны русскій министръ народнаго просвѣщенія, а съ другой—начальникъ финской духовной экспедиціи.

Этотъ праздникъ характеризуетъ то политическое направленіе, въ которомъ воспитывается финляндское юношество въ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ края. Мы это говоримъ потому, что устроителями, распорядителями и проповѣдниками на этомъ торжествѣ явились профессора университета, учителя различныхъ учебныхъ заведеній и лица, состоящія на службѣ по учебному вѣдомству; участниками же хоровъ и оркестровъ—представители учащейся молодежи, съ университетомъ во главѣ.

Въ русской литературѣ почти нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ ведется преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ края, что говорится въ школьныхъ учебникахъ, что проповѣдываютъ господа преподаватели, какія книги читаются въ народныхъ библіотекахъ и какія въ учебныхъ заведеніяхъ. Все это было бы крайне важно знать для того, чтобы имѣть понятіе, какъ далеко зашла въ школахъ пропаганда партіи финляндской независимости. Русскіе публицисты не виновны въ отсутствіи такихъ свѣдѣній. Они не имѣютъ возможности изслѣдовать всѣ эти вопросы. Главнымъ препятствіемъ, разумѣется, является незнаніе русскими финскаго языка, а затѣмъ присущая финскимъ педагогамъ осторожность. Они не пустятъ ни въ народныя библіотеки, ни въ школы не только извѣстныхъ русскихъ публицистовъ, но даже лицъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ русской періодической печатью.

Лучшимъ доказательствомъ обереганія народнаго образованія отъ всякаго русскаго вліянія является законъ, изданный финляндскимъ сенатомъ и даже причисленный имъ почему-то къ «*основнымъ законамъ края*», въ силу котораго учителями исторіи не могутъ быть лица другихъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ лютеранско-евангелическаго. Слѣдуетъ замѣтить, что это постановленіе не только

неподписано Государемъ, но даже на немъ нѣтъ подписи и предсѣдателя финляндскаго сената, т.-е. генералъ-губернатора гр. Гейдена. Оно подписано 19 сенаторами, въ числѣ которыхъ красуются имена: гг. Пальмена, Мехелина и Ирье-Коскинена [1]). Разумѣется, такое постановленіе для русскихъ органовъ управленія не можетъ имѣть не только значенія «основнаго закона», но даже и какого либо законодательнаго акта, такъ какъ въ силу ст. 54 основныхъ законовъ Россійской Имперіи, всякій законъ издается за собственноручной Государя Императора подписью. Тѣмъ не менѣе этотъ законъ въ Финляндіи существуетъ и потому ни одинъ русскій не можетъ занять должности преподавателя исторіи.

Но «лояльные финны» умѣютъ издавать также законы «для отвода глазъ, по мѣткому выраженію «Московскихъ Вѣдомостей» [2]), такой эпитетъ эта газета придаетъ закону 7 декабря 1891 г. [3]) Въ силу этого закона: «на должность учителей русскаго языка въ лицеяхъ должны назначаться» преимущественно русскіе уроженцы съ университетскимъ образованіемъ или другія лица, «изучившія этотъ языкъ при университетахъ Имперіи». Этотъ законъ, также какъ и законъ объ учителяхъ исторіи, изданъ за подписью гг. финляндскихъ сенаторовъ, въ числѣ которыхъ имѣется и подпись г. Ирье-Коскинена; но понятно, этотъ законъ не причисленъ къ числу «основныхъ законовъ края». Послѣ изданія такого закона, гг. финляндскіе сенаторы, казалось бы, не должны были бы ставить никакихъ препятствій къ поступленію на должность учителей русскаго языка русскимъ, окончившимъ курсъ въ университетахъ Россіи. На дѣлѣ же вышло совсѣмъ другое. Одинъ изъ легковѣрныхъ учителей русской гимназіи русскаго языка, окончившій курсъ университета, пожелалъ получить мѣсто преподавателя того же языка въ финляндскомъ лицеѣ. Вотъ тутъ и выяснилось, что законъ 7 декабря 1891 г. изданъ для «отвода глазъ». Самъ г. **«министръ народнаго просвѣщенія»** Финляндіи [4]) сенаторъ Ирье-Коскиненъ показалъ это своимъ собственноручнымъ письмомъ отъ 27 апрѣля 1892 года.

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1889 г., № 35, стр. 10—11.

[2]) „Московскія Вѣдомости“. Передовая статья № 348—1892 г.

[3]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1891 г., № 39.

[4]) Начальниковъ экспедицій хозяйственнаго департамента финляндскіе газеты величаютъ не иначе какъ „министрами“.

Мы приведемъ это письмо, хотя оно и извѣстно въ русской печати, такъ какъ было первоначально напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ перепечатано въ сборникѣ г-на Петровскаго «Финляндская Окраина». Не смотря на двукратное появленіе этого письма въ печати, г. сенаторъ Ирье-Коскиненъ не опровергъ подлинности его, а потому для читателя нѣтъ основаній сомнѣваться. Вотъ это письмо [1]):

«Гельсингфорсъ, 27 апрѣля 1892 года.

«Милостивый Государь!

«Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 6 сего апрѣля честь имѣю сообщить:

«Для полученія должности учителя въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи требуется, чтобы проситель пробылъ студентомъ финляндскаго Александровскаго университета, выдержалъ въ немъ испытаніе на кандидата философіи или педагогіи и выслушалъ установленное число уроковъ въ нормальной гимназіи. Послѣ этихъ приготовленій проситель имѣетъ дать, въ нормальной гимназіи, пробный урокъ для полученія искомой должности. Ко всякому прошенію объ опредѣленіи на должность должно быть приложено свидѣтельство о надлежащемъ знаніи какъ финскаго, такъ и шведскаго языковъ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ З. Ирье-Коскиненъ».

По нашему мнѣнію, этимъ документомъ г. «финляндскій министръ» совершенно безцеремонно показалъ, что законъ 7 декабря 1891 года подписанъ имъ и его товарищами лишь для того, чтобы показать русскому правительству, что они готовы подчиниться требованію объ упорядоченіи преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ края, но не для того, чтобы *въ дѣйствительности улучшить преподаваніе этого предмета.* Изъ этого письма также ясно, что до тѣхъ поръ, пока народное образованіе въ Финляндіи будетъ находиться въ рукахъ гг. Ирье-Коскинена и другихъ «финляндскихъ патріотовъ», ни одинъ русскій уроженецъ не будетъ принятъ учителемъ русскаго языка въ финляндскихъ лицеяхъ, и что русскій языкъ не будетъ пре-

---

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1892 г., № 348, и Петровскій, „Финляндская Окраина“, выпускъ II, стр. 398.

подаваться надлежащимъ образомъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи края.

Изъ приведенныхъ нами двухъ законовъ: «основнаго» 1889 г. и неосновнаго 1891 г., въ связи съ письмомъ г-на Ирье-Коскинена, читатель ясно видитъ, что финляндскіе заправилы употребляютъ всѣ усилія, чтобы недопустить русскихъ людей въ школы Финляндіи и оставить преподаваніе въ рукахъ лицъ, получившихъ образованіе исключительно въ Гельсингфорскомъ университетѣ. Такимъ образомъ Гельсингфорскій университетъ является разсадникомъ народныхъ воспитателей и образователей края. Каковы политическіе взгляды этихъ учителей, мы отчасти можемъ судить уже изъ того, что профессорами этого университета являются такіе дѣятели, какъ гг. Даніельсонъ и Германсонъ, о которыхъ мы уже достаточно говорили. Для большей характеристики направленія, господствующаго среди лицъ, стоящихъ во главѣ этого университета, мы можемъ добавить, что ректоромъ его долгое время состоялъ авторъ знаменитаго «военнаго марша», дѣйствительный статскій совѣтникъ Августъ Альквистъ, что этотъ маршъ помѣщенъ въ сборникѣ студенческихъ пѣсенъ, изданномъ въ 1891 году [1]), и что въ програмахъ этого университета, называемаго «Императорскимъ Александровскимъ», совершенно исключено преподаваніе русскаго законовѣдѣнія и русской исторіи [2]). Результаты стараній господъ профессоровъ посѣять ненависть среди университетской молодежи ко всему русскому не безъизвѣстны въ русской печати. Мы приведемъ два сообщенія корреспондентовъ «Московскихъ Вѣдомостей», ярко рисующія стремленія молодежи. Въ одной изъ корпорацій студентовъ Гельсингфорскаго университета «былъ возбужденъ вопросъ о поднесеніи одному русскому высокопоставленному лицу произведеній финской словесности». Возражая противъ такого предложенія, ораторъ корпораціи студентовъ выразился такъ: «Насъ, финновъ, обвиняютъ въ шведской печати въ низкопоклонствѣ; говорятъ, что мы просимъ милости у русскихъ для расширенія правъ финскаго языка. Мы не нуждаемся въ русскихъ подачкахъ, и прежде чѣмъ пройдетъ 50 лѣтъ, въ Финляндіи не должно быть и слѣда рус-

---

[1]) Петровскій, „Финляндская Окраина“, выпускъ II, стр. 370.

[2]) Петровскій, „Финляндская Окраина“, выпускъ II, стр. 368. Программы юридическаго факультета на 1893 г.

скихъ» [1]). Въ другомъ сообщеніи говорится, что въ Финляндіи «при содѣйствіи или на средства студентовъ Гельсингфорскаго университета» открываются курсы для лицъ, окончившихъ образованіе въ народныхъ школахъ. «На этихъ курсахъ читаются: финляндское государственное право и отечественная (финляндская) исторія, въ духѣ сепаратистскаго ученія». Эти курсы носятъ громкое названіе *«народныхъ университетовъ»* и нужны, по выраженію учредителей ихъ, *«какъ противовѣсъ русской неограниченной власти»* [2]).

Всѣ эти свѣдѣнія даютъ намъ право съ полною увѣренностью сказать, что всѣ школы въ Финляндіи находятся подъ вліяніемъ партіи финляндской независимости и что пропаганда этой партіи сильно распространена среди молодаго поколѣнія всѣхъ сословій этой русской окраины.

Къ сожалѣнію, въ русской литературѣ намъ пришлось встрѣтить писателя, увлекающагося постановкой дѣла народнаго образованія въ Финляндіи. По мнѣнію г. Песковскаго [3]), благодаря разумно направленному образованію, «въ Финляндіи чувствуется экономическая справедливосль въ жизни вмѣсто нарушеннаго равновѣсія, господствующаго во всѣхъ странахъ». Благодаря финляндской системѣ образованія, Финляндія, по словамъ автора, достигла того, что въ ней нѣтъ «нищихъ и бездомныхъ бродягъ» и почти нѣтъ «пьянства и разгула», наконецъ, что она (Финляндія) «побѣдила предразсудокъ, продолжающій еще тяготѣть надъ всею Западной Европою». Эта побѣда заключается въ томъ, что въ народныхъ школахъ, частныхъ лицеяхъ и университетѣ допущено «совмѣстное обученіе двухъ половъ».

Не предполагая полемизировать съ г. Песковскимъ, мы позволимъ себѣ указать, что свѣдѣнія почтеннаго автора далеко не вѣрны. Что въ Финляндіи существуютъ и «нищіе», и «бездомные бродяги», г. Песковскій легко могъ бы убѣдится, если-бы проѣхалъ зимой въ г. Сердоболь. Тутъ онъ собственными глазами увидѣлъ бы не мало таковыхъ. Затѣмъ думаемъ, что въ

---

[1]) Тоже, стр. 306.

[2]) Тоже, стр. 379, Передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей“ № 333, за 1892 г.

[3]) Песковскій, „Вѣчно живой вопросъ“, литературныя приложенія къ журналу „Нива“ за 1896 г, № 5.

канцеляріи С.-Петербургскаго градоначальника найдутся свѣдѣнія, сколько «нищихъ и бездомныхъ бродягъ» ежегодно, въ особенности во время великаго поста, является изъ этой «культурной страны» въ некультурный Петербургъ, чтобы поживиться милостыней у православныхъ церквей отъ «русскихъ дикарей». Мы знаемъ навѣрно, что таковыхъ не мало. Затѣмъ относительно порочности населенія не мѣшало бы обратиться къ оффиціальной уголовной статистикѣ Финляндіи, и тогда бы г. Песковскій увидѣлъ, что населеніе этой образцово-культурной страны далеко не такъ честно и нравственно, какъ онъ изобразилъ въ своей статьѣ, и что оно гораздо преступнѣе, чѣмъ населеніе нашей Пермской губерніи, которую, разумѣется, никто не станетъ ставить въ примѣръ Западной Европѣ.

Осужденныхъ за разнаго рода преступленія и проступки, какъ видно изъ оффиціальныхъ данныхъ, было:

	Въ Финляндіи.	Въ Пермской губерніи.
въ 1889 г.	18621 [1])	2163 [4])
» 1890 »	21445 [2])	2362 [5])
» 1891 »	19423 [3])	2161 [6])

Изъ этихъ цифръ, думаемъ, можно сдѣлать выводъ, что *особой безгрѣшностью* населеніе Финляндіи не отличается.

При болѣе подробномъ сравненіи данныхъ уголовной статистики Финляндія и Пермской губерніи, мы надѣемся доказать, что первая не можетъ похвастаться ни особой *трезвостью*, ни особой *честностью*. Это сравненіе нѣсколько затрудняется тѣмъ, что рубрики преступленій не одинаковы. Въ уголовной статистикѣ Финляндіи обозначены отдѣльно осужденные: за «пьянство», «кражи», «грабежъ», «подлогъ». Въ уголовно-статистическихъ свѣдѣніяхъ Пермской губ. приняты болѣе родовыя названія преступленій: «противъ общественнаго благоустройства

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1892 г., стр. 148, на русскомъ языкѣ.

[2]) Тоже, 1893 г., стр. 168 (на шведскомъ языкѣ).

[3]) Тоже, 1884 г., стр. 154—155 (на русскомъ языкѣ).

[4]) „Пермскій Адрэсъ - календарь“, изданіе Статистическаго Комитета 1890 г., стр. 68.

[5]) Тоже, за 1892 г., стр. 102.

[6]) Тоже, за 1893 г., стр. 144.

и благочинія», куда относится и пьянство, «противъ собственности», въ числѣ которыхъ слѣдуетъ разумѣть: кражу, грабежъ и подлогъ. Сдѣлавъ это необходимое, по нашему мнѣнію, поясненіе, мы приведемъ цифры.

	Въ Финляндіи осужденныхъ:	
	За пьянство.	За кражи, грабежъ и подлогъ.
въ 1889 г. [1]) было . . .	2036	1136
» 1890 » [2]) » . . .	2665	1289
» 1891 » [3]) » . . .	2529	1190

Послѣднюю цифру мы должны нѣсколько пояснить: въ 1891 году уменьшилось не число кражъ, а число грабежей и подлоговъ.

	Подлоговъ.	Грабежей.	Кражъ.
Въ 1890 г.	226	34	1029 [4])
» 1891 »	126	7	1057 [5])

Возьмемъ теперь статистическія данныя по Пермской губерніи, изъ которыхъ оказывается, что осужденныхъ за нарушенія:

	общественнаго благоустройства и благочинія.	правъ собственности.
Въ 1889 г. [6]) .	327 чел.	707 чел.
» 1890 г. [7]) .	400 »	734 »
» 1891 г. [8]) .	412 »	666 »

Итакъ, принимая во вниманіе, что населеніе Пермской губерніи болѣе населенія Финляндіи и допуская, что всѣ проступки противъ благоустройства и благочинія совершены пьяницами, мы можемъ сдѣлать такой выводъ:

на 1 пьяницу Пермской губ. приходится 6 пьяницъ Финляндіи
» 1 вора » » » 1,7 » »

Или говоря иначе, въ Финляндіи въ 6 разъ болѣе пьяницъ

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1892 г., стр. 148 (на русскомъ языкѣ).

[2]) Тоже, 1893 г., стр. 168 (на шведскомъ языкѣ).

[3]) Тоже, 1894 г., стр. 154—155 (на русскомъ языкѣ).

[4]) Тоже, за 1893 г. (на шведскомъ языкѣ), стр. 168.

[5]) Тоже на русскомъ за 1894 г., стр. 154—155.

[6]) „Пермскій Адресъ-календарь“ 1890 г., стр. 68.

[7]) Тоже, 1892 г., стр. 102.

[8]) Тоже, 1893 г., стр. 144.

и болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза воровъ разныхъ категорій, сравнительно съ Пермской губерніей.

Затѣмъ приведемъ еще цифры изъ уголовной статистики Финляндіи, на которыя господамъ проповѣдникамъ совмѣстнаго обученія юношества въ возрастѣ свыше 14—16 лѣтъ слѣдовало бы обратить вниманіе:

	За дѣтоубійство и сокрытіе плода.
Въ Финляндіи осуждено въ 1889 г. [1]) . .	84
» » » » 1890 г. [2]) . .	74
» » » » 1891 г. [3]) . .	71
	За преступленія противъ нравственности. [4]).
» » » » 1889 г. [1]) .	90
» » » » 1890 г. [2]) . .	115
» » » » 1891 г. [3]) . .	**258**

Пусть господа педагоги разрѣшатъ вопросъ, не вліяетъ ли знаменитая «побѣда надъ предразсудкомъ» на развитіе этого рода преступленій?

Мы не беремся рѣшать такого важнаго вопроса, это дѣло не наше, но на основаніи приведенныхъ нами данныхъ мы имѣемъ полное право сказать, что увеличеніе числа школъ въ Финляндіи не повліяло на улучшеніе нравственности населенія этой страны, а лишь развило въ юномъ поколеніи безпричинную ненависть ко всему русскому и надежду на созданіе отдѣльнаго финляндскаго государства, изъ котораго русскіе будутъ изгнаны совершенно.

Мы этимъ не хотимъ сказать, что развитіе числа школъ вредно для края; нѣтъ, мы бы желали, чтобы этихъ школъ было еще больше, но чтобы онѣ *служили дѣлу дѣйствительнаго образованія и воспитанія народа*, а не были бы средствомъ

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1892 г., стр. 148.

[2]) Тоже за 1893 г. (на шведскомъ языкѣ), стр. 168.

[3]) Тоже, (на русскомъ явыкѣ) за 1894 г., стр. 154—155.

[4]) Подъ этимъ родовымъ именемъ, по дѣйствовавшему въ то время закону, слѣдуетъ понимать: сожитіе родственниковъ, сводничество развратъ и т. п. Эти преступленія отнесены къ разряду „*тяжкихъ*“.

распространенія несбыточныхъ фантазій политической партіи, не заботящейся объ истинномъ народномъ благѣ, а лишь о достиженіи личныхъ честолюбивыхъ цѣлей.

Какъ господамъ финляндскимъ заправиламъ, такъ и русскимъ панегиристамъ финляндской культуры, мы считаемъ не лишнимъ напомнить, что Финляндія, будучи русской провинціей, равной по пространству и населенію нѣкоторымъ изъ русскихъ губерній, имѣетъ возможность тратить на дѣло народнаго образованія болѣе восьми милліоновъ марокъ или болѣе трехъ милліоновъ рублей [1]). Такую сумму эта русская провинція имѣетъ возможность затрачивать единственно благодаря безкорыстію и великодушію русскаго правительства, которое издерживая на внѣшнюю оборону этой окраины общегосударственныя средства Россіи, отдаетъ на нужды этаго края даже таможенные сборы, которые, въ силу IV ст. Фридрихсгамскаго трактата, составляютъ неотъемлемую собственность Россійской Имперіи. Этихъ сборовъ по росписи доходовъ края за 1893 годъ значится $16^1/_2$ милліоновъ марокъ [2]), т. е. слишкомъ въ два раза болѣе, чѣмъ этотъ край тратитъ на народное образованіе. Изъ этаго ясно, что всѣ учебныя заведенія края (съ народными школами включительно) существуютъ на счетъ суммъ, составляющихъ собственность Россійской Имперіи. Это не худо было бы помнить гг. финляндскимъ проповѣдникамъ.

Указавъ источникъ средствъ народнаго образованія края, посмотримъ, куда тратятся эти *русскія деньги.*

Благодаря тому, что финляндскія правительственныя учрежденія не торопятся присылкой своихъ оффиціальныхъ изданій въ Императорскую Публичную Библіотеку [3]), мы можемъ представить свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ края лишь за $18^{92}/_{93}$ учебный годъ. Эти свѣдѣнія почерпнуты нами изъ «Статистическаго ежегодника Финляндіи», издаваемаго Центральнымъ Статистическимъ Бюро въ Гельсингфорсѣ. По этимъ свѣ-

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи за 1894 г., стр. 120, 124—127, 131—137, 141—143, 146—147, 170—171, 177, и „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1892 г., № 5, 1893 г. № 3, 1894 г. № 7.

[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1893 г., № 3.

[3]) Въ февралѣ 1897 года получены въ библіотекѣ „Сборникъ постановленій“ и „Статистическій ежегодникъ“ за 1895 годъ.

дѣніямъ, въ означенномъ учебномъ году во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края обучались 104,348 лицъ обоего пола. Изъ этого числа 45,395 лицъ женскаго пола. Всѣ учебныя заведенія края мы раздѣляемъ на три категоріи: общеобразовательныя, спеціальныя (техническія) и народныя.

I. Общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній [1]) въ Финляндіи 115, а именно: 1 университетъ, 23 правительственныхъ и 9 частныхъ лицеевъ, 16 правительственныхъ и 4 частныхъ реальныхъ и элементарныхъ училища, 13 правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ 2 высшіе курсы и 49 частныхъ приготовительныхъ и женскихъ училищъ, изъ которыхъ 1 высшіе женскіе курсы. На содержаніе правительственныхъ учебныхъ заведеній [1]) и на пособія частнымъ [2]) затрачено . .	3.501,030 м.	56 п.	
			изъ нихъ ж.
Учащихся		11173	4718
II. Спеціальныхъ (техническихъ) училищъ 97, а именно: Институты: 1 политехническій [3]), 2 коммерческихъ [4]) и 2 сельскохозяйственныхъ [5]); школъ: 7 на-			

[1]) Свѣдѣнія объ университетѣ помѣщены въ „Статистическомъ Ежегодникѣ“ за 1894 годъ, стр. 118—120; а объ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ „Статистическомъ Ежегодникѣ“ за 1895 г., стр. 124—129.

[1]) На содержаніе университета—1.014,817 м. 96 п. („Ежегодникъ“ 1894 г., стр. 120); на содержаніе другихъ правительственныхъ учебныхъ зиведеній—2.229,462 м. 60 п. („Сборникъ постановленій В. К. Финл.“ 1893 г., № 3).

[2]) Пособіе казны частнымъ учебнымъ заведеніямъ—256,750 м. („Ежегодникъ Финляндіи“ 1895 г., стр. 124).

[3]) „Ежегодникъ Финляндіи“ за 1894 г., стр. 135; содержаніе—137,050 м., „Сборн. пост. В. К. Финл.“ 1893 г., №-3, стр. 7.

[4]) Тамъ же, стр. 141, содержаніе институтовъ отъ казны 30,000 мар. и школъ 23,903.

[5]) „Ежегодникъ Финляндіи“ 1895 г., стр. 138—139; расходъ казны: на

вигаціонныхъ [6]), 5 коммерческихъ [4]), 12 земледѣльческихъ [5]) 17 молочно-хозяйственныхъ [5]), 44 ремесленныхъ [7]) и 9 промышленныхъ [8]). На содержаніе ихъ затрачено	825,877 м.	— п.	
			изъ нихъ ж.
Учащихся.		3224	406
III. Народныхъ училищъ показано: 4 народоучительскихъ семинаріи [9]) и 1032 сельскихъ народныхъ школы съ дѣтскими классами при нихъ [10]). Кромѣ этого, въ «Ежегодникѣ» за 1895 г. приведены свѣдѣнія о городскихъ школахъ [11]): народныхъ, вечернихъ классахъ и «прочихъ подобныхъ», но не указано количество этихъ школъ. На содержаніе всѣхъ этихъ семинарій и школъ было израсходовано . . .	3.615,598 м.	33 п.	
Учащихся.		89393	40271

институты—104,500 м., на школы: земледѣльческія—110,400 м. и молочно-хозяйственныя—58,800 м.

[6]) „Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 г., стр. 140, расходъ казны—76,200 м.

[7]) „Ежегодникъ Финляндіи“ за 1895 г., стр. 140—143, изъ числа 44 школъ: низшихъ—35, высшихъ—8 и центральная 1; расходъ: на низшія школы казны—14,823 мар., общинъ—24,091 м.; высшія—казны—13,264 м. общинъ—21,652 м. и центральное казны—9,257 м. и общинъ—23,277.

[8]) „Ежегодникъ Финляндіи“ 1895 г., стр. 144; расходъ казны 178,660 м. („Сборн. постан. В. К. Финл.“ 1893 г., № 3, стр. 7).

[9]) „Ежегодникъ“ 1895 г., стр. 129, муж.—203 жен.—272, расходъ казны 407,533. („Сборникъ постановл. В. К. Финл.“ 1893 г., № 3, стр. 7).

[10]) „Ежегодникъ Финляндіи“ 1895 году, стр. 130; во всѣхъ сельскихъ школахъ обучалось: мальч.—22.845 и дѣвочекъ 17,581, въ дѣтскихъ классахъ—26,979.

[11]) „Статистич. Ежегодникъ Финляндіи“, 1895 г., стр. 133; во всѣхъ городскихъ школахъ обучалось мальч. 10,831, дѣвоч. 10,682. Расходъ на содержаніе народныхъ школъ слитно вообще исчисленъ: отъ казны 1.137,298 м. („Сборн. пост. В. К. Финляндскаго“ за 1892 г., № 7 и 1893 г., № 4), отъ сельскихъ общинъ 759,108 („Ежегодникъ“ 1895 г., стр. 164), и отъ городовъ 1.311,659 м. („Ежегодникъ“ 1895 г., стр. 160—161, причемъ вычтенъ нами расходъ ремесленныхъ школъ).

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ $18^{92}/_{93}$ учебномъ году въ Финляндіи было, кромѣ народныхъ городскихъ школъ, всего 1248 учебныхъ заведеній, въ которыхъ: обучалось 104,348 лицъ обоего пола (женщинъ 45,395) и на содержаніе которыхъ казной и общинами края израсходовано 7.972,505 м. 89 пенни.

Но ни одну изъ этихъ цифръ мы не можемъ признать точной. Цифра школъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному количеству учебныхъ заведеній не только потому, что не указано количества городскихъ школъ, но и потому, что въ «Ежегодникахъ» статистическое бюро Финляндіи не сочло нужнымъ упомянуть о военно-учебныхъ заведеніяхъ края и о «курсахъ дополнительныхъ къ народнымъ училищамъ и практическихъ для крестьянскаго населенія» (возвеличенныхъ г. Песковскимъ въ степень «народныхъ университетовъ»). Назначеніе военно-учебныхъ заведеній—подготовленіе офицеровъ финской арміи, и потому въ эти училища могутъ поступать лишь «финскіе граждане» или, какъ здѣсь говорятъ, «*финскіе подданные*». Такихъ учебныхъ заведеній, какъ видно изъ другихъ оффиціальныхъ изданій края—два: Финляндскій кадетскій корпусъ и курсы для вольноопредѣляющихся. О количествѣ «народныхъ университевъ» нигдѣ въ оффиціальныхъ изданіяхъ не упоминается, и только съ 1892 года появилась статья расхода въ бюджетѣ края, указывающая, что имѣются какіе-то курсы для крестьянъ, «дополнительные и практическіе»,—сколько такихъ курсовъ и сколько слушателей такихъ курсовъ мы не знаемъ, и потому очень жалѣемъ, что г. Песковскій, указывая число «народныхъ университетовъ»—«*15*», не указалъ источника, изъ котораго онъ заимствовалъ эту цифру. Можетъ быть, въ томъ источникѣ обозначено и число «*студентовъ*» этихъ университетовъ. Какъ число будущихъ офицеровъ финской арміи, такъ и число «студентовъ» и «профессоровъ» «народныхъ университетовъ» не мѣшало бы знать русскимъ людямъ, интересующимся финляндскими дѣлами, такъ какъ назначеніе, по словамъ финляндскихъ государственниковъ, этихъ учебныхъ заведеній почти одинаково — служить «противовѣсомъ русской неограниченной власти» [1]). Инте-

[1]) Рѣчь Л. Мехелина о значеніи финской арміи, сказанная при докладѣ въ сеймѣ устава о воинской повинности (брошюра Ѳ. Еленева „Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г., стр. 37) и значеніе „народныхъ университетовъ“ (С. Петровскій, „Финляндская окраина“, выпускъ II, стр. 369).

ресно бы знать силу этого «противовѣса». Думаемъ, что центральное статистическое бюро имѣетъ какія-либо серьозныя причины скрывать свѣдѣнія, касающіяся «финской арміи» и «народныхъ университетовъ». Допустить, что это происходитъ отъ простой небрежности составителей «Ежегодника», врядъ-ли возможно, такъ какъ эти господа не полѣнились сосчитать *всѣхъ «куръ и индѣекъ»*, обитающихъ въ Финляндіи [1]).

На «народные университеты» и военно-учебныя заведенія финляндская казна въ 1893 г. затратила 348,849 м. 20 п. [2]). Кромѣ этихъ свѣдѣній, мы имѣемъ свѣдѣнія о количествѣ преподавателей въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ. Всѣхъ преподавателей въ 1892 и 1893 году значилось 16 [3]), кромѣ служащихъ по администраціи корпуса.

На основаніи приведенныхъ нами данныхъ постараемся хотя приблизительными цифрами пополнить пробѣлы, сдѣланные центральнымъ статистическимъ бюро Финляндіи, т.-е. опредѣлить количество городскихъ народныхъ школъ, число воспитанниковъ финляндскаго кадетскаго корпуса, вольноопредѣляющихся, слушающихъ курсы, и число «студентовъ народныхъ университетовъ». Для этого мы сдѣлаемъ предположенія:

а) что число школъ въ городахъ состоитъ къ числу городскихъ учениковъ въ одинаковой пропорціи съ числомъ сельскихъ школъ къ числу сельскихъ учениковъ;

б) что воспитанникъ военно-учебныхъ заведеній стоитъ казнѣ дороже ученика народоучительской семинаріи пропорціонально отошенію числа учителей кадетскаго корпуса къ учителямъ семинаріи;

в) что слушатель курсовъ «народныхъ университетовъ» стоитъ казнѣ края одинаковую сумму съ ученикомъ высшаго народнаго училища. Приэтомъ будемъ считать, что «народныхъ университетовъ», на основаніи словъ г. Песковскаго, въ дѣйствительности 15.

---

[1]) „Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 г., стр. 31 и 1895 г., стр. 31, причемъ отмѣчены цифровыя данныя, относящіяся къ разнымъ злоключеніямъ съ этими пернатыми.

[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1893 г., № 4, стр. 5, и № 5, стр. 5.

[3]) «Finlands Stats-Kalender» 1893 г., стр. 256, § 582.

Почему мы сдѣлали первое предположеніе для опредѣленія количества городскихъ школъ,—кажется, объясненій не требуется; второе же и третье предположеніе мы должны пояснить. Главную стоимость содержанія учениковъ составляютъ: учительскій персоналъ и содержаніе пансіонеровъ. Пансіонеры существуютъ въ народоучительскихъ семинаріяхъ и кадетскомъ корпусѣ, причемъ учителей въ кадетскомъ корпусѣ болѣе чѣмъ въ семинаріи (16 въ корпусѣ, 11 въ семинаріи), поэтому мы нашли возможнымъ допустить, что содержаніе кадета дороже содержанія воспитанника учительской семинаріи во столько разъ, во сколько въ корпусѣ болѣе учителей, чѣмъ въ семинаріи. Что же касается до послѣдняго предположенія, то довѣряя г. Песковскому, что «народныхъ университетовъ 15» и усматривая изъ бюджета края, что на всѣ эти «университеты» ассигновано лишь 15,000 мар., т. е. по 1,000 мар. на университетъ, мы видимъ, что содержаніе гг. «студентовъ» обходится крайне дешево казнѣ края. Эту дешевизну мы объяснили себѣ тѣмъ, что господа иниціаторы этихъ «университетовъ», вѣроятно, въ виду того важнаго значенія, которое они придавали этому типу учебныхъ заведеній служить «противовѣсомъ русской неограниченной власти», не пожалѣли ни денегъ, ни трудовъ и, не ограничившись открытіемъ ихъ, они поддерживаютъ ихъ, состоя *безплатными* профессорами «финляндскаго государственнаго права» и «отечественной исторіи финляндскаго государства». Поэтому мы, допуская всѣ эти предположенія, думали, что гг. иниціаторы довели дешевизну содержанія «студентовъ» до минимума, и вотъ въ силу такихъ соображеній мы приняли, что содержаніе «*студента*» университета обходится казнѣ края не дороже содержанія ученика народнаго училища.

Исходя изъ такихъ предположеній, мы можетъ сказать, что городскихъ народныхъ школъ—329, что кадетъ въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ—257, слушателей курсовъ для вольноопредѣляющихся—10 и «студентовъ» во всѣхъ 15 «народныхъ университетахъ» Финляндіи—1,154.

Намъ остается еще сказать о нѣкоторыхъ особенностяхъ учебныхъ заведеній Финляндіи и неточностяхъ свѣдѣній статистическаго бюро. По свѣдѣніямъ «Ежегодника» за 1894 годъ, въ весеннее полугодіе 1893 года «числилось» въ Гельсингфорскомъ университетѣ 1,694 студента и 56 студентокъ, при чемъ сказано, что изъ этого числа «*посѣщаютъ лекціи*» всего 965 чело-

вѣкъ, изъ коихъ 33 женщины. При вычисленіи числа учащихся, мы взяли эту послѣднюю цифру, такъ какъ полагаемъ, что при опредѣленіи численности учащихся интересно знать, сколько *дѣйствительно учится* въ извѣстномъ учебномъ заведеніи, а не сколько *въ немъ числится*.

Это раздѣленіе на «числящихся» и «посѣщающихъ лекціи» достойно вниманія и полагаемъ, что это дѣленіе есть одна изъ «финляндскихъ особенностей». Мы знаемъ, что въ русскихъ университетахъ всѣ студенты посѣщаютъ лекціи, одни болѣе, другіе менѣе акуратно. Мы съ увѣренностью говоримъ, что студентовъ, совершенно не посѣщающихъ лекцій, въ Россіи нѣтъ или уже очень мало и такіе дальше перваго курса не идутъ. Въ Гельсингфорскомъ же университетѣ оказывается, что изъ числящихся студентовъ почти 45% (44, 86%) только числятся. Интересно бы знать, что дѣлаютъ эти числящіеся студенты и студентки?

Въ опредѣленіи числа учащихся въ ремесленныхъ школахъ всѣхъ трехъ разрядовъ показаны въ Ежегодникѣ за 1895 г. двѣ цифры: одна—число учащихся въ концѣ осенняго полугодія, другая—въ концѣ весенняго полугодія. Такъ, въ концѣ осенняго полугодія учебнаго $18^{92}/_{93}$ года показано 1,607 учен., въ концѣ весенняго—1,400. Мы взяли первую, дабы не заслужить отъ защитниковъ финляндской культурности упрека въ умышленномъ умаленіи числа учащихся въ Финляндіи. Но указывая означенныя цифры учащихся въ ремесленныхъ школахъ, составители Ежегодника не указали почему-то ни количества женскихъ ремесленныхъ школъ, ни числа женщинъ, обучающихся ремеслу, хотя намъ положительно извѣстно, что въ Финляндіи существуютъ и женскія ремесленныя школы, и женщины, обучающіяся въ такихъ школахъ. Такъ, въ городѣ Сердоболѣ мы знаемъ, что существуетъ ткацкая школа, гдѣ обучаются исключительно женщины. Но этой неточности мы не имѣемъ возможности исправить хотя бы приблизительно.

Сводя все вышесказанное, мы можемъ сказать, что въ учебный $18^{92}/_{93}$ годъ въ Финляндіи было: учебныхъ заведеній 1,594, въ которыхъ обучалось 105,769 [1]) лицъ обоего пола, и на образованіе которыхъ затрачено казной и общинами 8.291,355 мар. [2]).

---

[1]) Обѣ цифры приблизительныя.

[2]) Цифра точная.

Какъ мы уже видѣли, цифры учебныхъ заведеній и цифры учащихся вычислены приблизительно и очень можетъ быть, что дѣлая приведенныя нами предположенія, мы допустили и довольно крупныя ошибки, въ которыхъ, разумѣется, виновны составители ежегодниковъ Финляндіи. Но, во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ право сказать, не рискуя погрѣшить противъ истины, что Финляндія, благодаря *великодушію* Россійской Имперіи, имѣетъ возможность затрачивать ежегодно *болѣе* 8 милліоновъ марокъ на воспитаніе *болѣе ста тысячъ* подростающей молодежи края *въ духѣ партіи финляндской независимости*. Заправилы этой партіи отлично понимаютъ значеніе воспитанія юношества въ извѣстномъ направленіи и не жалѣютъ средствъ на такое воспитаніе.

Понимая, насколько важно распространеніе ученія партіи среди простаго народа, господа проповѣдники обратили особо вниманіе на привлеченіе въ народные учителя лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ. Такъ называемое «финляндское правительство» не жалѣетъ средствъ на народоучительскія семинаріи. Каждый воспитанникъ такой семинаріи обходится казнѣ края болѣе 300 руб. въ годъ. Большинство учениковъ и ученицъ этихъ семинарій не только освобождены отъ платы за ученіе, но и пользуются безплатно содержаніемъ въ семинарскихъ общежитіяхъ или же платятъ самую незначительную сумму,—какъ мы слышали, не болѣе 120 марокъ или 45 руб. въ годъ. Это частное сообщеніе подтверждается и оффиціальными данными. По свѣдѣніямъ Ежегодника за 1895 г. (стр. 129), всѣхъ пансіонеровъ семинарій въ $18^{92}/_{93}$ году было 242 (жен. 120), отъ этихъ пансіонеровъ получено казной 12,330 мар. [1]). Допуская, что плата была 120 мар. за каждаго, оказывается, что платныхъ пансіонеровъ было не болѣе 103 человѣкъ.

Благодаря такому положенію учащихся въ народоучительскихъ семинаріяхъ, Финляндія имѣетъ ежегодно около 100 молодыхъ народныхъ учителей [2]).

---

[1]) Въ „Сборникѣ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1893 г., № 3, стр. 4 значится, что получено отъ пансіонеровъ семинарій и за слушаніе лекцій отъ учениковъ политехническаго института 20,000 мар., эта послѣдняя плата въ 1893 году составляла 7,670 м. („Ежегодникъ“ 1894 г., стр. 139).

[2]) Въ 1891 году окончило курсъ семинаріи 103, въ 1892 г.—82 чел. и въ 1893 г.—77 чел. („Ежегодникъ“ 1894 г., стр. 129 и „Ежегодникъ“ 1895 г. стр. 129).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности дать русской публикѣ свѣдѣній о руководствахъ и книгахъ для чтенія, употребляемыхъ въ народоучительскихъ семинаріяхъ, но мы утверждаемъ, что въ этихъ семинаріяхъ преподаются свѣдѣнія, составляющія катехизисъ финляндскихъ сепаратистовъ. Намъ пришлось ознакомиться съ характеромъ преподаванія въ сердобольской народоучительской семинаріи изъ разсказовъ одного изъ бывшихъ ея воспитанниковъ, который, по окончаніи курса, былъ нѣкоторое время народнымъ учителемъ и теперь готовится къ поступленію въ духовенство православной финляндской епархіи. Благодаря любезности этаго будущаго православнаго священника, намъ удалось узнать, что въ учительскихъ семинаріяхъ разъясняется, что Финляндія во внутреннемъ управленіи совершенно независимое отъ Россіи государство, что Императоръ Россійскій, въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи, не Самодержавный Государь, а Монархъ ограниченный шведской конституціей, принятой Императоромъ Александромъ I. Излагаются основы этой конституціи и вообще обучаютъ будущихъ народныхъ учителей въ духѣ различныхъ измышленій гг. Даніельсона и К°. Понятно, что получивъ такія познанія въ семинаріяхъ, народные учителя всю эту премудрость распространяютъ въ народныхъ школахъ. И вотъ такимъ-то путемъ быстро распространяется ученіе финляндскихъ сепаратистовъ среди простого народа.

Неужели все это такъ ничтожно, что не заслуживаетъ вниманія русскихъ государственныхъ людей?

Мы придаемъ большое значеніе вліянію народоучительскихъ семинарій на распространеніе сепаратитскаго ученія не только среди учениковъ народныхъ школъ, но и среди населенія тѣхъ городовъ, гдѣ существуютъ эти семинаріи. Намъ лично пришлось убѣдиться въ этомъ вліяніи въ г. Сердоболѣ. Мы помнимъ этотъ городъ въ 1870 году. Это былъ почти русскій городъ. Изъ разсказовъ мѣстныхъ старожилъ, какъ лютеранъ, такъ и православныхъ, мы знаемъ, что до открытія народоучительской семинаріи въ городѣ даже существовала *русская школа*, устроенная на средства создателей православнаго храма въ г. Сердоболѣ, гг. Елисѣевыхъ. Знаніе русскаго языка являлось признакомъ образованности человѣка. Финны и русскіе жили довольно дружно и не о какихъ сепаратистскихъ замыслахъ не было и рѣчи. Мы знаемъ *навѣрно*, что по иниціативѣ покойнаго

С.-Петербургскаго Митрополита Исидора предполагалось открыть въ г. Сердоболѣ православное миссіонерское училище. Но этому предположенію не суждено было осуществиться, благодаря проискамъ финноманской партіи, и вмѣсто означеннаго училища, въ 1880 году открыта народоучительская финская семинарія.

Это учебное заведеніе смѣло можно назвать разсадникомъ финноманскихъ идей. Съ учрежденіемъ этой семинаріи и при ней элементарной народной школы, русская школа была закрыта и началось поголовное *обфиненіе.*

Къ стыду русскаго православнаго духовенства нужно сказать откровенно, что оно не мало способствуетъ обфиненію этаго края. Большинство православнаго населенія Выборгской губерніи—корелы или выходцы изъ Россіи. Всѣ они, за небольшимъ исключеніемъ, знали, да и теперь еще многіе знаютъ русскій языкъ. Православныхъ финновъ очень не много, и переходы изъ лютеранства въ православіе за послѣднее время крайне рѣдки. Не смотря на это, *русское православное духовенство* въ передвижныхъ приходскихъ православныхъ школахъ ввело обученіе на *финскомъ* языкѣ. Служеніе въ православныхъ храмахъ происходитъ также или сплошь на финскомъ языкѣ или же частью на финскомъ, частью на церковно-славянскомъ. Благодаря такимъ дѣйствіямъ православнаго духовенства въ Сердоболѣ, можно зачастую встрѣтить дѣтей *коренныхъ русскихъ уроженцевъ, не говорящихъ по русски.* Мы позволимъ себѣ сказать больше, что православное духовенство, въ угоду «финляндскому правительству» и противъ желанія православнаго корельскаго населенія, *навязываетъ* обученіе финскаго языка. Мы знаемъ, что корелы *требуютъ,* чтобы въ православныхъ школахъ грамотности преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, а имъ отказываютъ, подъ предлогомъ *отсутствія русскихъ учителей.* Въ Сальминскомъ православномъ приходѣ дѣло дошло до того, что крестьяне наотрѣзъ отказывались посѣщать церковь, если въ ней будутъ служить на финскомъ языкѣ. Стали служить на славянскомъ, а въ школѣ все таки преподаютъ по фински, «за неимѣніемъ учителей, знающихъ русскій языкъ». Неимѣніе такихъ учителей опять таки слѣдуетъ отнести или къ непростительному равнодушію или къ умышленному пособничеству финноманской партіи со стороны русскаго провославнаго духовенства. Такихъ учителей возможно было бы имѣть, хотя бы въ количествѣ необходимомъ для

православныхъ школъ, изъ учениковъ той же народоучительской семинаріи г. Сердоболя.

Въ сердобольской семинаріи въ настоящее время на 240 учащихся—14 православнаго исповѣданія. Менѣе этого количества, какъ мы слышали, православныхъ учениковъ и учениць не было. Съ основанія семинаріи при ней существуетъ особый православный священникъ, преподающій Законъ Божій, отецъ Сергѣй Окуловъ [1]). Если бы отецъ Окуловъ, какъ *русскій* православный священникъ, хотѣлъ бы поддержать среди кореловъ знаніе русскаго языка, то онъ могъ бы Законъ Божій преподавать своимъ православнымъ ученикамъ *на русскомъ* языкѣ и удѣлить нѣкоторое время для занятій съ своими немногими учениками русскимъ языкомъ. Но почтенный православный законоучитель не только считаетъ это лишнимъ, но онъ не находитъ нужнымъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ не допускать своихъ учениковъ до полнаго «обфиненія» и «олютераненія». Вліяніе товарищей и учителей лютеранъ—финновъ такъ сильно на этихъ православныхъ учениковъ, что они стыдятся своихъ русскихъ и корельскихъ фамилій и по пришествіи года своего пребыванія въ семинаріи нерѣдко мѣняютъ фамиліи на финскія. Такія превращенія Ивановыхъ, Лебедевыхъ и пр. въ какихъ-то чистокровныхъ финновъ въ этой странѣ совершаются очень просто. Стоитъ только заявить въ мѣстной газетѣ о такомъ превращеніи и дѣло кончено; превращеніе совершено законно: по представленіи такой публикаціи, приходскій священникъ отмѣчаетъ о такой перемѣнѣ въ метрическихъ книгахъ, и чисто русская фамилія исчезаетъ, а на мѣсто ея является финская. Этого мало: эти православные ученики сердобольской семинаріи *не желаютъ* исполнять обрядовъ православной церкви. По распоряженію епархіальнаго начальства, изъ этихъ учениковъ образованъ пѣвческій хоръ, который иногда поетъ въ православной церкви города Сердоболя. Пишущему эти строки приходилось не разъ видѣть, какъ мѣстный настоятель церкви приглашалъ подходить этихъ будущихъ народныхъ учителей къ елеепомазанію и застав-

---

[1]) Какъ намъ извѣстно, въ концѣ 1896 г. священникъ Окуловъ получилъ другое назначеніе и на его мѣсто назначенъ другой священникъ, отецъ Сергѣй Сонцевъ. Пожелаемъ же этому новому воспитателю православныхъ народныхъ учителей края болѣе плодотворной дѣятельности.

лялъ ихъ передъ этимъ креститься, причемъ иногда оказывалось, что они не умѣютъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ.

Все это факты, и очень грустные факты, такъ какъ это не только будущіе учителя грамотности, но и преподаватели догматовъ православной вѣры подростающаго православнаго населенія края. Единственнымъ виновникомъ существованія подобныхъ фактовъ является православное русское духовенство. Если бы оно серьезнѣе смотрѣло на свое назначеніе въ этомъ инородческомъ краѣ, если бы русскіе православные священники служили бы интересамъ Россіи и Православія, то въ теченіи 16 лѣтъ существованія народоучительской семинаріи въ г. Сердоболѣ могъ бы образоваться контингентъ учителей и учительницъ, знающихъ русскій языкъ, совершенно достаточный для православныхъ приходскихъ школъ, и духовенству не пришлось бы отказывать населенію въ требованіи обученія русскому языку. Сверхъ того, православное населеніе имѣло бы учителей не ренегатовъ, а людей, уважающихъ свое русское имя и обряды православной церкви.

Но духовенство смотритъ иначе и описанные нами факты существуютъ. Но этимъ не ограничивается помощь православнаго духовенства финноманскимъ фантазіямъ. Какъ мы уже сказали, православнымъ кореламъ отказываютъ въ обученіи русскому языку «за неимѣніемъ учителей», а между тѣмъ то же духовенство старается учителей, знающихъ русскій языкъ, отвлечь отъ дѣла народнаго образованія и перетянуть ихъ въ православное духовенство.

Намъ положительно извѣстно, что нѣсколько народныхъ учителей, знающихъ русскій языкъ, окончившіе курсъ въ сердобольской народоучительской семинаріи, по предложенію епархіальныхъ властей Финляндіи, поступили въ С.-Петербургскую духовную семинарію съ тѣмъ, чтобы по окончаніи тамъ курса, занять должности православныхъ священниковъ края.

Дѣйствуя такимъ образомъ, православное духовенство поступаетъ крайне ошибочно. Не слѣдя за религіознымъ воспитаніемъ православныхъ учениковъ народоучительскихъ семинарій, оно помогаетъ проповѣдникамъ лютеранскаго ученія, борящимся противъ распространенія православія. Отвлекая учителей, знающихъ русскій языкъ, отъ дѣла народнаго образованія и отказывая кореламъ въ ихъ просьбахъ объ обученіи русскому языку, оно помогаетъ финноманской партіи, стремящейся обфинить Ко-

релію. Назначая же священниками лицъ, получившихъ первоначальное образованіе и политическое воспитаніе въ финляндскихъ народоучительскихъ семинаріяхъ, оно помогаетъ сепаратисткой партіи, давая дѣятелей, черезъ которыхъ эта партія можетъ распространять свое ученіе среди православнаго населенія. Мы думаемъ, что если для миссіонерской дѣятельности въ Финляндіи священнику необходимо знать финскій языкъ, то было бы полезнѣе ввести въ русскихъ семинаріяхъ преподаваніе этого языка, чѣмъ назначать лицъ, получившихъ воспитаніе въ Финляндіи, на мѣста священниковъ. По нашему мнѣнію, на мѣста священниковъ въ этомъ краѣ необходимо назначать *коренныхъ русскихъ, людей* преданныхъ Россіи, которые служили бы не только дѣлу православія, но и дѣлу сліянія края съ Имперіей, которые бы не имѣли ничего общаго съ ученіемъ партіи финляндской независимости.

Да простятъ намъ дѣятели финляндской епархіи высказанное нами мнѣніе! Пусть они обдумаютъ послѣдствія ихъ образа дѣйствій и, пока еще не поздно, пусть они помогутъ хотя православныхъ кореламъ сблизиться съ Россіей, изучивъ русскій языкъ. Учителей русскаго языка, въ особенности для передвижныхъ православныхъ школъ, возможно найти и въ Финляндіи. Для этого духовенству нужно обратиться къ учрежденію, существующему въ Финляндіи и дѣйствительно служащему русскому дѣлу въ этой окраинѣ.

Это учрежденіе хорошо извѣстно духовенству, какъ это видно изъ небольшой брошюрки, изданной съ разрѣшенія духовной цензуры, въ 1895 г., въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ «Православная финляндская епархія» [1]). Изъ этой брошюры мы узнали о дѣятельности «Совѣщательнаго комитета», завѣдывающаго русскими народными школами Финляндіи. Основываясь лишь на этихъ свѣдѣніяхъ, мы можемъ высказать сожалѣніе, что финляндская православная епархія не находитъ возможнымъ дѣйствовать солидарно съ «гельсингфорскимъ совѣщательнымъ комитетомъ». Это тѣмъ болѣе странно, что заслуги означеннаго комитета признаются авторомъ указанной брошюры. Чтобы показать, что дѣятельность финляндской епархіи, въ дѣлѣ народнаго образованія края, діаметрально противоположна дѣятель-

[1]) Брошюра напечатана въ типографіи В. В. Комарова, авторъ неизвѣстенъ.

ности совѣщательнаго комитета, мы приведемъ выписки изъ указанной нами брошюры.

Въ 3-й главѣ этой книжечки «Церкви и школы» читаемъ слѣдующее: «Школьное православное дѣло въ Финляндіи находится не въ блестящемъ состояніи. Учебныя заведенія, въ которыхъ обучаются дѣти православныхъ родителей, въ Финляндіи троякаго типа: 1) Русскія среднеучебныя заведенія и русскія народныя школы. 2) Финскія правительственныя высшія народныя школы, и 3) Начальныя низшія приходскія школы грамоты. Русскихъ среднеучебныхъ заведеній въ Финляндіи четыре: мужская и женская гимназія въ Гельсингфорсѣ, реальное училище и женская гимназія въ Выборгѣ. Русскихъ народныхъ школъ въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи—15. Всѣ русскія учебныя заведенія находятся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія; но средства на содержаніе народныхъ школъ, главнымъ образомъ, доставляетъ совѣщательный комитетъ въ г. Гельсингфорсѣ, завѣдующій русскими народными школами въ Финляндіи. Число учащихся во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ простирается до 1,000 чел. Эти учебныя заведенія стали возникать въ Финляндіи не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ и *составляютъ въ настоящее время истинное благодѣяніе русскаго православнаго населенія въ Финляндіи. Въ нихъ дѣти воспитываются въ русскомъ направленіи и въ духѣ православной церкви.* Когда же не было этихъ школъ, то русскіе поневолѣ *ошведывались* или *офинивались*, потому что негдѣ было учить дѣтей по русски» [1]). Далѣе въ этой же главѣ читаемъ: «Въ финскихъ правительственныхъ народныхъ школахъ дѣтей православнаго вѣроисповѣданія въ разныхъ мѣстахъ обучается до 600 человѣкъ». Затѣмъ говорится: «Въ низшихъ приходскихъ школахъ грамотѣ обучается православныхъ дѣтей обоего пола до 3,500 человѣкъ. Школы эти большею частью передвижныя, вслѣдствіе разбросанности самого населенія въ Финляндіи»... «Передвижныхъ школъ приходскихъ 26 и постоянныхъ четыре. Всѣ онѣ находятся въ вѣдѣніи *епархіальнаго начальства.* Преподаваніе въ этихъ школахъ в е д е т с я н а ф и н с к о м ъ я з ы к ѣ»... «Главная забота епархіальнаго начальства, для улучшенія школьнаго дѣла

---

[1]) „Православная финляндская епархія“. СПБургъ 1895 г., стр. 28—29. Курсива въ подлинникѣ нѣтъ.

въ Финляндіи, должна состоять въ томъ, чтобы школы передвижныя постепенно замѣнять постоянными, въ наиболѣе центральныхъ пунктахъ православныхъ приходовъ, съ устройствомъ при нихъ общежитій для учащихся. Цѣль эта можетъ быть осуществлена только при денежномъ пособіи отъ училищнаго совѣта при св. синодѣ» [1]).

Мы сдѣлали эти выписки, чтобы подтвердить наше мнѣніе о розни дѣйствій двухъ русскихъ воспитательныхъ органовъ въ Финляндіи, которые въ сущности должны были бы идти рука объ руку и преслѣдовать одну цѣль: *сближеніе края съ Имперіей.* На дѣлѣ же оказывается, что въ то время, когда комитетъ заботится о воспитаніи юношества *«въ русскомъ направленіи и въ духѣ православной церкви»* и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ средства на содержаніе «15 русскихъ народныхъ школъ», епархіальное начальство, *получая* и *надѣясь получать* еще большія пособія отъ *русскаго* «училищнаго совѣта при св. синодѣ», считаетъ «главной заботой» улучшеніе школьнаго дѣла въ Финляндіи, обучая православное населеніе края, вопреки желанію того же населенія, на финскомъ языкѣ. Такая дѣятельность православнаго епархіальнаго начальства далека отъ воспитанія православнаго юношества «въ русскомъ направленіи», да думаемъ, что это юношество не воспитывается и въ духѣ «православной церкви», такъ какъ религіозное воспитаніе этого юношества находится въ рукахъ учителей, получившихъ воспитаніе въ финляндскихъ народоучительскихъ семинаріяхъ, которые, какъ мы уже указали, мѣняютъ свои русскія фамиліи на финскія и стыдятся исполнять православные религіозные обряды. Навязывая финскій языкъ населенію Кореліи, епархіальное начальство ссылается на неимѣніе въ краѣ учителей, знающихъ русскій языкъ. Но кто же виноватъ въ этомъ, какъ не то же епархіальное начальство? Отчего оно не позаботилось, черезъ своихъ священниковъ, о воспитаніи православныхъ учениковъ сердобольской народоучительской семинаріи «въ русскомъ направленіи и въ духѣ православной церкви»?.

Наконецъ, почему оно и теперь не обратится къ гельсингфорскому комитету, черезъ который, вѣроятно, можно бы найти изъ числа воспитанниковъ русскихъ народныхъ школъ достаточное

---

[1]) „Православная финляндская епархія". СПБургъ 1895 г., стр. 30—31.

количество учителей, для приходскихъ школъ грамоты, воспитанныхъ «въ русскомъ направленіи»?

Православная епархія *не желаетъ* дѣйствовать совмѣстно съ комитетомъ, она находитъ полезнѣе обфинивать православныхъ кореловъ и для этого еще желаетъ получать деньги, собранныя св. синодомъ изъ частныхъ пожертвованій православныхъ русскихъ людей. Думаемъ, что такое желаніе немного нелогично; если полезно обфинивать край, то пусть на это даютъ средства *финноманы*, а русскимъ учрежденіямъ и русскимъ людямъ не резонъ давать средства на воспитаніе финляндскихъ сепаратистовъ. Другое дѣло, если бы православное духовенство пошло по направленію гельсингфорскаго комитета [1]) и работало надъ воспитаніемъ православнаго юношества въ «русскомъ направленіи», заводило бы русскія школы, помогало бы населенію Кореліи изучать русскій языкъ и вообще поработало бы надъ сліяніемъ края съ Имперіей, то тогда оно вправѣ было бы разсчитывать не только на помощь св. синода, но и на частныя пожертвованія русскихъ людей, которые не отказали этой епархіи въ помощи на устройство православныхъ церквей [2]).

Насколько возможно, мы указали положеніе народнаго образованія въ Финляндіи. Изъ этого краткаго очерка читатель видитъ, что только въ 4-хъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и 15 народныхъ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и русскаго гельсингфорскаго комитета, молодое поколѣніе края воспитывается въ «русскомъ направленіи». Къ сожалѣнію, этихъ школъ мало и въ нихъ получаетъ образованіе, сравнительно, крайне небольшое количество молодыхъ людей: всего до 1,000 человѣкъ. Вся же остальная

---

[1]) Къ сожалѣнію, дѣятельность гельсингфорскаго комитета почти неизвѣстна въ Россіи. Думаемъ, что члены комитета, ознакомивъ русскую публику, черезъ русскую періодическую печать, съ результатами своихъ трудовъ, пріобрѣли бы матеріальную помощь отъ русскихъ людей.

[2]) Какъ видно изъ брошюры „Православная финляндская епархія“, въ теченіе 2-хъ лѣтъ на различныя нужды епархіи пожертвовано частными лицами—20,255 р., св. синодомъ: изъ капиталовъ частныхъ лицъ 11,100 руб.; изъ собственныхъ суммъ 4,768 руб.; морскимъ вѣдомствомъ 4,000 руб. (стр. 26—27 брюшюры) и военнымъ вѣдомствомъ 15,000 руб. („Новое Время“ 1896 г.. № 7139, письмо въ редакцію генералъ-лейтенанта С. О. Гончарова), всего 55,123 руб. Изъ этого видно, что частныя лица пожертвовали болѣе 56% суммъ, полученныхъ финляндской епархіей.

молодежь, не исключая и дѣтей православнаго исповѣданія, находится подъ вліяніемъ всесильной сепаратистской партіи, такъ какъ учителями во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края состоятъ воспитанники или Гельсингфорскаго университета или финляндскихъ народоучительскихъ семинарій. Мы знаемъ, что «финляндское правительство» настолько заботится о своемъ вліяніи на народное образованіе, что даже школы, содержимыя на счетъ суммъ св. синода, подчинило надзору своихъ инспекторовъ. Вторгаясь такимъ образомъ въ область вѣдѣнія св. синода, «финляндское правительство» зорко смотритъ за тѣмъ, чтобы лица, получившія образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не могли бы попасть учителями не только въ высшія и среднеучебныя заведенія (какъ мы уже это видѣли при разсмотрѣніи законоположеній объ учителяхъ исторіи и русскаго языка), но даже и въ народныя школы. Намъ положительно извѣстенъ слѣдующій фактъ: дочь одного изъ русскихъ православныхъ священниковъ финляндской епархіи, родившаяся въ Финляндіи, прекрасно знающая финскій языкъ, окончившая одной изъ первыхъ въ С.-Петербургскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ, пожелала поступить учительницей въ финскую народную школу. Ей объявили, что для полученія этого мѣста необходимо поступить въ народоучительскую семинарію и пройти въ ней полный курсъ, и только по выдержаніи окончательнаго экзамена въ этомъ разсадникѣ сепаратистскаго ученія, она можетъ получить мѣсто учительницы народной школы. Изъ этого видно, что русскій дипломъ объ окончаніи курса въ епархіальномъ училищѣ для «*финляндскихъ правителей*» значенія не имѣетъ.

Думаемъ, что указанныхъ нами фактовъ достаточно для того, чтобы прійти къ убѣжденію, что до тѣхъ поръ, пока народное образованіе края будетъ въ рукахъ «финляндскаго правительства», невозможно сліяніе края съ Имперіей. Только съ переходомъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ вѣдѣніе русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія возможно коренное измѣненіе направленія образованія финляндскаго юношества. И только тогда можетъ начаться дѣйствительное, а не показное сліяніе этой окраины съ Россіей. Всѣ мѣры, какія бы русское правительство ни принимало для упорядоченія дѣла народнаго образованія въ этомъ краѣ, не дадутъ никакихъ результатовъ, если только учебныя заведенія не будутъ находиться въ вѣдѣ-

діи русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ какъ гг. «финляндскіе министры» съумѣютъ обойти всякое распоряженіе, показывая видъ, что оно выполняется.

Итакъ, по нашему крайнему разумѣнію, если русское правительство находитъ необходимымъ сліяніе края съ Имперіей, то непремѣнно слѣдуетъ изъять завѣдываніе народнымъ образованіемъ изъ рукъ финляндскихъ заправилъ и передать его въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, образовавъ особый финляндскій учебный округъ, во главѣ котораго долженъ быть *коренной русскій*, беззавѣтно преданный интересамъ Россіи. Главной заботой этого учебнаго округа должно быть принятіе мѣръ къ уничтоженію распространенія гг. преподавателями, среди учащейся молодежи, финляндскаго и сепаратистскаго ученія и введенія преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и народныхъ школъ, на русскомъ языкѣ, по программамъ соотвѣтствующихъ русскихъ учебныхъ заведеній.

Вѣроятно намъ отвѣтятъ, что такая реформа невозможна, въ виду невозможности найти учителей, которые могли бы преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ края на русскомъ языкѣ, почему придется или отказаться отъ приведенія въ исполненіе такой роформы, или же закрыть учебныя заведенія, въ которыхъ окажется недостатокъ учителей. Ни то, не другое, понятно, не желательно.

Постараемся доказать, что такія возраженія неосновательны. Мы понимаемъ, что такія реформы не совершаются въ одинъ день, по мановенію чудодѣйственнаго жезла. На проведеніе такой реорганизаціи учебнаго дѣла потребуется не мало времени, но все таки она возможна.

По статистическимъ свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго бюро Финляндіи, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края значится преподавателей и преподавательницъ 3.491. Этотъ преподавательскій персоналъ распредѣляется между учебными заведеніями такъ: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 185 [1]); въ правительственныхъ среднеучебныхъ и приготовительныхъ муж-

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1894 г., стр. 118—120, 139, 141, 142.

скихъ и женскихъ заведеніяхъ 623 [1]); таковыхъ же частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 609 [1]); профессіональныхъ среднихъ и низшихъ школахъ 401 [2]); въ народоучительскихъ семинаріяхъ 45 [3]); въ народныхъ сельскихъ и городскихъ школахъ 1,628 [4]).

Всѣ эти цифры, за исключеніемъ числа сельскихъ народныхъ учителей, выражаютъ собою не число лицъ, занятыхъ преподаваніемъ, а число учительскихъ мѣстъ, такъ какъ многіе учителя занимаютъ по нѣскольку мѣстъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Привести точную цифру числа лицъ, занимающихся преподаваніемъ, мы не можемъ, такъ какъ именной списокъ такихъ лицъ, помѣщеный въ «Finlands Stats-Kalender» за 1896 г., крайне не полонъ, въ него вошли преподаватели лишь правительственныхъ учебныхъ заведеній. Поэтому примемъ, что приведенныя нами цифры выражаютъ число лицъ, занятыхъ преподаваніемъ. Это количество учителей должно знать русскій языкъ для того, чтобы реформа могла быть приведена въ исполненіе безъ закрытія существующихъ учебныхъ заведеній. Вотъ задача, которую приходится разрѣшить.

Несомнѣнно, что между существующими преподавателями найдется не мало знающихъ русскій языкъ и способныхъ преподавать свой предметъ на этомъ языкѣ. Мы можемъ указать на нѣкоторыхъ изъ такихъ преподавателей: гг. профессора университета Даніельсонъ и Германсонъ, какъ извѣстно, на столько хорошо знаютъ русскій языкъ, что пишутъ сочиненія и ведутъ полемику на этомъ языкѣ; г. Суомалайненъ (Suomalainen)—лекторъ математики сердобольской народоучительской семинаріи, извѣстный переводчикъ «Мертвыхъ Душъ» съ русскаго на финскій языкъ; г. Остремъ—преподаватель русскаго языка въ пятиклассномъ лицеѣ г. Якобштадта, преподаетъ въ томъ же лицеѣ исторію, географію и нѣмецкій языкъ. Мы привели эти примѣры лишь для того, чтобы указать, что въ числѣ преподавателей найдутся даже и теперь люди, могущіе преподавать свой предметъ на русскомъ языкѣ; но, разумѣется, такихъ немного и точное число ихъ можно опредѣлить лишь при тща-

---

[1]) Idid., стр. 124—129.
[2]) Ibid., стр. 140, 141, 142—143, 146—147.
[3]) Ibid., стр. 129.
[4]) Ibid., стр. 132, 134—137.

тельной ревизіи училищъ края и испытаніи всѣхъ преподавателей въ знаніи русскаго языка.

Изъ именнаго списка учащаго персонала за 1896 г. [1]) видно, что въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (правительственныхъ), вмѣстѣ съ кадетскимъ корпусомъ и профессіональными школами, всего 817 преподавателей, кромѣ учителей: музыки, пѣнія, танцевъ и гимнастики. Изъ этого числа: преподавателей русскаго языка—52, преподавателей лютеранской религіи—52 [2]) и преподавателей разныхъ языковъ (кромѣ русскаго)—231. Такимъ образомъ для 335 человѣкъ изученія русскаго языка не нужно, слѣдовательно для введенія преподаванія на русскомъ языкѣ въ вышеуказанныхъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо 483 преподавателя, свободно владѣющихъ русскимъ языкомъ. Мы уже указали, что въ числѣ преподавателей и теперь имѣются лица, хорошо знающія русскій языкъ. Думаемъ, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если допустимъ, что таковыхъ будетъ не менѣе 10% означеннаго числа; слѣдовательно, для вышеуказанныхъ учебныхъ заведеній нужно не менѣе 435 учителей. Кромѣ этого необходимо подготовить, для того, чтобы не закрывать существующихъ народныхъ школъ, 1,736 народныхъ учителей (1085 [3]) для сельскихъ и 651 [4]) для городскихъ народныхъ школъ. Задача не легкая, но разрѣшимая.

Постараемся опредѣлить періодъ времени, въ который ее возможно выполнить.

Подготовительной мѣрой для реорганизаціи учебнаго дѣла должно служить, по нашему мнѣнію, упорядоченіе преподаванія русскаго языка въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ таковой уже преподается, и введеніе его въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ народныхъ школъ. При этомъ необходимо признать русскій языкъ *главнымъ и обязательнымъ* предметомъ, а не побочнымъ, каковымъ онъ значится въ финляндскихъ программахъ. Въ народоучительскихъ семинаріяхъ необходимо ввести усиленное преподаваніе этого языка.

---

[1]) „Finlands Stats-Kalender“ 1896 г., стр. 228—272, 279—283, 349—354 и 432—436.

[2]) Эта цифра выражаетъ количество преподавателей религіи (одной или совмѣстно съ языками финскимъ или шведскимъ). Если же законоучитель преподаетъ, кромѣ того, какой либо другой предметъ, то онъ сюда не включенъ.

[3]) „Статистическій Ежегодникъ“ 1895 г., стр. 130.

[4]) Тоже стр. 133—134.

Сколько потребуется новыхъ учителей русскаго языка для этого перваго шага предполагаемой реформы, возможно рѣшить лишь послѣ ревизіи учебныхъ заведеній, при которой должно опредѣлить, на сколько лица, преподающія русскій языкъ, сами знаютъ этотъ предметъ.

Въ настоящее же время мы можемъ лишь высказать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Изъ списка учителей, помѣщеннаго въ «Finlands Stats-Kalender» за 1896 г., видно, что русскій языкъ преподается: въ университетѣ, политехническомъ институтѣ, кадетскомъ корпусѣ, 16 лицеяхъ, 8 реальныхъ училищахъ, 8 элементарныхъ училищахъ, 2 женскихъ училищахъ, въ 7 комунальныхъ (5-ти классныхъ) лицеяхъ и въ 6 навигаціонныхъ училищахъ. Итакъ, русскій языкъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, преподается въ 50 учебныхъ заведеніяхъ, для чего имѣется всего 52 преподавателя. При этомъ въ университетѣ и кадетскомъ корпусѣ по 2 преподавателя, въ остальныхъ по одному, въ комунальныхъ училищахъ городовъ Сердоболя и Якобштадта преподаваніе русскаго языка поручено учителямъ другихъ предметовъ. Изъ этого одного ясно, что преподаваніе русскаго языка въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ преподается, поставлено крайне плохо. Мы находимъ, что одинъ преподаватель въ 8-ми классномъ и даже 5-ти классномъ лицеѣ ничего не можетъ сдѣлать. При этомъ слѣдуетъ добавить, что судя по именному списку, *почти всѣ учителя русскаго языка финны или шведы*, которые и сами-то не особенно хорошо знаютъ русскій языкъ. Кромѣ того, зачастую учителями этого языка состоятъ: чиновники канцелярскіе, телеграфисты, офицеры и т. п., которые вслѣдствіе своихъ служебныхъ обязанностей не имѣютъ времени на добросовѣстное исполненіе своихъ учительскихъ обязанностей. Преподаваніе русскаго языка не подлежитъ никакому контролю. Въ Финляндіи нѣтъ инспекторовъ и экзаменаторовъ русскаго языка въ количествѣ, установленномъ указаннымъ нами закономъ 1841 года. Въ «Finlands Stats-Kalender» на 1896 г. указанъ лишь одинъ экзаменаторъ г. Ефремовъ (стр. 237). Въ чемъ заключаются обязанности г. Ефремова и кого онъ долженъ экзаменовать, мы не знаемъ; но съ увѣренностью можемъ сказать, что г. Ефремовъ не имѣетъ физической возможности контролировать преподаваніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ края, гдѣ таковой

преподается. Учебный годъ въ Финляндіи 35 недѣль [1]); всѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается русскій языкъ—50. Изъ этихъ цифръ ясно, что г. Ефремовъ не только не можетъ провѣрить знанія русскаго языка учениковъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній, но онъ не можетъ даже побывать во всѣхъ училищахъ хотя бы разъ въ годъ.

Изъ всего нами сказаннаго о преподаваніи въ настоящее время русскаго языка можно вывести заключеніе, что учителей русскаго языка, по числу училищъ, недостаточно, что эти учителя, не будучи природно-русскими, сами не особенно хорошо знаютъ языкъ и наконецъ, что преподаваніе русскаго языка никѣмъ не контролируется. При такихъ данныхъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что преподаваніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ края *поставлено крайне неудовлетворительно.*

Чтобы упорядочить преподаваніе русскаго языка, по нашему крайнему разумѣнію, необходимо: 1) увеличить число преподавателей, назначивъ на должности учителей *исключительно* русскихъ уроженцевъ, получившихъ образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) тщательно провѣрить знанія наличныхъ приподавателей, послѣ чего оставить на службѣ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые *дѣйствительно* знаютъ свой предметъ, замѣстивъ остальныхъ опять таки учителями изъ уроженцевъ Россіи; 3) возстановить законъ 1841 года объ учрежденіи должностей экзаменаторовъ или инспекторовъ русскаго языка, назначивъ на эти должности *исключительно русскихъ уроженцевъ*, окончившихъ курсъ въ университетахъ Имперіи; 4) признать русскій языкъ *главнымъ и обязательнымъ* предметомъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ края.

Теперь постараемся хотя приблизительно опредѣлить, въ какой періодъ времени возможно ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, не исключая и народныхъ школъ, а равно укажемъ приблизительный расходъ, потребный на осуществленіе такой реформы.

Какъ мы уже сказали, въ 50 учебныхъ заведеніяхъ русскій языкъ хотя и плохо, но все таки преподается. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ нужно усилить и обновить составъ препода-

---

[1]) Уставъ гимназій и училищъ въ Финляндіи отъ 7 апрѣля 1856 г., стр. 22, §§ 13—14, и Училищный уставъ Финляндіи отъ 8 марта 1872 г., § 12

вателей. Въ остальныхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ—ввести преподаваніе этого языка, для чего назначить новыхъ учителей въ достаточномъ количествѣ. Сдѣлавъ это, необходимо начать усиленное преподаваніе русскаго языка съ низшихъ классовъ приготовительныхъ училищъ и перваго класса лицея. При чемъ уроки русскаго языка должны быть ежедневно во всѣхъ классахъ. При такомъ усиленномъ преподаваніи, мы полагаемъ, въ теченіи 4 лѣтъ возможно обучить дѣтей русскому языку на столько, чтобы они могли слушать всѣ предметы на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ съ 5-го класса лицея, черезъ четыре года, по начатіи реорганизаціи учебнаго дѣла, возможно будетъ ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ; въ то же время ученики 8-го класса настолько будутъ уже подготовлены по русскому языку, что въ состояніи будутъ усваивать лекціи высшихъ учебныхъ заведеній, читанныя на этомъ языкѣ. Изъ этого видно, что въ теченіи четырехъ лѣтъ возможно подготовить учениковъ къ введенію преподаванія на русскомъ языкѣ.

Это, по нашему мнѣнію, срокъ, въ который возможно введеніе во всѣхъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школахъ края, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ. Что же касается до реорганизаціи народныхъ школъ, то для этого необходимо сначала подготовить надлежащее количество народныхъ учителей, знающихъ русскій языкъ. Для подготовки народныхъ учителей въ Финляндіи, какъ мы уже говорили, существуетъ 4 народоучительскихъ семинаріи. Въ семинаріяхъ курсъ преподаванія 4-хъ лѣтній и ежегодно онѣ выпускаютъ около 100 молодыхъ учителей и учительницъ [1]). Слѣдовательно, если принять во вниманіе вышеуказанную нами систему преподаванія русскаго языка, то черезъ четыре года возможно будетъ имѣть 100 народныхъ учителей, знающихъ русскій языкъ. Мы уже видѣли, что для существовавшаго въ $18^{91}/_{92}$ году количества школъ необходимо имѣть 1,628 учителей [2]). Изъ этого видно, что довольствуясь лишь выпускомъ изъ семинарій, введеніе во всѣхъ народныхъ школахъ края преподаванія на русскомъ языкѣ возможно лишь въ теченіи

---

[1]) Въ 1891 году окончило курсъ въ народоучительскихъ семинаріяхъ 103 ч., въ 1892 г.—85 ч. „статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 г., стр. 129.

[2]) Тоже, стр. 132, 134—137.

почти 20 лѣтняго періода времени. Такой періодъ крайне великъ и оставлять народныя школы въ рукахъ настоящихъ учителей, допустивъ преподаваніе на финскомъ языкѣ, не безопасно, въ особенности если принять во вниманіе, что въ однихъ сельскихъ народныхъ школахъ ежегодно оканчиваетъ курсъ болѣе 3,000 человѣкъ [1]). Для того же, чтобы ускорить преобразованіе народныхъ школъ, необходимо научить русскому языку наличныхъ народныхъ учителей. Думаемъ, что дѣятели Министерства Народнаго Просвѣщенія придумаютъ мѣры, при которыхъ возможно было бы подготовить въ 4-хъ лѣтній періодъ времени потребное количество учителей народныхъ школъ. Мы же позволимъ себѣ высказать по этому вопросу и свое мнѣніе.

Относительно подготовки учителей городскихъ народныхъ школъ вопросъ разрѣшается гораздо легче, чѣмъ относительно учителей сельскихъ школъ. Въ каждомъ городѣ, гдѣ существуютъ городскія народныя школы, имѣются правительственныя низшія или средне-учебныя заведенія, при которыхъ будетъ достаточное количество учителей русскаго языка. Съ помощью этихъ учителей возможно учредить *вечерніе курсы* русскаго языка для подготовки городскихъ народныхъ учителей. При учрежденіи такихъ курсовъ можно съ увѣренностью сказать, что менѣе чѣмъ черезъ четыре года будетъ подготовленъ полный составъ городскихъ народныхъ учителей, знающихъ русскій языкъ.

Подготовка необходимаго количества сельскихъ учителей, могущихъ преподавать по русски, болѣе затруднительна, такъ какъ сельскія школы болѣе или менѣе удалены отъ городовъ и посѣщеніе народными учителями курсовъ русскаго языка для городскихъ учителей невозможно. Мѣстныя газеты края въ 1896 году напечатали извѣстіе объ открытіи, во время предполагавшихся съѣздовъ народныхъ учителей, въ іюнѣ того года безплатныхъ курсовъ русскаго языка для народныхъ учителей. Русскія газеты отнеслись съ довѣріемъ къ этому извѣстію и перепечатавъ его, не прослѣдили, на сколько это извѣстіе вѣрно. Мы можемъ увѣрить читателя, что это извѣстіе одна изъ «финскихъ утокъ», пущенныхъ мѣстной прессою для успо-

---

[1]) Тоже, стр. 132, значится, что въ 1892 г. окончило курсъ въ сельскихъ народныхъ школахъ 3,676 человѣкъ.

коенія русскаго правительства, желающаго ввести обученіе русскому языку въ школахъ края. Такимъ извѣстіямъ довѣрять не слѣдъ. Пишущему эти строки хорошо извѣстно, что никакихъ курсовъ русскаго языка во время лѣта 1896 года устроено не было. Съѣзды учителей народныхъ школъ, подвѣдомственныхъ какъ финляндскому сенату, такъ и финляндской православной епархіи, были устроены въ 1896 году въ г. Сердоболѣ. Съѣздъ первыхъ учителей продолжался съ 14 по 17 іюня, а вторыхъ всего два дня, 19 и 20 іюля [1]). Въ такое короткое время не могло быть никакихъ «курсовъ русскаго языка». Всѣ вопросы, по которымъ предлагалось гг. учителямъ съѣздовъ высказать свое мнѣніе, своевременно были опубликованы въ мѣстной финской газетѣ «Laatookka», издающейся въ г. Сердоболѣ. Замѣчательно, что не только учителямъ школъ, подвѣдомственныхъ финляндскому сенату, не было предложено высказать свое мнѣніе по вопросу: не нужно-ли въ народныхъ школахъ ввести преподаваніе русскаго языка, но даже русское епархіальное православное начальство, къ которому населеніе обращалось неоднократно съ просьбой о введеніи въ православныхъ школахъ грамоты обученія русскому языку, не нашло возможнымъ предложить учителямъ высказать свое мнѣніе по этому вопросу. Однимъ словомъ, оба съѣзда о преподаваніи русскаго языка не обмолвились. Изъ сопоставленія газетныхъ извѣстій съ дѣйствительнымъ положеніемъ вопроса объ обученіи народныхъ учителей края русскому языку слѣдуетъ прійти къ заключенію, что разсчитывать на содѣйствіе «финляндскаго правительства» въ распространеніи знанія русскаго языка въ Финляндіи нельзя. Позаботиться объ этомъ должно русское правительство, не надѣясь ни на какія увѣренія мѣстныхъ газетъ о какихъ-то курсахъ русскаго языка.

Единственнымъ свободнымъ временемъ для занятій съ народными учителями русскимъ языкомъ являются лѣтніе каникулы, которые въ Финляндіи продолжаются съ 15 іюня по 1 сентября [1]), т.-е. въ теченіе 77 дней. Если это время употребить на обученіе народныхъ учителей исключительно русскому языку, то полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ, при усиленныхъ и добросовѣстныхъ занятіяхъ, всѣ учителя сельскихъ

[1]) Числа приведены новаго стиля.

народныхъ школъ будутъ настолько хорошо владѣть русскимъ языкомъ, что въ состояніи будутъ преподавать всѣ предметы въ школахъ на русскомъ языкѣ. Думаемъ, что такого времени совершенно достаточно для изученія языка въ объемѣ, необходимомъ для народнаго учителя, такъ какъ включая 10 праздниковъ во время каникулъ, окажется, что изученію русскаго языка будетъ посвящено, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, до 800 учебныхъ часовъ. Этимъ временемъ, однако, не должны ограничиваться занятія по русскому языку. По нашему мнѣнію, преподаватели каникулярныхъ курсовъ должны, кромѣ курсовыхъ занятій, указать народнымъ учителямъ практическія занятія (переводы, чтенія, письменные отчеты о прочитанномъ, и т. п.), которыми они должны сами заниматься въ теченіи учебнаго года, внѣ курсовыхъ занятій. Слѣдить за выполненіемъ этихъ указаній курсовыхъ преподавателей могли бы инспектора или экзаменаторы русскаго языка, о которыхъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже. Кромѣ того, для провѣрки этихъ занятій можно было бы устраивать въ теченіе учебнаго года, въ праздничные дни, съѣзды народныхъ учителей въ курсовые города хотя 1 разъ въ мѣсяцъ.

Одновременно съ учителями народныхъ школъ, должна идти и подготовка учителей только русской грамоты для передвижныхъ школъ грамотности. При этомъ для православныхъ передвижныхъ приходскихъ школъ грамоты подготовка учителей, знающихъ русскій языкъ, не нужна, такъ какъ контингентъ учителей могъ бы быть пополненъ учениками 15 народныхъ русскихъ школъ Финляндіи, состоящихъ въ вѣдѣніи гельсингфорскаго комитета. Къ сожалѣнію, въ свѣдѣніяхъ, приводимыхъ Статистическими Ежегодниками Финляндіи, нѣтъ свѣдѣній о количествѣ передвижныхъ школъ и о количествѣ учителей этихъ школъ, поэтому мы должны опредѣлить это количество приблизительно, по нѣкоторымъ даннымъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи. Изъ свѣдѣній, указанныхъ въ брошюрѣ «Православная Финляндская Епархія», видно, что въ 26 приходскихъ православныхъ школахъ грамоты обучается 3,500 дѣтей [1]), слѣдовательно, среднимъ числомъ на каждую школу грамоты приходится по 134 ученика. Полагая на каждую школу по 1 учителю, окажется,

[1]) „Православная Финляндская Епархія“, стр. 30—31.

что для православныхъ школъ необходимо 26 учителей. Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ Центральнымъ Статистическимъ Бюро Финляндіи, видно: что 1 мая 1886 года обучалось въ передвижныхъ школахъ 152,376 учениковъ [1]), 1 мая 1891 года въ тѣхъ же школахъ было 177,886 учен. [2]). Изъ этого видно, что въ теченіи 5 лѣтъ въ передвижныхъ школахъ количество учащихся возросло на 25,510 учен. Если допустить, что возрастаніе числа учениковъ будетъ пропорціонально вышеуказанному, то 1 мая 1897 года въ передвижныхъ школахъ края будетъ 208,498 уч., для обученія которыхъ потребуется не менѣе 1,556 учителей грамоты. При такихъ предположеніяхъ оказывается, что кромѣ вышеуказаннаго количества народныхъ учителей постоянныхъ школъ, необходимо на курсахъ подготовить и вышеприведенное число учителей грамоты. На подготовку этихъ учителей, вѣроятно, потребуется всего 2-хъ лѣтній срокъ. Принимая же во вниманіе, что курсъ передвижныхъ школъ двухъ лѣтній, мы получимъ, что ко времени возможности введенія въ постоянныхъ народныхъ школахъ русскаго языка, дѣти передвижныхъ школъ обучатся русской грамотѣ.

Не придавая всему вышесказанному значенія проекта, мы увѣрены, что если правительству угодно будетъ признать необходимымъ введеніе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ края преподаванія на русскомъ языкѣ, то, люди болѣе насъ свѣдущіе составятъ и проектъ, и разработаютъ подробно способы проведенія этой необходимой, по нашему мнѣнію, реформы. Мы же, на основаніи приведенныхъ данныхъ, высказываемъ мнѣніе, что такая реформа можетъ осуществиться въ теченіи четырехъ лѣтъ.

Указавъ періодъ времени, въ который, по нашему мнѣнію, возможно введеніе учебной реформы, мы позволимъ себѣ, въ видѣ предположенія, указать тѣ расходы, которые необходимы для осуществленія ея.

Изъ Государственной росписи на 1897 годъ видно, что на управленіе учебными округами ассигновано 568,648 [3]). Изъ бюджета Финляндіи на 1894 годъ на содержаніе главнаго управленія училищнаго вѣдомства ассигновано 119,700 марокъ [4]) или

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1892 г., стр. 113.

[2]) Тоже за 1894 г., стр. 121.

[3]) Приложеніе къ № 105 „Сенатскихъ Вѣдомостей“ за 1896 г.

[4]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1894 г., № 7.

49,887 руб. Принимая во вниманіе, что въ Россіи 12 учебныхъ округовъ, окажется, что управленіе каждаго округа, среднимъ числомъ, обходится 47,387 руб. Изъ этого ясно, что при учрежденіи Финляндскаго учебнаго округа и упраздненіи главнаго управленія училищнаго вѣдомства, не потребуется никакого дополнительнаго расхода. Расходъ потребуется, и довольно солидный, на увеличеніе числа преподавателей русскаго языка, на инспекцію преподаванія этого языка и на подготовку народныхъ учителей.

Нѣсколько выше мы говорили, что судя по свѣдѣніямъ «Finlands stats Kalender» на 1896 г., всѣхъ преподавателей русскаго языка—52 чел. Находя достаточнымъ число преподавателей въ университетѣ и кадетскомъ корпусѣ, мы считаемъ необходимымъ дополнить еще по одному преподавателю: въ политехническомъ институтѣ, въ 24 лицеяхъ (классическихъ и реальныхъ), въ 7-ми пяти классныхъ лицеяхъ и въ 2-хъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ мы полагаемъ, что при ревизіи учебныхъ заведеній половина преподавателей окажутся не соотвѣтствующими своему назначенію. Итого, для установленія правильнаго преподаванія русскаго языка въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ таковой преподается, необходимо 60 новыхъ преподавателей. Затѣмъ въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ русскій языкъ не преподается, необходимо назначить по два преподавателя въ слѣдующихъ изъ нихъ: 2-хъ коммерческихъ, 2-хъ земледѣльческихъ институтахъ и въ 11 женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; и по одному преподавателюв 12 элементарныхъ и реальныхъ школахъ и 22 профессіональныхъ [1]) школахъ. Въ народо-учительскихъ семинаріяхъ необходимо назначить по четыре преподавателя въ каждую. Изъ этого перечня видно, что для упорядоченія преподаванія русскаго языка въ краѣ, потребуется 140 новыхъ преподавателей. Содержаніе этихъ учителей должно быть сравнено съ содержаніемъ таковыхъ же учителей въ другихъ нашихъ окраинахъ. Въ настоящее время учителя русскаго языка получаютъ въ нѣкоторыхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ края жалованіе, почти равное съ училищными сторожами. Такъ,

---

[1]) Мы не считаемъ низшихъ ремесленныхъ, сельско-хозяйственныхъ, молочно-хозяйственныхъ и 6 навигаціонныхъ школъ, такъ какъ въ первыхъ трехъ поступаютъ ученики народныхъ школъ, которые будутъ знать русскій языкъ, а въ послѣднихъ этотъ языкъ преподается.

въ реальномъ училищѣ жалованіе учителю русскаго языка опредѣлено 800 мар. въ годъ, въ дѣвичьемъ Гельсингфорскомъ училищѣ учитель того же языка получаетъ 600 мар. въ годъ, а сторожу назначено 500 марокъ, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ [1]). По штатамъ же Варшавскаго учебнаго округа [2]), учителя русскаго языка получаютъ: въ гимназіяхъ 1,700 руб. и въ прогимназіяхъ 1,250 руб. Понятно, что при реорганизаціи народнаго образованія въ Финляндіи, учителя русскаго языка, по содержанію, должны быть сравнены съ учителями Варшавскаго учебнаго округа, и думаемъ, что, соразмѣрно съ жалованіемъ учителей гимназій и прогимназій, справедливо будетъ опредѣлить жалованіе учителей этого языка въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и профессіональныхъ школахъ не менѣе 900 руб. въ годъ. Указавъ эти цыфры, мы постараемся вывести хотя приблизительную цыфру расходовъ, потребныхъ для осуществленія учебной реформы въ этой окраинѣ.

На основаніи высказанныхъ нами предположеній, штатъ учителей русскаго языка долженъ быть слѣдующій [3]):

		Руб.	Руб.
Учит. русск. языка на правахъ учит. гимназій [4])	58 по	1.700	98.600
„ „ „ „ „ „ прогимназій [5]) . .	56 „	1.200	70.000
„ „ „ „ „ „ низшихъ училищъ [6])	48 „	900	43.200
Итого на содержаніе 162 учителей [7]) ежегодно потребуется .			211.800

[1]) Училищный уставъ Финляндіи отъ 8 августа 1872 г. „Сборникъ постановленій. В. К. Финляндскаго“ 1872 г., № 26

[2]) „Сборникъ постанов. Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Томъ V.— Штаты и приложенія, стр. 33—35.

[3]) Приводя учебныя заведенія, мы будемъ пользоваться какъ „Статистическимъ Ежегодникомъ Финляндіи“ на 1894 г., такъ и „Finlands Stats-Kalender“ за 1896 г. При чемъ первымъ источникомъ будемъ пользоваться въ томъ случаѣ, если въ немъ учебныхъ заведеній показано болѣе, чѣмъ въ послѣднемъ, такъ какъ намъ неизвѣстно, происходитъ ли эта разница отъ небрежности изданія, или потому, что учебныя заведенія, бывшія въ $18^{91}/_{92}$—$18^{92}/_{93}$, частью закрыты до изданія „Stats-Kalender“ на 1896 г.

[4]) Въ 5-ти институтахъ: политехническомъ, 2-хъ коммерческихъ и 2-хъ земледѣльческихъ и 24-хъ полныхъ классическихъ и реальныхъ училищахъ по 2 учителя.

[5]) Въ 13-ти женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и 7-ми не полныхъ лицеяхъ по 2 учителя и въ 4-хъ народоучительскихъ семинаріяхъ по 4 учителя.

[6]) Въ 20-ти элементарныхъ и 28-ми профессіональныхъ школахъ по 1 учителю.

[7]) Мы не считаемъ учителей кадетскаго корпуса и преподавателей уни-

Заработокъ этихъ учителей увеличится частными уроками въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, каковыхъ въ Финляндіи значится въ $18^{91}/_{92}$ [1]) учебномъ году—60 училищъ. Эти училища получали въ означенномъ году отъ «финляндскаго правительства» субсидію въ суммѣ 253,950 мар., а въ 1893 г. на эту субсидію уже ассигновано 330,983 мар. [2]). Мы ничего не имѣемъ противъ правительственныхъ субсидій частнымъ учебнымъ заведеніямъ. Вообще мы не находимъ возможнымъ уменьшеніе расходовъ на народное образованіе; но мы говоримъ, что затрачивая большія деньги на образованіе, правительство безспорно имѣетъ право требовать, чтобы образованіе подростающаго поколѣнія соотвѣтствовало правительственнымъ цѣлямъ и чтобы учебныя заведенія подготовляли не противниковъ государственнаго строя, а вѣрныхъ защитниковъ его. Поэтому мы находимъ, что поддерживая частныя учебныя заведенія, правительство имѣетъ право потребовать, чтобы во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе русскаго языка было поставлено надлежащимъ образомъ и чтобы оно было поручено исключительно учителямъ, назначеннымъ правительствомъ, которые съумѣютъ въ теченіи опредѣленнаго срока подготовить учениковъ къ введенію преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Говоря о подготовкѣ надлежащаго количества учителей, знающихъ русскій языкъ и могущихъ преподавать на этомъ языкѣ, мы остановились лишь на подготовкѣ учителей народныхъ школъ и пришли къ заключенію, что надлежащее количество этихъ учителей можетъ быть подготовлено въ четыре года. Мы ничего не говорили о подготовкѣ преподавателей правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній. По нашему мнѣнію, *правительство не обязано заботиться объ этомъ*. Объ этомъ должны позаботиться сами господа преподаватели. Дѣло правительства дать надлежащихъ учителей и назначить срокъ, въ который гг. преподаватели *обязаны* выдержать надлежащее испытаніе въ знаніи русскаго языка.

Назначивъ вышеуказанное количество опытныхъ учителей русскаго языка и указавъ, на основаніи вышеизложенныхъ со-

---

верситета, такъ какъ расходъ на нихъ вошелъ въ бюджетъ края и число ихъ достаточно.

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ на 1894 г., стр. 124—127.

[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1893 г., № 3.

ображеній, что преподаваніе на русскомъ языкѣ должно быть введено въ четырехъ-лѣтній срокъ, Министерству Народнаго Просвѣщенія остается установить таксу, по которой учителя русскаго языка *обязаны* преподавать этотъ предметъ учителямъ разныхъ учебныхъ заведеній, и затѣмъ оно можетъ считать свои заботы о подготовкѣ этихъ учителей оконченными. Господа преподаватели, не пожелавшіе исполнить требованія русскаго Министерства и не выдержавшіе надлежащаго испытанія, по истеченіи назначеннаго срока могутъ быть замѣщены русскими учителями.

При такихъ мѣрахъ, мы вполнѣ увѣрены, что реформа народнаго образованія въ этой окраинѣ Россійской Имперіи будетъ выполнена вполнѣ удачно, и что гг. преподаватели, если не ради сознанія своихъ обязанностей, то хотя ради сохраненія своихъ мѣстъ, усердно займутся русскимъ языкомъ, подъ руководствомъ русскихъ учителей. Говоря о введеніи русскаго языка, мы указывали, что финны, попадая въ Петербургъ и желая найти работу, очень скоро выучиваются говорить по русски, безъ всякихъ учителей. Въ силу этого факта, мы утверждаемъ, что съ помощью учителей господа преподаватели финляндскихъ учебныхъ заведеній въ теченіи 4-хъ лѣтъ легко могутъ подготовиться къ преподаванію своего предмета на русскомъ языкѣ. А потому будетъ вполнѣ справедливой мѣрой удаленіе тѣхъ изъ нихъ, которые, не желая подчиниться этому вполнѣ законному требованію, окажутся неподготовленными къ такому преподаванію.

Поставивъ учителей русскаго языка въ вполнѣ обезпеченное матеріальное положеніе, вышеуказаннымъ содержаніемъ и предоставленіемъ исключительнаго права преподаванія этого языка въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, правительство, думаемъ, въ правѣ тробовать и отъ нихъ содѣйствія въ подготовкѣ надлежащаго количества учителей народныхъ училищъ. Это содѣйствіе должно выразиться *въ безплатномъ* преподаваніи русскаго языка народнымъ учителямъ городскихъ училищъ по вечерамъ въ теченіи учебнаго года, а учителямъ сельскихъ училищъ во время каникулъ.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что при такой работѣ учителя будутъ черезчуръ переутомлены. Правда, работы будетъ много; но эта усиленная работа, во-первыхъ, будетъ временная и продолжится лишь 4 года, и во-вторыхъ, она будетъ хорошо опла-

чена. Кромѣ того, мы надѣемся, что этихъ первыхъ піонеровъ въ дѣлѣ сліянія этой окраины съ Имперіей будетъ одушевлять сознаніе исполненнаго долга по отношенію къ русскому народу. А такое сознаніе заставляло русскихъ людей дѣлать чудеса, и мы вѣримъ, что не найдется ни однаго *русскаго* учителя, который отказался бы отъ посильнаго труда на благо русскаго народа.

При такомъ предположеніи правительство не понесетъ никакихъ расходовъ по подготовкѣ городскихъ народныхъ учителей, но нельзя того же сказать о подготовкѣ сельскихъ народныхъ учителей и учителей грамоты. Первыхъ учителей, по свѣдѣніямъ статистическаго бюро, 1,085 чел. [1]), вторыхъ, по приведеннымъ нами соображеніямъ, около 1,550, итого учителей обѣихъ категорій приблизительно 2,641 чел. Мы увѣрены, что если не во всей Финляндіи, то хотя въ Выборгской губерніи найдется не мало учителей, знающихъ русскій языкъ. Но такъ какъ этого предположенія мы подтвердить не можемъ оффиціальными данными, то остановимся на вышеуказанной цыфрѣ народныхъ учителей, какъ постоянныхъ школъ, такъ и школъ грамоты. Всѣ учителя русскаго языка правительственныхъ учебныхъ заведеній будутъ жить въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ эти училища. Вотъ во всѣхъ этихъ городахъ и должны быть учреждены во время каникулъ курсы русскаго языка. Какъ мы уже говорили, для Финляндіи необходимо 162 учителя русскаго языка, кромѣ преподавателей университета и кадетскаго корпуса. Для того, чтобы учителя русскаго языка могли имѣть хотя небольшой лѣтній отдыхъ, необходимо лѣтніе курсы распредѣлить такъ, чтобы половина учителей была свободна первую половину каникулъ, а другая — вторую. При такомъ распредѣленіи на каждаго преподавателя придется группа учителей отъ 32 до 34 человѣкъ (отъ 13 до 14 учителей постоянныхъ школъ и 19—20 учителей переходящихъ школъ грамоты). Такія группы весьма удобны для преподаванія и учителю легко будетъ слѣдить за занятіями каждаго члена группы. Если преподаваніе будетъ идти по заранѣе составленному плану, то перемѣна преподавателя во второй половинѣ лѣта не можетъ имѣть вреднаго вліянія на успѣхъ преподаванія. Принимая во вниманіе, что

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1895 г., стр. 130, учебный 1892—1893 г.

всѣ сельскіе народные учителя, являясь на курсы, должны будутъ нести расходы на проѣздъ и житье въ томъ городѣ, куда они будутъ назначены, мы находимъ, что всѣ эти расходы должно принять на счетъ казны. Исчислить точно теперь такіе расходы невозможно, но возможно приблизительное опредѣленіе ихъ.

Путевыхъ издержекъ мы не будемъ считать, такъ какъ вычислить ихъ положительно невозможно. Эти расходы могутъ быть значительно сокращены, если правительство обяжетъ желѣзно-дорожныя правленія, пароходо-владѣльцевъ и содержателей почтовыхъ станцій безплатно провозить учителей народныхъ школъ отъ мѣста ихъ служенія до курсоваго пункта и обратно. Такой временный налогъ не будетъ обременителенъ для вышеуказанныхъ учрежденій и лицъ. Что же касается до расходовъ по житью въ курсовомъ пунктѣ, то для помѣщенія учителей могутъ быть отведены помѣщенія учебныхъ заведеній, свободныя во время лѣтнихъ каникулъ. На покрытіе же остальныхъ расходовъ совершенно достаточно отпускать каждому учителю по 2 марки въ день. Имѣя же въ виду, что курсы будутъ продолжаться $2^1/_2$ мѣсяца или 75 дней, мы находимъ, что расходъ по содержанію народныхъ учителей постоянныхъ школъ будетъ 162,750 мар. или 61,030 р. 25 к. кредитныхъ, и по содержанію учителей грамоты 233,400 мар. или 87,525 р. кредитныхъ.

Кромѣ указанныхъ нами расходовъ по введенію реформы преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ края, необходимо прибавить расходъ, сопряженный съ возстановленіемъ закона 1841 года объ экзаменаторахъ русскаго языка. Какъ мы уже говорили, въ силу сказаннаго закона, въ Финляндіи были учреждены три должности экзаменаторовъ русскаго языка, на обязанности которыхъ было слѣдить за успѣшнымъ распространеніемъ изученія русскаго языка. Со времени изданія вышесказаннаго закона, значительно увеличилось количество учебныхъ заведеній, а въ особенности развилось много народныхъ школъ, а потому, чтобы эти предполагаемые экзаменаторы могли принести пользу, необходимо назначить не трехъ экзаменаторовъ, или правильнѣе инспекторовъ русскаго языка, а по крайней мѣрѣ по два на каждую губернію Финляндіи, т. е. всего 16 инспекторовъ для всего округа; эта должность по содержанію должна быть сравнена съ должностью инспекторовъ училищъ въ другихъ окраинахъ. По штатамъ бывшаго Дерптскаго округа, такимъ инспекто-

рамъ назначено: содержанія по 2,250 руб. и на разъѣзды по 750 руб. [1]) въ годъ. Слѣдовательно, расходъ по содержанію и разъѣздамъ предполагаемыхъ 16 инспектовъ составитъ ежегодно сумму въ 48,000 руб.

По нашему мнѣнію, вышеуказанные инспектора, кромѣ контроля преподаванія русскаго языка, обязаны вообще содѣйствовать скорѣйшему введенію учебной реформы, для чего они должны заботиться объ устройствѣ какъ вечернихъ, такъ и каникулярныхъ курсовъ. Въ теченіи же учебнаго года они должны по возможности часто посѣщать народныя школы своего участка и руководить занятіями народныхъ учителей по русскому языку внѣ каникулярныхъ курсовъ. Имъ же должно быть поручено производство испытаній по русскому языку какъ лицъ, состоящихъ на государственной и общественной службѣ, такъ и преподавателей учебныхъ заведеній. Вообще инспектора должны быть ближайшими исполнителями предначертаній правительства по сліянію края съ Имперіей.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края повлечетъ за собой слѣдующіе ежегодные расходы:

1) На содержаніе учителей русскаго языка . .	211,800 р.	— к.
2) » » инспекторовъ русскаго языка.	48,000 »	— »
3) На содержаніе учителей постоянныхъ школъ во время курсовъ	61,030 »	25 »
4) На содержаніе учителей грамоты во время курсовъ	87,525 »	— »
Итого ежегодно . . .	408,355 р.	25 к.

Этотъ расходъ очевидно преувеличенъ, такъ какъ мы не приняли во вниманіе расходъ, производящійся въ настоящее время на содержаніе 48 [2]) учителей русскаго языка. Допуская, что учителя русскаго языка, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, кромѣ лицеевъ, въ которыхъ въ 1896 г. значилось 24 учителя, получаютъ такое ничтожное содержаніе, какое указано въ штатахъ реальнаго и женскаго училищъ въ г. Гельсингфорсѣ,

[1]) „Сборникъ постановленій Министерства Народнаго Просвѣщенія". Томъ V, 1860 г.

[2]) Мы не считаемъ 2-хъ преподавателей университета и 2-хъ преподавателей кадетскаго корпуса.

т. е. отъ 600 до 800 марокъ или въ среднемъ 700 марокъ въ годъ для 24 учителей и по 3,600 марокъ для 24 учителей лицеевъ [1]), то мы получимъ, что въ настоящее время на содержаніе означенныхъ учителей затрачивается не менѣе 103,200 марокъ или 38,800 р.

На эту цыфру во всякомъ случаѣ долженъ быть сокращенъ вышеприведенный расходъ. Имѣя же въ виду, что могутъ встрѣтиться расходы по устройству курсовъ, не предусмотрѣнные нами, какъ-то: выдача расходовъ по проѣзду народныхъ учителей, если предлагаемый нами способъ окажется неудобнымъ, выдача премій тѣмъ изъ учителей, которые успѣшнѣе другихъ изучатъ русскій языкъ и скорѣе другихъ начнутъ преподаваніе въ своей школѣ на этомъ языкѣ, мы допускаемъ,—что вся исчисленная нами сумма будетъ составлять въ первые два года дополнительный расходъ къ настоящему бюджету финляндскаго учебнаго вѣдомства. Черезъ два года онъ сократится на 87,525 руб., такъ какъ для подготовки учителей передвижныхъ школъ грамоты мы находимъ, какъ уже говорили выше, совершенно достаточнымъ двухъ-лѣтній срокъ. Затѣмъ еще черезъ два года эта сумма еще уменьшится на 48,000 марокъ или 18,000 руб., такъ какъ со введеніемъ предполагаемой реформы, инспектора русскаго языка должны занять должности инспекторовъ училищъ, на которыхъ по бюджету отпускаются вышеуказанныя 48,000 м. [2]). Со введеніемъ этой реформы прекратятся всякіе расходы по обученію учителей русскому языку, поэтому въ экономіи, кромѣ денегъ, выдаваемыхъ учителямъ постоянныхъ школъ, останется сумма, исчисленная нами какъ содержаніе дореформенныхъ учителей русскаго языка въ краѣ.

Сведя все нами сказанное, мы получимъ, что дополнительный расходъ къ существующему бюджету училищнаго вѣдомства будетъ:

Въ первые два года подготовленія къ реформѣ .	408,355 р. 25 к.
Во вторые » » » » » . .	320,830 » 25 »
Въ послѣдующіе годы по введеніи реформы . .	203,100 » — »

Пусть господа экономисты не пугаются такихъ затратъ, пусть они вспомнятъ, что говоря, о безполезности многихъ «особыхъ»

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндіи“, 1891 г., № 3.
[2]) Тоже за 1893 г., № 3.

учрежденій края, мы указали, что если они будутъ признаны излишними, то образуется экономія отъ упраздненія этихъ учрежденій и замѣны ихъ русскими учрежденіями въ 1.046,287 р. 75 коп. Изъ этого же ясно, что, при крайне большихъ дополнительныхъ затратахъ на дѣло народнаго образованія, сліяніе края съ Имперіей все таки дастъ въ общегосударственномъ бюджетѣ довольно солидную экономію, въ суммѣ отъ 637,932 руб. 50 коп. до 847,187 руб. 75 коп.

Допустимъ, что мы ошибаемся; допустимъ, что потребуется гораздо болѣе затратъ для введенія учебной реформы края; допустимъ, что вся указанная нами экономія будетъ поглощена на эту реформу. Допуская такія невѣроятныя предположенія, мы все таки смѣло утверждаемъ, что даже такіе чрезвычайные расходы не должны служить препятствіемъ дѣлу сліянія края съ Имперіей. Какіе бы ни потребовались расходы на это великое дѣло, жалѣть не слѣдуетъ. Нужно помнить грустные уроки, которые намъ даетъ исторія усмиренія польскихъ безпорядковъ.

Прежде чѣмъ задумываться надъ цыфрами расходовъ, пусть господа экономисты вспомнятъ, во что обошлись Россіи польскія фантазіи, пусть вспомнятъ, сколько пролито крови, сколько погибло человѣческихъ жизней благодаря тому, что ко всѣмъ этимъ фантазіямъ относились равнодушно и не приняли своевременно мѣръ парализованія пропаганды польскихъ заправилъ и къ сліянію Царства Польскаго съ Имперіей. Такія воспоминанія тяжелы, но полезны, пусть ихъ чаще вспоминаютъ, и тогда можетъ быть будутъ приняты мѣры мирной реорганизаціи управленія краемъ, не жалѣя никакихъ затратъ на это дѣло. Лучше произвести денежныя затраты, чѣмъ вынести уроки другого рода за черезчуръ сильное и излишнее довѣріе «къ вѣрному и честному финскому народу». Мы смѣло утверждаемъ, что разъ не будетъ принято быстрыхъ и энергичныхъ мѣръ къ полному объединенію этой окраины съ остальной Россіей, то финскій урокъ будетъ горше польскаго

3. Пресса.

Мы уже указали, какія услуги оказываютъ финляндской партіи независимости два ея органа: сеймъ и школа. Теперь сдѣлаемъ самый бѣглый обзоръ остальныхъ средствъ этой партіи для пропаганды своего ученія.

Такими средствами являются пресса и устная политическая проповѣдь.

По словамъ г. Песковскаго [1]), въ началѣ 90-хъ годовъ въ Финляндіи издавалось «около 150 отдѣльныхъ изданій мѣстныхъ и общихъ». По его словамъ, «почти каждый крестьянинъ получаетъ свою мѣстную газету, а очень многіе выписываютъ еще и большія газеты». Цыфру изданій, указанную г. Песковскимъ, мы считаемъ очень мало преувеличенной, такъ какъ изъ оффиціальныхъ свѣдѣній оказывается, что 1 іюля 1893 года [2]) въ Финляндіи выходило повременныхъ изданій: на шведскомъ языкѣ 66 и на финскомъ 79, итого 145. Изъ нихъ политическихъ газетъ 63 (27 шведскихъ и 36 финскихъ). Разумѣется, въ настоящее время число изданій увеличилось. Мы знаемъ, что кромѣ нѣсколькихъ большихъ политическихъ газетъ, каждый самый небольшой городокъ Финляндіи имѣетъ свою газетку, издаваемую 2—3 раза въ недѣлю. Цѣна такихъ газетъ крайне доступна; есть изданія по 3 марки (1 руб. 13 коп.) въ годъ. Какъ могутъ существовать такія изданія мы не знаемъ и объяснять не беремся; но скажемъ, что всѣ эти газеты безъ исключенія вѣрой и правдой служатъ партіи финляндской независимости,—объ этомъ извѣстно изъ корреспонденцій въ нашихъ газетахъ, да и мы достаточно объ этомъ говорили. Теперь мы лишь укажемъ, что благодаря отсутствію органа печати, который бы разъяснилъ нелѣпость измышленій партіи, послѣдняя безпрепятственно ведетъ свою пропаганду, и населеніе, не встрѣчая опроверженій этого ученія, болѣе и болѣе подчиняется ему.

По нашему мнѣнію, необходимо создать особый органъ печати, по цѣнѣ доступный большинству населенія, который бы спеціально слѣдилъ за всѣми инсинуаціями шведоманской и финноманской партій противъ Россіи и разъяснялъ бы населенію дѣйствительное положеніе вещей.

Такой органъ потребуетъ въ началѣ затратъ, но современемъ онъ, разумѣется, окупится и принесетъ существенную пользу. Оставляя же безъ опроверженій всѣ теперешнія измышленія руководящей финноманской партіи, русское правительство какъ бы освящаетъ и подтверждаетъ всѣ эти фантазіи и инсинуаціи. Въ Финляндіи существуетъ русская власть въ лицѣ ге-

---

[1]) „Нива“. Ежемѣсячныя приложенія за 1896 г., № 5, стр. 99.

[2]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1896 г., стр. 148.

нералъ-гутернатора, но эта власть не имѣетъ своего печатнаго органа, а между тѣмъ хорошо поставленный органъ могъ бы принести большую пользу. Мы увѣрены, что если бы послѣдовало разрѣшеніе издавать газеты въ Финляндіи не однимъ «финляндскимъ гражданамъ», а всѣмъ русскимъ подданнымъ, то нашлись бы охотники повести это дѣло. Главное,—нужно, чтобы перестали смотрѣть сквозь пальцы на продѣлки этой «культурной страны» и признали бы, что въ предѣлахъ Россійской Имперіи общіе интересы Россіи должны быть поставлены на первый планъ. Выше мы сказали, что въ Финляндіи нѣтъ печатнаго органа генералъ-губернатора, а между тѣмъ на изданіе органа финляндскаго сената ежегодно тратится 77,290 финск. мар. [1]) или по курсу 266 мар. за 100 р. 28,983 р. 75 к.

Думаемъ, что еслибы такая субсидія была выдана частному лицу, то могъ бы создаться прекрасный органъ генералъ-гебернаторства, доступный по цѣнѣ для каждаго, который бы въ силахъ былъ противодѣйствовать финской пропагандѣ. Такая газета могла бы издаваться временно на двухъ языкахъ: финскомъ и русскомъ. Въ Россіи почти во всякой губерніи издаются оффиціальныя губернскія вѣдомости, и весьма многія изъ нихъ приносятъ довольно солидный доходъ, не смотря на то, что цѣна этихъ вѣдомостей не особенно низка, и грамотность среди народа менѣе развита, чѣмъ въ Финляндіи. Почему же не испытать изданія оффиціальной газеты и въ этомъ краѣ. Понятно, что такая газета должна издаваться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, подъ редакціей лица, преданнаго русскимъ интересамъ. Къ изданію такой газеты нѣтъ никакихъ препятствій, и она могла бы служить проводникомъ идеи необходимости, въ интересахъ края, введенія обще-русскихъ учрежденій и полнаго сліянія края съ Имперіей. Такой органъ, при разумной постановкѣ, могъ бы принести громадную пользу.

Но если безъ введенія русскихъ учрежденій въ краѣ невозможно почему либо изданіе подобнаго органа печати, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ препятствій къ изданію Финляндской епархіей своихъ вѣдомостей. Думаемъ, что къ изданію такихъ вѣдомостей нѣтъ препятствій, такъ какъ финляндская епархія не зависитъ отъ особыхъ финляндскихъ учрежденій и подчинена лишь св. синоду. Такія вѣдомости, издаваемыя тол-

[1]) „Сборникъ постановл. В. К. Финляндскаго“ 1893 г., № 3.

ково, принесли бы несомнѣнную пользу. Финляндской епархіи не дурно было бы въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру Рижской епархіи, которая съ 1888 года издаетъ свои вѣдомости. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать выписку изъ журнала «Нива» о значеніи этихъ вѣдомостей и дѣятельности архіепископа рижскаго и митавскаго Арсенія: «Сознавая важное значеніе печатнаго слова въ дѣлѣ выясненія нуждъ Прибалтійскаго края, высокопреосвященный въ 1888 году основалъ епархіальный церковный органъ «Рижскія епархіальныя вѣдомости». Журналъ этотъ подъ руководствомъ своего создателя дѣятельно и плодотворно работаетъ въ защиту православія путемъ помѣщаемыхъ въ немъ полемическихъ, апологическихъ и историко-археологическихъ трудовъ. Въ Ригѣ открытъ высокопреосвященнымъ епархіальный историко-статистическій комитетъ по описанію церквей и приходовъ въ Рижской епархіи. Благодаря поддержкѣ высокопреосвященнаго Арсенія, редакціей «Рижскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» издана масса полезныхъ для края сочиненій, имѣющихъ историческій, апологетико-полемическій, церковно-назидательный и миссіонерскій характеръ» [1]).

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нельзя сказать о финляндской епархіи. Она не имѣетъ ни своего органа и не участвуетъ въ другихъ церковно православныхъ органахъ. Она всю свою дѣятельность направила на обфиненіе православнаго населенія Финляндіи, чему несказанно радуется финноманская партія.

4. Устная политическая проповѣдь.

Итакъ, въ Финляндіи нѣтъ органа, противодѣйствующаго финноманскимъ бреднямъ, нѣтъ и органа, поддерживающаго православіе, но за то въ Финляндіи, кромѣ указанныхъ нами средствъ безпрепятственнаго распространенія ученій партіи финской независимости сейма, школы и прессы, громадную роль играетъ и устная проповѣдь. Мы не говоримъ о проповѣдяхъ лютеранскихъ пасторовъ, мы ихъ не знаемъ, но мы скажемъ о рѣчахъ, которыя говорились въ г. Сердоболѣ публично на праздникѣ «пѣнія и музыки» (Laulu ja soitto juhla). Эти рѣчи были произнесены въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, *и въ отсутствіи всякой русской власти.* Рѣчи эти, мало того что говорились, но

[1]) „Нива“ за 1895 г., № 30, стр 722.

онѣ печатались въ мѣстной газетѣ «Laatokka» (Ладога) и безъ сомнѣнія перепечатывались и другими газетами края. На этомъ же праздникѣ распѣвались и «Бьернеборгскій» и «Военный» марши на финскомъ языкѣ, не смотря на то, что эти пѣсни съ давнихъ поръ запрещены. Но эти запрещенныя пѣсни не только распѣвались въ теченіи 3-хъ дней празднества, но были напечатаны въ особыхъ книжечкахъ, и продавались по 20 пенни (около 7 коп.), а неимущимъ раздавались безплатно. Мы своевременно сообщили подробный отчетъ объ этомъ праздникѣ въ газету «Новое Время», но къ сожалѣнію, наша корреспонденція не удостоилась полнаго напечатанія, и появилась въ № 7302 этой газеты въ крайне сокращенномъ и извращенномъ видѣ, съ оговоркою о смягченіи рѣчей. Но считая нужнымъ смягчать эти рѣчи, а желая указать значеніе устной проповѣди политическаго характера, мы считаемъ нужнымъ дать читателю описаніе этого праздника, который былъ ни что иное, какъ рядъ дѣйствій, направленныхъ къ возбужденію молодежи и народа противъ Россіи, и выказывавшихъ явное пренебреженіе даже къ правительственнымъ распоряженіямъ.

Это читатель увидитъ изъ нашего описанія этого праздника.

Въ небольшомъ городкѣ Кореліи Сердоболѣ, имѣющемъ всего 1,600 жителей, собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ съ разныхъ концовъ Финляндіи на праздникъ музыки, который назначенъ былъ $^{6}/_{18}$—$^{8}/_{20}$ іюня 1896 года.

Почему былъ выбранъ именно Сердоболь, а не какой либо другой городъ, мы не знаемъ, но думаемъ, что главное желаніе заправилъ было посѣять сѣмяна финляндскаго ученія въ краѣ, гдѣ это ученіе еще мало распространено, такъ какъ большинство населенія не финны, а корелы. Время этого праздника было пріурочено къ съѣзду народныхъ учителей всей Финляндіи и ко времени окончанія занятій въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ всѣ учителя разныхъ финскихъ народныхъ училищъ и всѣ ученики какъ Сердобольской учительской семинаріи, такъ и другихъ училищъ, могли принять участіе въ этомъ праздникѣ или хотя присутствовать на немъ. Кромѣ этихъ настоящихъ и будущихъ просвѣтителей финскаго народа, въ праздникѣ участвовало до 40 хоровъ и оркестровъ, состоящихъ изъ молодежи. Праздникъ былъ обставленъ самымъ торжественнымъ образомъ. Весь городъ былъ украшенъ флагами, бѣло-синими, красно-желтыми (цвѣта Финляндіи и Кореліи),

были нѣсколько шведскихъ и *нѣсколько швейцарскихъ ?!!* Русскихъ флаговъ весьма не много. Этими флагами, очевидно, выражался протестъ противъ Высочайшаго распоряженія отъ 29 апрѣля 1896 г., коимъ единственнымъ флагомъ для всей Россійской Имперіи, «не исключая и Финляндіи», былъ признанъ флагъ бѣло-сине-красный, и всѣ другіе флаги запрещены. Устроивъ такой видимый протестъ и показавъ этимъ, что для «государства Финляндскаго» повелѣнія Россійскаго Императора *необязательны*, устроители праздника приняли всѣ мѣры, чтобы придать этому празднику политическій характеръ. Такъ, вмѣсто входныхъ билетовъ на торжество, раздавались особые значки съ изображеніемъ гербовъ Финляндіи и Кореліи, которые прикалывались на груди, маршалъ праздника расхаживалъ съ бѣло-синимъ шелковымъ шарфомъ черезъ плечо, а его помощники съ такими же шарфами, но шерстяными. Ежедневно говорились рѣчи. Самую скромную изъ нихъ сказалъ въ первый день празднества лекторъ мѣстной семинаріи г. Суомалейнъ, закончившій свою рѣчь здравицей родной странѣ, которую публика подхватила могучимъ единодушнымъ «elakoon»! да здравствуетъ! или: да живетъ!

Второй день празднества начался эффектнымъ шествіемъ участвующихъ хоровъ и оркестровъ изъ города въ мѣсто празднества, паркъ Ваккосальми. Самая картина шествія достойна описанія. Около 9 час. утра у магистрата (городскаго дома) собрались всѣ участвующіе и выстроились стройными рядами, въ которыхъ каждый хоръ и оркестръ составлялъ какъ бы отдѣльный взводъ, имѣя впереди особый значокъ съ названіемъ хора или оркестра. Впереди помѣщался хоръ студентовъ гельсингфорскаго университета въ своихъ форменныхъ шапочкахъ, съ студентомъ знаменщикомъ во главѣ. Знамя это—голубое шелковое, съ финляндскимъ львомъ на серединѣ. Послѣднюю колонну составлялъ хоръ мѣстныхъ крестьянъ и крестьянокъ. На флангахъ каждой колонны размѣстились помощники маршала въ своихъ двухъ-цвѣтныхъ шарфахъ. Впереди знаменщика стали четыре дамы, а впереди ихъ четыре мужчины, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый представитель финноманскихъ мечтаній профессоръ І. Р. Даніельсонъ.

Эти два ряда отличались отъ остальной арміи большими бѣло-синими бантами на груди. Во главѣ шествія сталъ маршалъ. Публика стала шпалерами по дорогѣ въ Ваккосальми. Когда

все было готово, раздалась маршальская команда: «маршъ»! Взмахнула палочка дирижера, раздались звуки Бьернеборгскаго марша, колыхнулось финское знамя и стройно въ ногу двинулась эта молодая финская рать!

Красивую картину представляло собой это шествіе, подъ возбуждающіе звуки бравурнаго марша, прекрасно исполняемаго духовой музыкой. Далеко разносились эти призывные звуки по зеркальной поверхности красавицы Ладоги, въ это чудное, тихое лѣтнее утро.

Да, читатель, красивая была картина, но пишущему эти строки тяжело было видѣть ее, тяжело слышать эти воинственные марши и знать, что все это дѣлается по заранѣе обдуманному плану, ради возбужденія въ пылкомъ юношествѣ несбыточныхъ фантазій. Невольно являлись вопросы: къ чему вожаки этой пресловутой партіи финляндской независимости разжигаютъ въ хорошей, честной, увлекающейся молодежи несбыточныя надежды? Къ чему эти умудренные наукою и опытомъ профессора играютъ въ опасную игру? Зачѣмъ они сталкиваютъ довѣрчивую молодежь съ прямого трудоваго пути, и ведутъ ее по дорогѣ случайностей, въ концѣ которой разочарованіе, а можетъ быть и загубленная жизнь? Къ чему всѣ эти шествія, всѣ эти марши, всѣ эти призывы *«на кровавую работу»?*

Вслѣдъ за шествіемъ двинулась и тысячная толпа посѣтителей.

Въ Ваккосальми празднество этого дня началось рѣчью мѣстнаго врача Гельстрема (Hällsträm) [1]). Этотъ умудренный наукой и опытомъ старецъ, вѣроятно желая возбудить въ посѣтившихъ празднество жителяхъ западной Финляндіи симпатію къ бѣдной Кореліи и просвѣтить мѣстныхъ кореловъ, нашелъ нужнымъ превратить эстраду музыки и пѣнія въ кафедру исторіи этого народа. Вотъ въ сжатомъ видѣ эта лекція: «Съ давнихъ поръ южная часть Финляндіи, нынѣ называемая южной Кореліей, была спорной областью между Россіей и Швеціей». Кто бы ни побѣждалъ изъ двухъ воюющихъ державъ, на долю Кореліи приходились всѣ ужасы войны. Наконецъ, побѣдила Россія. Корелія была присоединена «могучею русскою властью».

---

[1]) Рѣчь эта цѣликомъ напечатана въ газетѣ «Laatokka» отъ $^{20}/_{8}$ іюня 1896 года.

Настало время болѣе тяжкихъ страданій, которое продолжалось около ста лѣтъ. «Благодѣтельныя цѣпи» обратили и до того уже разбитый и придавленный народъ «почти въ рабовъ». Эти страданія окончились лишь «въ 1811 г.», когда южная Карелія «подпала подъ покровительство законовъ остальной Финляндіи», и ея жизнь «измѣнилась къ лучшему въ особенности съ тѣхъ поръ, когда Финляндское государство выкупило дареныя земли Выборгской губерніи и освободило жителей отъ прежней тяжелой господской власти»! Затѣмъ, описавъ разныя благодѣянія, сдѣланныя этимъ «Финляндскимъ государствомъ» для народа Карелiи въ области народнаго образованія и вообще культуры края, ораторъ, обращаясь къ гостямъ, высказалъ цѣль этого праздника.

По его словамъ, желалось показать, что карелы, настрадавшіеся «вслѣдствіе историческихъ событій», въ настоящее время заслуживаютъ уваженіе какъ народъ, достигнувшій самосознанія и имѣющій «свои стремленія».

Затѣмъ ораторъ увѣрялъ, что въ груди кареловъ тлѣетъ теплое чувство къ общей родинѣ» (Финляндіи), что всякая радость и горе этой родины найдетъ откликъ въ сердцѣ нашихъ *«пограничныхъ стражей»*. Онъ также выразилъ надежду, что Карелія станетъ для финляндцевъ «дорогимъ перломъ, наравнѣ съ другими жемчужинами, нанизанными на жемчужномъ финляндскомъ поясѣ».

Въ послѣдній день празднества рѣчь говорилъ профессоръ I. P. Даніельсонъ [1]). Мы не станемъ приводить всего содержанія рѣчи. Направленіе этого апостола ученія финляндской независимости хорошо знакомо русской публикѣ, а потому мы лишь въ общихъ чертахъ передадимъ эту блестящую рѣчь. Это была не историческая лекція, подобно рѣчи врача Гельстрема, это было пастырско-политическое наставленіе. Профессоръ похвалилъ стремленіе финляндцевъ, а въ особенности финляндскихъ женщинъ, къ образованію, совѣтывалъ поддерживать это стремленіе, такъ какъ образованныя женщины принесутъ великую пользу родинѣ, воспитывая юное финляндское поколѣніе. Много говорилъ о розни, существующей между племенами, населяющими Финляндію, и необходимости уничтоженія этой розни и полнаго сліянія всѣхъ племенъ въ одно цѣлое, имѣющее

[1]) Рѣчь эта напечатана въ газетѣ «Laatokka» отъ $^{24}/_{12}$ іюня 1896 г.

одни стремленія, одну вѣру, одинъ языкъ—«языкъ финскій». Онъ училъ, что всякая рознь, всякія недоразумѣнія должны быть забыты «во имя общихъ страданій, общей борьбы». Совѣтывалъ не забывать тѣ не далекія времена, когда старъ и младъ геройски защищали дорогую родину и «*побѣждали*» могучаго врага, при чемъ рекомендовалъ молодому поколѣнію, незабывая героевъ отцовъ, слѣдовать ихъ примѣру. Рѣчь свою ораторъ закончилъ восклицаніемъ «*Elakoon Suomenmaa*»! (Да здравствуетъ Финляндія!) Раздались долго несмолкаемые клики «*Elakoon*»! Подъ эти клики ораторъ оставилъ кафедру, на которую моментально вошелъ дирижеръ оркестровъ и хоровъ, и снявъ шляпу, восторженно пригласилъ *всѣхъ* пѣть «О maamme» (О, земля наша, или: О, родина наша), и тысячи голосовъ съ обнаженными головами грянули подъ аккомпаниментъ оркестра этотъ финскій народный гимнъ. Картина была величественная!

Все это совершалось безъ всякой подготовки, подъ вліяніемъ только что произнесенной рѣчи. Этотъ порывъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ вліянія ораторовъ на толпу, и показалъ намъ, насколько г. Даніельсонъ умѣетъ электризовать своихъ слушателей.

Во всѣ дни празднествъ не нашлось ни одного оратора, который бы сказалъ хотя одно доброе слово о Россіи, благодаря безкорыстію и помощи которой эта окраина можетъ существовать и развиваться. Ни одного раза, во все это празднество, не было ни сыграно, ни спѣто русскаго народнаго гимна, а о какой-либо другой русской музыкѣ и говорить нечего.

Тутъ таки опять приходится послать упрекъ православному духовенству въ Финляндіи, а въ особенности братству св. Сергія и Германа. Это братство, какъ видно изъ его десятилѣтняго отчета, всю свою дѣятельность направило на переводы различныхъ богослужебныхъ и нравственно-духовныхъ сочиненій, но, выпустивъ въ свѣтъ въ теченіи 10 лѣтъ всего двадцать восемь изданій, оно не потрудилось перевести на финскій языкъ русскаго народнаго гимна, и научить этому гимну дѣтей передвижныхъ православныхъ школъ. А это легко было бы сдѣлать, такъ какъ среди лицъ, занимающихся переводами, есть лицо, обладающее поэтическимъ даромъ—это священникъ о. С. Окуловъ. Будучи поэтомъ и печатая переводы и самостоятельныя стихотворенія на финскомъ языкѣ, онъ могъ бы потрудиться надъ переводомъ роднаго гимна и надъ разученіемъ его хо-

ромъ православныхъ учениковъ семинаріи, которымъ онъ завѣдывалъ. Но видно въ Финляндіи не нужно русскаго гимна, здѣсь онъ не въ модѣ!

Здѣсь нужны пѣсни другого характера, и финноманскіе проповѣдники позаботились объ этомъ. Они перевели со шведскаго и распространили въ дешевыхъ книженкахъ «Біернеборгскій маршъ» (Porilaisten marssi) и военный маршъ (Sota marssi). Эти марши распѣваются, какъ намъ говорили, во всѣхъ школахъ Финляндіи, ихъ знаетъ чуть не каждый ученикъ, едва научившійся грамотѣ. Финноманы понимаютъ значеніе пѣсни и вліяніе ее на душу человѣка и пользуются этимъ средствомъ для возбужденія ненависти къ Россіи. Они чуть не съ молокомъ матери стараются внушить ребенку, что борьба съ Россіей возможна, и что скоро должно наступить время этой борьбы.

Чтобы наши слова не казались преувеличеніемъ дѣйствительнаго положенія дѣла, мы приведемъ точные переводы этихъ двухъ маршей, распѣвавшихся съ $^{6}/_{18}$ по $^{8}/_{20}$ іюня 1896 г. въ городѣ Сердоболѣ и напечатанныхъ въ маленькой книженкѣ—программѣ, всего въ 23 страницы, носящей названіе «Sortavalan Laula ja soitto juhlan 1886 г. sanat juhlan konsertin ja kansan juhlan lauluihin. Sorlavala 1896. Hinta 20 p.». (Сердобольскій праздникъ пѣнія и музыки.—Слова къ концертному и народному празднику. Сердоболь 1896 г., цѣна 20 пенни). Вотъ слова этихъ двухъ маршей:

I. Біернеборгскій маршъ. Сыны геройскаго народа, пролившаго кровь на поляхъ Польши, Люцена и Нарвы. Еще финляндія въ силѣ, еще можетъ устлать врагами землю! Прочь мирныя занятія, огонь пылаетъ, буря шумитъ, ядра пушекъ свистятъ. Впередъ, мужи-герои! Духи героевъ отцовъ насъ сопровождаютъ. Видишь, звѣзда чести намъ блещетъ. Знакома намъ кровавая работа, впередъ стремитесь всѣ! Дорога старая для чести, знамя побѣды, изорванное въ старинныхъ битвахъ, сопутствуетъ намъ. Впередъ, ты, молодецкая ткань, окровавленная! Еще вьется остатокъ прошлыхъ дѣлъ финляндскихъ!

II. Военный маршъ: Загорѣлась война, война жестокая, пламя злобы пылаетъ. Покраснѣлъ уголъ сѣвера: кровь, огонь предвѣщаетъ. Впередъ, саволейны [1]) и вы, сыны сѣвера, и ты, народъ

[1]) Такъ называютъ жителей средней Финляндіи округа города Нейшлота, который по фински называется Савонлинна.

Кореліи, на встрѣчу врагамъ. Наше «ура» въ степяхъ раздается какъ тысячи голосовъ. Долины заговорили, берега откликаются. Долой отсюда насиліе [1])! Сумки на спину, мечъ на бокъ, факелы на плечи, бодро на работу кровавую стремитесь, на границу, стремитесь! Наши здѣсь поля и нивы, наши рощи, поляны, деревья, нашихъ стадъ слышны колокольчики. Наша земля не достанется другимъ. Смотри, какъ вьется военное знамя, направляясь къ востоку,—скоро, знать, загремитъ желѣзо, задымятся кровавые ручьи, стремитесь, стремитесь! Наступайте, сыны сѣвера, прямо на врага! Бей, убивай ихъ, сынъ сѣвера! Стремитесь, стремитесь!

Вотъ, читатель, тѣ рѣчи, вотъ тѣ пѣсни, которыя раздаются не только въ такъ называемой Новой Финляндіи, т. е. завоеванной силой русскаго оружія въ 1809 г., но даже и въ Кореліи, которая окончательно завоевана еще со временъ Петра Великаго.

Мы дали лишь бѣглый очеркъ тѣхъ средствъ, которыми *безпрепятственно* пользуется финноманская партія для возбужденія ненависти къ Россіи. Мы сознаемся, что это крайне бѣглый очеркъ, что мы не въ силахъ дать болѣе точныхъ изслѣдованій финноманской пропаганды; но полагаемъ, что и сказаннаго нами достаточно, чтобы обратить вниманіе на это независимое государство, чтобы принять мѣры къ прекращенію дальнѣйшей игры въ финляндскую независимость! Неужели намъ нужны еще кровавые уроки, неужели безъ крови невозможно упорядочить положеніе дѣлъ въ этой русской окраинѣ?

---

[1]) Въ оригиналѣ этого марша, сочиненнаго бывшимъ ректоромъ Гельсингфорскаго университета Августомъ Альквистомъ, написано „долой отсюда русскихъ“. (Петровскій, „Финляндская окраина“, выпускъ II, стр. 370).

Глава IX.

Особенности края въ религіозномъ отношеніи.

Теперь разсмотримъ «особенности» этого края въ религіозномъ отношеніи.

Манифестомъ 15 марта 1809 года Императоръ Александръ I *подтвердилъ и удостовѣрилъ религію,* исповѣдываемую новыми его подданными; но ни въ этомъ манифестѣ, ни въ какомъ либо другомъ актѣ, нѣтъ указанія, чтобы лютеранское вѣроисповѣданіе было признано *господствующимъ* въ краѣ. Мы внимательно прослѣдили всѣ 460 параграфовъ церковнаго уложенія [1]), вступившаго въ силу съ 1 іюля 1870 года, и ни въ одномъ изъ этихъ параграфовъ нѣтъ не только прямого указанія, чтобы лютеранское вѣроисповѣданіе признавалось господствующимъ въ этомъ краѣ, но даже нѣтъ выраженія, изъ котораго можно бы сдѣлать подобный выводъ. Даже изъ § 53, въ которомъ, какъ мы указали раньше, приведены правила присоединенія къ лютеранско-евангелической церкви лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, нельзя вывести заключенія, чтобы законъ признавалъ лютеранское исповѣданіе господствующимъ. Все, что можно было бы сказать, основываясь на этомъ параграфѣ, это что въ краѣ всѣ христіанскія исповѣданія *равноправны.* Такой выводъ былъ бы возможенъ, еслибы не было издано одновременно съ вышеуказаннымъ церковнымъ уложеніемъ Высочайшее объявленіе «О дальнѣйшемъ дѣйствіи законоположеній противъ перехода исповѣдниковъ греко-россійской церкви въ евангелическо-лютеранскую вѣру, и о взаимномъ отношеніи между лютеранскимъ духовенствомъ въ Финляндіи и лицами, принадлежащими къ православной церкви» [2]). Въ этомъ объявленіи категорически сказано:

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1869 г., № 27.

[2]) Тоже, стр. 122.

«что все до сего постановленное» по предметамъ, указаннымъ въ заглавіи этого объявленія, «остается въ дѣйствіи на будущее время». Этимъ объявленіемъ устраняется всякое сомнѣніе относительно возможности и законности перехода изъ православія въ лютеранство. Разъ этотъ переходъ воспрещенъ въ силу закона, дѣйствующаго въ краѣ, то ясно, что господствующей религіей въ краѣ, какъ и вс всей Россійской Имперіи, по закону признается православное исповѣданіе, что подтверждается и ст. 40 основныхъ законовъ Россійской Имперіи, въ которой нѣтъ никакой оговорки относительно Финляндіи.

Не такъ, однако, думаютъ проповѣдники ученія финляндской независимости. Съ помощью своей обычной казуистики, они стараются доказать, что въ силу обѣщаній Императора Александра I, господствующей религіей края должно признавать лютеранское исповѣданіе. Такое мнѣніе высказываетъ г. І. Р. Даніельсонъ на страницѣ 115 своей брошюры «Соединеніе Финляндіи съ Россійской Державой». Здѣсь онъ говоритъ: «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что утвержденіе «религіи» на самомъ дѣлѣ заключало въ себѣ признаніе лютеранской церкви господствующею церковью въ Финляндіи». Интересны доводы, приведенные почтеннымъ профессоромъ исторіи въ подтвержденіе такого мнѣнія. Эти доводы слѣдующіе: 1) Лютеранское исповѣданіе «почти исключительно» господствовало въ завоеванной въ то время (1809 г.) части Финляндіи. 2) Императоръ Александръ I утвердилъ права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества доселе пользовались, а въ привиллегіяхъ духовенства подробно указаны права лютеранской церкви въ томъ видѣ, въ какомъ они были установлены со времени реформаціи. 3) Императоръ Александръ I дозволилъ епископу Тенгстрему упомянуть въ своей присягѣ объ обязанности «охранять истинное и чистое евангелическо-лютеранское вѣроученіе». Этихъ данныхъ г. профессоръ считаетъ достаточнымъ, чтобы празнать лютеранское исповѣданіе *господствующимъ* въ краѣ, а православное исповѣданіе, господствующее во всей Россійской Имперіи, лишь *терпимымъ*. Вспомнимъ при этомъ, что книга г. Даніельсона издана въ 1890 году, т. е. черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ выше приведенное церковное уложеніе и дополнительное къ нему узаконеніе о лицахъ православнаго исповѣданія стали обязательнымъ закономъ. Этимъ узаконеніямъ г. профессоръ не только не придаетъ никакого значенія, но даже не

упоминаетъ о нихъ. Мы бы не придавали значенія мнѣнію г. профессора, и вообще ученію финляндскихъ государственниковъ, если бы органы «финляндскаго правительства» не старались при всякомъ удобномъ случаѣ показать, что въ этомъ «особомъ государствѣ» господствующая религія лютеранская, а православная церковь лишь терпима. Нигдѣ это не бросается такъ въ глаза, какъ въ городахъ, гдѣ смѣшанное населеніе, т. е. православное и лютеранское, во время лютеранскихъ праздниковъ. Въ городѣ Сердоболѣ почти половина торговыхъ заведеній принадлежитъ лицамъ православнаго исповѣданія, и вотъ въ силу правилъ о торговлѣ, эти православные торговцы въ лютеранскіе праздники *обязаны* закрывать свои заведенія. Въ православные же праздники лютеране не пріостанавливаютъ своей торговли. Какъ извѣстно, въ Финляндіи въ употребленіи новый стиль, а потому такіе праздники, какъ Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и т. д., празднуются лютеранами и православными въ разное время, поэтому православному торговцу приходится или два раза праздновать эти праздники, или же праздновать только лютеранскіе праздники, а въ православные торговать. Но кромѣ этихъ дней, торговля въ этомъ городѣ закрывается въ чисто лютеранскіе праздники, какъ то: въ Ивановъ день, $^{12}/_{24}$ іюня, дни покаянія, которые назначаются духовной экспедиціей сената, и т. п. Затѣмъ всѣ православные праздники, богородичные и разныхъ святыхъ, совершенно не празднуются лютеранами, и не только торговыя, но и всѣ присутственныя мѣста во всѣ православные праздники открыты, благодаря этому православный житель Финляндіи можетъ быть вызванъ въ судъ въ первый день Рождества или любой изъ большихъ православныхъ праздниковъ.

Въ силу такого положенія, православные торговцы и крестьяне, работающіе по найму у лютеранъ, мало по малу забываютъ празднованіе православныхъ праздниковъ и привыкаютъ къ праздникамъ лютеранскимъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Россійской Имперіи православные праздники празднуются, не смотря на то, что большинство населенія инородцы.

Пишущему эти строки приходилось бывать въ Югозападномъ краѣ и нѣкоторыхъ городахъ Полтавской губерніи, гдѣ почти вся торговля въ рукахъ евреевъ, но и тамъ евреи празднуютъ субботу, торговля закрыта, но христіане торгуютъ; въ воскресенье въ извѣстные часы всѣ торговыя заведенія закрыты,

какъ христіанскія, такъ и еврейскія; равнымъ образомъ еврейскія торговли и торговли лицъ другихъ исповѣданій закрыты во всѣ дни большихъ православныхъ праздниковъ. И это дѣлается во всѣхъ *безъ исключенія* городахъ Россійской Имперіи, кромѣ особаго «государства» Финляндскаго. Невольно приходится согласиться съ гг. финноманскими учителями, что въ этомъ государствѣ, если не по праву, то фактически лютеранское исповѣданіе—«господствующая религія». Такой взглядъ, если вѣрить корреспонденціи газеты «Новое Время» изъ Гельсингфорса [1]), раздѣляетъ и русское правительство, такъ какъ, по словамъ этого извѣстія, сеймъ 1897 г. долженъ разсмотрѣть предложенный законопроектъ «объ уравненіи правъ православнаго духовенства съ лютеранскимъ». (Въ Финляндіи, добавляетъ корреспондентъ, «*еще до послѣдняго времени, какъ и въ Швеціи, лютеранская религія признавалась первенствующею*»). Мы говоримъ, если вѣрить корреспонденту, такъ какъ намъ становится непонятнымъ, почему законъ о правахъ православнаго духовенства подлежитъ вѣдѣнію сейма? Мы полагали, что опредѣленіе правъ этого духовенства зависитъ *исключительно* отъ святѣйшаго синода. Разсмотрѣніе этого закона сеймомъ намъ кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что православное духовенство не считается финскими гражданами, и не имѣетъ права участвовать въ выборахъ депутатовъ на этотъ сеймъ, а равно и не имѣетъ тамъ своего представителя. Итакъ, фактически лютеранская религія первенствующая, и можетъ быть послѣ сейма она станетъ «равноправной» съ православной. Мы не знаемъ, касается-ли проектъ исключительно только *личныхъ* правъ духовенства, или же онъ затрагиваетъ и вопросъ объ освобожденіи лицъ православнаге исповѣданія отъ обязанности соблюдать лютеранскіе праздники. Слѣдовало бы въ интересахъ православія подумать объ этомъ вопросѣ.

Особое финляндское правительство, вѣроятно желая показать свою самостоятельность, не находитъ нужнымъ чтить не только православные, но и государственные праздники Россійской Имперіи, какъ то дни: восшествія на престолъ Государя Императора, тезоименитствъ и рожденій Государя, Государынь и наслѣдника Престола. На сколько намъ извѣстно, такіе дни

[1]) „Новое Время“, № 7247.

празднуются во всѣхъ, даже по праву конституціонныхъ государствахъ Европы, и въ эти дни присутственныя мѣста и государственныя учебныя заведенія обыкновенно бываютъ закрыты. Но Финляндія почему-то не считаетъ нужнымъ соблюдать этого общепринятаго правила. Мы утверждаемъ, какъ фактъ, что въ день рожденія Государя Императора $^{6}/_{18}$ мая 1896 года въ Якинваара (Iaakinvaara) Кроноборгскаго судебнаго округа, подвѣдомственнаго выборгскому гофгерихту, было назначено судебное засѣданіе герадскаго суда по уголовному дѣлу. Въ тотъ же день были занятія не только въ частныхъ банкахъ г. Сердоболя, но и въ конторѣ финскаго (правительственнаго) банка. Но, можетъ быть, намъ скажутъ, что эта ошибка, недосмотръ; такимъ опонентамъ мы рекомендуемъ посмотрѣть наиболѣе распространенные въ народѣ, по своей дешевизнѣ, календари, напечатанные на финскомъ языкѣ. Одинъ изъ нихъ лютеранскій, изданіе Александровскаго университета [1]), другой православный, изданіе братства Германа и Сергія [2]).

Въ первомъ изъ этихъ календарей на лѣвой сторонѣ каждой страницы обозначены числа новаго стиля, а на правой стараго; во второмъ наоборотъ. Возьмемъ для выдержки $^{6}/_{18}$ мая. Въ первомъ напечатано такъ: «18 m. Erkku... *6» (18 m. начальная буква финскаго слова, обозначающаго понедѣльникъ, Эрикъ). Звѣздочка около цыфры «6» означаетъ праздникъ православный. Въ подтвержденіе того, что звѣздочка есть знакъ праздника и если она поставлена на лѣвой сторонѣ, у чиселъ новаго стиля, то обозначаетъ лютеранскій праздникъ, а на правой, у чиселъ стараго — праздникъ православный, мы возьмемъ лютеранскій праздникъ $^{12}/_{24}$ іюня; тутъ напечатано:

«*24 K. Joh Kast p... 12» (24 к. (среда) Іоан. крест. день.

Тутъ звѣздочка поставлена у числа «24», а около цыфры «12» этого знака нѣтъ, такъ какъ въ этотъ день нѣтъ православнаго праздника. Во второмъ календарѣ день 6 мая напечатанъ такъ:

«H. K. M. Keisarin Nikolai II Aleksandrovits'in syntyma

---

[1]) Almanakka karkausvuodelle, jalkeen Wapahtajamme Kristuksen syntyman 1896. Hanen Keisarillisen Majesteeten Armollisimman saadannon mukaan an ulosantanut Keisarillinen Alexanderin yliopisto Suomessa.

[2]) Pyhâin Sergein ja Hermanin Veljeyskunnan kalender 1896. Helsinkissa 1895. Weilin & goos'in osakayhtion kirjapainossa. Hinta 25 penniâ.

päivö 18» (Е. И. В. Императора Николая II Александровича рожденія день).

Такимъ образомъ изъ сопоставленія этихъ двухъ календарей оказывается, что день рожденія Государя Императора праздникъ русскій—православный, а не лютеранскій—финляндскій. Такъ оно по календарю, да такъ оно и на дѣлѣ. Въ этотъ день мы были въ Сердоболѣ и знаемъ, что богослуженіе было лишь въ православной церкви, въ лютеранской же богослуженія не было, хотя въ силу § 22 «церковнаго уложенія» [1]), «въ обще гражданскіе праздники» богослуженіе должно быть отправляемо. Допустимъ, что такова уже самостоятельность этого «особаго государства», что для него дни рожденія Государя, Государынь и Наслѣдника Престола не праздники, но пусть бы заправилы этого «государства», хотя бы лишь изъ чувства деликатности, въ эти дни не вызывали въ свои суды православныхъ свидѣтелей и священниковъ, такъ какъ изъ календарей, издаваемыхъ ихъ финляндскимъ университетомъ, имъ извѣстно, что православные люди чтутъ эти дни.

Заговоривъ о праздникахъ, мы считаемъ не лишнимъ указать на фактъ, изъ котораго видно, какъ было исполнено Высочайшее повелѣніе о празднованіи дня священнаго коронованія 14 мая 1896 г. Въ силу 7 п. Высочайшаго повелѣнія отъ 25 апрѣля 1896 г., распубликованнаго во всѣхъ газетахъ, благодарственный молебенъ долженъ быть отслуженъ по полученіи отъ губернатора извѣстія о благополучномъ совершеніи священнаго Ихъ Величествъ коронованія.

Въ г. Сердоболь такое извѣстіе прибыло передъ окончаніемъ литургіи. Незнаемъ, когда оно получилось въ другихъ мѣстахъ края; но знаемъ, что въ Райвола, гдѣ имѣется православная церковь, настоятелемъ въ которой состоитъ священникъ Розановъ, извѣстія о благополучномъ совершеніи коронованія получено не было.

Нужно замѣтить, что Райвола находится на линіи желѣзной дороги С.-Петербургъ—Гельсингфорсъ, въ разстояніи 50 километровъ отъ Петербурга и 79 отъ Выборга, что въ Райвола имѣется желѣзнодорожная станція того же названія [2]), а

---

[1]) «Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго» 1869 г., № 27, стр. 7.

[2]) Указатель желѣзно дорожныхъ, пароходныхъ и иныхъ пассажирскихъ сообщеній, изд. министерства путей сообщенія. Выпускъ 2-й 1895 г., стр 164.

слѣдовательно и телеграфъ. Изъ Выборга черезъ Райвола въ Петербургъ ежедневно отходитъ 5 пассажирскихъ поѣздовъ. Чѣмъ объяснить изложенный нами фактъ? Всѣмъ чѣмъ угодно, только не невозможностью своевременно, т. е. 14 мая, послать извѣщеніе и не незнаніемъ о существованіи въ Райвола православной церкви. Возможность сообщенія не только телеграммой, но и казеннымъ пакетомъ, была полная; узнать, въ какихъ мѣстахъ Выборской губерніи имѣются православные храмы, губернаторъ имѣетъ также полную возможность, такъ какъ въ г. Выборгѣ существуетъ финляндская православная духовная консисторія, которая, въ случаѣ запроса, вѣроятно не отказалась бы сообщить свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія православныхъ церквей. По какой бы то ни было причинѣ, *а извѣстія о благополучномъ совершеніи священнаго коронованія сообщено не было.* Священникъ Розановъ, выполняя въ точности В ы с о ч а й ш е е повелѣніе, молебна не служилъ, а донесъ объ этомъ фактѣ финляндской консисторіи формальнымъ рапортомъ. Послѣдствіемъ этого рапорта было циркулярное предписаніе духовной консисторіи, настоятелямъ всѣхъ православныхъ церквей края, отслужить молебенъ вездѣ, гдѣ таковой не былъ отслуженъ, за неполученіемъ губернаторскихъ извѣщеній. И вотъ, русскіе дачники Райвала, благодаря неизвѣстнымъ причинамъ, принесли свои молитвы Творцу не вмѣстѣ со всей великой Русью, а послѣ 17 мая, и это дѣлается въ 50 километрахъ отъ Петербурга! Интересно знать, сочла-ли нужнымъ финляндская духовная консисторія хотя узнать о причинахъ такого инцидента и донести объ этомъ св. синоду? За вѣрность этого факта мы вполнѣ ручаемся и его не трудно разслѣдовать.

Мы привели факты, изъ которыхъ ясно, что финляндскія власти, вѣроятно въ угоду партіи финляндской независимости, всѣми мѣрами стараются показать явное пренебреженіе къ православной церкви, не останавливаясь даже передъ неисполненіемъ Высочайшаго повелѣнія.

Такой образъ дѣйствія мѣстныхъ финляндско-лютеранскихъ властей порождаетъ среди населенія края убѣжденіе въ полной безнаказанности всякаго оскорбленія православной религіи и ея представителей. Намъ не разъ приходилось слышать объ оскорбленіяхъ православныхъ священниковъ и монаховъ, но слуховъ мы не станемъ передавать, мы будемъ говорить лишь о томъ, что было при насъ или о томъ, что подтверждено органами

печати или оффиціальными документами. Въ этомъ покоренномъ русскимъ оружіемъ краѣ дѣло дошло до того, что изъ страха передъ финнами, православное духовенство стало отступать, при совершеніи богослуженія, отъ обрядовъ, установленныхъ православной церковью. Мы приведемъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ, корреспонденцію изъ Гельсингфорса, въ которой говорится объ особенности служенія въ православномъ Успенскомъ соборѣ г. Гельсингфорса. По словамъ корреспондента [1]): плащаница на страстной недѣли обносится не вокругъ церкви снаружи, какъ то дѣлается всюду и вездѣ, а внутри собора. Говорятъ, что такой обычай здѣсь установился изъ опасенія оскорбленія святыни иновѣрцами». Сообщивъ такой фактъ, корреспондентъ разсуждаетъ такъ: «Мы такого взгляда не раздѣляемъ, и полагаемъ, что у мѣстной русской власти достаточно силы и такта для предупрежденія недоразумѣній». Мы можемъ увѣрить г. корреспондента, что, какъ намъ сообщали, этотъ обычай установился не въ силу «опасенія», а въ силу оскорбленія, нанесеннаго святынѣ и священнослужителю въ томъ же Гельсингфорсѣ, во времена генералъ-губернаторства гр. Адлерберга, фонатиками—лютеранами. По словамъ лица, сообщавшаго намъ объ этомъ оскорбленіи, плащаница была вырвана толпой фанатиковъ изъ рукъ несшихъ ее, а священникъ былъ избитъ и его таскали за бороду. За вѣрность этого сообщенія мы не ручаемся, хотя и слышали отъ лица, заслуживающаго довѣріе. А на счетъ разсужденій «о силѣ и тактѣ мѣстной русской власти», мы посовѣтуемъ навести справки и тогда окажется, что высшая *русская* власть въ краѣ обладаетъ и силой, и тактомъ, да не обладаетъ правомъ не только предупреждать «недоразумѣнія», но даже арестовать явнаго преступника, если онъ финляндскій уроженецъ, безъ постановленія финской судебной власти. Таково, читатель, положеніе православной церкви въ тѣхъ мѣстахъ этой «культурной» окраины Россійской Имперіи, гдѣ существуетъ русская власть, обладающая, можемъ васъ увѣрить, и большимъ «тактомъ» и «достаточной силой». Каково же положеніе этой церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ абсолютно нѣтъ «ни русской власти, ни русской силы»?

Намъ пришлось прожить около года въ городѣ Сердоболѣ, гдѣ совершенно отсутствуетъ какъ «русская власть», такъ и

---

[1]) «Новое время» 9/21 марта 1896 г., № 7194.

«русская сила»; но гдѣ имѣется православная церковь, духовенство которой всѣми зависящими отъ него мѣрами старается угождать финнамъ. Угодливость эта доходитъ до того, что даже еле умѣющій читать по фински, но не понимающій этого языка, священникъ отецъ Василій Соболевъ служитъ литургію на финскомъ языкѣ. При такихъ обстоятельствахъ, можно было бы ожидать, что духовенство пользуется симпатіей финскаго населенія. На дѣлѣ же оказывается не такъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Финляндіи, православная церковь и духовенство не избавлены отъ оскорбленій лютеранъ — финновъ. Мы считаемъ умѣстнымъ разсказать два случая, происшедшіе въ 1896 году.

Передъ пасхальной заутреней нѣсколько крестьянъ финновъ собрались близь ограды православной церкви. Было уже около 11 часовъ вечера; настоятель церкви шелъ къ заутренѣ мимо этой толпы. По его адресу послано было нѣсколько бранныхъ словъ, и вслѣдъ затѣмъ полетѣли винныя бутылки, которыя къ счастью не попали въ священника, а разбились о церковную стѣну. Священникъ обернулся къ толпѣ и посовѣтовалъ разойтись, причемъ пригрозилъ послать за полицейскимъ. Въ отвѣтъ на это посыпалась брань, вновь полетѣли бутылки и раздались крики: «жаль, что церковь каменная, а то бы мы тебѣ устроили хорошій костеръ»! Оставалось скорѣй спрятаться въ церковь и запереть двери. Благодаря этому, православные не могли передъ заутреней приложиться къ плащаницѣ, такъ какъ церковь отперли лишь къ 12 час., когда набралось много народу у дверей храма. Этотъ случай остался безнаказаннымъ.

Въ ту же ночь одинъ изъ участниковъ этого буйства, или другое лицо, бутылкой разбилъ окно у мѣстнаго бургомистра, живущаго близь русской церкви. Его схватили, отправили подъ арестъ, а затѣмъ судили. Какъ мы слышали, онъ былъ присужденъ къ аресту на 3 мѣсяца. Ни о буйствѣ въ оградѣ православной церкви, ни объ оскорбленіи священника, ни на судѣ, ни въ мѣстной газетѣ «Laatokka», гдѣ говорилось о разбитіи стекла въ квартирѣ бургомистра, не было сказано ни слова.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, во время великаго выхода на литургіи, едва священникъ началъ ектинію, раздался крикъ: «вотъ тебѣ, русскій попъ»! и близь стоящіе увидѣли женщину, поднявшую спереди платье и рубашку. Ее вывели церковный староста и нѣсколько прихожанъ. Пишущій

эти строки былъ лично въ церкви и видѣлъ эту сцену и можетъ указать свидѣтелей этого безобразія. Этотъ скандалъ былъ произведенъ финляндкой, лютеранскаго исповѣданія. Когда мы спросили священника, будетъ-ли это дѣло передано суду, то намъ отвѣтили: «не стоитъ дѣло затѣвать: все равно оправдаютъ; намъ много приходится переносить,—что дѣлать? Мы тутъ безсильны».

Вотъ положеніе православія въ краѣ. Это творятъ прославленные нѣкоторыми русскими писателями «к у л ь т у р н ы е ф и н н ы»!

Нѣтъ, господа, «культуру» слѣдуетъ опредѣлять не количествомъ школъ, не числомъ грамотныхъ, или вѣрнѣе полуграмотныхъ, а дѣйствительнымъ развитіемъ народа и его нравственностью, а для этого мало читать различные финляндскіе отчеты, а нужно пожить въ краѣ, узнать этотъ народъ. Мы съ увѣренностью скажемъ, что тѣхъ безобразій, какія позволяютъ себѣ культурные финны въ православныхъ церквахъ, нашъ «*некультурный, безграмотный*» крестьянинъ не позволитъ себѣ не только въ христіанской иновѣрческой церкви, въ еврейской синагогѣ или магометанской мечети, но даже въ идолопоклонническомъ капищѣ.

Оставимъ эти грустные факты, и допустимъ, что финляндскіе заправилы основательно считаютъ лютеранскую религію господствующей въ краѣ. Допустимъ, что православные служители Христа должны смиренно переносить всякія оскорбленія, и даже отступать отъ православныхъ обрядовъ, лишь бы оградить святыню отъ оскорбленія. Допуская все это, мы никакъ не можемъ понять, въ силу какихъ законовъ или какихъ соображеній «финляндское правительство» разрѣшаетъ разнымъ сектантамъ распространять свои ученія. Мы знаемъ, что въ Финляндіи совершенно открыто проповѣдываютъ свое ученіе слѣдующія секты: «армія спасенія», хегулиты и свободоцерковники. Армія спасенія имѣетъ въ Гельсингфорсѣ свой домъ и гостинницу; хегулиты въ своихъ открытыхъ проповѣдяхъ называютъ служителей православной церкви «служителями сатаны», а православныхъ вообще «адскими головешками». Свободоцерковники ведутъ проповѣди не только о томъ, что каждый человѣкъ не долженъ подчиняться никакимъ церковнымъ правиламъ и принадлежать къ какому либо исповѣданію, но что онъ не долженъ также признавать никакихъ законовъ,

никакихъ властей, что только *абсолютная свобода составляетъ счастье человѣка.*

Намъ передавали, что въ Іоенсу подобная рѣчь была произнесена въ присутствіи православнаго священника, который счелъ своей обязанностью, записавъ эту рѣчь, представить ее епархіальному начальству вмѣстѣ съ переводомъ на русскій языкъ. Въ этой рѣчи, человѣкъ, принадлежащій къ какой либо религіи, къ какому либо государству, сравнивался съ орломъ въ желѣзной клѣткѣ, и говорилось, что этотъ орелъ будетъ счастливъ лишь при освобожденіи изъ этой клѣтки. Что человѣкъ тогда лишь будетъ пользоваться всѣми благами жизни, когда не будетъ стѣсненъ ни церковной, ни государственной клѣткой.

И вотъ, православные священники, обязанные въ Имперіи противодѣйствовать сектантскимъ ученіямъ, здѣсь должны смиренно слушать такія проповѣди, на томъ основаніи, что въ этомъ «культурномъ краѣ» признано право религіозной свободы. Неужели можетъ быть допущено указанное приниженное положеніе православной церкви, неужели подобныя секты должны быть терпимы русскимъ правительствомъ? Неужели подъ видомъ какой-то *призрачной религіозной свободы*, монархическое государство должно разрѣшать анархическія стремленія свободоцерковниковъ?

Думаемъ, что обращая должное вниманіе на воинствующій католицизмъ нашихъ польскихъ ксендзовъ и баронствующій лютеранизмъ прибалтійскихъ губерній, русскіе правительственные органы должны были бы обратить свое вниманіе и на эту свободно-религіозную страну, и указать, что для свободолюбивыхъ финляндскихъ орловъ еще имѣются государственныя и церковныя клѣтки, и что онѣ еще достаточно крѣпки. Для этого необходимо, чтобы православная церковь была фактически поставлена на степень господствующей церкви края, чтобы православное духовенство не было пассивнымъ зрителемъ сектантскихъ ученій, а могло противодѣйствовать имъ, будучи увѣрено въ поддержкѣ русской власти. Причемъ и само духовенство должно нѣсколько измѣнить характеръ своей дѣятельности, и, служа интересамъ православія, не забывать общегосударственныхъ интересовъ Россіи. Вообще этому духовенству не мѣшало бы послѣдовать примѣру Рижской епархіи.

Глава X.

Судъ и судебные порядки Финляндской окраины.

Предисловіе нашей книги мы начали опроверженіемъ словъ г. Молчанова [1]), высказавшаго, что съ открытіемъ архангельскаго окружнаго суда въ Европейской Россіи, «кромѣ мѣстъ кочевья», не будетъ уголка, гдѣ бы не дѣйствовали судебные уставы Императора Александра II. Въ настоящее время не только открытъ архангельскій окружный судъ, но для открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, по Высочайшему повелѣнію, г. министръ юстиціи уѣхалъ въ Сибирь. Слѣдовательно, судебные уставы Императора Александра II перешли предѣлы Европейской Россіи, и озарятъ отдаленную Сибирь. Канунъ дня Священнаго коронованія останется навсегда незабвеннымъ радостнымъ днемъ въ памяти жителей далекой сибирской окраины.

Волею Государя «правда, милость и гласность», присущія судебнымъ уставамъ, станутъ извѣстны не только осѣдлымъ жителямъ Сибири, *но и кочевымъ народамъ ея;* даже ссыльно-поселенцы будутъ пользоваться покровительствомъ новаго суда [2]). Какое важное значеніе въ жизни народа придаетъ Державный Законодатель введенію этихъ уставовъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Высочайшаго рескрипта на имя г. министра юстиціи отъ 15 мая 1896г. «Преобразованіе суда въ Сибири, способствуя незыблемости закона и господству правды, послужитъ къ вящшему улучшенію гражданскаго тамъ быта, правомѣрная прочность коего возможна лишь при скорой и доступной населенію судеб-

---

[1]) «Новое Время» 2/14 января 1896 г., № 7128. Дѣятельность министерства юстиціи въ 1895 г. А. Молчанова.

[2]) Собраніе узаконеній и распоряженій правительства отъ 28 мая 1896 г., № 61, стр. 732.

ной защитѣ его личныхъ и имущественныхъ правъ» [1]). Итакъ благодаря постоянной и неусыпной заботѣ Державнаго Вождя русскаго народа о благѣ своихъ подданныхъ, жители далекой суровой Сибири, полудикіе кочевники этого края и даже ссыльнопоселенцы будутъ пользоваться «скорой и доступной судебной защитой своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ». Но все-таки, не смотря на введеніе въ Сибири новаго суда, въ Европейской Россіи останется небольшой уголокъ, гдѣ населеніе края не будетъ пользоваться благами «скораго и доступнаго суда», и «праздникъ», о которомъ говоритъ г. Молчановъ, не наступитъ, такъ какъ нѣтъ основанія предполагать, чтобы въ Финляндіи, *при сохраненіи настоящихъ порядковъ*, когда либо были введены судебные уставы Императора Александра II.

Въ предъидущихъ главахъ нашей книги мы сдѣлали обзоръ дѣятельности «особыхъ» финляндскихъ учрежденій, указали на необходимость измѣненія существующаго въ краѣ порядка и введенія общерусскихъ учрежденій. Теперь посмотримъ, возможно-ли и главнымъ образомъ полезно-ли, въ интересахъ населенія края, введеніе судебныхъ учрежденій, образованныхъ по уставамъ Императора Александра II?

Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя г. министра юстиціи, отъ 15 мая 1896 года, кромѣ вышеприведенныхъ словъ о значеніи судебныхъ учрежденій, по уставамъ Императора Александра II, служащихъ «къ вящшему улучшенію гражданскаго быта» края, мы встрѣчаемъ не менѣе знаменательныя выраженія, коими указывается, что при достиженіи краемъ извѣстнаго развитія, его не могутъ удовлетворять отжившія судебныя установленія. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ рескрипта: «подъ вліяніемъ начатой постройки рельсоваго пути отъ Урала къ Великому океану и другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ удовлетворенію различныхъ нуждъ Сибири, развитіе въ ней гражданской жизни настолько подвинулось впередъ, что современнымъ, насущнымъ ея потребностямъ уже вовсе не соотвѣтствуетъ устарѣлый и несовершенный судебный строй». Вотъ приговоръ надъ тѣмъ строемъ, которому приходится уступить мѣсто новымъ уставамъ вслѣдствіе современнаго развитія «*гражданской жизни*» края. Замѣтимъ кстати, что судебныя учрежденія, дѣйствующія въ настоящее время въ Сибири, учреждены со-

[1]) „Новое Время“ 1896 г., № 7263.

гласно своду законовъ Россійской Имперіи, изданному въ 1857 г., что эти законы исправлялись и дополнялись неоднократно въ царствованіе Императора Александра II и Александра III, и все-таки они не могутъ удовлетворить насущнымъ потребностямъ Сибири.

Теперь посмотримъ, какія судебныя учрежденія дѣйствуютъ въ настоящее время въ Финляндіи.

«Бывшія шведскія губерніи нынѣшней Финляндіи, по Фридрихсгамскому трактату $^{5}/_{17}$ сентября 1809 г. поступившія въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской, наслѣдовали изъ временъ шведскаго владычества особый сводъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и *судебно-практическихъ*, такъ называемое Общее Уложеніе Шведскаго Королевства (Sveriges Rikos Allmänna Lag), принятое шведскимъ риксдагомъ въ 1734 г. и утвержденное манифестомъ шведскаго короля Фридриха 23 января 1736 года» [1]).

Такъ начинаетъ нашъ извѣстный ученый юристъ г. Малышевъ свое предисловіе къ изданной имъ въ 1891 году книгѣ подъ заглавіемъ «Общее уложеніе и дополнительныя узаконенія Финляндіи». Въ этомъ началѣ мы подчеркнули «судебно-практическихъ», такъ какъ этими законами и опредѣляются тѣ судебныя учрежденія, которыя въ настоящее время дѣйствуютъ въ краѣ. Эти законы въ вышеприведенной книгѣ г. Малышева и составляютъ особый отдѣлъ «О судопроизводствѣ», состоящій изъ 32 главъ [2]).

Означенное «Общее Уложеніе», по словамъ г. Малышева [3]) было дополняемо и измѣняемо позднѣйшими шведскими узаконеніями, которыя вмѣстѣ съ самымъ Уложеніемъ были изданы по королевскому повелѣнію въ 1807 году. «Императоръ Александръ I, вступивъ въ обладаніе завоеваннымъ краемъ, возвелъ его на степень Великаго Княжества, учредилъ въ немъ особый порядокъ внутренняго управленія, но въ то же время подтвердилъ и оставилъ въ силѣ дѣйствовавшіе въ немъ шведскіе законы, насколько они согласовались съ изданными для него новыми узаконеніями и съ новымъ политическимъ положеніемъ». Въ силу манифеста

---

[1]) «Общее Уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи», Кронида Малышева. Предисловіе, стр. 15.

[2]) Тамъ же, стр. 827—953.

[3]) То же, Предисловіе, стр. 15—20.

11/23 декабря 1811 г., къ Великому Княжеству Финляндскому была присоединена Выборгская губернія, причемъ было постановлено, что дѣйствующіе въ Финляндіи законы какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ съ 1 января 1812 года «должны воспріять дѣйствіе и въ Выборгской губерніи».

Трудъ г. Малышева, съ Высочайшаго соизволенія, отпечатанъ въ государственной типографіи. Въ своемъ предисловіи г. Малышевъ указалъ массу источниковъ, которыми пользовался при составленіи «Общаго Уложенія Финляндіи». Богатство этого матеріала, имя г. Малышева и, наконецъ, самый способъ изданія, придаютъ этому труду по достовѣрности и полнотѣ характеръ оффиціальнаго изданія. Этимъ трудомъ г. Малышева и оффиціальными изданіями, вышедшими послѣ 1891 года, мы будемъ пользоваться при изложеніи судебныхъ порядковъ въ Финляндіи.

Въ концѣ означеннаго «Уложенія» приложенъ хронологическій указатель [1]) узаконеній, приведенныхъ въ этомъ сборникѣ, изъ подробнаго разсмотрѣнія котораго видно, что судебныя установленія, дѣйствующія въ краѣ, кромѣ правительствующаго совѣта, учреждены узаконеніями, изданными еще шведскими королями, и нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ до XVI столѣтія. Узаконенія же, изданныя со времени завоеванія Россіей этого края, относящіяся къ отдѣлу «О судопроизводствѣ», касаются нѣкоторыхъ измѣненій: въ личномъ составѣ судебныхъ мѣстъ, въ порядкѣ опредѣленія лицъ судебнаго вѣдомства, упраздненія нѣкоторыхъ судебныхъ инстанцій и т. под. Единственнымъ судебнымъ установленіемъ русскаго правительства является, какъ мы уже сказали, правительствующій совѣтъ, учрежденный 6/18 августа 1809 г., переименованный въ 1816 г. въ финляндскій сенатъ и реорганизованный закономъ 1/13 сентября 1892 г., т.-е. послѣ изданія труда г. Малышева [2]). Всѣ же остальныя судебныя установленія края сохранили свой прежній типъ «Общаго уложенія», составленнаго въ 1734 г.

Если допустить, что такія древнія судебныя учрежденія удовлетворяютъ нуждамъ края, то слѣдуетъ придти къ одному изъ двухъ заключеній: или «гражданская жизнь» края совершенно не прогрессируетъ въ теченіи болѣе полутора вѣка, или

---

[1]) Малышевъ. „Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія“, стр. 977—1004.

[2]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30.

шведскія судебныя учрежденія до такой степени жизненны, до такой степени совершенны, что не устарѣли въ такой продолжительный періодъ времени.

Первое предположеніе, очевидно, крайне обидно для «культурной» Финляндіи. Вѣдь не только финскіе патріоты, но и нѣкоторые русскіе писатели проповѣдуютъ, что Финляндія не только культурнѣе Сибири и всей Россійской Имперіи, но что она «теперь представляетъ благоустроеннѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ страну, съ благовоспитаннымъ населеніемъ, честнымъ, трезвымъ, трудолюбивымъ, развитымъ, до пониманія своихъ общественныхъ и гражданскихъ правъ» [1]). И все это совершилъ народъ въ крайне небольшой промежутокъ времени, такъ какъ авторъ вышеприведеннаго хвалебнаго гимна говоритъ, что все это совершила «та самая Финляндія, которая *еще на нашей памяти* была страною пьяной, дикой, грубой, чуть не съ ежегодными голоданіями и выгораніями, съ крайне затруднительными путями сообщенія въ теченіи большей части года (кромѣ зимъ)» [2]). Въ силу такихъ отзывовъ нельзя допустить медленнаго развитія гражданской жизни края, остается провѣрить второе предположеніе.

Въ Финляндіи три судебныхъ инстанціи: низшій судъ (для уѣздовъ—герадскій, для городовъ—ратгаузскій); гофгерихтъ, которому подчинены въ порядкѣ надзора и какъ апелляціонной инстанціи низшіе суды [3]), и наконецъ высшее судебное мѣсто края—судебный департаментъ финляндскаго сената [4]). Вся Финляндія въ судебномъ отношеніи раздѣлена на три гофгерихтскихъ округа: Абосскій, Вазаскій и Выборгскій. Этимъ гофгерихтамъ подвѣдомственно 62 герадскихъ юрисдикціи, раздѣленныхъ на 230 округовъ и 34 ратгаузскихъ суда. Эти суды по гофгерихтамъ распредѣляются такъ: Абосскому подвѣдомственно 23 герадскихъ юрисдикціи въ 80 округовъ и 12 ратгаузскихъ судовъ, Вазаскому—16 герадскихъ юрисдикцій въ

---

[1]) Песковскій. „Вѣчно живой вопросъ“, „Нива“. Ежемѣсячныя литературныя приложенія, № 5. 1896 г., стр. 100—101.

[2]) Тоже, стр. 100.

[3]) Малышевъ. „Общее уложеніе Финляндіи“. Отдѣлъ о судопроизводствѣ, глава I, §§ 1, 4 и 5, стр. 827—828.

[4]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30, стр. 19, § 82.

66 округовъ и 11 ратгаузскихъ судовъ, и Выборгскому—23 герадскихъ юрисдикціи въ 85 округовъ и 11 ратгаузскихъ судовъ [1]).

Самой близкой къ народнымъ нуждамъ судебной инстанціей является герадскій судъ. Этотъ судъ вѣдаетъ почти всѣ [2]) дѣла гражданскія и уголовныя, возникающія среди сельскаго населенія *всѣхъ сословій*. Благодаря неудобствамъ и затрудненіямъ, которыми обставлена подача апелляцій, этотъ судъ въ большинствѣ случаевъ и для большинства сельскаго населенія является единственной и окончательной судебной инстанціей, въ которой сельскіе обыватели всѣхъ сословій могутъ разсчитывать «на защиту своихъ имущественныхъ и личныхъ интересовъ». А такъ какъ сельское населеніе составляетъ болѣе 89% [3]) всего населенія края, то думаемъ, что мы имѣемъ право сказать, что герадскій судъ по своему значенію для всего населенія занимаетъ первое мѣсто.

Герадскій судъ есть коллективное учрежденіе въ составѣ герадскаго судьи, герадсгевдинга и засѣдателей, немдемановъ (по фински lautamies).

Въ засѣданіи, кромѣ герадсгевдинга, должны участвовать не менѣе 5 и не болѣе 12 немдемановъ. Герадскій судья (герадсгевдингъ)—чиновникъ по назначенію отъ правительства, немдеманы избираются жителями судебнаго округа (tingslag) на каждые три года, въ количествѣ не менѣе 7 человѣкъ отъ округа [4]) и утверждаются герадскимъ судомъ. Герадсгевдингъ получаетъ денежное жалованіе отъ казны и содержаніе зерновымъ хлѣбомъ отъ жителей юрисдикціи. Это содержаніе онъ, по своему желанію, можетъ получать или натурою, или деньгами по справочнымъ цѣнамъ. Въ послѣднемъ случаѣ стоимость хлѣба взыскивается въ порядкѣ взысканія налоговъ. Размѣръ этого «хлѣбнаго» содержанія точно опредѣленъ и зависитъ отъ числа жителей, отъ количества: земельныхъ имѣній, торговыхъ и промышленныхъ заведеній и т. п. Кромѣ того, судья получаетъ въ

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 года, стр. 2.

[2]) О подсудности дѣлъ гофгерихту, какъ первой инстанціи, будетъ указано ниже.

[3]) Все населеніе Финляндіи въ 1894 г., 2.483,249. Городское населеніе въ томъ же году 264,608 (Finlands Stats-Kalendar 1896 г.).

[4]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“. Отдѣлъ о судопроизводствѣ, глава I, § 1 и глава XXIII, § 1 и 2 примѣч. къ нему, стр. 827 и 915 и дополн. II къ § главы II, стр. 841.

свою пользу плату за выдаваемыя имъ копіи протоколовъ и другіе процессуальныя бумаги [1]). Плата за всѣ исходящія судебныя бумаги въ Финляндіи довольно высока и для судьи весьма выгодна, такъ какъ трудъ писцовъ весьма дешевъ. Опредѣлить точно содержаніе судьи трудно, да оно не для всѣхъ судей одинаково, такъ какъ зависитъ отъ количества обязанныхъ давать «хлѣбное содержаніе» и выдаваемыхъ судьей судебныхъ бумагъ. Вообще опредѣленіе содержанія герадсгевдинга возможно лишь приблизительно.

Въ росписи доходовъ и расходовъ Финляндіи на 1893 г. [2]) указанъ расходъ герадсгевдингамъ — 414,804 ф. мар. Мы уже указали, что всѣхъ герадсгевдинговъ 62 человѣка, слѣдовательно каждый получаетъ казеннаго жалованья въ годъ 6.690 мар. 30 пен. «Хлѣбное содержаніе» опредѣлить нѣсколько труднѣе, такъ какъ количество платящихъ единицъ и цѣны на хлѣбъ не во всѣхъ герадскихъ юрисдикціяхъ одинаковы. Однако, по имѣющимся у насъ оффиціальнымъ даннымъ, мы можемъ опредѣлить это содержаніе по нѣкоторымъ юрисдикціямъ всѣхъ гофгерихтскихъ округовъ въ разные годы, а именно:

	Мар.	Пен.
1) Таммелаской юрисдикціи (Tammela domsaga) абосскаго гофгерихта хлѣбное содержаніе герадсгевдинга въ 1891 г.	5.398	77 [3])
2) Аландской юрисдикціи (Ålands domsaga) того же гофгерихта хлѣбное содержаніе герадсгевдинга въ 1892 году	4.871	54 [4])
3) Яскиской юрисдикціи (Jääskis domsaga) выборгскаго гофгерихта таковое же содержаніе въ 1889 году	8.038	92 [5])
4) Пьелисьярвиской юрисдикціи (Pielosjarvi domsaga) того же гофгерихта таковое же содержаніе въ 1891 году	6.187	72 [6])

[1]) Тоже. Дополн. I къ § 8 главы II, стр. 837—838 и § 5, глава XXIV и примѣч. къ ней, стр. 918—920.

[2]) Тоже, 1893 г., № 3.

[3]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1893 года, № 9.

[4]) Тоже, 1894 г., № 14.

[5]) Тоже, 1890 г., № 21.

[6]) Тоже, 1892 г., № 16.

5) Салоской юрисдикціи (Salo domsaga) вазаскаго гофгерихта таковое же содержаніе въ 1891 году . . . . . 6.362 82 [1])

6) Корсгольмской юрисдикціи (Korsholm domsaga) того же гофгерихта таковое же содержаніе въ 1894 году . . . . . 7.534 56 [2])

Полагаемъ, что не сдѣлаемъ большой ошибки, если, для опредѣленія «*хлѣбнаго содержанія*» герадсгевдинга возьмемъ среднюю изъ этихъ шести цыфръ, т. е. примемъ, что каждый судья такого содержанія получитъ 6,399 мар. 50 пени. Принявъ эту цыфру за норму, мы видимъ, что герадсгевдингъ отъ этихъ двухъ статей своего содержанія получитъ ежегодно 13,089 мар. 80 п., что составитъ 4,908 руб. 47 коп. Это жалованіе ему платитъ казна и населеніе края. Имѣя же въ виду, что всѣхъ герадсгевдинговъ 62 человѣка, мы получимъ, что эти судьи стоютъ краю 304,324 руб. 14 коп.

Это содержаніе однако не составляетъ всего дохода герадсгевдинга; онъ кромѣ этого получаетъ приличный доходъ отъ тяжущихся, въ видѣ канцелярскихъ пошлинъ за протоколы.

Для того, чтобы опредѣлить хотя приблизительно этотъ доходъ, мы должны объяснить, что такое протоколъ финляндскаго судебнаго учрежденія. Протоколъ есть копія всего производства, въ него вписывается *дословно* просьба истца или обвинителя, копіи со всѣхъ документовъ, показанія свидѣтелей и, наконецъ, мотивированное рѣшеніе. Протоколы эти замѣняютъ наши исполнительные листы, такъ какъ для приведенія рѣшенія въ исполненіе его необходимо представить исполнителю. Самый маленькій протоколъ по векселю или счету выходитъ въ 3 листа, а за каждый листъ судья получаетъ, кромѣ гербоваго сбора, по 2 марки съ листа. Судьи большею частью не держатъ постоянныхъ писцовъ, а отдаютъ бумаги частнымъ переписчикамъ, платя по 50 пенни за листъ. Такимъ образомъ чистый доходъ судьи съ каждаго листа 1 мар. 50 пенни. Мы сказали, что самый небольшой протоколъ три листа, но такихъ протоколовъ очень не много, пишущему же эти строки лично приходилось видѣть протоколы въ 15 и болѣе листовъ. При этомъ нужно замѣтить,

---

[1]) Тоже, 1892 г., № 18.

[2]) Тоже, 1895 г., № 23.

что по каждому засѣданію ведется и выдается *особый* протоколъ; затѣмъ, что по дѣламъ исковымъ брать эти протоколы необходимо, какъ мы уже сказали, для приведенія рѣшенія въ исполненіе; а по дѣламъ охранительнаго порядка судья, не позже трехъ мѣсяцевъ со времени объявленія резолюціи, обязанъ вручить протоколъ сторонѣ или передать коронному ленсману для врученія [1]). Если сторона добровольно не возьметъ этого протокола, то коронный ленсманъ взыскиваетъ эти деньги принудительнымъ порядкомъ, и за каждый пріѣздъ беретъ по 4 марки, а за опись и продажу по 8 марокъ. Такимъ образомъ канцелярскій доходъ судьи совершенно гарантированъ и онъ знаетъ, что по каждому исковому дѣлу онъ минимумъ получитъ за 1 протоколъ, а по каждому дѣлу объ утвержденіи правъ на недвижимое имѣніе—*за три* протокола, что читатель увидитъ нѣсколько ниже.

Объяснивъ значеніе и порядокъ выдачи протоколовъ, мы постараемся опредѣлить минимальный доходъ судьи за эти протоколы. Въ 1891 году въ герадскихъ судахъ было рѣшено 29,704 исковыхъ дѣла и производилось 37,654 дѣла въ охранительномъ порядкѣ [2]), итого 67,358 или на каждаго герадсгевдинга по 1,086 дѣлъ (62 герадсгевдинга). Допустимъ, что по каждому дѣлу былъ выданъ только одинъ протоколъ (чего не можетъ быть, такъ какъ по дѣламъ о переходѣ недвижимыхъ имѣній, при двухъ только сессіяхъ въ годъ, а ихъ бываетъ и три, должно быть выдано два протокола) и что каждый протоколъ только въ три листа (чего опять таки не можетъ быть) и тогда окажется, что чистый канцелярскій доходъ герадсгевдинга (по $4^1/_2$ марки отъ протокола) составитъ 4,887 марокъ или 1,832 рубля 62 коп. Прибавляя эту цыфру къ указанному нами доходу судьи, окажется, что каждый герадсгевдингъ получаетъ болѣе 6,741 руб. Не правда-ли, читатель, недурно? Въ Россіи старшій предсѣдатель судебной палаты получаетъ только 6,000 руб. [3]), а «культурная» Финляндія, живущая милостями Россійской Имперіи, своимъ

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“, отдѣлъ о судопроизводствѣ. Глава XXIV, примѣч. 5 къ § 5, стр. 920. Предписаніе сената отъ 28 апрѣля 1884 г.

[2]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1894 г., стр. 156.

[3]) Учрежденіе судебныхъ установленій, изданіе 1892 г. Приложеніе V, къ ст. 238, стр. 113.

судьямъ низшихъ судовъ даетъ по 6,700 руб. По истинѣ замѣчательно.

Но, можетъ быть, читатель подумаетъ, что изъ этого содержанія герадсгевдингъ производитъ какіе либо расходы на наемъ помѣщеній и пр. Нѣтъ, изъ своего содержанія онъ ничего не тратитъ; ему даже отпускается сумма на переплетъ книгъ [1]) и актовъ. Это содержаніе цѣликомъ составляетъ собственность герадсгевдинга. Мы сказали, что герадсгевдинги получаютъ болѣе вычисленнаго нами содержанія, и это совершенно вѣрно, такъ какъ указывая на возможно минимальный канцелярскій доходъ, мы не приняли въ разсчетъ вознагражденія за выѣзды на экстренныя сессіи по просьбѣ частныхъ лицъ, доли герадсгевдинга въ штрафныхъ деньгахъ [2]) и т. п.

Выше мы сказали, что отъ каждаго судебнаго округа (tinslag), входящаго въ составъ юрисдикціи, должно быть выбрано не менѣе 7 человѣкъ засѣдателей (немдемановъ) герадскаго суда. «Содержаніе засѣдателей опредѣляется общиннымъ собраніемъ въ одинаковомъ для каждаго засѣдателя размѣрѣ» [3]). Въ разныхъ округахъ содержаніе это различно; но насколько намъ извѣстно, наименьшее содержаніе, получаемое засѣдателемъ, равняется 500 маркамъ или 187 руб. 50 коп. въ годъ. Допустимъ, что во всѣхъ округахъ выбирается минимальное количество засѣдателей и что каждый изъ нихъ получаетъ вышеуказанное минимальное содержаніе, но и при такомъ разсчетѣ окажется, что во всей Финляндіи (въ 230 судебныхъ округахъ) *не менѣе* 1,610 засѣдателей, на содержаніе которыхъ тратится *не менѣе 301,875 рублей.*

Эти засѣдатели, кромѣ исполненія обязанностей судей въ засѣданіяхъ герадскаго суда, исполняютъ обязанности судебныхъ разсыльныхъ и понятыхъ при различныхъ осмотрахъ и освидѣтельствованіяхъ. Всякій шагъ немдемана или лаутамьеса оплачивается пригласившимъ его лицомъ *по таксѣ или по добровольному соглашенію* [4]). Пишущему эти строки приходилось имѣть

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о судопроизводствѣ, глава II, примѣчаніе 5 и 6 къ § 7, стр. 837.

[2]) Тоже, глава IV § 2, стр. 844—845, и глава XXXII § 3, стр. 953.

[3]) Тоже, глава II, дополненіе II къ § 8, пун. 1 и 7, стр. 841 и 842.

[4]) Тоже, гл. XI, прим. I къ § 1, стр. 877.

дѣло съ гг. засѣдателями, и мы знаемъ, что они неособенно любятъ вознагражденіе по таксѣ. Да и такса не особенно низка, такъ: за день или часть дня такой засѣдатель, за осмотръ потравъ, порубокъ, оцѣнокъ спорнаго имущества и проч., получаетъ 4 марки, т. е. 1 р. 50 коп.; за совершеніе вызова сторонъ и свидѣтелей по 60 пенни, т. е. по 22½ коп.; при экстренныхъ сессіяхъ суда эти засѣдатели получаютъ особо прогоны и суточныя.

Обойтись безъ услугъ немдемана, въ силу финляндскихъ судебныхъ порядковъ, ни одинъ тяжущійся не можетъ, такъ какъ герадскій судья, получивъ отъ истца или обвинителя письменную или словесную жалобу, повѣстокъ ни сторонамъ, ни свидѣтелямъ не посылаетъ. Онъ ограничивается лишь выдачей жалобщику на руки письменнаго вызова отвѣтчика или обвиняемаго. О вручені этой повѣстки, а равно о словесномъ вызовѣ свидѣтелей, сторона сама должна позаботиться, при чемъ также слѣдуетъ позаботиться, чтобы отвѣтчикъ былъ вызванъ не позже, какъ за 14 дней [1]) до засѣданія, а свидѣтели по такому разсчету времени, чтобы они могли попасть въ засѣданіе. Письменный вызовъ, какъ мы сказали, можно получить отъ герадсгевдинга только для вызова отвѣтчика, а для вызова свидѣтеля нужно сдѣлать *словесный вызовъ*. Такой же вызовъ можно сдѣлать и отвѣтчику въ очередную сессію суда. «Изустный вызовъ въ уѣздѣ долженъ быть сдѣланъ ленсманомъ или однимъ изъ немдемановъ, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, вѣры достойнымъ и жительствующимъ въ томъ же уѣздѣ» [2]). При такихъ условіяхъ немдеманы являются не судьями совѣсти, несущими безвозмездную, подчасъ очень тяжелую общественную службу, какъ русскіе присяжные засѣдатели, а наемниками, интересы которыхъ зависятъ отъ количества судебныхъ процессовъ. И нужно сказать правду, эти служители Ѳемиды ради полученія платы за вызовы зачастую способствуютъ возникновенію процессовъ.

Сумму вознагражденія, получаемаго немдеманомъ за свой трудъ по порученію тяжущихся, очень трудно вычислить, но одинъ изъ немдемановъ рускеальскаго округа, сердобольской юрис-

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“, отдѣлъ о судопр. Гл. XI §§ 1—4, стр. 877—878.

[2]) Тоже, § 7, стр. 879.

дикціи, говорилъ намъ, что нужно быть очень лѣнивымъ «лаутамьесомъ» [1]), чтобы заработать въ годъ менѣе 1,500 мар., что вмѣстѣ съ жалованіемъ составитъ 2,000 мар. или 750 руб. Такой заработокъ для крестьянина весьма недуренъ въ Финляндіи, гдѣ заработная плата крайне низка. Изъ всего сказаннаго читатель видитъ, что личный составъ герадскаго суда очень хорошо обезпеченъ.

Теперь посмотримъ, во что обходится городамъ Финляндіи второй типъ низшихъ судовъ, существующихъ исключительно для города, т.-е. ратгаузскихъ судовъ. Эти суды содержатся на счетъ городскихъ обществъ и казна края не принимаетъ въ расходахъ на содержаніе ихъ никакого участія. Всѣхъ ратгаузскихъ судовъ въ Финляндіи, какъ мы уже говорили, 34 [2]). Въ ратгаузскомъ судѣ засѣдаютъ бургомистръ и ратманы [3]). Бургомистръ—предсѣдатель ратгаузскаго суда. Въ нѣкоторыхъ городахъ Финляндіи, какъ-то: Гельсингфорсѣ, Або, Выборгѣ и Улеаборгѣ существуютъ по два бургомистра; изъ нихъ одинъ предсѣдатель ратгаузскаго суда и называется бургомистромъ юстиціи (Iustitieborgomästare). а другой завѣдуетъ администраціей города и называется бургомистромъ полиціи Politieborgomästare), который предсѣдательствуетъ въ магистратѣ города. Въ остальныхъ же городахъ въ лицѣ бургомистра соединяются двѣ власти: судебная и административная. Такой бургомистръ, состоя предсѣдателемъ ратгаузскаго суда, вмѣстѣ и предсѣдатель магистрата. Членами ратгаузскаго суда состоятъ ратманы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ ратманы суда и ратманы магистрата отдѣльныя лица (Гельсингфорсъ, Або, Біернеборгъ, Тамерфорсъ и Выборгъ), во всѣхъ же другихъ городахъ члены суда вмѣстѣ съ тѣмъ и члены магистрата [4]).

Въ смѣшанныхъ магистратахъ, т.-е. въ тѣхъ, гдѣ бургомистръ и ратманы магистрата вмѣстѣ съ тѣмъ и члены ратгаузскаго

---

[1]) Финское названіе немдемана.

[2]) Изъ 37 городовъ края не имѣютъ этихъ судовъ лишь три города: Маріенгамъ—663 жителя, Иденсальми—1083 жит. и Кеми—672 жит. (Finlands Stats-Kalender 1894 г. Отд. I, стр. 122—145. Отд. II, стр. 126.

[3]) Малышевъ. „Общее уложеніе Финляндіи". Отд. о судопроизводствѣ, глава I, § 4 стр. 827.

[4]) «Finlands Stats-Kalender»1894 г., стр. 112—145.

суда, ратманы съ юридическимъ университетскимъ образованіемъ называются ратманами юстиціи (Iusttierädmän), другіе ратманами полиціи (Politierädmän). Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія расходовъ городовъ края на содержаніе ратгаузскихъ судовъ, такъ какъ ни въ росписи расходовъ и доходовъ края, ни въ «Статистическомъ Ежегодникѣ» эти расходы не указаны. Въ «Статистическомъ Ежегодникѣ Финляндіи» показаны доходы и расходы городовъ, причемъ въ статьяхъ расхода есть рубрика затратъ городовъ «на администрацію, полицію и судъ». Этой рубрикой, сопоставляя ее съ личнымъ составомъ городскихъ должностныхъ лицъ, мы постараемся, хотя приблизительно, опредѣлить этотъ расходъ. Изъ именного списка лицъ, занимающихъ штатныя мѣста въ городскихъ судахъ, показанныхъ въ «Finlands Stats-Kalender» за 1894 г., видно, что служащихъ въ судебныхъ и административныхъ городскихъ учрежденіяхъ 34 городовъ, въ которыхъ имѣются ратгаузскіе суды, всего состояло:

Бургомистровъ полиціи (Politieborgomästare)	4	38	
» юстиціи (Iustitieborgomästare)	4		
» суда и магистрата	30		
Ратмановъ юстиціи ратгаузскихъ судовъ	28	85	
И магистратовъ вмѣстѣ	9		
Ратмановъ полиціи при магистратахъ	8		
» » ратгаузск. суда и магистр. вмѣстѣ	40		
Разныхъ чиновниковъ при судахъ	31	268	
» » при администр. и полиц. учрежд.	237		
Всего		391	

На содержаніе всего этого служебнаго персонала 34 города края затрачиваютъ ежегодно 1.675,264 [1]) финск. мар.

Принимая во вниманіе, что исключительно отправленіемъ правосудія въ городахъ занято 63 лица [2]), что 79 лицъ, образуя 30 ратгаузскихъ судовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ состоя членами магистрата, заняты администраціей городовъ [3]), и 237 лицъ зани-

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 года, стр. 170—171.

[2]) 4 бургомистра, 28 ратмановъ и 31 чиновникъ.

[3]) 30 бургомистровъ, 9 ратмановъ юстиціи и 40 ратмановъ.

мают̈ъ административныя и полицейскія должности, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ служатъ вспомогательными органами суда,— мы находимъ возможнымъ предположить, что города затрачиваютъ на ратгаузскіе суды не менѣе $^1/_4$ части указаннаго административно-судебнаго бюджета, что составитъ въ годъ 418,816 мар. или 157,056 руб. Мы увѣрены, что затраты несравненно выше, мы взяли самую минимальную цифру, какую только возможно вывести на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ.

Теперь разсмотримъ составъ и стоимость финляндской апелляціонной инстанціи, т. е. гофгерихтовъ (Hofrätt). Въ Финляндіи 3 гофгерихта, въ городахъ Або (абосскій гофгерихтъ), Николайстадтѣ (вазаскій гофгерихтъ) и Выборгѣ (выборгскій гофгерихтъ). Во всѣхъ этихъ гофгерихтахъ [1]) сто двадцать штатныхъ должностей. Каждый гофгерихтъ состоитъ изъ двухъ экспедицій: гражданской и уголовной. Штатныя должности слѣдующія:

Президентовъ	3
Вице-президентовъ	2
Членовъ или совѣтниковъ (Hofrattsräd) .	17
Ассессоровъ	27
	49

Гражданская экспедиція:		Уголовная экспедиція:	
Секретарей	3	Адвокатъ-фискаловъ . . .	3
Нотаріусовъ	17[2]).	Вице-адвокатъ фискаловъ .	3
Актуаріусовъ	3	Экстрафискаловъ	4
Регистраторовъ	3		10
Канцеляристовъ	10		
	36		

Кромѣ этого, при гофгерихтахъ состоитъ 25 переводчиковъ, изъ которыхъ 24 финскаго и одинъ русскаго и нѣмецкаго языковъ. Изъ 25 должностей переводчиковъ, 20 занимаютъ чиновники канцелярій гофгерихтовъ. Такимъ образомъ личный составъ гофгерихтовъ составляетъ 101 человѣкъ. На содержаніе всѣхъ

[1]) Finlands Stats-Kalender 1894 г., стр. 70—71, 75—76 и 78—80.

[2]) Званіе финляндскаго „нотаріуса“ не слѣдуетъ смѣшивать съ должностью русскихъ нотаріусовъ; это должность канцелярская. Нотаріусовъ въ смыслѣ нотаріальнаго положенія въ Финляндіи нѣтъ, какъ нѣтъ и самого положенія.

гофгерихтовъ изъ казны края отпускается 789,110 мар. или 295,916 руб. 25 коп.

Итакъ, на основаніи всего изложеннаго оказывается, что въ судебныхъ учрежденіяхъ края, кромѣ судебнаго департамента финляндскаго сената, состоитъ:

Герадсгевдинговъ	62 чел.	съ содержаніемъ	304,323 р. 14 к.
Немдемановъ	1,610 »	» »	301,875 р. — к.
Чиновъ 34 ратгаузскихъ судовъ	142 »	» »	157,056 р. — к.
Чиновъ 3 гофгерихтовъ	101 »	» »	295,916 р. 25 к.
Всего	1,915 »	» »	1.059,171 р. 39 к.

Указавъ личный составъ и стоимость содержанія судебныхъ учрежденій Финляндіи, мы постараемся выяснить дѣятельность этихъ учрежденій.

Герадскому суду, какъ мы уже сказали, подсудны *всѣ* гражданскія дѣла по роду и суммѣ исковъ и сословію сторонъ, лишь бы стороны или хотя бы одинъ отвѣтчикъ жили въ уѣздѣ, и дѣла уголовныя по преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ въ уѣздахъ, кромѣ дѣлъ, подсудныхъ гофгерихтамъ въ качествѣ первой инстанціи суда, какъ то: дѣла по преступленіямъ религіознымъ, государственнымъ, по должности судей, чиновниковъ высшихъ учрежденій края и т. п. [1]).

Кромѣ этихъ дѣлъ, герадскимъ судамъ подвѣдомственны утвержденія купчихъ и закладныхъ крѣпостей, раздѣльныхъ актовъ, дарственныхъ записей и т. п. актовъ, касающихся передачи или ограниченія правъ на недвижимыя имѣнія [2]).

Изъ этого краткаго перечня читатель видитъ, что герадскіе суды призваны исполнять функціи, принадлежащія въ Россіи волостнымъ судамъ, мировымъ учрежденіямъ, окружнымъ судамъ и старшимъ нотаріусамъ окружныхъ судовъ. Причемъ въ этомъ «культурномъ краѣ» нѣтъ учрежденій, состоящихъ при нашихъ судахъ, какъ-то: прокурорскаго надзора, судебныхъ слѣ-

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи", отдѣлъ о судопроизвод. Глава X, стр. 855—877. Отдѣлъ о наслѣдствѣ. Глава IX, стр. 48—51, XIII, стр. 59, XV, стр. 60—62, XVIII, стр. 64—65, и отд. о судопроизв. Глава VIII, стр. 850—854.

[2]) Тоже. Отд о недвиж. Глава IV § 1, стр. 77, глава V § 1, глава 8 доп. къ стр. 9, стр. 96—101. Отд. о судопроизв. Глава VII, стр. 847—48. IX

дователей, института присяжныхъ повѣренныхъ и нотаріусовъ. О вредѣ отсутствія этихъ учрежденій мы скажемъ нѣсколько ниже.

Не смотря на крайне обширный кругъ дѣятельности, герадскіе суды посвящаютъ слишкомъ мало времени на отправленіе правосудія, почему всѣ дѣла въ Финляндіи тянутся крайне медленно. Какъ мы уже сказали, вся Финляндія раздѣлена на 62 герадскихъ юрисдикціи, а каждая юрисдикція въ свою очередь раздѣляется на нѣсколько судебныхъ округовъ (tinslag).

Такихъ округовъ въ 61 герадской юрисдикціи—222. Число округовъ распредѣлено между юрисдикціями: по 3 округа въ 25 юрисдикціяхъ; по 4—въ 24; по 5—въ 9 юрисдикціяхъ и по 2 округа въ 3 юрисдикціяхъ. Въ каждомъ округѣ ежегодно должно происходить отъ 2 до 3 судебныхъ сессій, кромѣ Аландской юрисдикціи, въ которой судебныхъ 8 округовъ, гдѣ сессіи происходятъ по 1 разу въ годъ [1]). Если въ годъ 2 сессіи, то онѣ происходятъ въ періодъ: съ 1 сентября по 30 ноября—осенняя сессія, и зимняя—съ 12 января по 30 апрѣля; гдѣ же 3 сессіи въ годъ—тамъ еще одна лѣтняя, между 1 мая и 24 іюня [2]).

Указать точно, во сколькихъ юрисдикціяхъ по двѣ сессіи, во сколькихъ по три сессіи—мы не можемъ, за неимѣніемъ источника, но съ увѣренностью говоримъ, что въ большей части Финляндіи лишь по двѣ сессіи—осенняя и зимняя, а лѣтней не бываетъ. Каждая сессія въ каждомъ округѣ продолжается отъ 1 до 2 недѣль. Если мы предположимъ, что въ каждомъ округѣ ежегодно по три сессіи, и что каждая сессія продолжается по двѣ недѣли, то окажется, что ежегодно дѣлами правосудія заняты: 9 герадсгевдинговъ—не болѣе 30 недѣль или 180 дней (въ воскресные дни засѣданій нѣтъ); 24 герадсгевдинга—24 недѣли или 144 дня, 25 герадсгевдинговъ—18 недѣль или 108 дней, и 2 герадсгевдинга—12 недѣль или 72 дня. Немдеманы же заняты отправленіемъ правосудія не болѣе 6 недѣль въ годъ, такъ какъ составъ немдемановъ выбирается общиной или общинами, состав-

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“. Отд. о судопроизводствѣ, глава II, примѣч. 3 къ § 1, и Finlands Stats-Kalender 1894 г., стр. 71—75, 76—78, 80—83.

[2]) Малышевъ. Отд. о судопроизв. Глава II § 1 и примѣч. 2 къ нему, стр. 833; всѣ числа указаны по новому стилю.

ляющими сессіонный округъ [1]). Но повторяемъ, что въ большей части Финляндіи засѣданія происходятъ по два раза въ годъ и иногда продолжаются не болѣе шести дней. Изъ этихъ данныхъ, приведенныхъ нами, читатель видитъ, что судебный персоналъ герадскаго суда далеко не заваленъ работой и переутомляться не можетъ.

Мы не считали при этомъ экстренныхъ засѣданій, но эти засѣданія во-первыхъ бываютъ не часто, а во-вторыхъ составляютъ особый доходъ суда, такъ что чѣмъ болѣе такихъ засѣданій, тѣмъ болѣе увеличивается содержаніе герадсгевдинга и немдемановъ. Эти экстренныя засѣданія назначаются или по очень важнымъ уголовнымъ дѣламъ, или же по требованію истца, который приметъ на себя всѣ расходы по такому засѣданію. Притомъ въ экстренныхъ засѣданіяхъ не могутъ разсматриваться дѣла объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имѣнія, о вводѣ во владѣніе этими имѣніями и объ утвержденіи закладныхъ записей [2]). Расходы экстренныхъ судовъ довольно чувствительны, такъ что немного является охотниковъ пользоваться услугами такихъ засѣданій. Чтобы дать понятіе объ этихъ расходахъ и выгодности ихъ для лицъ судебнаго вѣдомства, мы приведемъ данныя для опредѣленія расходовъ, которые несетъ составъ суда на выѣздъ, и укажемъ вознагражденіе, уплачиваемое истцомъ за безпокойство судебнаго персонала. Засѣданіе происходило въ 1895 году въ русксальскомъ округѣ сердобольской юрисдикціи. Пунктъ засѣданія отъ станціи желѣзной дороги Маткаселькя—4 километра. Почтовая такса по 14 пенни за лошадь и километръ. Плата за 2-й классъ отъ ст. Сердоболь, гдѣ постоянно живетъ герадсгевдингъ, до ст. Маткаселькя и обратно (retourbilet, дѣйствительный на 5 сутокъ)—4 марки. Въ указываемое нами засѣданіе явилось 8 немдемановъ. Жительство немдемановъ до пункта засѣданія отъ 5 до 15 километровъ. Истецъ по судебному опредѣленію за расходъ экстреннаго суда уплатилъ 138 мар. 90 пенни (или 52 р. 22 коп.), изъ которыхъ 50 мар. и, кажется, 80 пенни поступило въ пользу судьи, остальныя 88 мар. въ пользу немдемановъ. Засѣданіе продолжалось съ 10 часовъ утра до 1 часу пополудни.

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о судопроизводствѣ, глава II, дополненіе II къ § 8, пунктъ 1, стр. 841.

[2]) Тоже, глава IV, §§ 1, 2 и 3, стр. 843—845.

Судья пріѣхалъ наканунѣ засѣданія, а немдеманы въ день засѣданія. Наибольшая сумма самому отдаленному немдеману была присуждена въ 17 марокъ. Добавимъ, что за полный пансіонъ, т. е. квартиру, чай, кофе, завтракъ, обѣдъ и ужинъ, въ томъ же домѣ, гдѣ остановился судья, останавливался и истецъ и уплатилъ 5 марокъ. Поэтому полагая, что судья за свое одинаковое съ истцомъ содержаніе заплатилъ тоже 5 марокъ, оказывается, что издержавъ на дорогу и всѣ расходы 10 мар. 40 пенни, онъ получилъ 50 марокъ и, кажется, 80 пенни, т. е. заработалъ за одинъ день сверхъ своего опредѣленнаго содержанія не менѣе 40 мар. или 15 рубл. кред. Немдеманы же за нѣсколько часовъ получили каждый около 10 мар., т. е. около 3 р. 75 к. Это экстренное засѣданіе было 21 декабря 1895 года, когда поденная заработная плата была 50 пенни, т. е. $18^3/_4$ коп. Всѣ немдеманы были крестьяне.

Благодаря такимъ порядкамъ, экстренныя засѣданія для крестьянъ и лицъ, имѣющихъ небольшіе иски, немыслимы. Въ герадскихъ же судахъ преобладаютъ гражданскія дѣла по мелкимъ взысканіямъ, и искъ въ 1000 мар., т. е. въ 375 руб. считается большимъ дѣломъ. Мы не говоримъ о дѣлахъ охранительнаго и ипотечнаго характера, такъ какъ такія дѣла въ сущности и не могутъ разбираться въ экстренныхъ засѣданіяхъ. Кромѣ того, что экстренныя засѣданія довольно дороги, они всетаки не особенно ускоряютъ теченіе судебныхъ процессовъ, въ виду обязанности истца вызвать отвѣтчика, какъ мы уже сказали, за 14 дней. Благодаря этому, даже экстренное засѣданіе, несмотря на дороговизну, можетъ быть назначено не ранѣе какъ черезъ 3 недѣли или 1 мѣсяцъ со дня заявленія просьбы о назначеніи такого суда. По этимъ причинамъ экстренныя засѣданія *по гражданскимъ дѣламъ* крайне рѣдки въ Финляндіи.

Итакъ, $89^1/_2\%$ всего населенія края *могутъ пользоваться правомъ судебной защиты не болѣе 3-хъ разъ въ годъ*. Такая защита, думаемъ, не можетъ быть названа «*скорой*».

Теперь посмотримъ, насколько быстро разрѣшаются дѣла въ очередныхъ сессіяхъ. Отвѣтчикъ, вызванный законнымъ порядкомъ въ судъ, можетъ не явиться и тогда дѣло откладывается, а на отвѣтчика налагается незначительный штрафъ, и такъ поступаютъ до трехъ разъ. Такія дѣйствія со стороны суда не имѣютъ законнаго основанія, но они настолько вкоренились въ судебные обычаи, что, не смотря на Высочайшее предписа-

ніе отъ 25 мая 1871 года, продолжаютъ существовать и до настоящаго времени. По словамъ вышеуказаннаго Высочайшаго предписанія, кромѣ вышеозначеннаго способа затягивать рѣшеніе дѣлъ, практикуются слѣдующіе способы: отвѣтчикъ уклоняется отъ пріема выданной истцу для врученія ему резолюціи суда, постановленной въ его отсутствіе,—судъ не допрашиваетъ въ отсутствіе сторонъ явившихся свидителей, а потому если въ дѣлѣ нѣсколько отвѣтчиковъ и не явился хотя одинъ отвѣтчикъ, то свидѣтели и явившіяся стороны не выслушиваются и дѣло откладывается. Благодаря такому порядку, указанному въ предписаніи, «нѣсколько разъ откладывается дѣло, такъ что отвѣтъ по оному дается лишь по прошествіи нѣсколькихъ сессій»; поэтому «Высочайше повелѣно гофгерихтамъ обратить вниманіе подлежащихъ герадсгевдинговъ на то, что вышеозначенный порядокъ судопроизводства не согласуется съ уложеніемъ и узаконеніями [1])». Не смотря на такое категорическое осужденіе порядковъ судопроизводства въ герадскихъ судахъ, они, повторяемъ, продолжаютъ существовать, вѣроятно въ силу того, что ст. 2 и 3 главы XII и ст. 20 главы XVII отдѣла о судопроизводствѣ [2]), допускающія отсрочку засѣданія, не отмѣнены. Это, такъ сказать, оффиціально осужденныя неправильности судопроизводства, и если герадскіе суды не слушаютъ такого осужденія, то они поступаютъ незаконно. Иногда же отсрочки, при веденіи дѣла, необходимы, какъ это видно изъ положительнаго закона, изложеннаго въ ст. 6 главы XVI и ст. 1 и 2 главы XXIV отдѣла о судопроизводствѣ [3]), для представленія новыхъ доказательствъ, повѣрки обширныхъ счетовъ и документовъ и т. п.; въ этихъ случаяхъ обыкновенно въ герадскихъ судахъ откладываютъ дѣла до слѣдующей сессіи. Позднѣйшее узаконеніе, изложенное въ Высочайшемъ предписаніи отъ 4 декабря 1869 г., рекомендуетъ необходимыя отсрочки дѣлать настолько непродолжительными, чтобы дѣло было рѣшено въ одну сессію, «буде скорое окончаніе сессіи или другія необходимыя обстоятельства не дѣлаютъ сего невозможымъ» [4]). Къ сожалѣнію,

---

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о судопроизводствѣ, Глава XXIV, дополн. къ § 1, стр. 917.

[2]) Тоже, стр. 884—885 и 906.

[3]) Тоже, стр. 898 и стр. 917—918.

[4]) Тоже, стр. 898, дополн. 2 къ § 6 гл. XVI.

это правило почти непримѣнимо, по кратковременности сессій. Мы уже сказали, что сессіи продолжаются отъ 6 до 12 дней, не считая праздниковъ; въ такой короткій промежутокъ зачастую *невозможно* вызвать свидѣтеля, представить документъ, находящійся въ присутственномъ мѣстѣ, или достать справку изъ какого либо учрежденія. Поэтому разъ приходится давать отсрочку на совершенно законномъ основаніи, то дѣло приходится откладывать до слѣдующей сессіи, т.-е. на $^1/_2$ года и болѣе. По этимъ причинамъ дѣла, подсудныя герадскому суду, иногда тянутся по нѣсколько лѣтъ только въ первой инстанціи. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ, того, что герадскій судъ ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать «судомъ скорымъ».

Здѣсь мы находимъ умѣстнымъ привести оффиціальныя свѣдѣнія о движеніи судебныхъ дѣлъ въ герадскихъ судахъ за 1891 годъ [1]). Въ этомъ году производилось дѣлъ:

Охранительныхъ	37,654 [2])
Хозяйственныхъ и административныхъ . . .	482 [3])
Исковыхъ	48,372
Итого . .	86,508
Изъ послѣдней категоріи дѣлъ:	
осталось отъ 1890 года	8,775
поступило въ 1891 году	30,597
	48,372
изъ нихъ: прекращено	10,999
отложено на 1892 г.	7,669
рѣшено	29,704
	48,372
Уголовныхъ дѣлъ: перешло съ 1890 г. . . .	4,886
поступило въ 1891 г. . .	17,666
	22,552

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ за 1894 годъ, стр. 156.

[2]) Въ числѣ дѣлъ охранительнаго порядка слѣдуетъ считать дѣла объ утвержд. купчихъ и закладныхъ крѣпостей, раздѣльныхъ и другихъ актовъ по недвижим. имѣніямъ.

[3]) Объ исполненіи договоровъ арендаторовъ казенныхъ и частныхъ имѣній по содержанію построекъ и обработкѣ полей.

изъ нихъ: рѣшено	17,005
отложено	5,547
	22,552

Къ сожалѣнію, «Статистическій Ежегодникъ Финляндіи» не даетъ свѣдѣній, сколько дѣлъ прекращено, рѣшено и отложено, а равно какое количество дѣлъ поступило въ 1891 году и какое перешло съ 1890 г. по дѣламъ охранительнымъ и хозяйственнымъ. Считая невѣроятнымъ поступленіе всего указаннаго количества въ одинъ годъ, такъ какъ навѣрно были заявлены дѣла объ утвержденіи правъ на недвижимыя имѣнія въ послѣднюю сессію 1890 года, и такъ какъ такія дѣла должны быть разсмотрѣны въ 3-хъ сессіяхъ, что читатель увидитъ ниже, то ясно, что нѣкоторое количество дѣлъ перешло съ 1890 г. на 1891 годъ и по тѣмъ же основаніямъ часть дѣлъ этого рода, поступившихъ въ 1891 году, должна была перейти на 1892 г. Затѣмъ невѣроятно, чтобы ни по одному изъ охранительныхъ дѣлъ не было предъявлено споровъ и чтобы по этой причинѣ дѣла не были прекращены производствомъ въ охранительномъ порядкѣ и не стали бы исковыми. Всѣ эти свѣдѣнія крайне интересны для опредѣленія дѣятельности герадскихъ судовъ, но не имѣя источника для указанія этихъ свѣдѣній и не желая заслужить упрека въ умаленіи дѣятельности этого судебнаго учрежденія, мы допустимъ *навозможное*, т.-е., что всѣ дѣла первыхъ двухъ категорій поступили и рѣшены въ 1891 году. При такомъ предположеніи оказывается, что среднимъ числомъ въ каждую сессію, каждому герадскому суду пришлось разсмотрѣть и рѣшить среднимъ числомъ отъ 101 [1]) до 151 [2]) гражданскихъ дѣлъ и отъ 25 [1]) до 38 [2]) уголовныхъ, что составитъ при двухъ-недѣльной сессіи отъ 8—13 гражданскихъ и отъ 2 до 3 уголовныхъ дѣлъ въ день; всего же отъ 10 до 16 дѣлъ, что не особенно утомительно.

Посмотримъ теперь, можно ли назвать герадскій судъ «судомъ правымъ». Для рѣшенія этого вопроса разсмотримъ только значеніе доказательствъ и правила о постановкѣ рѣшенія по законамъ Финляндіи.

---

[1]) При трехъ сессіяхъ въ годъ для всѣхъ округовъ, кромѣ 8 округовъ аландской юрисдикціи.

[2]) При двухъ сессіяхъ въ годъ.

По дѣйствующему въ Финляндіи закону: «Два свидѣтеля служатъ полнымъ доказательствомъ того, въ чемъ они согласно показываютъ. Одинъ свидѣтель въ томъ же дѣлѣ имѣетъ силу только «*полудоказательства*», и тогда тотъ, къ кому искъ предъявленъ, обязанъ очистить себя присягою. *Если онъ не имѣетъ такого добраго имени, чтобы могъ быть допущенъ къ присягѣ, то не можетъ онъ быть осужденъ по этому дѣлу*» [1]).

Какъ вамъ нравится, читатель, это «полудоказательство» и окончаніе этого закона? Посмотримъ примѣненіе этого закона на практикѣ. Положимъ, вы—землевладѣлецъ; на вашемъ полѣ вы застали чужой скотъ, но при этомъ былъ лишь одинъ свидѣтель, т. е. «полудоказательство». Хорошо, если нарушитель вашихъ правъ пользуется добрымъ именемъ, тогда у васъ остается надежда, что авось онъ побоится присяги и признается; но если онъ негодяй, лишенный добраго имени и «*чести*», то тогда онъ можетъ вырубить у васъ лѣсъ, потравить своимъ скотомъ посѣвы и поглумиться надъ вами, если у васъ только «полудоказательство». Отсюда слѣдуетъ вывести такое заключеніе, что во-первыхъ, каждый человѣкъ, имѣющій дѣла въ Финляндіи, долженъ держать при себѣ всегда двухъ свидѣтелей, на всякій случай, и во-вторыхъ, что въ Финляндіи выгоднѣе быть негодяемъ, чѣмъ честнымъ человѣкомъ, такъ какъ честный человѣкъ противъ «полудоказательства» долженъ поставить свою клятву, а негодяй при тѣхъ же обстоятельствахъ «свободенъ отъ суда и слѣдствія», какъ говаривали въ старину на Руси.

Возьмемъ другой законъ: «Если на обѣихъ сторонахъ будутъ доказательства и свидѣтели равнаго достоинства, то имѣютъ силу тѣ, кои обороняютъ отвѣтчика, потому что судья долженъ лучше оправдывать, нежели осуждать» [2]).

Такимъ образомъ у суда этимъ закономъ отнято всякое право судить «по убѣжденію совѣсти»; ему поставлена формальная рамка, въ лицѣ двухъ свидѣтелей отвѣтчика, и онъ долженъ имъ вѣрить лишь потому, что они «обороняютъ» отвѣтчика, хотя въ душѣ можетъ быть увѣренъ, что они лгутъ.

Интересны также изворотъ, употребляемые въ процессѣ со сви-

---

[1]) Малышевъ. „Общее уложеніе, Финляндіи“. Отдѣлъ о судопроизводствѣ глава XVII, § 29, стр. 908.

[2]) Тоже, § 20, стр. 906.

дѣтелями. Въ законѣ объ отводѣ свидѣтелей сказано «Не могутъ свидѣтельствовать: домашніе (husfolk) и слуги, состоящіе въ частномъ услуженіи, доколѣ они въ услуженіи будутъ» [1]). Чтобы обойти этотъ законъ, обыкновенно продѣлываютъ такой фокусъ: за нѣсколько дней до суда слуга фиктивно разсчитывается, затѣмъ, послѣ дачи показанія, онъ снова поступаетъ, и такимъ образомъ и слуга сохранился, и свидѣтель неупущенъ. Такому обходу покровительствуетъ судъ и какъ бы наталкиваетъ на него.

Намъ хорошо извѣстно дѣло объ утвержденіи духовнаго завѣщанія, изъ котораго вытекаетъ вышеуказанный выводъ. Нужно замѣтить, что по законамъ края допускаются словесныя духовныя завѣщанія. Такія завѣщанія должны быть сдѣланы въ присутствіи двухъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что «завѣщаніе сдѣлано было при нихъ въ здравомъ и полномъ умѣ и по доброй волѣ». Свидѣтелями должны быть «два добрые мужа». «Завѣщаніе, которое не подтверждается двумя добрыми мужами, не должно имѣть никакой силы или дѣйствія» [2]). Такимъ образомъ, на основаніи буквальнаго смысла этихъ узаконеній ясно и точно опредѣлено, что свидѣтелями по словесному духовному завѣщанію могутъ быть только «добрые мужи». Изъ имѣющейся у насъ копіи протокола суда видно, что въ засѣданіе городскаго суда явился крестьянинъ Т. и заявилъ, что жена его, умирая, сдѣлала «устное» духовное завѣщаніе въ его пользу и представилъ *двухъ несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ-свидѣтельницъ, служащихъ у него по найму*. Свидѣтельницы были допрошены, завѣщаніе утверждено. Въ узаконенный срокъ къ Т. былъ предъявленъ искъ о признаніи духовнаго завѣщанія недѣйствительнымъ въ виду того, что оно совершено въ присутствіи свидѣтелей, состоявшихъ въ услуженіи, какъ моментъ изъявленія въ умирающей своей воли, такъ и во время допроса ихъ на судѣ, и поэтому не имѣвшихъ права свидѣтельствовать. Передъ разсмотрѣніемъ этого дѣла состоялось частное совѣщаніе финляндскихъ адвокатовъ сторонъ и герадсгевдинга, и эти финляндскіе юристы, признавая допросъ свидѣтелей при разсмотрѣніи просьбы Т. объ утвержденіи духовнаго завѣщанія его жены незаконнымъ

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о судопроизводствѣ. Глава XVII, § 7, стр. 902.

[2]) Тоже, отдѣлъ о наслѣдствѣ. Глава XVI, § 1 и дополненіе 1, стр. 62.

и самое опредѣленіе суда неправильнымъ, утверждали, что при разсмотрѣніи иска эти же свидѣтельницы, какъ не служащія въ настоящеее время, должны быть вновь допрошены, и если онѣ подтвердятъ свое первое показаніе, то завѣщаніе должно быть утверждено вторично и это утвержденіе будетъ правильно и законно. Къ сожалѣнію, это дѣло окончено миромъ, но для насъ важны эти толкованія финляндскихъ юристовъ, по которымъ свидѣтель, негодный въ моментъ завѣщанія, превращается въ годнаго по волѣ наслѣдника по завѣщанію, и что завѣщаніе, которое, въ силу буквальнаго закона, «не должно имѣть никакой силы дѣйствія», превращается въ законное и дѣйствительное по волѣ того же наслѣдника.

Заговоривши о показаніяхъ свидѣтелей, мы не можемъ не сказать объ особенности обряда присяги въ герадскихъ судахъ. Духовныя лица лютеранскаго вѣроисповѣданія въ герадскій судъ для привода свидѣтелей къ присягѣ не вызываются, въ силу закона, по которому «свидѣтели должны въ присутствіи однихъ тяжущихся сторонъ, или ихъ повѣренныхъ учинить, положа руку на книгу (med hand a bok), слѣдующую присягу: «Я (такой-то) обѣщаюсь и клянусь передъ Богомъ и Святымъ Его Евангеліемъ и т. д.». Если же свидѣтель принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію, то онъ приводится къ присягѣ священникомъ по установленнымъ правиламъ [1]). При этомъ замѣтимъ, что во время произнесенія присяги, какъ лютеранами, такъ и православными, *судъ и стороны сидятъ;* затѣмъ при присягѣ лютеранъ они кладутъ руку не на Евангеліе, котораго въ судѣ и не полагается, а буквально «*на книгу*», какую бы то ни было. Такое отсутствіе торжественности въ столь важномъ судебномъ актѣ и сравнительная легкость наказанія за «клятвопреступленіе» (штрафъ 40 талеровъ 76 мар. 80 п. или 24 р. 30 к. кред). [2]) значительно уменьшаетъ «правдивость» свидѣтельскихъ показаній.

Укажемъ еще на нѣкоторыя особенности этого оригинальнаго судопроизводства. Потерпѣвшій отъ кражи или пожара можетъ «присягой доказать» количество и цѣнность украденнаго или

---

[1]) Тоже. Отд. о судопр. Глава XVII, § 16 и 1 дополн. къ нему, стр. 905.
[2]) Тоже. Отд. о судопроизводствѣ. Глава XVII, § 18, стр. 905.

погорѣвшаго [1]). Такимъ образомъ лицо, заинтересованное въ исходѣ процесса, можетъ своей присягой достигнуть выигрыша дѣла. Принципъ разрѣшенія дѣла присягой еще ярче обнаруживается въ слѣдующемъ правилѣ судопроизводства, относящемся, впрочемъ, къ производству въ гофгерихтахъ. «Тяжущіяся стороны не могутъ требовать одна отъ другой передъ какимъ бы то ни было судомъ присяги въ правотѣ дѣла; однако же гофгерихтъ, когда въ оный поступило главное дѣло, властенъ, въ случаѣ невозможности открыть истину инымъ образомъ, неостанавливая самаго производства дѣла, возложить на одну изъ тяжущихся сторонъ или на обѣ учиненіе слѣдующей присяги въ правотѣ дѣла [помѣщенъ текстъ присяги]... Если сторона не желаетъ или не можетъ принести этой присяги, то имѣетъ она потерять дѣло. Уполномоченный долженъ также учинить эту присягу, когда судья признаетъ это нужнымъ. Если онъ сдѣлать этого не можетъ, а довѣритель его находится въ отсутствіи, то судья назначаетъ сему послѣднему опредѣленный срокъ для принесенія присяги у ближайшаго къ мѣсту его пребыванія судьи и для отвѣта на нужные вопросы» [2]).

Итакъ, финляндское судопроизводство доходитъ до того, что требуетъ отъ стороны, заинтересованной въ рѣшеніи дѣла, безпристрастія свидѣтеля и клятвы именемъ Бога, «что дѣло мое правое» [3]), и вѣдь такъ заставляетъ судъ клясться зачастую «обѣ стороны», слѣдовательно сознательно заставляетъ одну изъ нихъ принимать ложную присягу, и это дѣлается изъ желанія «открыть истину». Мы употребили слово «заставляетъ», такъ какъ требуя такой клятвы, судъ вмѣстѣ съ тѣмъ нежелающему приносить неразумную присягу грозитъ проигрышемъ дѣла. Уставы Императора Александра II допускаютъ разрѣшеніе дѣла присягой, но не по требованію суда, а по взаимному соглашенію сторонъ, причемъ не только не допускаютъ до такой присяги повѣренныхъ, но требуютъ, чтобы такое соглашеніе о разрѣшеніи дѣла присягой было совершено лично сторонами, а не ихъ повѣренными.

Но верхомъ совершенства этого «Общаго Уложенія» является черезчуръ оригинальный способъ открытія истины, къ кото-

---

[1]) Тоже, § 35, стр. 908.

[2]) Тоже, § 9, стр. 890.

[3]) Изъ текста присяги въ выше приведенной статьѣ.

рому можетъ прибѣгнуть судья въ случаѣ «запирательства» обвиняемаго въ «грубомъ» уголовномъ преступленіи. Въ этомъ случаѣ, «когда окажутся изобличающія обстоятельства и улики противъ обвиняемаго, судья можетъ попытаться посредствомъ болѣе тяжкаго содержанія въ тюрьмѣ (med svarar fängelse) извѣдать истину; однако, долженъ поступать въ этихъ случаяхъ съ осторожностью» [1]). Интересно знать предѣлъ этой предписываемой закономъ строгости содержанія и степень «осторожности». Вѣдь если въ такихъ общихъ выраженіяхъ допустить судей извѣдывать истину, то пожалуй найдутся такіе любители «истины», которые съ этой цѣлью пожелали бы *попытать* обвиняемаго *голодомъ съ осторожностью, лишь бы онъ не умеръ голодной смертью.*

Указавъ лишь на нѣкоторыя особенности финляндскаго судопроизводства, изложимъ порядокъ постановки рѣшенія герадскимъ судомъ и значеніе при этомъ герадсгевдинга.

Разсмотрѣвъ всѣ «полныя» доказательства и «полудоказательства», попытавшись разными способами «извѣдать истину»,— это судилище, наконецъ, находитъ, что наступила минута высказать свое послѣднее слово. «Герадсгевдингъ обязанъ объяснить немдеманамъ дѣло и имѣющіяся въ оном доказательства, а также и то, что законъ на сей случай говоритъ. Если всѣ немдеманы будутъ другого мнѣнія, нежели герадсгевдингъ, то имѣетъ силу мнѣніе немдемановъ, которые и должны отвѣтствовать за свое рѣшеніе. Если не всѣ немдеманы одинаковаго мнѣнія, то имѣетъ остаться въ силѣ то, что герадсгевдингъ признаетъ правомѣрнымъ (rättvist pröfvar)» [2]).

Изъ этого закона очевидно, что герадскій судъ хотя и коллективное учрежденіе, но опять таки *«особое»*, не соотвѣтствующее современному понятію о коллегіяхъ. Въ коллективныхъ учрежденіяхъ всякое рѣшеніе постанавливается по большинству голосовъ, здѣсь же этого нѣтъ. Какъ мы уже указали, составъ герадскаго суда отъ 6 до 13 человѣкъ, т.-е. 5—12 немдемановъ и одинъ герадсгевдингъ, но изъ вышеприведеннаго закона оказывается, что въ этомъ судѣ число лицъ не имѣетъ никакого значенія. Изъ двухъ діаметрально противоположныхъ

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи». Отд. о судопроиз., глава XVII, § 37, стр. 910.

[2]) Тоже, глава XXIII § 2, стр. 915—916

мнѣній можетъ быть законнымъ то, которое поддерживаетъ абсолютное меньшинство, лишь бы къ этому меньшинству принадлежалъ голосъ герадсгевдинга. Возьмемъ такой примѣръ. Засѣдаетъ максимальный составъ, т.-е. 12 немдемановъ и герадсгевдингъ. Разсмотрѣвъ уголовное дѣло, 11 немдемановъ находятъ, что обвиняемый невиновенъ, а герадсгевдингъ и одинъ немдеманъ находятъ, что обвиняемый виновенъ, и вотъ, въ силу рѣшенія *двухъ* голосовъ противъ 11-ти, обвиняемый, невиновный по мнѣнію громаднаго большинства представителей общества, является виновнымъ и долженъ нести наказаніе. Допустимъ, что при этомъ же составѣ составилось не два, а три мнѣнія; положимъ, 8 немдемановъ признали подсудимаго невиновнымъ, 4—виновнымъ, но по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину, признали возможнымъ назначить ему самую нисшую мѣру наказанія, а герадсгевдингъ нашелъ подсудимаго не только виновнымъ, но и подлежащимъ самому тяжкому наказанію. Какое же изъ трехъ мнѣній должно быть примѣнено? Ясно изъ буквальнаго смысла указаннаго нами закона, что рѣшеніе должно быть постановлено согласно съ мнѣніемъ *одного* герадсгевдинга, такъ какъ немдеманы не пришли къ «одинаковому мнѣнію». Такимъ образомъ герадскій судъ не можетъ быть причисленъ къ разряду коллективныхъ учрежденій съ равноправными членами; это учрежденіе, такъ сказать, *дву-властное.* Изъ этихъ; двухъ властей, одна власть коллективная—немдеманы, другая единоличная—герадсгевдингъ. Первая власть въ большинствѣ случаевъ ничтожна, такъ какъ для осуществленія этой власти необходимо «*единогласное мнѣніе*» всего состава этой коллегіи, чего очень трудно достигнуть, разъ этого не желаетъ герадсгевдингъ. При извѣстномъ тактѣ, опытному герадсгевдингу не трудно подчинить своему вліянію хотя бы лишь одного изъ немдемановъ, и тогда его власть становится неограниченной. Благодаря такому положенію немдемановъ, при рѣшеніи дѣла можно смѣло сказать, что фактически въ герадскомъ судѣ имѣетъ значеніе лишь одно мнѣніе герадсгевдинга, а немдеманы являются безгласными манекенами, засѣдающими для мебели. Это разумѣется въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ нельзя отрицать, что эти манекены, въ силу нѣкоторыхъ побужденій, могутъ сплотиться и поставить на своемъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что подобный порядокъ постановки рѣшеній созданъ общимъ уложеніемъ *исключительно для*

герадскихъ судовъ, въ остальныхъ же судебныхъ учрежденіяхъ края, какъ то: ратгаузскихъ судахъ, гофгерихтахъ и судебномъ департаментѣ финляндскаго сената существуютъ другія правила, соотвѣтствующія коллективному характеру этихъ учрежденій. Причемъ въ уголовныхъ дѣлахъ даже проглядываетъ гуманное отношеніе къ обвиняемому. Такъ, въ силу этихъ правилъ: «Если члены другихъ судебныхъ мѣстъ» (а не герадскихъ судовъ) не могутъ придти къ единогласному рѣшенію, то дѣло рѣшается «по большинству голосовъ»; при раздѣленіи голосовъ поровну, «имѣетъ силу то мнѣніе, на которое согласился предсѣдательствующій, но въ дѣлахъ уголовныхъ мнѣніе тѣхъ, которые оправдываютъ, или то, которое мягче другихъ». Это правило соблюдается въ уголовныхъ дѣлахъ въ случаѣ, если члены прійдутъ къ нѣсколькимъ мнѣніямъ, т.-е. «силу имѣютъ» тѣ голоса, которые приходятъ «къ самому мягкому для подсудимаго рѣшенію» [1]).

Къ сожалѣнію, услугами этихъ «другихъ судебныхъ мѣстъ» могутъ пользоваться весьма не многіе жители края. Такъ: ратгаузскіе суды, какъ мы уже сказали, составляютъ низшую судебную инстанцію для городовъ, а въ городахъ живетъ менѣе 11% всего населенія края. Что же касается до гофгерихтовъ и судебнаго департамента сената, то ими могутъ пользоваться лишь люди богатые, ведущіе большіе процессы, а такихъ не особенно много.

Теперь ознакомимъ читателя съ правилами присужденія по финляндскимъ законамъ судебныхъ издержекъ процесса.

До постановленія рѣшенія, сторона, жалающая взыскать съ своего противника судебныя издержки и вознагражденіе за убытки по веденію процесса, обязана письменно или словесно заявить о количествѣ этихъ издержекъ и убытковъ или же «предудержать за собой право особаго о нихъ процесса». Если же она не сдѣлаетъ этого своевременно, «то не имѣетъ потомъ уже никакого права на искъ объ издержкахъ, въ томъ судѣ произведенныхъ; однако *судья* [2]) можетъ, не смотря на то, при-

---

[1]) Малышевъ. „Общее уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о судопроизв., глава XXIII, §§ 3 и 4, стр. 916.

[2]) Интересно, какъ слѣдуетъ понимать этотъ законъ: опредѣленіе о взысканіи судебныхъ издержекъ постановляется-ли при участіи немдемановъ

судить сторонѣ уплату за повѣстки о вызовѣ и апелляціонныя деньги, а также и пошлины за выдачу рѣшенія, когда это будетъ признано справедливымъ» [1]). Плата за вызовы, апелляціонныя пошлины, плата за протоколы, однимъ словомъ за все, что подразумѣвается подъ словомъ «судебныя издержки», не зависитъ отъ цѣны иска, а одинакова для всѣхъ исковъ. Поэтому судебныя издержки, будучи незначительны для крупныхъ дѣлъ, являются тяжелымъ бременемъ для бѣдняковъ, ведущихъ мелкія дѣла. Мы знаемъ два дѣла; одно, гдѣ цѣна была 15 марокъ, т. е. въ 5 р. 62½ коп., судебныхъ издержекъ присуждено 12 марокъ, т. е. 4 р. 50 коп.; въ другомъ—цѣна иска 1,275 марокъ, т. е. 478 руб. 12½ коп., судебныхъ издержекъ присуждено 16 марокъ, т. е. 6 руб.; для перваго это составляло 80%, а для второго только около 1¼%. Добавимъ, что оба были отвѣтчики, и при томъ искъ къ первому былъ предъявленъ *недобросовѣстно* и присужденъ неправильно, а ко второму искъ безспорный.

При этомъ должно замѣтить двѣ особенности финляндскаго судопроизводства по отношенію судебныхъ издержекъ и убытковъ: а) «если какое дѣло окажется столь темнымъ и сомнительнымъ, что дѣйствительно были основательныя причины къ процессу, или же если кто довелъ своего противника до присяги, то каждый долженъ самъ нести свои издержки» [2]), и б) «если кто будетъ имѣть рѣшеніе нисшаго суда въ свою пользу, но проиграетъ дѣло въ гофгерихтѣ, то надлежитъ зачесть издержки обѣихъ сторонъ однѣ другими» [3]). Эти правила нѣсколько оригинальны: рѣдкое дѣло кромѣ иска, основаннаго на ясномъ долговомъ обязательствѣ, при нѣкоторой натяжкѣ, нельзя не признать такимъ, что были «дѣйствительныя причины къ процессу», и разъ г. судья признаетъ это обстоятельство, то выигравшій дѣло лишается права на возмѣщеніе своихъ убытковъ. Затѣмъ, въ силу правилъ о судопроизводствѣ, указанныхъ нами «о полу-

---

или единолично судьей? Думаемъ, что это право судьи; иначе было бы сказано „судъ“.

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“. Отдѣлъ о судопроизводствѣ Глава XXI; §§ 1 и 2, стр. 912.

[2]) Тоже § 3, стр. 912—913.

[3]) Тамъ же, § 4, стр. 913.

доказательствѣ», судъ вынуждаетъ отвѣтчика «очистить себя присягой». Допустимъ, что «очищеніе» не будетъ признано судомъ и изъ присяжнаго показанія отвѣтчика окажется, что онъ виновенъ; въ такомъ случаѣ истецъ хотя и выиграетъ дѣло, но права на издержки не имѣетъ, и такимъ образомъ является въ нѣкоторой степени наказаннымъ за то, что не имѣлъ при себѣ двухъ свидѣтелей. Но оригинальнѣе послѣднее правило о зачетѣ издержекъ. Герадскій судъ неправильно рѣшилъ дѣло, недовольная сторона обжаловала это рѣшеніе. Гофгерихтъ *призналъ рѣшеніе перваго суда неправильнымъ и отмѣнилъ его*, а между тѣмъ выигравшій дѣло является наказаннымъ за судебную ошибку, нерадѣніе или даже недобросовѣстность низшей инстанціи, тѣмъ, что не только не получаетъ издержекъ, понесенныхъ имъ въ первой инстанціи, но еще лишается права возврата издержекъ апелляціоннаго производства. Неужели такія правила совмѣстимы съ понятіемъ о «правдѣ и справидливости»?

Мы высказали, что *въ Финляндіи правомъ апелляціоннаго и кассаціоннаго обжалованія могутъ пользоваться лишь люди богатые и притомъ ведущіе процессы на большія суммы.* Чтобы доказать такой взглядъ, разсмотримъ порядокъ обжалованія рѣшеній герадскихъ судовъ. Сторона, недовольная рѣшеніемъ герадскаго суда, обязана заявить о желаніи подать апелляцію немедленно или въ теченіе восьми дней, «считая и день рѣшенія»; при чемъ, не смотря на родъ и цѣну иска, должна внести апелляціонныя пошлины въ размѣрѣ 3 талеровъ (5 мар. 76 пенни, 2 р. 16 к. кред.); затѣмъ, «не позже какъ въ шестидесятый день, до 12 часовъ», апелляторъ «*обязанъ подать свои бумаги въ гофгерихтъ*» [1]). Вотъ благодаря слову «*подать*», гофгерихты и требуютъ, чтобы эти бумаги были поданы или лично тяжущимся, или его повѣреннымъ. Присылка этихъ бумагъ по почтѣ не допускается. Въ вышеприведенномъ законѣ сказано «бумаги», и въ числѣ этихъ бумагъ обязательно должна быть копія обжалуемаго рѣшенія или, какъ здѣсь называютъ, «копія протокола». Кромѣ указанныхъ тратъ на пошлины и поѣздку въ гофгерихтъ, каждый, проигравшій въ первой инстанціи, въ случаѣ утвержденія рѣшенія обязанъ уплатить, кромѣ издержекъ противника, еще особый штрафъ. Этотъ штрафъ опредѣляется постановленіемъ

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отд. о судопр. Глава XX V §§ 1 и 9, стр. 925 и 933.

гофгерихта, «который долженъ разсмотрѣть, не подлежитъ-ли апелляторъ отвѣтственности за неправую жалобу», и если признаетъ его подлежащимъ такой отвѣтственности, то штрафуетъ «взысканіемъ отъ 30 до 100 талеровъ», и «если виновный *не въ состояніи внести пени, то подлежитъ тюремному заключенію*, какъ особо о семъ указано [1])».

Итакъ, всякій желающій принести жалобу на рѣшеніе герадскаго суда долженъ имѣть въ виду слѣдующіе расходы: апелляціонныя пошлины 5 м. 76 п., копію протокола не менѣе 8 мар., дорожные расходы въ мѣсто нахожденія гофгерихта, и наконецъ, на всякій случай имѣть отъ 30 до 100 тал., т. е. отъ 57 мар. 60 п. до 192 мар., или отъ 21 р. 60 коп. до 62 руб., если онъ не любитель «тюремнаго заключенія». Но допустимъ, что апелляторъ выиграетъ дѣло въ гофгерихтѣ, то и тогда онъ всетаки долженъ будетъ нести расходы апелляціоннаго производства, такъ какъ его противникъ «имѣетъ рѣшеніе низшаго суда въ свою пользу», ибо въ силу указаннаго нами закона [2]) издержки сторонъ должны быть зачтены однѣ другими. На основаніи этихъ данныхъ сдѣлаемъ разсчетъ, могъ-ли крестьянинъ, съ котораго, какъ мы уже сказали выше, герадскимъ судомъ неправильно присуждено было 15 марокъ, принести апелляціонную жалобу.

Дѣло возникло въ сердобольской юрисдикціи между крестьянами Т. и М. и заключалось въ томъ, что Т. требовалъ съ М. $^1/_9$ часть урожая, полученнаго М. съ земли наслѣдниковъ А. Отвѣтчикъ возражалъ, что эту долю ему подарили наслѣдники А. Повѣренный наслѣдниковъ (русскій), вызванный въ качествѣ свидѣтеля, подтвердилъ это, говоря, что этотъ подарокъ сдѣланъ имъ отъ имени его довѣрителей, такъ какъ $^1/_9$ часть составляла ихъ собственность въ силу мировой сдѣлки наслѣдниковъ А. съ Т. Герадскій судъ не согласился съ доводами повѣреннаго и присудилъ съ М. въ пользу Т. не урожай, котораго требовалъ Т., а 15 мар. и 12 мар. судебныхъ издержекъ. Въ сущности наслѣдники имѣли право на такой подарокъ, но къ ихъ несчастью, повѣренный былъ русскій и это было причиной проигрыша дѣла для бѣднаго М.,

---

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отд. о судопроизв. Глава XXIX, § 2, стр. 939

[2]) Тоже. Глава XXI, § 4, стр. 913.

что даже не преминулъ высказать и. д. герадсгевдинга. Когда была объявлена эта знаменитая резолюція, то М. заявилъ желаніе возвратить предметъ иска, т. е. урожай; на это судья отвѣтилъ: «зачѣмъ же возвращать хлѣбъ? Ты можешь взыскать эти деньги съ русскаго барина». При такомъ положеніи дѣла мы думаемъ, что по отношенію къ М. рѣшеніе суда во всякомъ случаѣ неправильно. Онъ имѣлъ дѣло съ собственникомъ земли и ему до отношеній наслѣдниковъ А. къ Т. не было никакого дѣла. Разъ собственники подарили ему этотъ хлѣбъ, то онъ являлся правильнымъ обладателемъ его, и если наслѣдники не имѣли права дѣлать этого подарка, то ясно, что Т. имѣлъ право иска не къ М., а къ наслѣдникамъ А. Но если судъ не раздѣляетъ и этого взгляда, то во всякомъ случаѣ слѣдовало присудить лишь одинъ урожай (предметъ иска), безъ судебныхъ издержекъ, въ силу § 3 главы XXI отдѣла о судопроизводствѣ, такъ какъ М. былъ поставленъ дѣйствительно между двухъ огней; съ одной стороны законные собственники земли, на которой онъ работалъ, запрещали ему отдавать хлѣбъ Т., съ другой стороны Т.,—выгнанный управляющій этого имѣнія, о которомъ въ приходской церкви было опубликовано, что онъ удаленъ отъ управленія и чтобы никто не имѣлъ съ нимъ никакихъ разсчетовъ за пользованіе землей,—предъявлялъ свои требованія на хлѣбъ, служащій платой за пользованіе землей. Такимъ образомъ процессъ являлся необходимымъ исходомъ, а въ этомъ случаѣ, какъ мы уже сказали, «каждый долженъ самъ нести свои издержки».

Мы подробно изложили этотъ процессъ, желая показать, что при полной увѣренности въ неправильности рѣшенія нѣтъ разсчета апеллировать въ силу правилъ финляндскаго судопроизводства. Какъ мы видѣли по рѣшенію герадскаго суда, М. обязанъ былъ заплатить Т., включая и издержки, всего 27 финск. мар. Теперь посмотримъ, сколько онъ долженъ израсходовать для того, чтобы избавиться отъ этого неправильнаго платежа, при чемъ мы сдѣлаемъ предположеніе, что апелляціонная жалоба будетъ написана безплатно. Апелляціонныхъ пошлинъ 5 мар. 76 п.; за копію протокола 8 мар.; проѣздъ отъ г. Сердоболя до г. Выборга (въ гофгерихтъ) и обратно 15 мар. (по 7 мар. 50 пенни конецъ въ третьемъ классѣ), плата за копію рѣшенія гофгерихта 8 мар. и поѣздка за ней 15 марокъ. Такимъ образомъ, предполагая, что вся юридическая работа апелляціоннаго про-

изводства и справка о времени рѣшенія дѣла будутъ безплатны, что М. во время путешествія въ Выборгъ и проживанія въ немъ будетъ питаться пищей, взятой изъ дому, и ночевать подъ открытымъ небомъ, всетаки окажется, что для того, чтобы не платить 27 мар., онъ долженъ издержать 51 мар. 76 пенни, т. е. лишнихъ 34 мар. 76 пенни противъ того, если онъ подчинится неправильному рѣшенію. Замѣтимъ, что этихъ издержекъ Т. не обязанъ ему возвращать, въ силу вышеприведеннаго нами § 4 главы XXI отд. о судопроизводствѣ, такъ какъ Т. имѣлъ «рѣшеніе низшаго суда въ свою пользу». Ясно, что послѣ сдѣланнаго разсчета М. жалобы не подалъ и деньгами «русскаго барина» заплатилъ Т.

Теперь возьмемъ указанный нами другой искъ; дѣло между двумя торговцами С. и К. Первый—торговецъ крупный, оптовый, К.—мелкій, забиравшій товаръ у С. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Все шло благополучно и торговцы никогда не ссорились. Но «ничто не вѣчно подъ луной», и благодаря «зелену вину», дружба пріятелей прервалась. Въ одно прекрасное утро С. хватилъ не въ мѣру живительной влаги и, придя въ лавку къ К., сталъ «куражиться»; къ несчастью, К. тоже былъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и выпроводилъ богача С. немного невѣжливо изъ своей лавки. Загорѣлась война. Изъ торговыхъ книгъ сдѣлана точная выборка и оказалось, что К. долженъ С. 1,275 марокъ. С. предъявилъ искъ, и К. былъ вызванъ. К. струсилъ, сталъ искать денегъ, но не имѣя кредита въ банкахъ, бросился къ ростовщикамъ (эти благодѣтели водятся и въ этой культурной странѣ въ достодолжномъ количествѣ). Тѣ соглашались дать, но просили по 5% въ мѣсяцъ. К. бросился съ повинной къ С., прося разсрочить долгъ и обязуясь платить ежемѣсячно не менѣе 100 мар. С. на словахъ соглашался, но облечь эту сдѣлку въ письменный актъ отказался, равно отказался отъ нея и въ судѣ. Тогда К., боясь, чтобы С. не продалъ его торговаго заведенія, заявилъ неудовольствіе и дѣло идетъ въ гофгерихтъ. Ясно, что К. проиграетъ, даже можетъ быть оштрафованъ за неправую апелляцію, но не смотря на всѣ эти издержки и штрафы, онъ такимъ путемъ заплатитъ отъ 9,28% до 20% на сумму долга [1]) и

[1]) Издержки эти слѣдующія: апелляціонныя пошлины 5 мар. 76 п.; проѣздъ до гор. Выборга и обратно 15 мар.; протоколъ низшаго суда 8 мар.; судебныхъ издержекъ за 2 инстанціи 32 мар. и штрафъ отъ 30 до 100 тале-

оттянетъ платежъ по крайней мѣрѣ на годъ. Этотъ срокъ можно почти навѣрно предсказать, судя по дѣятельности гофгерихта, которому подсудно это дѣло. Изъ этого ясно, что право обжалованія не для всѣхъ одинаково; для М. оно недоступно, для К. выгодно. Но вѣдь К. долженъ всего 1,275 мар. и ему всетаки выгодно право обжалованія, а если взять сумму въ десять разъ большую, то расходы отъ этого не увеличатся, и тогда право обжалованія является просто благодѣяніемъ. При такой цифрѣ долга всякій должникъ постарается воспользоваться этимъ правомъ, такъ какъ за годовую отсрочку онъ заплатитъ 0,9%—1,9%; сумма же 12,750 марокъ не такъ велика, это всего 4,781 р. 25 коп., — такіе счеты между крупными торговцами и фабрикантами не рѣдкость, но между торговцемъ и мелкимъ крестьяниномъ они немыслимы. Здѣсь наибольшій кредитъ 100—200 мар., и поэтому всякій торговецъ гарантированъ, что въ случаѣ иска дѣло дальше герадскаго суда не пойдетъ.

Само собою разумѣется, что если для мелкихъ исковъ и дѣлъ совершено недоступно осуществленіе права апелляціоннаго обжалованія, то тѣмъ болѣе имъ недоступно ходатайство объ отмѣнѣ рѣшенія гофгерихтовъ или такъ называемое *кассаціонное* обжалованіе. Для того, чтобы обжаловать такое рѣшеніе, какой бы суммы оно ни касалось, нужно внести залогъ въ размѣрѣ 100 талеровъ, и въ случаѣ неосновательности жалобы, кромѣ того, что этотъ залогъ не возвращается, жалобщикъ подвергается штрафу отъ 100 до 200 талеровъ [1])

Сводя всѣ расходы и штрафы, которымъ можетъ подвергнуться сторона, жалующаяся на рѣшеніе низшаго суда и предполагающая довести это дѣло до судебнаго департамента финляндскаго сената, окажется, что такіе расходы, помимо вознагражденія адвоката и разъѣздовъ, могутъ достигнуть 800 мар.,— и это независимо отъ цѣны и рода тяжбы. Этой одной цифры достаточно, чтобы сказать, *что достиженіе правосудія въ высшей судебной инстанціи края доступно лишь людямъ съ большими средствами.* Бѣднякъ же, у котораго неправильно подчасъ

ровъ, т. е. отъ 57 мар. 60 п. до 192 мар., всего отъ 118 мар. 36 п. до 252 м. 76 п., что составитъ на сумму долга 1,275 мар. отъ 9,28% до 19,90%.

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отд. о судопроизв. Глава XXX, §§ 1, 17 и 20, стр. 940, 943 и 949.

отнимаютъ послѣдній кусокъ хлѣба, долженъ ограничиться защитой герадскаго суда. Какова эта защита,—мы постарались показать въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ.

Другой типъ низшаго суда—ратгаузскій судъ, хотя и руководствуется тѣми же правилами судопроизводства, какъ и герадскій, а слѣдовательно и обладаетъ всѣми качествами разсмотрѣннаго нами судилища, однако же несравненно выше герадскаго суда, такъ какъ производство въ немъ гораздо быстрѣе. Засѣданія ратгаузскаго суда происходятъ *три раза въ недѣлю:* по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ; затѣмъ вызовъ можетъ быть сдѣланъ сторонѣ не менѣе какъ за 8 дней и даже ранѣе [1]), и срокъ обжалованія въ трехъ ратгаузскихъ судахъ гг. Выборга, Або и Николайштадта на половину короче, вмѣсто 60 дней—30 дней; въ остальныхъ же одинаковъ съ сроками герадскихъ судовъ [2]). Кромѣ того, въ этихъ судахъ засѣдаютъ не немдеманы—разсыльно-понятые, а бургомистръ и ратманы [3]), выбираемые городомъ, получающіе опредѣленное жалованіе отъ города и не заинтересованные въ количествѣ судебныхъ процессовъ.

Изъ этого видно, что ратгаузскіе суды имѣютъ хотя то преимущество, что судопроизводство въ нихъ нѣсколько быстрѣе и рѣшенія постанавливаются судьями по правиламъ коллективнаго суда, а не засѣдателями-разсыльными.

Все, что мы говорили о герадскомъ судѣ по отношенію системы доказательствъ, способовъ добыванія истины, невозможности обжалованія рѣшеній по малоцѣннымъ искамъ, вполнѣ относится и къ ратгаузскимъ судамъ.

По свѣдѣніямъ о движеніи дѣлъ въ ратгаузскихъ судахъ въ 1891 году [4]), въ этихъ судахъ производилось дѣлъ:

Гражданскихъ исковыхъ 8,313 (изъ нихъ поступило 7,846 и осталось съ 1890 г. 466);

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отд. судопроизв. Глава VI, § 1, стр. 846, глава XI, § 5, стр. 879.

[2]) Тоже. Гл. XXV, § 15, стр. 935.

[3]) Тоже Глава I, § 4.

[4]) „Статистическій ежегодникъ Финляндіи" за 1894 г., стр. 156—157.

Охранительныхъ	8,633
Хозяйственныхъ и административныхъ	107
Итого .	17,053

		Изъ нихъ поступило.	Осталось съ 1890 г.
Уголовныхъ	5,656	5,367	289
Всего . .	22,708		

Изъ этого количества дѣлъ:

прекращено исковыхъ дѣлъ . . .	1,751	уголовныхъ . .	—
отложено » » . . .	517	» . .	406
рѣшено » » . . .	6,045	» . . .	5,250
Итого исковыхъ дѣлъ . . .	8,313	уголовныхъ . .	5,656

Здѣсь точно также, какъ и въ свѣдѣніяхъ о движеніи дѣлъ въ герадскихъ судахъ, не показано количества рѣшенныхъ и отложенныхъ дѣлъ охранительнаго порядка, а потому, предполагая, что всѣ означенныя дѣла поступили и рѣшены въ 1891 году [1]), мы можемъ вывести, что среднимъ числомъ въ каждое засѣданіе ратгаузскаго суда было разсмотрѣно: гражданскихъ дѣлъ (вмѣстѣ съ охранительными и хозяйственными) — около 3-хъ дѣлъ (2,9), уголовныхъ — около 1 дѣла (1,04), всего 4 дѣла [2]). Думаемъ, что это также необременительно для гг. членовъ суда.

Кромѣ этихъ судебныхъ учрежденій, на обязанности которыхъ лежитъ разсмотрѣніе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ края, въ Финляндіи существуетъ еще, такъ сказать, судебно-административная власть, которая имѣетъ право разсматривать *безспорные иски* — это губернаторъ. Что слѣдуетъ подразумѣвать

---

[1]) Это предположеніе невѣроятно, такъ какъ врядъ ли можно предположить, чтобы въ концѣ года ни въ одинъ изъ ратгаузскихъ судовъ не поступило ни одного дѣла о переходѣ недвижимаго городскаго имѣнія, которое, въ силу процессуальнаго порядка, не перешло бы на слѣдующій годъ.

[2]) Принимая во вниманіе, что всѣхъ ратгаузскихъ судовъ 34, что въ каждомъ изъ этихъ судовъ по 3 засѣданія въ недѣлю, что кромѣ воскресенія по финляндско-лютеранскому календарю восемь праздниковъ,—мы получимъ, что всѣхъ засѣданій этихъ судовъ не менѣе 5,032. Исключая же изъ суммы указанныхъ дѣлъ дѣла прекращенныя и отложенныя, получимъ означенную среднюю цифру дѣлъ каждаго засѣданія.

подъ словомъ «безспорный», въ Общемъ Уложеніи точно неопредѣлено; судя же по редакціи §§ 4 и 5 главы II отдѣла о взысканіяхъ Общаго Уложенія [1]), можно опредѣлить, что подъ безспорными исками слѣдуетъ понимать иски, основанные на обязательствѣ, противъ котораго отвѣтчикъ не споритъ, или, хотя и споритъ, но по мнѣнію губернатора, у отвѣтчика «нѣтъ основательныхъ на то доводовъ».

Порядокъ взысканій по такимъ дѣламъ слѣдующій: получивъ просьбу о взысканіи, губернаторъ назначаетъ отвѣтчику срокъ на представленіе возраженія «подъ опасеніемъ пени». Если отвѣтчикъ неудовлетворитъ истца въ назначенный губернаторомъ срокъ или не дастъ отвѣта, то подвергается пенѣ и ему назначается новый срокъ, «подъ опасеніемъ большей пени». Извѣщать отвѣтчика долженъ истецъ. Если отвѣтчикъ не явится и во второй разъ, то постановляется рѣшеніе. Хотя на такое постановленіе отвѣтчикъ и имѣетъ право подать жалобу въ гофгерихтъ, но подача жалобы не останавливаетъ приведенія рѣшенія въ исполненіе, а «взысканныя цѣнности» сохраняются въ надежныхъ рукахъ или передаются истцу, «по представленіи полнаго поручительства». Если же отвѣтчикъ явится и признаетъ искъ правильнымъ, но будетъ просить отсрочки, то такая отсрочка можетъ быть ему дана, но не болѣе какъ на три мѣсяца [2]). На постановленіе объ отсрочкѣ жалобъ не полагается. Если же отвѣтчикъ предъявитъ противъ иска споръ и губернаторъ вслѣдствіе такого возраженія признаетъ искъ «спорнымъ», то тогда онъ, не постановляя рѣшенія, предоставляетъ истцу право обратиться съ подлежащій судъ «въ теченіе года и одной ночи», подъ опасеніемъ совершенной потери права на искъ. Въ случаѣ же губернаторъ признаетъ возраженія отвѣтчика «неосновательными», то постановляетъ письменное рѣшеніе по существу иска. На это постановленіе или рѣшеніе недовольная сторона можетъ принести, въ 30-ти дневный съ объявленія рѣшенія или со времени сообщенія этого рѣшенія срокъ, просьбу объ отмѣнѣ его. Причемъ «если дѣло *не превышаетъ 300 талеровъ* (576 мар.= 216 руб. кред.) или ихъ стоимости, то истецъ можетъ воспольз-

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о взысканіяхъ, глава II, §§ 1, 2 и 3, стр. 799—800.

[2]) Тоже, стр. 801.

зоваться взысканіемъ по опредѣленію губернатора, хотя бы подана была просьба объ отмѣнѣ его, и получить взысканное, подъ полное поручительство» [1]).

Расходы этого особаго судопроизводства у губернатора, размѣръ пени, налагаемой имъ, и количество апелляціонныхъ пошлинъ не указаны въ уложеніи, такъ что мы не знаемъ, насколько такой путь достиженія правосудія дешевле общесудебнаго порядка, но судя по размѣру штрафа за неправую жалобу въ гофгерихтъ на постановленія губернатора «въ 10 талеровъ или болѣе» [2]), можно предположить, что этотъ судъ дешевле, скорѣй и доступнѣе, но этому суду подсудны лишь «безспорныя» дѣла, а такихъ немного; во-вторыхъ, и въ этомъ судѣ, какъ и въ обще-судебныхъ учрежденіяхъ края, замѣчается стремленіе преградить бѣднякамъ путь къ достиженію правосудія обжалованіемъ рѣшенія. Въ общесудебныхъ учрежденіяхъ такое стремленіе выражается дороговизной обжалованія, въ порядкѣ губернаторскаго суда—приведеніемъ въ исполненіе обжалованнаго рѣшенія въ искахъ до 576 мар.

Для человѣка со средствами такая мѣра не имѣетъ значенія, такъ какъ онъ можетъ внести означенную сумму въ увѣренности получить ее обратно; для человѣка же, обладающаго землею и небольшимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, но неимѣющаго наличныхъ денегъ, такая мѣра положительно разорительна. Пока гофгерихтъ разсмотритъ его жалобу, у него продадутъ все за безцѣнокъ, и въ случаѣ отмѣны рѣшенія возвратятъ лишь деньги, которыя далеко не соотвѣтствуютъ цѣнности проданнаго имущества. Намъ скажутъ, что онъ можетъ взыскивать убытки; но это значитъ—разорившемуся благодаря судебнымъ порядкамъ, предлагать вновь судиться тогда, когда ему нужно думать о кускѣ хлѣба.

Къ сожалѣнію, «Статистическій Ежегодникъ» не указываетъ совершенно движенія дѣлъ, производящихся гг. губернаторами по безспорнымъ дѣламъ. Что такія дѣла существуютъ, мы знаемъ навѣрно; но за неимѣніемъ оффиціальныхъ данныхъ, не можемъ указать ихъ количества, и потому опять сдѣлаемъ невозможное предположеніе, т. е. допустимъ, что изъ 8-ми финляндскихъ гу-

---

[1]) Тоже. Глава II, §§ 5 и 6, стр. 801 и глава IX, § 1, стр. 825.
[2]) Тоже. Гл. IX, § 4, стр. 826.

бернаторовъ ни одинъ не разсмотрѣлъ ни одного дѣла по безспорнымъ искамъ.

Сдѣлавъ такое предположеніе, мы ограничимся, при разсмотрѣніи дѣятельности финляндскихъ гофгерихтовъ, приведенными нами статистическими данными.

Гофгерихты составляютъ въ Финляндіи апелляціонную инстанцію для низшихъ судовъ края (герадскаго, ратгаузскаго и губернаторскаго) и первую инстанцію для дѣлъ по важнымъ уголовнымъ преступленіямъ и преступленіямъ по должности губернаторовъ, судей низшихъ судовъ и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ [1]). На рѣшеніе гофгерихта «никто не можетъ апеллировать (vädja)» [2]). Изъ этого ясно, что гофгерихты соотвѣтствуютъ нашимъ судебнымъ палатамъ, соединеннымъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи съ судебно-мировыми съѣздами и уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями (такъ какъ въ финляндскихъ низшихъ судахъ разсматриваются всѣ дѣла, подсудныя русскимъ волостнымъ судамъ, мировымъ судьямъ и окружнымъ судамъ).

Укажемъ, на основаніи оффиціальнаго источника, дѣятельность гофгерихтовъ за 1891 годъ [3]).

Въ этомъ году во всѣ гофгерихты поступило дѣлъ:

Гражданскихъ и исковыхъ	10	85
Уголовныхъ	75	
Перешло съ 1890 года уголовныхъ	50	
Производилось въ 1891 г. охранительныхъ. .	1335 [4])	

Всего было въ производствѣ 1,470 дѣлъ или на каждый гофгерихтъ среднимъ числомъ 490 дѣлъ.

Изъ этихъ дѣлъ рѣшено исковыхъ. . . .	10	90
» » » » уголовныхъ . . .	80	

Итого по 30 дѣлъ на гофгерихтъ. Допустимъ, что всѣ охра-

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“. Отдѣлъ о судопроизводствѣ. Глава VIII, § 2 и примѣч. къ нему, стр. 850—854, въ которой подробно указаны всѣ дѣла, подсудныя гофгерихтамъ въ качествѣ суда первой инстанціи.

[2]) Тамъ же, § 3, стр. 854.

[3]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 г., стр. 157.

[4]) Сколько дѣлъ изъ этого количества поступило въ 1891 году, а равно сколько ихъ рѣшено—въ „Ежегодникѣ“ не указано.

нительныя дѣла поступили и рѣшены въ 1891 году; тогда окажется, что всѣхъ дѣлъ *всѣми* гофгерихтами *рѣшено* 1,425 и отложено на слѣдующій годъ 45 дѣлъ. Принимая во вниманіе, что гофгерихты собираются въ засѣданія каждый непраздничный день, съ 14 января по 31 мая и съ 1 октября до одного изъ дней ближайшаго къ празднику Рождества Христова: абоскій и выборгскій въ четырехъ отдѣленіяхъ, а вазаскій въ двухъ отдѣленіяхъ, въ теченіе же іюня, іюля, августа и сентября мѣсяцевъ также въ каждый присутственный день,—абоскій и выборгскій въ двухъ отдѣленіяхъ, а вазаскій въ одномъ [1]),—мы можемъ сказать, что въ теченіе года во всѣхъ гофгерихтахъ должно было быть 2,335 засѣданій (515 засѣданій въ каникулярное время и 1,820 засѣданій въ обыкновенное время). Полагая по 1 дѣлу въ засѣданіе, окажется, что во время всѣхъ каникулъ и въ 395 засѣданіяхъ обыкновеннаго времени гофгерихтами *не было рѣшено ни одного дѣла.*

Къ сожалѣнію, финляндское центральное статистическое бюро не сочло нужнымъ въ указанныхъ имъ свѣдѣніяхъ о движеніи судебныхъ дѣлъ указать количество жалобъ, поданныхъ на рѣшенія низшихъ судовъ; затѣмъ, приведя цифру уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ гофгерихтами, не указало, сколько изъ нихъ рѣшено этими судами въ качествѣ 1-й судебной инстанціи. Наконецъ, это статистическое бюро совершенно не указало движенія дѣлъ въ 1890 году. При такихъ статистическихъ данныхъ невозможно дать *точныхъ* свѣдѣній о количествѣ рѣшеній низшихъ судовъ, обжалованныхъ въ гофгерихты. Остается рѣшить этотъ вопросъ лишь на основаніи предположеній и, разумѣется, *приблизительно.*

Чтобы, хотя приблизительно, опредѣлить цифру обжалованныхъ рѣшеній, намъ остается сдѣлать три предположенія:

1) Что всѣ дѣла, *поступившія* въ гофгерихты, и всѣ охранительныя дѣла, *производившіяся* въ этихъ апелляціонныхъ судахъ въ 1891 году, рѣшены низшими судами въ этомъ же 1891 году и перешли по жалобамъ на эти рѣшенія.

2) Что въ гофгерихты въ 1891 году не поступило ни одного

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1870 г., № 2, и 1884 г. № 24, и Малышевъ, „Общее Уложеніе Финляндіи. Отд. о судопроизводствѣ. Глава VIII, примѣч. 2 къ § 1.

дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію ихъ въ качествѣ суда 1-й инстанціи; и

3) Что отношеніе между числомъ обвинявшихся въ уголовныхъ преступленіяхъ и проступкахъ и уголовными дѣлами, производившимися въ низшихъ судахъ, а равно и отношеніе уголовныхъ дѣлъ этихъ судовъ къ дѣламъ гражданскимъ было одинаково какъ въ 1890 году, такъ и въ 1891 году.

Мы уже видѣли, что въ 1891 году герадскими и ратгаузскими судами края рѣшено дѣлъ:

Герадскими судами.

Гражданскихъ исковыхъ	29,704 [1])	или	35%	всего числа дѣлъ.
» охранител.	38,136 [2])	»	45%	» » »
Уголовныхъ дѣлъ . . .	17,005 [3])	»	20%	» » »
Итого .	84,845	»	100%	

Ратгаузскими судами.

Гражданскимъ исковыхъ	6,045	или	30%	всего количества дѣлъ.
» » . .	8,740	»	44%	» » »
Уголовныхъ дѣлъ. . .	5,250	»	26%	» » »
Итого . .	20,035	»	100%	

Сведя эти указанія, мы получимъ, что обѣими низшими инстанціями края въ 1891 году рѣшено:

		Герад-скихъ.	Раутгауз-скихъ.
Гражданскихъ исковыхъ дѣлъ	35,749 (34,1%)	83%	17%
» охранител. »	46,876 (44,7%)	81%	19%
Уголовныхъ дѣлъ.	22,255 (21,2%)	76%	24%
Итого . .	104,880 (100%)	81%	19%

[1]) Точная цифра.

[2]) Предполагая, что всѣ охранительныя дѣла, производившіяся въ 1891 году, рѣшены въ томъ же году.

[3]) Въ числѣ уголовныхъ дѣлъ въ 1891 году производилось 3,661 дѣло по нарушеніямъ питейнаго устава. (Statistisk Arsbokk. för Finland. 1893 г., стр. 168).

Дѣлая первыя два предположенія, мы получимъ, что:

на	35,749	рѣшеній	по исков. дѣламъ	подано всего	10 жалобъ
»	46,876	»	» охран. »	» »	1,335 »
»	22,255	»	» уголов. »	» »	75 »

на104,880 рѣшеній по всѣмъ дѣламъ подано всего 1,420 жалобъ.

Очевидно, что это первое предположеніе невѣроятно, такъ какъ при указанныхъ нами срокахъ обжалованія невозможно предположить, чтобы дѣла, рѣшенныя въ осеннюю сессію герадскихъ судовъ и въ теченіе ноября и декабря 1891 года въ ратгаузскихъ судахъ, перешли въ гофгерихты въ томъ же 1891 году. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что въ эту апелляціонную инстанцію въ 1891 году поступили дѣла, рѣшенныя низшими судами края частью въ 1890 году и частью въ 1891 году. Для этого намъ необходимо опредѣлить количество дѣлъ, рѣшенныхъ герадскими и ратгаузскими судами въ 1890 году. Опредѣлить эту цифру мы можемъ, лишь допуская третье наше предположеніе, такъ какъ для этого мы имѣемъ только слѣдующія данныя.

Мы знаемъ, что въ 1891 году обвинялось въ разныхъ уголовныхъ преступленіяхъ и проступкахъ въ Финляндіи 36,331 лицо. Изъ нихъ за нарушеніе питейнаго устава 4,418 лицъ [1]) и по разнымъ другимъ преступленіямъ и проступкамъ 31,913 лицъ [2]).

Изъ всего числа обвиняемыхъ:

по нарушенію питейнаго устава въ 1891 г. осуж.	2,121	лицо или	5,8%
» » » » » » оправд.	748	» »	2%
» » » » не оконч. дѣлъ о	1,549	» »	4,5%
по другимъ преступлен. и проступк. въ 1891 г. осужд.	19,423	» »	53,4%
» » » » » » » оправд.	846	» »	2,3%
» » » » » не оконч. дѣлъ о	11,644	» »	32%
Всего	36,331	лица или	100%

Обо всѣхъ этихъ лицахъ производилось 3,661 дѣло по нарушенію питейнаго устава [3]) и по другимъ преступленіямъ и проступкамъ 24,547 [4]). Въ приведенныхъ нами источникахъ не ука-

[1]) Statistisk Arsbokk för Finland 1893 г., стр. 169.

[2]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 г., стр. 154—155.

[3]) Statistisk Arsbokk för Finland 1893 г., стр. 168.

[4]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1891 г., стр. 156—157, показано общее количество уголовныхъ дѣлъ, изъ котораго слѣдуетъ вычесть дѣла

зано, сколько дѣлъ по нарушенію питейнаго устава въ 1891 г. окончено и сколько таковыхъ отложено, поэтому предположивъ, что по каждому дѣлу, какъ оконченному, такъ и отложенному, обвинялось одинаковое число лицъ, т. е. среднимъ числомъ 1,21 лица, получимъ, что по этимъ нарушеніямъ приблизительно окончено (по числу осужденныхъ и оправданныхъ)—2,371 дѣло (изъ нихъ съ обвинительными приговорамъ—1,753 и оправдательными—618) и отложено 1,290 дѣлъ. Принявъ этотъ разсчетъ, мы на основаніи свѣдѣній о движеніи судебныхъ дѣлъ въ Финляндіи получимъ, что по другимъ уголовнымъ дѣламъ рѣшено 19,884 дѣла и отложено 4,663. При этомъ среднее число обвиняемыхъ по рѣшеннымъ дѣламъ 1,02 лица и по отложеннымъ—2,49 лицъ.

Въ 1890 году показаны лишь свѣдѣнія о числѣ осужденныхъ за разныя преступленія и проступки и свѣдѣнія о количествѣ дѣлъ по нарушенію питейнаго устава и число лицъ, осужденныхъ, оправданныхъ и находящихся подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ этихъ нарушеніяхъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ 1890 году производилось 4001 дѣло по нарушенію питейнаго устава [1]); по этимъ дѣламъ въ 1890 году:

Оправдано.	882	лица
Осуждено.	2,369	»
Подъ слѣдствіемъ (не окончены дѣла) . . .	1,839	»
Всего обвинялось .	5,090	лицъ [2]).
По другимъ преступленіямъ осужденыхъ . . .	21,445	лицъ [3]).

Изъ вышеуказанныхъ свѣдѣній по дѣламъ о нарушеніи питейнаго устава мы можемъ принять, что среднее число обвиняемыхъ по дѣламъ этого рода 1,27. Затѣмъ предполагая, что по другимъ уголовнымъ дѣламъ число обвиняемыхъ для рѣшенныхъ и отложенныхъ дѣлъ будетъ то же, что и въ 1891 г., а равно, что не измѣнится и процентное отношеніе, указанное нами въ томъ же году, мы получимъ слѣдующую таблицу движенія уголовныхъ дѣлъ въ низшихъ судахъ края за 1890 годъ.

о нарушеніи питейнаго устава, такъ какъ таковой рубрики отдѣльно не показано.

[1]) Тоже, за 1892 г., стр. 149.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Statistisk Arsbokk för Finland 1893 г., стр. 168.

По наруш. питейн. уст. осужд. лицъ	2,369 [1]	(5,8%)	о нихъ дѣлъ [2]	1,865	} 4001 дѣло.
» » » оправд.	882 [1]	(2%)	» » [2]	694	
» » » не рѣш.	1,839	(4,5%)	» » [2]	1,442	
По друг. угол. дѣламъ осужд.	21,445 [1]	(53,4%)	» » [2]	21,025	
» » » оправд.	928 [2]	(2,3%)	» » [2]	910	
» » » не рѣш.	12,923 [2]	(32 %)	» »	5,190	
По всѣмъ угол. дѣламъ обвиняем.	40,386	(100%	о нихъ дѣлъ	31,126 дѣлъ.	

Имѣя *приблизительное* количество уголовныхъ дѣлъ, *рѣшенныхъ* въ 1890 г. низшими судами края, и предполагая, что процентное отношеніе можду дѣлами уголовными, охранительными и исковыми было въ 1890 г. то же, что и въ 1891 г., мы можемъ вывести, на основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, цифру всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ 1890 г.

Исковыхъ дѣлъ	39,398	(34,1 %)
Охранительныхъ дѣлъ	51,645	(44,7 %)
Уголовныхъ »	24,494	(21,2 %)
Всего въ 1890 г. дѣлъ .	115,537	(100 %) [2]

Взявши среднее количество дѣлъ 1890 и 1891 гг., т. е. предполагая, что дѣла, поступившія въ гофгерихты, были жалобы на рѣшенія, постановленныя низшими судами частью въ 1890 г., частью въ 1891 г., получимъ, что

на 37,573 рѣшеній по исковымъ дѣламъ подано 10 жалобъ
» 49,260 » » охранительн. » » 1,335 »
» 23,374 » » уголовнымъ » » 75 »

или что

1 жалоба на 3,757 рѣшеній по исковымъ дѣламъ;
1 » » 37 » » дѣламъ охранительнымъ;
1 » » 311 » » » уголовнымъ.

Но и это количество жалобъ во всякомъ случаѣ выше дѣйствительнаго для дѣлъ «охранительнаго порядка» и уголовныхъ. Для первыхъ потому, что гофгерихты кромѣ жалобъ, приносимыхъ сторонами на рѣшенія герадскихъ и ратгаузскихъ судовъ, обязаны разсматривать еще и жалобы, приносимыя на «опредѣ-

[1]) Точныя цифры.
[2]) Выведенныя на основаніи указанныхъ предположеній.

ленія» губернаторовъ по дѣламъ о взысканіяхъ [1]), просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній главнаго управленія училищнаго вѣдомства, по дѣламъ, касающимся упущеній по службѣ учителей и учительницъ, споры между казной и частными лицами о правахъ патронатства, кои не касаются доходовъ «Королевскаго Величества», споры при выборахъ предсѣдателя межеваго суда, объ отвѣтственности за неявку избранныхъ прихожанами засѣдателей, секретаря и землемѣра-производителя, о штрафахъ, о назначеніи слишкомъ высокихъ пошлинъ за исходящія бумаги, о взысканіи лишнихъ прогонныхъ и суточныхъ денегъ или на обремененіе земледѣльцевъ лишними издержками, жалобы на рѣшенія лансгевдинга (губернатора) по спорамъ о платежѣ оброка съ фрельзо-шкатовыхъ имѣній, жалобы на рѣшенія университетскаго совѣта (consistorii academici), по дѣламъ, исчисленнымъ въ § 73 устава Александровскаго университета отъ 10 окт. 1852 г., жалобы на окончательныя распоряженія главнаго директора межевого вѣдомства по спорамъ между землемѣрами и ихъ помощниками, о жалованіи или объ исполненіи условленныхъ обязанностей и о задѣльной платѣ за снятіе копій плановъ, жалобы на рѣшенія губернаторовъ по дѣламъ о правѣ владѣнія или завѣдыванія казенными гейматами [2])».

Изъ этихъ указаній ясно, что не только жалобы на рѣшенія низшихъ судовъ вошли въ цифру 1,335, выставленную «Ежегодникомъ», какъ количество «дѣлъ охранительнаго порядка», но въ нее навѣрно вошло хотя нѣсколько жалобъ на «рѣшенія», «опредѣленія» и «распоряженія» различныхъ вышеуказанныхъ административныхъ учрежденій и лицъ. Вообще нужно сказать, что центральное статистическое бюро Финляндіи не особенно щедро на опредѣленныя свѣдѣнія; такъ, указывая на производство дѣлъ охранительнаго порядка, оно не только не указываетъ видовъ этого рода дѣлъ, но и въ другихъ отдѣлахъ не даетъ свѣдѣній, могущихъ разъяснить громадныя цифры охранительныхъ дѣлъ. Собственно говоря, даже неизвѣстно, что подразумѣваютъ гг. статистики подъ рубрикою дѣлъ охранительнаго порядка. Въ «Общемъ Уложеніи» не существуетъ отдѣла охранительнаго

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о судопроизв. Глава VIII, п. 3, § 2, стр. 850.

[2]) Тоже, примѣч. 3 къ ст. 2, пункты 2—5, 7, 13—15, стр. 851.

судопроизводства, но изъ другихъ отдѣловъ видно, что такія дѣла, какъ утвержденіе купчихъ крѣпостей, закладныхъ записей, рядныхъ записей (предбрачныхъ договоровъ) и т. п. дѣлъ, входящихъ въ Россіи въ кругъ дѣятельности нотаріусовъ, въ Финляндіи лежатъ на обязанности низшихъ судовъ [1]). Въ кругъ дѣятельности этихъ же судовъ входятъ и такія дѣла, какъ признаніе совершеннолѣтняго несовершеннолѣтнимъ, т. е. отдача подъ опеку по разнымъ причинамъ, разрѣшеніе вопросовъ о правильности и неправильности запрещенія родителей вступить въ бракъ, наблюденіе за выдѣломъ вдовцами и вдовами дѣтей отъ предыдущаго брака при вступленіи въ новое супружество [2]).

Всѣ эти дѣла, вѣроятно, помѣщены гг. статистиками въ рубрику охранительныхъ дѣлъ. Хотя въ «Статистическихъ ежегодникахъ Финляндіи» и помѣщены свѣдѣнія о продажѣ, покупкѣ и залогѣ недвижимыхъ имѣній, а также имѣются данныя о количествѣ браковъ вообще и браковъ вдовъ и вдовцовъ въ особенности, но помѣщая эти свѣдѣнія, центральное бюро почему-то находитъ нужнымъ *затемнять* ихъ. Такъ, напримѣръ: по недвижимымъ имѣніямъ указана лишь сумма сдѣлокъ, но не показано количество имѣній; въ отдѣлѣ о бракахъ указано число браковъ и даже число вдовцовъ и вдовъ, вступившихъ въ бракъ, но нѣтъ числовыхъ данныхъ, относящихся къ бракамъ, разрѣшеннымъ судомъ, выдѣламъ дѣтей отъ предыдущихъ браковъ и заключеннымъ предбрачнымъ договорамъ. Если бы статистическое бюро потрудилось опубликовать эти свѣдѣнія, то тогда бы опредѣлилось дѣйствительное количество охранительныхъ дѣлъ и количество нотаріальныхъ актовъ, которые въ сущности и не нуждаются въ судебной санкціи.

Благодаря такимъ черезчуръ *неполнымъ и неопредѣленнымъ* даннымъ центральнаго статистическаго бюро Финляндіи, кото-

---

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отд. о недвижимостяхъ. Глава I ст. 2; IV ст. 1; VIII ст. 1—3 и X. Отд. о бракѣ. Глава X ст. 2.

[2]) Тоже. Отд. о наслѣдст. Глава XIX, ст. 1 доп. 1—3; отд. о бракѣ. Гл. VI, ст. 4; гл. XII, ст. 1—3. По закону, дѣйствующему въ Финляндіи. (Глава XII, отд. о бракѣ, ст. 1). «Вдовые обоего пола не властны вступать во второй бракъ, доколѣ не будутъ отдѣлены дѣти или другіе наслѣдники, какъ совершеннолѣтніе, такъ и малолѣтніе. Если же кто это сдѣлаетъ, то лишается онъ, въ пользу дѣтей или наслѣдниковъ, одной трети участка своего въ общемъ имѣніи по прежнему браку, и сверхъ того, обязанъ учинить законный раздѣлъ имѣнію».

рое, кстати будь сказано, ежегодно стоитъ 42,100 мар. или 15,787 руб. 50 коп. [1]), и за это, получая готовый матеріалъ, издаетъ ежегодно книжку объемомъ около 200 страничекъ,—вопросъ о движеніи охранительныхъ дѣлъ и обжалованіи ихъ является *туманнымъ* вопросомъ.

Что касается цифры «75» уголовныхъ дѣлъ, поступившихъ, въ 1891 году въ гофгерихты, то мы, на основаніи «Общаго уложенія» и «Статистическихъ Ежегодниковъ Финляндіи» за 1893 и 1894 г., можемъ доказать, что далеко не всѣ уголовныя дѣла, поступившія въ 1891 году въ гофгерихты—жалобы сторонъ на приговоры низшихъ судовъ края.

Вѣдѣнію гофгерихтовъ, *въ качествѣ 1-й инстанціи суда*, подлежатъ дѣла о слѣдующихъ преступленіяхъ: грубая хула на Бога и Святое Имя Его; замыслы и покушенія противъ особы «*короля*» и его «*королевскаго дома*», или противъ свободы государства; измѣна странѣ (landsförräderi); совѣщаніе съ непріятелемъ; преступленія противъ «*государственнаго совѣта*» (förbrytelser emot Rikets Råd), касающіяся его должности; дѣла о поддѣлкѣ и сбытѣ фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ и бумагъ русскихъ и финскихъ; преступленія губернаторовъ и низшихъ судей противъ ихъ должности и преступленія по должности разныхъ должностныхъ лицъ [2]). Мы не станемъ указывать всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя судятся гофгерихтами въ качествѣ суда 1-й инстанціи. Всѣ эти должности подробно поименованы въ «Общемъ Уложеніи Финляндіи» (примѣчаніяхъ къ ст. 2, главы VIII, отдѣла о судопроизводствѣ). Мы лишь отмѣтимъ, что въ числѣ означенныхъ должностныхъ лицъ указаны «*директоръ или начальникъ отдѣленія въ канцеляріи генералъ-губернатора*». Такой порядокъ крайне страненъ, въ особенности при существованіи ст. 1074[1] уст. уг. суд. (изд. 1892 г.), въ силу которой: «дѣла о преступленіяхъ должности, совершаемыхъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ чинами телеграфнаго вѣдомства, разсматриваются въ судебныхъ мѣстахъ С.-Петербургскаго судебнаго округа». Какъ канцелярія генералъ-губернатора, такъ и управленіе финляндскаго телеграфнаго

---

[1]) «Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго» за 1893 годъ, № 3.

[2]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отд. о судопроизв. Глава VIII, ст. 2 и примѣчаніями къ ней, стр. 850—852.

округа чисто русскія учрежденія, непредусмотрѣнныя никакими шведскими законами и конституціями. По нашему мнѣнію, разъ чины одного изъ этихъ учрежденій (телеграфные чиновники) избавлены отъ прелестей финскаго судопроизводства, то было бы справедливо избавить отъ нихъ и чиновъ другого русскаго установленія. Такое избавленіе было бы не только справедливо, но и полезно, въ смыслѣ независимости чиновника русскаго учрежденія отъ всякаго давленія финляндскихъ властей.

Въ качествѣ *апелляціонной инстанціи*, гофгерихтъ обязанъ разсматривать «всѣ дѣла по апелляціи, въ него поступившія (legvodda saker) и жалобы (besvär), на погрѣшности низшихъ судей по производству у нихъ судебныхъ дѣлъ» [1]). Апелляціи же въ гофгерихтъ можно приносить на «рѣшенія», «опредѣленія» и «распоряженія» по наложенію различными административными учрежденіями и лицами края дисциплинарныхъ наказаній [2]).

Кромѣ этихъ дѣлъ, гофгерихты, въ качествѣ *ревизіонной инстанціи*, разсматриваютъ, независимо отъ принесенія жалобы, всѣ дѣла о преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь (lifssaker), которыя низшими судами изслѣдованы и рѣшены, и которыя по ст. 5 главы XXV, должны быть отсылаемы на ревизію въ гофгерихтъ прежде приведенія приговора въ исполненіе [3]). Мы разсматриваемъ дѣятельность финляндскихъ гофгерихтовъ за 1891 годъ; въ это время еще дѣйствовало старое шведское уголовное уложеніе [4]), по которому смертная казнь полагалась: за умышленное богохульство, нѣкоторые виды колдовства, нѣкоторые виды государственныхъ преступленій, скотоложество, нѣкоторые виды поджога, убійства, грабежа и насильственнаго совокупленія съ чужой женой, невѣстой, дѣвушкой или вдовой, нѣкоторые виды кражи и крово-

---

[1]) Тоже, ст. 2, пун. 1 и 2, стр. 850.

[2]) Тоже, примѣч. 3, пункты 1. 6, 2-й части, п. 15 и 16 къ ст. 2, стр. 851.

[3]) Тоже, ст. 2, пун. 2, стр. 850.

[4]) Новое уголовное уложеніе для Финляндіи, принятое земскими чинами края, изданное 19 декабря 1889 г. („Сборникъ постановл. В. К. Финляндскаго“ 1889 г., № 39) и долженствовавшее вступить въ дѣйствіе 1 янв. н. ст. 1890 г., было по Высочайшему повелѣнію пересмотрѣно особой коммиссіей; введеніе его было пріостановлено и затѣмъ, по надлежащемъ исправленіи, введено въ дѣйствіе манифестомъ $^{2}/_{14}$ апрѣля 1894 года («Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго» за 1894 г., № 17).

смѣшенія [1]). Равно дѣла по нѣкоторымъ преступленіямъ и не наказуемымъ смертной казнью, въ силу статьи 5 главы XXV отдѣла о судопроизводствѣ, подлежали и теперь подлежатъ ревизіи гофгерихтовъ [2]). Мы не будемъ перечислять всѣхъ такихъ преступленій. Мы лишь укажемъ, что въ числѣ этихъ преступленій указаны всѣ виды убійства, дѣтоубійства и сокрытія плода, а равно и нѣкоторые виды преступленій «противъ нравственности». Всѣ эти преступленія исчислены въ вышеуказанной 5 статьѣ [3]).

Изъ вышеприведенныхъ узаконеній читатель видитъ, что довольно большое количество дѣлъ должно поступать въ гофгерихты какъ въ судъ 1-й инстанціи, такъ и для ревизіи, и поэтому думаемъ, что читатель признаетъ вѣрнымъ наше предположеніе, что уголовныхъ дѣлъ по жалобамъ сторонъ поступаетъ несравненно менѣе 75 (число дѣлъ, поступившихъ во всѣ гофгерихты въ 1891 г.).

Благодаря неполнотѣ и неопредѣленности статистическихъ свѣдѣній, опубликованныхъ центральнымъ статистическимъ бюро Финляндіи, мы не можемъ указать, были-ли въ 1890 и 1891 гг. дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію гофгерихтовъ въ качествѣ 1-й инстанціи, но зато хотя приблизительно можемъ вычислить количество дѣлъ, поступившихъ *на ревизію* этихъ судебныхъ учрежденій края. Въ «Статистическихъ Ежегодникахъ Финляндіи» за 1892, 1893 и 1894 гг. показано количество осужденныхъ въ 1889, 1890 и 1891 гг. по родамъ преступленій. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что осуждено:

	Въ 1890 г. [4])	Въ 1891 г. [5])
за убійство разнаго рода	113 ч.	86 ч.
» дѣтоубійство и сокрытіе плода .	74 »	71 »
» грабежъ	34 »	7 »
Итого	221 ч.	164 ч.

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе». Отд. о преступленіяхъ Главы I ст. 1, II ст. 1; IV ст. 1—3, V ст. 1, VI ст. 1—4, X ст. 1, XI ст. 1—2, XII ст. 1—2, XIV ст. 1, XV ст. 1, XVII ст. 1, XX ст. 1, XXII ст. 7, XX ст. 1—4, XX ст. 9, XXI ст. 1 и 3—5, XXII ст. 3—4, XLII ст. 2, LIX ст. 1—5, стр. 689—798.

[2]) Съ введеніемъ новаго уголовнаго уложенія, отд. уложенія о судопроизводствѣ не измѣненъ.

[3]) Малышевъ. «Общее Уложеніе», стр. 927—928.

[4]) Statistisk Arsbokk för Finland. 1893 г., стр. 168.

[5]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“ 1894 г., 154—155.

Эти дѣла *безусловно* должны поступать на ревизію гофгерихтовъ. Не считая лицъ, осужденныхъ за кражи, поджоги и преступленія противъ нравственности, изъ числа которыхъ *вѣроятно* дѣла о многихъ лицахъ подлежали ревизіи гофгерихтовъ, мы остановимся на вышеприведенныхъ цифрахъ.

Если мы допустимъ, что всѣ дѣла, поступившія въ гофгерихты въ 1891 г., рѣшены низшими судами частью въ 1890 г. и частью въ 1891 г., и возьмемъ среднее число обвиненныхъ въ указанныхъ преступленіяхъ, то получимъ, что въ гофгерихты должны были поступить на ревизію дѣла о 192 обвиненныхъ, что составитъ болѣе чѣмъ 2,5 лица на каждое дѣло изъ 75 дѣлъ, показанныхъ поступившими въ гофгерихты. Это, какъ мы видѣли, гораздо болѣе средняго числа обвиняемыхъ по рѣшеннымъ уголовнымъ дѣламъ. На этомъ основаніи мы имѣемъ право съ увѣренностью сказать, что всѣ уголовныя дѣла края, поступившія въ гофгерихты въ 1891 году, были дѣла ревизіонныя, и что ни одной жалобы на рѣшенія низшихъ судовъ въ этомъ году не поступило.

Да не покажется такой выводъ черезчуръ смѣлымъ; онъ вполнѣ вѣроятенъ, если мы вспомнимъ всѣ затрудненія, которыя ставятъ финляндскіе судебные порядки при обжалованіи рѣшеній и приговоровъ низшихъ судебныхъ учрежденій. При этомъ мы должны добавить, что обжалованіе уголовныхъ рѣшеній обставлено еще однимъ узаконеніемъ, которое служитъ увеличеніемъ этихъ препятствій. Присужденные къ штрафу, а такихъ большинство, для пріобрѣтенія права обжалованія, обязаны представить или свидѣтельство о взносѣ въ казначейство этого штрафа или поручительство двухъ состоятельныхъ лицъ о томъ, что штрафъ будетъ внесенъ. Состоятельность поручителей должна быть удостовѣрена въ городѣ ратгаузскимъ судомъ, а въ уѣздѣ главнымъ пасторомъ «или надлежащимъ короннымъ служителемъ» [1]). Затѣмъ подавшій жалобу долженъ «или самъ или чрезъ повѣреннаго явиться въ высшій судъ,

---

[1]) Все это нужно сдѣлать въ теченіе 30 дней со дня рѣшенія, такъ какъ не позже 12 час. дня этого срока апелляція должна быть въ гофгерихтѣ (ст. 5 главы XXV отд. о судопр.).

дабы въ случаѣ, если по жалобѣ его будетъ потребовано объясненіе, принять оную и сообщить противнику своему со взятіемъ въ томъ *свидѣтельства* (emot bevis), *которое должно быть подано въ высшій судъ въ теченіе тройнаго срока* противъ того, какой для принесенія жалобы изъ каждаго мѣста назначенъ, считая со дня, въ который состоялось опредѣленіе»... «*Если жалующійся упуститъ что либо изъ того, что здѣсь предписано, исполнить, то считается потерявшимъ право на искъ (förlorad sin talan) и посему жалоба его не принимается къ разсмотрѣнію, а приговоръ*, послѣдовавшій о немъ въ низшей инстанціи, какъ вошедшій въ законную силу, имѣетъ быть приведенъ въ исполненіе» [1]).

При такомъ порядкѣ обжалованія, гдѣ оставленіе жалобы безъ разсмотрѣнія зависитъ даже отъ ловкости противника, который сумѣетъ уклониться отъ пріема копіи съ жалобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, врядъ-ли найдутся охотники пользоваться правомъ обжалованія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы находимъ, что выводъ, сдѣланный нами объ отсутствіи жалобъ на приговоры низшихъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ, является вполнѣ вѣроятнымъ.

Все сказанное нами о судебныхъ порядкахъ этого «культурнаго» края можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

Финляндскія судебныя учрежденія, благодаря теоріи полныхъ доказательствъ и полудоказательствъ, добыванію истины *принудительными* очистительными присягами и болѣе *тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ*, составляя дорого стоющее бремя для населенія края, творятъ судъ медленный, неправый, немилостивый и недостижимый для бѣдныхъ людей.

Эти судебныя учрежденія, составляя теплый и сытный *пожизненный* пріютъ для судебно-чиновнаго люда, совершенно не заботятся о защитѣ личныхъ и имущественныхъ интересовъ того населенія, на счетъ котораго существуютъ. Единственная ихъ забота *побольше получать и поменьше работать*. Затрачивая черезчуръ большія деньги на содержаніе своихъ «особенныхъ» судебныхъ учрежденій, населеніе края не имѣетъ у себя судеб-

---

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отд. о судопр., глава XXV, примѣч. 19, къ ст. 5, стр. 929—930.

ныхъ органовъ, обязанныхъ разслѣдовать преступленіе по горячимъ слѣдамъ, оно не имѣетъ учрежденій, обязанныхъ защищать интересы потерпѣвшаго, слѣдить за направленіемъ уголовныхъ дѣлъ, заботиться о полученіи преступникомъ должнаго возмездія. Въ этой культурной странѣ нѣтъ ни судебныхъ слѣдователей, ни прокурорскаго надзора. Здѣсь раскрытіе преступленія и добыча доказательствъ лежатъ на обязанности потерпѣвшаго, и благодаря этому, не мало преступленій остается нераскрытыми; хотя самые преступники и извѣстны, но у частнаго лица нѣтъ ни средствъ, ни знаній, ни власти, чтобы принять своевременно мѣры къ разоблаченію преступленія. Судебныя учрежденія не окажутъ потерпѣвшему никакого содѣйствія, они даже не заботятся ни о вызовѣ сторонъ и свидѣтелей, ни о врученіи различныхъ процессуальныхъ бумагъ; все это лежитъ на обязаности сторонъ и сопряжено съ крайне тяжелыми, подчасъ непосильными расходами.

Можетъ быть, защитники финляндской обособленности отвѣтятъ намъ, что обязанности судебныхъ слѣдователей исполняютъ коронные ленсманы, а обязанности прокурорскаго надзора лежатъ на адвокатъ-фискалахъ, состоящихъ при гофгерихтахъ, съ прокуроромъ финляндскаго сената во главѣ, что наконецъ, Финляндія страна хотя и культурная, но бѣдная и не можетъ, кромѣ тѣхъ судебныхъ учрежденій, которыя у нея имѣются, содержать судебныхъ слѣдователей, прокурорскій надзоръ, судебныхъ приставовъ и разсыльныхъ.

На первое изъ этихъ возраженій мы отвѣтимъ, что коронные ленсманы, исполняя кромѣ полицейскихъ обязанностей, и обязанности судебныхъ приставовъ, болѣе всего любятъ эти послѣднія, какъ дающія имъ хорошій заработокъ [1]). Они не имѣютъ времени, да, кажется, и не обязаны исполнять обязанности судебнаго слѣдователя, если отъ преступленія страдаютъ интересы част-

---

[1]) Насколько выгодна дѣятельность ленсмана въ качествѣ судебнаго пристава, намъ лично пришлось испытать. По одному дѣлу объ отобраніи движимаго имущества, пришлось обратиться къ ленсману, живущему отъ мѣста нахожденія имущества въ 6-ти километр. По этому дѣлу онъ пріѣзжалъ два раза; въ 1 разъ ничего не дѣлалъ и взялъ 20 мар., во 2-й отобралъ имущество и взялъ 15 мар. Да не подумаетъ читатель, что это *взятка* или *благодарность*. Нѣтъ, здѣсь чиновники народъ «культурнѣй», взятокъ и благодарностей не берутъ, а *требуютъ*, какъ говорятъ, лишь то, что имъ слѣдуетъ.

наго лица. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что когда къ одному изъ ленсмановъ обратились съ просьбой о производствѣ разслѣдованія по дѣлу, вполнѣ подвѣдомственному, по русскимъ законамъ, судебному слѣдователю, то г. ленсманъ объявилъ, что это не его дѣло, а дѣло суда, и когда ему замѣтили: «а если мнѣ голову снимутъ, то тоже не ваше дѣло», то на это почтенный блюститель финляндскихъ порядковъ прехладнокровно отвѣтилъ: «и тогда не мое дѣло; надо жаловаться суду». Что же касается до обязанностей прокурорскаго надзора въ лицѣ прокурора финляндскаго сената, то мы имѣемъ такой фактъ. Одинъ изъ финляндскихъ адвокатовъ, состоящій членомъ одного изъ низшихъ судовъ края, съ корыстной цѣлью вовлекъ своего довѣрителя въ разорительную сдѣлку. Когда довѣритель узналъ о поступкѣ своего адвоката, то на основаніи второй части § 58 [1]) Учрежд. финляндск. сената изд. 1892 г. составилъ прошеніе на имя прокурора сената, въ которомъ ходатайствовалъ о возбужденіи преслѣдованія противъ адвоката. Получился письменный отвѣтъ чрезъ третье лицо (которое просили переговорить сначала съ прокуроромъ частно), что это дѣло ему неподвѣдомственно, такъ какъ адвокатъ, хотя и должностное лицо, но въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ какъ частное, а не должностное лицо, и что съ этимъ дѣломъ слѣдуетъ обратиться въ судъ, непосредственно отъ имени потерпѣвшаго. Изъ этого отвѣта мы видимъ, что прокуровъ сената и адвокатъ-фискалы существуютъ въ этомъ краѣ лишь для охраны казенныхъ интересовъ и для преслѣдованія за преступленія по должности, а приведенный нами законъ мертвая буква, какихъ много въ финляндскомъ законодательствѣ.

На второе возраженіе мы напомнимъ, что Финляндія на свои судебныя учрежденія тратитъ ежегодно 1.059.171 руб. 39 к., и имѣетъ судебныя учрежденія, обладающія всѣми отрицательными качествами, а русское правительство, вводя судебные уставы Императора Александра II въ отдаленной Сибири, на всѣ

---

[1]) Въ означенной части § 58 сказано: «Если кто либо доведетъ до свѣдѣнія прокурора о нарушеніи должностнымъ или другимъ лицомъ закона и обязуется доказать свое заявленіе, то прокуроръ обязанъ таковую жалобу направить въ надлежащее мѣсто и назначить, въ случаѣ надобности, публичнаго обвинителя, для содѣйствія при изслѣдованіи жалобы. «Сборникъ постановленій В. К. Финляндск.» 1892 г., № 30, стр. 14—15.

судебныя учрежденія, со всѣми ихъ органами, ассигновало 1.023.700 р. [1]) Разница лишь въ томъ, что наши судебные труженики, получая содержаніе отъ государства, отдаютъ ему всѣ свои знанія,всю свою душу и дѣйствительно ѣдятъ трудовой хлѣбъ, а гг. финляндскіе судебные дѣятели живутъ барами на счетъ бѣднаго народа, отдающаго свои послѣдніе гроши на ихъ содержаніе.

Чтобы наши слова не явились бездоказательной фразой, мы для сравненія приведемъ дѣятельность судебныхъ учрежденій Пермской губерніи, образованныхъ по уставамъ Императора Александра II. Мы выбрали эту губернію, такъ какъ она по пространству и по населенію наиболѣе подходитъ къ Финляндіи.

Мы уже говорили, что по подсудности дѣлъ всѣ финляндскія судебныя учрежденія соотвѣтствуютъ: судебнымъ палатамъ, окружнымъ судамъ, мировымъ учрежденіямъ и волостнымъ судамъ, въ соединеніи съ дѣятельностью старшихъ натаріусовъ, состоящихъ при окружныхъ судахъ, такъ какъ всѣ акты, касающіеся недвижимыхъ имѣній, утверждаемые старшимъ натаріусомъ, утверждаются въ Финляндіи низшими судебными инстанціями [2]).

О порядкѣ утвержденія этихъ актовъ и неудобствахъ такихъ порядковъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже; теперь лишь приведемъ свѣдѣнія о дѣятельности русскихъ судебныхъ установленій.

Въ Пермской губерніи, какъ извѣстно, судебной палаты нѣтъ, а она входитъ въ округъ казанской судебной палаты, въ вѣдѣніи которой, кромѣ пермскаго и екатеринбургскаго окружныхъ судовъ, составляющихъ первую инстанцію общихъ судебныхъ учрежденій для Пермской губерніи, состоятъ окружные суды: казанскій, симбирскій, вятскій и сарапульскій. Раіонъ округа казанской судебной палаты занимаетъ площадь въ 525.798 квадр. верстъ (или 529.952,3 кв. киломстра),съ населеніемъ (въ 1885 г.) 9.102.758 ч. [3]).

---

[1]) «Собраніе узаконеній и распоряжен. правительства» отъ 28 мая 1896 г., № 61, ст. 732, стр. 2213.

[2]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отд. о недвижимостяхъ, стр. 71—151.

[3]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи, выпускъ VII за 1891 г., стр. 28.

Въ Пермской же губерніи дѣйствовали въ 1891 г. [1]) два окружныхъ суда (пермскій и екатеринбургскій), 62 участковыхъ и 3 добавочныхъ мировыхъ судьи, съ 12 съѣздами этихъ судей, въ составъ которыхъ, кромѣ участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей, входятъ 54 почетныхъ мировыхъ судьи [2]) и 484 волостныхъ суда (по числу волостей [3]) съ уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями.

Дѣятельности волостныхъ судовъ мы не знаемъ; что же касается дѣятельности остальныхъ судебныхъ учрежденій, то мы можемъ привести довольно подробныя свѣдѣнія по окружнымъ судамъ съ состоящими при нихъ старшими нотаріусами и судебными слѣдователями за 1891 г., а для мировыхъ судебныхъ учрежденій за 1888 г. Думаемъ, что сравнивая дѣятельность этихъ учрежденій съ финляндскими судами, мы не заслужимъ упрека въ умаленіи дѣятельности этихъ послѣднихъ, такъ какъ при увеличеніи населенія, понятно увеличилось и количество судебныхъ дѣлъ, и потому, *вѣроятно*, въ 1891 г. въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ Пермской губерніи было болѣе дѣлъ, чѣмъ въ 1888 году.

По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ Министерствомъ Юстиціи, въ двухъ окружныхъ судахъ Пермской губерн. рѣшено дѣлъ:

уголовныхъ	9,211 [4])
гражданскихъ	3,292 [5])
Итого . .	12,503

Мировыми судьями Пермской губерніи рѣшено:

уголовныхъ дѣлъ	40,767	53,390 [6])
гражданскихъ »	12,623	

[1]) Мы беремъ свѣдѣнія за 1891 г. для сравненія съ дѣятельностью финляндскихъ учрежденій.

[2]) Сборникъ статистическ. свѣдѣній Министерства Юстиціи. Вып. VII, стр. 6—7.

[3]) Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи за 1895 г., изд. статистич. комитета. Отдѣлъ I, стр. 71—88.

[4]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи, выпускъ VII, стр. 56—57.; въ томъ числѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 937.

[5]) Тоже, стр. 68—69, въ томъ числѣ дѣлъ охранительнаго порядка 1293.

[6]) Обзоръ дѣятельности судебно-мировыхъ установленій изд. Министерства Юстиціи за 1888 г. 22—23 и 66—67.

При сравненіи дѣятельности финляндскихъ и русскихъ судебныхъ учрежденій, къ дѣламъ судебныхъ учрежденій первой инстанціи слѣдуетъ причислить дѣла нотаріальныхъ архивовъ по утвержденію различныхъ актовъ, выдачи свидѣтельствъ и справокъ, касающихся недвижимыхъ имѣній, каковыхъ дѣлъ въ 1891 г. по Пермской губерніи было 4,615 [1]).

Всѣ эти дѣла по общему уложенію Финляндіи входятъ въ кругъ обязанностей низшихъ судовъ края; разница между дѣятельностью этихъ учрежденій и русскими нотаріальными архивами заключается въ томъ, что послѣдніе приступаютъ къ разсмотрѣнію сдѣлки, касающейся недвижимости, немедленно по представленіи этой сдѣлки, и утверждаютъ или отказываютъ въ возможно непродолжительномъ времени, которое обыкновенно назначается старшимъ нотаріусомъ при подачѣ просьбы объ утвержденіи акта. Финляндскія же судебныя учрежденія разсматриваютъ такія дѣла не *иначе, какъ въ очередную сессію суда*, и затѣмъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся перехода правъ на недвижимыя имѣнія, вопросъ о правильности перехода разрѣшается *въ трехъ очередныхъ засѣданіяхъ*, а о залогѣ имѣнія хотя въ одно, но всетаки очередное. Такимъ образомъ дѣло, оканчивающееся въ нотаріальномъ архивѣ въ теченіе одной или двухъ недѣль, а иногда и менѣе, въ финляндскихъ герадскикъ судахъ тянется *не менѣе двухъ мѣсяцевъ* [2]). Объ этомъ мы еще будемъ говорить при разсмотрѣніи послѣдствій отсутствія въ Финляндіи учрежденій, установленныхъ въ Россіи нотаріальнымъ положеніемъ.

Дѣла судебныхъ слѣдователей, которыхъ въ 1891 году было окончено по Пермской губ. 8,581 [3]), также должны быть причислены къ дѣламъ судовъ первой инстанціи. Въ Финляндіи, какъ мы говорили, нѣтъ судебныхъ слѣдователей, но по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ, гдѣ гофгерихтъ является судомъ первой инстанціи или ревизіоннымъ, «разслѣдованіе» преступленія производятъ низшіе суды края, исполняя при этомъ обя-

---

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министер. Юстиціи, вып. VII, стр. 140—141.

[2]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи», отдѣлъ о недвижимости. Гл. IV, ст. 1; гл. IX дополн. 29 къ статьѣ 9, и отд. о судопроизв., глава IV, ст. 2, стр. 77—79; 100 и 844.

[3]) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи», вып. XII, стр. 96—97.

занности судебныхъ слѣдователей. Но здѣсь является существенная разница въ порядкѣ дѣлопроизводства. Финляндскіе низшіе суды разслѣдуютъ преступленія въ очередныхъ засѣданіяхъ или въ крайне экстренныхъ случаяхъ [1]) собирается засѣданіе, которое дѣйствуетъ по общимъ правиламъ постановки рѣшенія, оцѣнки доказательствъ и способовъ добыванія истины. Такое изслѣдованіе передается низшимъ судомъ или для постановки рѣшенія или для ревизіи постановленнаго рѣшенія въ гофгерихтъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ потерпѣвшій является стороной и обязанъ *доказать* обвиненіе. Финляндскій судъ не разыскиваетъ обвиняемыхъ, не собираетъ уликъ противъ нихъ, подобно нашимъ слѣдователямъ; все это должна сдѣлать сторона—«истецъ», т.-е. потерпѣвшій, если преступленіемъ нарушены интересы частнаго лица, и коронный обвинитель въ лицѣ ленсмана или адвокатъ-фискала,—если нарушены интересы казны, общества или порядка управленія. Здѣсь не имѣютъ мѣста правила, изложенныя въ 250, 266, 276, 308 ст. уст. угол. суд. Въ сущности финляндское «разслѣдованіе» является судебнымъ, а не предварительнымъ слѣдствіемъ. Финляндское слѣдствіе лишь провѣряетъ данныя, добытыя уголовнымъ «истцомъ», и если данныя не составляютъ «полнаго доказательства», а лишь полудоказательство или улики, то въ первомъ случаѣ требуетъ присяги обвиняемаго, а во второмъ—старается добыть истину болѣе тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ, о чемъ мы уже говорили. Низшій судъ, въ качествѣ «разслѣдователя» преступленія, можетъ принять какъ мѣру пресѣченія—тюрьму, но это онъ дѣлаетъ, правда, въ крайнихъ случаяхъ, такъ какъ содержаніе въ тюрьмѣ состоящаго подъ слѣдствіемъ налагаетъ на герадскаго судью обязанность назначать экстренныя сессіи, за которыя особаго вознагражденія не полагается, если они назначены не по просьбѣ частнаго лица, принявшаго на себя всѣ расходы.

Принимая во вниманіе все нами сказанное, мы можемъ составить сравнительную таблицу дѣятельности финляндскихъ низшихъ судовъ и соотвѣтствующихъ судебныхъ учрежденій Пермской губерніи, согласно оффиціальнымъ даннымъ о коли-

---

[1]) Малышевъ. «Общ. Улож. Финл.». Отд. о судопр. Глава IV, ст. 1 и дополн. къ ней 1—6, и гл. VIII, ст. 2 и примѣч. къ ней, стр. 843—844 и 850—854.

чествѣ рѣшенныхъ дѣлъ. При этомъ всѣ охранительныя дѣла, показанныя въ производствѣ финляндскихъ судовъ, мы причислимъ къ дѣламъ рѣшеннымъ, а производство нотаріальныхъ архивовъ Пермской губ. причислимъ къ охранительнымъ дѣламъ Пермской губерніи, въ виду того, что дѣла, подлежащія вѣдѣнію нотаріальныхъ архивовъ, въ Финляндіи производятся въ герадскихъ и ратгаузскихъ судахъ и считаются дѣлами охранительными.

Финляндія.	Исковыя дѣла.	Охранительныя дѣла.	Уголовныя дѣла.	Пермская губернія.	Исковыя дѣла.	Охранительныя дѣла.	Уголовныя дѣла.
Герадскіе суды	29.704	38.136	17.005	Мировые судьи .	12.633	—	40.767
				Окружные судьи .	1.999	1.293	9.211
Ратгаузскіе суды	6.045	8.740	5.250				
				Нотаріальные архивы	—	4.615	—
				Судебные слѣдователи	—	—	8.581
Итого . .	35.749	46.876	22.255	Итого . .	14.632	5.908	58.559
Всего . .	104.880			Всего . .	79.097		

Изъ этой таблицы мы видимъ, что финляндскими низшими судами рѣшено дѣлъ болѣе чѣмъ, таковыми же судами Пермской губерніи, на 25,781 дѣло. Но, какъ мы видимъ, въ эту таблицу не вошли дѣла, рѣшенныя волостными судами Пермской губерніи, такъ какъ этого количества мы не знаемъ. Принимая же во вниманіе, что въ Пермской губерніи дѣйствуютъ 484 волостныхъ суда [1]), что каждый изъ этихъ судовъ *обязанъ* засѣдать

[1]) Въ Пермской губерніи 484 волости (Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи за 1896 г. Отдѣлъ I, стр. 61—88.

не менѣе одного раза въ двѣ недѣли [1]), мы получимъ, что въ Пермской губерніи ежегодно происходитъ не менѣе 12,584 засѣданій волостныхъ судовъ. Это число засѣданій совершенно достаточно, чтобы съ увѣренностью сказать, что *въ общемъ* количественная работа низшихъ судовъ Финляндіи не болѣе таковой же работы судовъ 1-й инстанціи Пермской губерніи, такъ какъ при предположеніи, что въ каждомъ засѣданіи суда рѣшено лишь два дѣла, перевѣсъ окажется на сторонѣ Пермской губерніи.

Разсмотримъ дѣятельность судебныхъ учрежденій по отдѣламъ и постараемся объяснить разницу количества дѣлъ. Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, исковыхъ дѣлъ рѣшено въ финляндскихъ низшихъ судебныхъ учрежденіяхъ на 21,127 дѣлъ болѣе, чѣмъ въ Пермской губерніи. Эта разница объясняется тѣмъ, что нами не показаны исковыя дѣла волостныхъ судовъ, а въ Финляндіи громадное большинство дѣлъ герадскихъ судовъ составляютъ дѣла, подсудныя волостнымъ судамъ въ Россіи. Мы уже говорили, что въ герадскихъ судахъ большинство исковыхъ дѣлъ производится между крестьянами, цѣнностью каждое въ нѣсколько десятковъ финскихъ марокъ. Дѣла на сотни марокъ между крестьянами крайне рѣдки; большинство такихъ исковъ предъявляются къ крестьянамъ сельскими купцами. Волостнымъ же судамъ подсудны иски между крестьянами цѣною до 300 р. [2]) (789 фин. мар.). При такомъ положеніи дѣлъ можно съ увѣренностью сказать, что по крайней мѣрѣ $^3/_4$ всѣхъ исковыхъ дѣлъ герадскихъ судовъ, т.-е. 22,278 дѣлъ, подсудны волостнымъ судамъ, и только 7,426 дѣлъ подсудны общимъ и мировымъ судебнымъ учрежденіямъ; причисляя къ этой суммѣ всѣ дѣла ратгаузскихъ судовъ, мы увидимъ, что окружными судами и мировыми судьями Пермской губерніи рѣшено на 1,151 дѣло болѣе, чѣмъ судами первой инстанціи въ Финляндіи. Отчисленіе 22,278 дѣлъ на 12,584 засѣданія волостныхъ судовъ (менѣе двухъ на засѣданіе), полагаемъ, не много.

Въ количествѣ производства дѣлъ охранительнаго порядка

---

[1]) „Временныя правила о волостномъ судѣ“ 12 іюня 1889 г., стат. 8.

[2]) Тоже, статья 15 пунк. 2

опять, повидимому, перевѣсъ на сторонѣ Финляндіи. Въ Финляндіи такихъ дѣлъ производится на 40,968 болѣе, чѣмъ въ Пермской губерніи. Цифра дѣйствительно громадная; но если мы повнимательнѣе разсмотримъ виды дѣлъ этого рода, то можетъ быть, она окажется и не столь громадной. Къ числу охранительныхъ дѣлъ, какъ мы указали, причисляются, кромѣ дѣлъ охранительнаго порядка, указанныхъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства Императора Александра II [1]), еще многія дѣла, состоящія въ вѣдѣніи нотаріальныхъ ахивовъ и натаріусовъ. Таковы: *утвержденіе* актовъ перехода права собственности на недвижимыя имѣнія, передачи права владѣнія казенными гейматами (имѣніями) и актовъ по залогамъ этихъ имѣній, *явка* предбрачныхъ договоровъ, выдѣльныхъ актовъ, совершаемыхъ вдовцами и вдовами при вступленіи въ новый бракъ, въ пользу дѣтей отъ предъидущаго брака, и арендныхъ договоровъ [2]). Сравнивая дѣятельность учрежденій Пермской губерніи съ дѣятельностью финляндскихъ учрежденій, мы должны принять во вниманіе, что каждое дѣло, по переходу недвижимыхъ имѣній по праву наслѣдія или по какому либо другому праву, производящееся въ Россіи, соотвѣтствуетъ тремъ таковымъ дѣламъ финляндскихъ судебныхъ учрежденій, такъ какъ о каждомъ переходѣ имѣнія въ Финляндіи объявляется три раза [2]) и каждое объявленіе составляетъ особое дѣло. Изъ статистическихъ свѣдѣній о дѣятельности судебныхъ учрежденій за 1891 г. намъ извѣстно, что пермскимъ и екатеринбургскимъ окружными судами рѣшено 1,293 [3]) охранительныхъ дѣла и нотаріальными архивами при тѣхъ судахъ утверждено купчихъ крѣпостей 1,044 [3]). Эти 2,337 дѣлъ соотвѣтствуютъ 7,011 дѣламъ финляндскимъ; кромѣ того, означенными нотаріальными архивами утверждено 83 [3]) закладныхъ крѣпости и выдано 209 [3]) свидѣтельствъ на залогъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ и 3,279 [3]) различныхъ справокъ выписей и копій. Изъ этихъ данныхъ видно, что дѣятельность окружныхъ судовъ и нотаріальныхъ архивовъ по дѣламъ охранитель-

---

[1]) Уставъ граждан. судоп. Императора Александра II, изд. 1892 г., ст. 1401—1404; 1409—1460.

[2]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“. Отдѣлъ о недвижимостяхъ. Глава IV, ст. 1, стр. 77; глава XVII доп. 3 къ ст. 5, стр. 121; глава XI доп. къ ст. 9, стр. 96—101; глава XVI, доп. 3 къ ст. 1, стр. 109, и отдѣлъ о бракѣ, глава X, ст. 2, стр. 20, и глава XII, ст. 32.

[3]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи“, выпускъ VII, стр. 68—69 и 140—142.

наго порядка въ Пермской губерніи соотвѣтствуетъ 10,582 дѣламъ того же порядка финляндскихъ низшихъ судовъ. Опредѣлить, хотя приблизительно, количество заключенныхъ арендныхъ договоровъ и актовъ передачи права владѣнія казенными гейматами ни за одинъ годъ мы не имѣемъ возможности, за неимѣніемъ въ статистическихъ ежегодникахъ Финляндіи какихъ либо данныхъ; но можемъ только сказать, что такіе акты, какъ договоры найма (аренды) какъ частныхъ, такъ и казенныхъ недвижимыхъ имѣній, а равно передача правъ по такимъ договорамъ—въ Россіи совершаются у нотаріусовъ и въ управленіяхъ завѣдующихъ казенными имѣніями, безъ всякаго участія суда и нотаріальныхъ архивовъ [1]). Затѣмъ русское законодательство и православная церковь не признаютъ никакихъ предбрачныхъ договоровъ. Въ нашемъ законодательствѣ признается лишь приданое, выдаваемое родителями, которое можетъ быть облечено въ рядную запись, совершаемую или явочнымъ (нотаріальнымъ) порядкомъ, если она не касается недвижимаго имѣнія, или крѣпостнымъ, если приданое заключается въ недвижимости [2]). Участія суда, по русскимъ законамъ, въ этомъ случаѣ не требуется; равнымъ образомъ оно не требуется при раздѣлахъ имѣнія между вдовой-матерью и ея дѣтьми, кромѣ случая, когда дѣти малолѣтнія. Въ Финляндіи предбрачные договоры существуютъ и судъ не утверждаетъ или отвергаетъ ихъ, какъ не законные, но лишь принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію, т. е. эти договоры лишь являются суду [3]), иначе говоря, судъ въ этомъ случаѣ играетъ роль нотаріуса въ Россіи. Для опредѣленія хотя приблизительной цыфры количества предбрачныхъ договоровъ и актовъ выдѣла вдовыми родителями своихъ дѣтей отъ прежняго брака при вступленіи ихъ въ новый бракъ мы имѣемъ нѣкоторыя данныя. Въ 1891 году въ Финляндіи между лицами лютеранскаго исповѣданія было заключено 16,125 браковъ. Допустимъ, что только половина лицъ, вступившихъ въ бракъ, совершила предбрачные договоры, то получится 8,062 такихъ договоровъ. Изъ числа лицъ, вступившихъ въ бракъ, было:

---

[1]) «Томъ X ч. 1. Свода зак.», ст. 1700, 1000, 1006, 1007 и 1337.

[2]) «Положеніе о нотаріальной части», ст. 79—127, 157—178.

[3]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о бракѣ, глава X, ст. 2, и гл. XII, ст. 1—2.

вдовцовъ 2,290 и вдовъ 1.303 [1]), т. е. 3,593 лица, обязанныхъ до вступленія въ бракъ представить удостовѣреніе о выдѣлѣ своихъ дѣтей отъ предъидущаго брака. Допустимъ, что половина этихъ лицъ имѣла дѣтей, мы получимъ 1,796 дѣлъ о выдѣлѣ этихъ дѣтей. Если же предположимъ, что въ 1891 году во всей Финляндіи не было совершено ни одного арендnаго договора, а равно и договора о передачѣ права пользованія казенными гейматами, то, при такихъ невозможныхъ предположеніяхъ, окажется, что въ числѣ охранительныхъ дѣлъ, производившихся въ низшихъ финляндскихъ судахъ, было 9,858 дѣлъ, такъ сказать, явочнаго характера. Принявъ въ соображеніе все нами сказанное, остается объяснить значеніе 26,436 дѣлъ охранительнаго порядка. Какъ мы уже говорили, по существующимъ финляндскимъ порядкамъ три дѣла охранительныхъ финляндскихъ судовъ соотвѣтствуютъ одному таковому же дѣлу, производящемуся въ русскихъ судахъ. Слѣдовательно, означенныя 26,436 охранительныхъ дѣлъ соотвѣтствуютъ 8,812 дѣламъ русскимъ того же характера. Принявъ во вниманіе, что въ Пермской губерніи 484 волостныхъ суда, которымъ подсудны дѣла [2]) «по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества: а) безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и б) когда наслѣдственное имущество, находящееся въ предѣлахъ волости, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но цѣнность его не превышаетъ пятисотъ рублей» (1330 ф. мар.); что въ раіонѣ этихъ 484 судовъ проживаетъ населеніе подсудныхъ этимъ судамъ крестьянъ 2.509,888 душъ [3]),—не будетъ преувеличеніемъ дѣятельности этихъ судовъ, если мы допустимъ, что въ этихъ судахъ въ годъ производилось не менѣе 8,812 охранительныхъ дѣлъ, что составитъ на каждый судъ отъ 18 до 19 дѣлъ.

Такая цифра, какъ и многія изъ приведенныхъ нами, крайне гадательна, но мы не имѣемъ возможности дать точныхъ цифръ,

---

[1]) «Статистическій ежегодникъ Финляндіи» 1894 г., стр. 16.

[2]) «Временныя правила о волостномъ судѣ», 4 п., ст. 15.

[3]) Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи на 1896 г. отдѣлъ III, стр. 8—9, показано: крестьянъ, проживающихъ въ уѣздахъ (кромѣ городовъ), муж. пола 1.212,858, жен. 1,297,030.

благодаря центральному статистическому бюро, дающему массу ненужныхъ данныхъ, вродѣ количества «куръ и индѣекъ» въ этомъ краѣ и совершенно умалчивающему о количествѣ населенія по сословіямъ, религіямъ, народностямъ и т. п. Работающему по какому либо вопросу, касающемуся этой «культурной» страны, остается по одной какой либо цифрѣ, которую соблаговолитъ дать это псевдостатистическое учрежденіе, рѣшать уравненіе со многими неизвѣстными, витая въ области предположеній. Дѣлаются-ли всѣ эти умолчанія умышленно господами статистиками края, ради того, чтобы русскіе изслѣдователи имѣли поменьше матеріала, или по небрежности, мы не беремся рѣшить; но во всякомъ случаѣ должны сказать, что губернскій статистическій комитетъ не культурной Пермской губерніи даетъ несравненно лучшій, точный и ясный матеріалъ для разрѣшенія всевозможныхъ вопросовъ, касающихся губерніи, чѣмъ центральное бюро «культурной» Финляндіи. Оговорившись относительно приведенныхъ нами цифръ, мы должны сказать, что дѣлая различныя предположенія, мы во всякомъ случаѣ не погрѣшили противъ финляндскихъ судей, уменьшая ихъ судейскій трудъ. Напротивъ, всѣ предположенія очевидно клонились къ увеличенію этого труда, но не смотря на это, мы не можемъ сказать, чтобы количественная дѣятельность низшихъ финляндскихъ судовъ была больше дѣятельности судебныхъ органовъ Пермской губерніи по дѣламъ охранительнаго порядка.

Теперь сдѣлаемъ сравненіе дѣятельности этихъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ. Какъ мы видѣли изъ вышеприведенной таблицы, герадскими и ратгаузскими судами въ 1891 году рѣшено 22,255 дѣлъ уголовныхъ. Мировыми судьями Пермской губерніи въ 1888 г. такихъ же дѣлъ рѣшено 40,767 и двумя окружными судами той же губерніи въ 1891 году 9211 дѣлъ (изъ нихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ: съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 937 и безъ участія таковыхъ 1318; въ распорядительныхъ засѣданіяхъ 6946 [1]). Если для сравненія съ Финляндіей мы возьмемъ лишь дѣла, рѣшенныя въ судебныхъ засѣданіяхъ, то окажется, что пермскими судебными учрежденіями, кромѣ волостныхъ судовъ, рѣшено 43,022 дѣла, а въ Финляндіи всѣми судебными органами лишь 22,255 дѣлъ,

[1]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи", выпускъ VII, стр. 56—57.

т. е. на 20,767 дѣлъ болѣе, при чемъ къ этой разницѣ слѣдуетъ прибавить еще дѣла, рѣшенныя волостными судами, количества которыхъ мы не знаемъ.

Изъ этого послѣдняго сравненія является вполнѣ доказаннымъ, что русскимъ труженикамъ судебныхъ установленій 1-й инстанціи приходится отдавать дѣлу правосудія гораздо больше труда, чѣмъ господамъ финляндскимъ судьямъ.

Сравнивая дѣятельность судебныхъ учрежденій Финляндіи и Пермской губерніи, мы указали, что большинство дѣлъ охранительнаго порядка, производящихся въ финляндскихъ судахъ, вѣдаются въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ введены судебные уставы Императора Александра II, нотаріальными учрежденіями. На этомъ основаніи защитники финляндской обособленности пожалуй могутъ сказать намъ, что разъ всѣ дѣла, для которыхъ въ Россіи существуютъ особыя учрежденія, въ Финляндіи исполняются судомъ, то значитъ безъ этихъ учрежденій обойтись можно, и что финляндскіе судьи, неся обязанности натаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ, несутъ двойной трудъ сравнительно съ рускими судьями. Послѣдствія отсутствія нотаріальныхъ учрежденій для лицъ, совершающихъ сдѣлки, мы укажемъ нѣсколько ниже, и думаемъ, что читателю станетъ ясно, что гг. финляндскіе судьи при исполненіи своихъ нотаріальныхъ обязанностей совершенно не заботятся и *не обязаны* заботиться, по законамъ края, о гарантіи интересовъ лицъ, совершающихъ сдѣлки. Что касается до труда, посвящаемаго судьями этого рода дѣламъ, то мы должны сказать, что трудъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ, является трудомъ писца и хранителя. Такъ, по всѣмъ предбрачнымъ и аренднымъ договорамъ дѣятельность суда ограничивается тѣмъ, что договоръ, ранѣе совершенный домашнимъ порядкомъ, вписывается слово въ слово (иначе говоря—переписывается) въ протоколъ, который затѣмъ хранится въ судебныхъ архивахъ. Исполнивъ обязанности переписчика, судъ не заботится ни о законности, ни о подлинности этихъ договоровъ. Впрочемъ, что касается до подлинности договоровъ, то, какъ мы увидимъ ниже, герадскіе суды не заботятся даже о подлинности актовъ, совершаемыхъ въ Россіи крѣпостнымъ порядкомъ, и легко могутъ утвердить подложный актъ. Думаемъ, что такую дѣятельность нельзя сравнивать съ дѣятельностью нашихъ нотаріальныхъ учрежденій.

Теперь сравнимъ дѣятельность апелляціонныхъ судебныхъ

инстанцій Пермской губерніи съ дѣятельностью финляндскихъ гофгерихтовъ. Мы видѣли, что гофгерихтами въ теченіи года рѣшено 1,420 дѣлъ. Съѣздами мировыхъ судей Пермской губерніи рѣшено:

уголовныхъ дѣлъ. . . .	3,250 [1])
гражданскихъ »	1,267 [1])
Итого	4,517

При этомъ должно замѣтить, что всѣхъ засѣданій съѣздовъ въ теченіи года было 274, изъ чего слѣдуетъ, что въ каждомъ засѣданіи рѣшено отъ 16 до 17 дѣлъ.

Казанская судебная палата (въ вѣдѣніи которой, кромѣ двухъ окружныхъ судовъ Пермской губерніи, еще четыре суда: казанскій, симбирскій, вятскій и сарапульскій), въ теченіи 1891 года рѣшила:

уголовныхъ дѣлъ въ качествѣ суда 1-й инстанціи . .	208	
» » » » » апелляціонной » . .	257	
» » » » » обвинит. камеры . .	3,409	
Итого уголовныхъ дѣлъ . . .	3,874 [2])	
Гражданскихъ дѣлъ по апелляціоннымъ жалобамъ. .	284	456 [3])
» » » частнымъ » . .	172	

Принимая во вниманіе, что всѣми окружными судами, подвѣдомственными казанской судебной палатѣ, рѣшено въ 1891 году:

уголовныхъ дѣлъ . .	18,180 [4])	24,531
гражданскихъ » . .	6,351 [5])	

что изъ нихъ окружными судами Пермской губерніи въ томъ же году рѣшено:

уголовныхъ дѣлъ . .	9,211 [4])	12,503
гражданскихъ » . .	3,292 [5])	

---

[1]) „Обзоръ дѣятельности судебно-мировыхъ учрежденій“ за 1888 годъ, стр. 110—111 (изданіе Министерства Юстиціи).

[2]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи“, выпускъ VII, стр. 49—50.

[3]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи“, выпускъ VII, стр. 49—50.

[4]) Тоже, стр. 56—57.

[5]) Тоже, стр. 68—69.

т. е. 51% всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ окружныхъ судахъ этой палаты,—мы полагаемъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что 51% всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ казанской судебной палатою, относятся къ Пермской губерніи, т. е., что въ этой палатѣ рѣшено дѣлъ, относящихся къ Пермской губерніи:

уголовныхъ въ качествѣ суда 1-й инстанціи .	106	1,975
» » » обвинительн. камеры	1,738	
» » » апелляціонн. инст. .	131	
гражданскихъ по апелляціоннымъ жалобамъ. .	144	231
» » частнымъ » .	87	
Всего дѣлъ, относящихся къ этой губерніи. .		2,206

Изъ этихъ данныхъ видно, что членамъ высшихъ судовъ, образованныхъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II, приходится несравненно больше работать, чѣмъ членамъ финляндскихъ гофгерихтовъ. Такъ, каждый членъ гражданскаго департамента казанской судебной палаты долженъ былъ въ теченіи года изготовить 114 докладовъ и такое же количество рѣшеній въ окончательной формѣ, а каждый членъ уголовнаго департамента—разсмотрѣть 426 слѣдственныхъ производствъ по обвинительной камерѣ, составить по нимъ доклады, а равно составить доклады и рѣшенія въ окончательной формѣ по 58 уголовнымъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію палаты въ качествѣ суда 1-й инстанціи и апелляціонной (апелляціонныхъ—32 и 1-й инстанціи — 26) [1]). На долю же каждаго совѣтника и ассесора трехъ финляндскихъ гофгерихтовъ приходится по 32 дѣла, при чемъ 12 изъ нихъ должны разсмотрѣть 33 дѣла въ годъ [2]).

Мы видѣли послѣдствія различныхъ постановленій финляндскаго судопроизводства, стѣсняющихъ обжалованіе рѣшеній низшихъ судовъ. Благодаря этимъ постановленіямъ, низшіе суды края являются окончательными вершителями судебъ финскаго народа, а высшіе суды, почти ничего не дѣлая, представляютъ собой блестящую декорацію отдѣльнаго «финляндскаго государ-

[1]) Въ гражданскомъ департаментѣ казанской судебной палаты 4 члена, въ уголовномъ—8. («Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юст.», вып. VII).

[2]) «Finlands Stats-Kalender» 1894 г., въ 3-хъ гофгерихтахъ 17 совѣтниковъ и 27 ассесоровъ.

ства». Эта декорація необходима финляндскимъ «государственникамъ», какъ признакъ обособленности и независимости этого завоеваннаго края отъ Имперіи-завоевательницы.

Чтобы доказать, насколько доступно обжалованіе рѣшеній судовъ 1-й инстанціи по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II, мы приведемъ точныя оффиціальныя цифры обжалованія рѣшеній мировыхъ судей. Въ 1888 году изъ 40,767 уголовныхъ дѣлъ окончено миромъ 3,651 дѣло [1]). На остальныя 37,116 рѣшеній подано 3,070 жалобъ (2,481 апелляціонныхъ и 589 кассаціонныхъ) [1]) или 1 жалоба на 12 рѣшеній, а изъ числа 10,813 гражданскихъ рѣшеній (мы не считаемъ 1,820 дѣлъ, оконченныхъ миромъ) обжаловано 1,235 (апелляцій 1,060 и частныхъ жалобъ 175) [2]) или 1 жалоба почти на 9 дѣлъ. Насколько подача жалобъ имѣетъ значеніе для тяжущихся, доказывается тѣмъ, что въ судебно-мировыхъ съѣздахъ Пермской губерніи въ томъ же 1888 году было разрѣшено, по принесеннымъ сторонами жалобамъ:

уголовныхъ дѣлъ . . . . 3,190 [3])
гражданскихъ » . . . . 1,227 [3]) } 4,417

По этимъ рѣшеніямъ 1,067 жалобъ [3]) признаны заслуживающими уваженія и рѣшенія мировыхъ судей отмѣнены, т. е. отмѣнена 1/4 часть обжалованныхъ рѣшеній. Къ сожалѣнію, въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи» нѣтъ свѣдѣній: ни о количествѣ обжалованныхъ рѣшеній окружныхъ судовъ, ни о количествѣ рѣшеній, отмѣненныхъ судебной палатой. И поэтому намъ остается вывести первую изъ этихъ цифръ хотя приблизительно. Для вывода второй цифры мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Изъ уголовныхъ дѣлъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ подлежатъ лишь дѣла, рѣшенныя окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей [3]). Такихъ дѣлъ окружными судами Пермской губерніи въ 1891 году рѣшено 1,218 [4]). Гражданскія же рѣшенія окружныхъ судовъ всѣ могутъ быть обжа-

---

[1]) «Обзоръ дѣятельности судебно-мировыхъ установленій» 1888 г., стр. 22—23.

[2]) Тоже, стр. 66—67.

[3]) «Уставъ уголовнаго судопроизводства». Изд. 1892 г., ст. 853—856.

[4]) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи», выпускъ VII, стр. 56—57.

лованы въ судебную палату, частью въ апелляціонномъ, частью въ частномъ порядкѣ. Теперь допустимъ какъ предположеніе, что всѣ жалобы на рѣшенія окружныхъ судовъ 1891 года въ тотъ же годъ поступили въ судебную палату. Какъ видно изъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи, въ 1891 году въ казанскую судебную палату поступило: апелляціонныхъ жалобъ по дѣламъ уголовнымъ — 178 [1]), а апелляціонныхъ и частныхъ жалобъ по дѣламъ гражданскимъ—450 [2]).

Окружными же судами Пермской губерніи въ томъ же году рѣшено гражданскихъ дѣлъ 2493 [3]). Мы выше сдѣлали выводъ, что изъ дѣлъ, рѣшенныхъ казанской судебной палатой, 51% слѣдуетъ отчислить на рѣшенія по дѣламъ окружныхъ судовъ Пермской губерніи. Допустимъ этотъ же процентъ и для жалобъ, поступившихъ въ эту палату. При такихъ предположеніяхъ окажется:

на 178 рѣшеній по дѣламъ уголовнымъ поступило жалобъ— 91 или 1 на 13.
„ 2493 „ „ „ гражданскимъ „ „ 222 или 1 на 11.

Разумѣется, такое отношеніе числа жалобъ къ числу рѣшеній только приблизительное. При этомъ слѣдуетъ добавить, что какъ по дѣламъ подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, такъ и общимъ, жалобы по дѣламъ, основаннымъ на безспорныхъ долговыхъ обязательствахъ, а равно по дѣламъ охранительнаго порядка, весьма рѣдко приносятся, такъ что можно сказать, что рѣдкое спорное дѣло, рѣшенное первой инстанціей, не переносится во вторую. Останавливаясь на выведенныхъ нами цифрахъ, мы имѣемъ полное право сказать, что этими цифрами мы ясно доказали, что обжалованіе по уставамъ Императора Александра II несравненно доступнѣе, чѣмъ по общему уложенію Финляндіи.

Вѣроятно, защитники финляндскихъ порядковъ укажутъ намъ, какъ на стѣсненіе тяжущихся по судебнымъ уставамъ, на оплату исковыхъ дѣлъ пошлинами. Этимъ господамъ мы докажемъ, что эти пошлины во всякомъ случаѣ менѣе издержекъ тяжущагося по финляндскимъ дѣламъ по однимъ вызовамъ сторонъ и свидѣтелей. Затѣмъ укажемъ, что эти пошлины

---

[1]) Тоже, стр. 49—50.
[2]) Тоже, стр. 49—50.
[3]) Тоже, стр 68—68.

взыскиваются соразмѣрно суммѣ иска [1]), причемъ бѣднѣйшій классъ населенія—крестьяне, ведущіе дѣла въ волостныхъ судахъ, совершенно освобождены отъ платежа судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ [2]), равно какъ освобождены отъ нихъ и лица, ведущія мелкіе иски, до 10 руб. (26 мар. 60 пенни), въ мировыхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, стороны въ волостныхъ судахъ, мировыхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ по уголовнымъ дѣламъ не несутъ никакихъ издержекъ по вызову сторонъ и свидѣтелей, а по послѣдняго рода дѣламъ освобождены отъ гербоваго сбора [3]). Для тяжущихся во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ необязательна явка сторонъ не только для подачи жалобъ на рѣшенія судовъ 1-й инстанціи, но при разборѣ дѣлъ какъ въ первый, такъ и во второй инстанціи суда. Если принять во вниманіе все это, то врядъ-ли расходы тяжущихся въ русскихъ судахъ будутъ обременительны въ сравненіи съ расходами въ судахъ Финляндіи. Но главное достоинство судебныхъ установленій, образованныхъ по судебнымъ уставамъ, заключается въ томъ, что пошлины соразмѣрны съ цѣною иска, а главный недостатокъ судовъ «финляндскаго государства»—это равенство расхода для иска въ 1 марку и въ милліонъ марокъ, а такъ какъ крупные иски ведутся людьми богатыми, а мелкіе бѣдняками, то можно сказать, что *въ Россіи достиженіе правосудія доступно для всего населенія, тогда какъ въ Финляндіи оно составляетъ лишь привилегію богачей.*

Мы сказали, что въ мировыхъ учрежденіяхъ тяжущіеся несутъ менѣе расходовъ по платежу пошлинъ, чѣмъ въ Финляндіи по вызову сторонъ и свидѣтелей. Это положеніе мы можемъ доказать оффиціальными цифрами. Въ 1888 г. у мировыхъ судей Пермской губерніи поступило 16,880 [4]) гражданскихъ дѣлъ на сумму 1.011,013 руб. 35 коп. [4]), что составитъ въ среднемъ цѣну каждаго иска около 60 р. На рѣшенія миро-

---

[1]) „Уставъ гражданскаго судопроизводства“, изд. 1892 г., ст. 200 $^{1-10}$; 848—852.

[2]) „Временныя правила о волостномъ судѣ“, ст. 27.

[3]) „Уставъ гражданскаго судопроизводства“, изд. 1892 г., ст. 200, 200$^{1-10}$ и 201; „уставъ уголовнаго судопроизводства“, изд. 1892 г., ст. 198, 984.

[4]) „Обзоръ дѣятельности судебно-мировыхъ установленій“ за 1888 г., изд. Министерства Юстиціи, стр. 66—67.

выхъ судей по гражданскимъ дѣламъ, какъ мы уже сказали, было принесено 1,060 жалобъ апелляціонныхъ и 175 частныхъ. Только апелляціонныя жалобы оплачиваются пошлинами равными съ исковыми, т.-е. по 1 коп. съ рубля цѣны иска. Цѣна исковъ обжалованныхъ рѣшеній не указана, а потому мы возьмемъ среднюю выведенную нами цѣну исковъ, т.-е. 60 руб., и допуская, что у мировыхъ судей не было предъявлено ни одного иска цѣною ниже 10 руб., а равно, что никто изъ тяжущихся лицъ не былъ освобожденъ отъ платежа пошлинъ по бѣдности, мы выведемъ наибольшую сумму расхода сторонъ по веденію дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ Пермской губерніи за 1888 годъ:

1) Исковыхъ пошлинъ съ исковъ на сумму 1.011,013 руб. 35 коп.	10,110 руб. 14 коп.
2) Апелляціонныхъ пошлинъ съ исковъ на сумму 63,600 руб.	636 руб. —
3) Канцелярскихъ пошлинъ по дѣламъ: уголовнымъ, гражданскимъ въ обѣихъ инстанціяхъ	1,265 руб. 30 к. [1])
Итого . .	12,011 руб. 44 коп.

Опредѣливъ наибольшую сумму расходовъ, которую понесли стороны, мы должны сказать, что мировыми судьями и ихъ съѣздами въ томъ же году было вызвано къ разбору дѣлъ не менѣе 62,434 истцовъ, отвѣтчиковъ, обвиняемыхъ и обвинителей [2]) и 71,772 свидѣтеля и свѣдущихъ лица [1]). Если допустить, что всѣ эти дѣла разбирались не въ Пермской губерніи, по судебнымъ уставамъ, а въ Финляндіи, по законамъ края, то стороны должны были бы израсходовать только на вызовы

[1]) „Обзоръ дѣятельности судебно мировыхъ установленій“ за 1888 г., изд. Министерства Юстиціи, стр. 22—23, 66—67 и 110—111.

[2]) При опредѣленіи числа вызванныхъ сторонъ мы взяли изъ „Обзора дѣятельности судебно-мировыхъ установленій“ число рѣшенныхъ дѣлъ какъ мировыми судьями, такъ ихъ съѣздами, и предположили, что по каждому дѣлу, разобранному мировыми судьями, было вызвано лишь по одному лицу (отвѣтчикъ или обвиняемый), а по дѣламъ съѣздовъ по два лица (истецъ и отвѣтчикъ, обвинитель и обвиняемый), но такъ какъ навѣрно были дѣла съ нѣсколькими отвѣтчиками и обвинителями, и такъ какъ навѣрно были сдѣланы и вызовы по дѣламъ, перешедшимъ на 1889 г., то мы вправѣ сказать „не менѣе“.

означенныхъ 134,206 человѣкъ 80,523 фин. мар. или 30,196 руб. (по 60 пенни на каждую). Думаемъ, что этой одной цифры достаточно, чтобы доказать, что въ сравненіи съ финляндскими судебными поборами, русскія пошлины далеко не обременительны [1]).

Изъ данныхъ, приведенныхъ нами, полагаемъ ясно, что судебныя установленія, образованныя по уставамъ Императора Александра II, несравненно полезнѣе населенію, чѣмъ судебныя учрежденія Финляндіи. Преимущества первыхъ надъ вторыми заключаются: въ отсутствіи въ первыхъ теоріи «полныхъ доказательствъ и полудоказательствъ», принудительной присяги, «добыванія истины» посредствомъ болѣе строгаго тюремнаго заключенія, присущихъ знаменитому «Общему уложенію»; въ запрещеніи «домогаться сознанія обвиняемаго ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства» [2]); въ обязанности судей рѣшать дѣла «по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла» [3]) и, наконецъ, въ доступности для каждаго, богатаго и бѣдняка, суда «праваго, скораго и милостиваго».

Все это сознаютъ и сами финляндцы, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которымъ приходилось имѣть дѣла въ русскихъ гласныхъ судахъ. Если это такъ, то невольно является вопросъ, почему финляндцы, добывшіе право представлять черезъ своихъ сеймовыхъ земскихъ чиновъ различныя петиціи, не представятъ петиціи о введеніи въ краѣ судебныхъ уставовъ Императора Александра II?

Думаемъ, что вспомнивъ все, что мы говорили о различныхъ финляндскихъ «особыхъ» учрежденіяхъ и дѣятельности заправилъ этой окраины, читатель согласится, что мы имѣемъ право отвѣтить, что до тѣхъ поръ, пока въ краѣ будетъ господствовать партія финляндской независимости, такой петиціи не будетъ, и что сеймъ навѣрно отвергнетъ предложеніе правитель-

---

[1]) Указанная нами цифра исковыхъ и апелляціонныхъ пошлинъ очевидно выше дѣйствительной, такъ какъ въ 1890 г. во всей Пермской губерніи было получено земствами судебныхъ и апелляціонныхъ пошлинъ 10,744 руб. 14 коп. (Пермскій Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи, изд. губернскаго статистическаго комитета за 1891 г., стр. 82).

[2]) Уставъ уголовнаго судопроизводства, изд. 1892 г., ст. 405.

[3]) Тамъ же, ст. 766.

ства о введеніи этихъ уставовъ, если бы таковое послѣдовало, такъ какъ финляндскимъ «государственникамъ» крайне важно сохраненіе «особыхъ» шведскихъ учрежденій, дающихъ имъ возможность держать финскій крестьянскій людъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Для нихъ важно даже недовольство народа существующими судебными порядками, такъ какъ они пропагандируютъ среди крестьянскаго населенія, что этотъ старый порядокъ существуетъ въ краѣ по волѣ русскаго правительства, не желающаго ввести въ Финляндіи судебныхъ учрежденій, существующихъ въ Имперіи. Такимъ образомъ сохраненіе отжившихъ судебныхъ учрежденій вдвойнѣ полезно цѣлямъ партіи независимости: оно способствуетъ поддержанію въ народѣ недовольства русской властью и *доставляетъ полное господство дворянству, чиновничеству и купечеству, высасывающимъ послѣдніе соки изъ этого темнаго, несчастнаго народа.*

Мы, насколько умѣли, представили читателю картину финляндскихъ современныхъ судебныхъ порядковъ, сравнили эти порядки съ правилами русскаго судопроизводства и указали, во что обходится финскому народу и главнымъ образомъ крестьянству благосостояніе арміи судейскихъ чиновниковъ. Теперь посмотримъ, что терпитъ этотъ народъ въ силу особой системы взысканій, установленной какъ старымъ шведскимъ закономъ, такъ и правилами, выработанными финляндскимъ сенатомъ и принятыми либеральными земскими чинами сейма конца шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Мы не станемъ подробно разбирать всѣхъ способовъ взысканій, установленныхъ «Общимъ уложеніемъ Финляндіи». Скажемъ лишь, что здѣсь должникъ въ полной власти кредитора, и все, безъ исключенія, движимое и недвижимое имущество должника продается на покрытіе долга [1]). Ни запаса съѣстныхъ припасовъ, ни топлива, ни необходимой одежды, кромѣ той, которая на должникѣ, ни даже постели финляндскій законъ не

---

[1]) Исключенія сдѣланы для: почто-содержателей, лоцмановъ и арестантовъ смирительнаго дома. За долги первыхъ не могутъ быть арестованы: лошади, экипажи, сбруя и кормъ для лошадей; за долги вторыхъ неподлежитъ аресту лоцманская лодка и на удовлетвореніе долговъ послѣднихъ не можетъ быть обращено взысканіе на сбереженія, сдѣланныя ими во время заключенія (Малышевъ. «Общее уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о взысканіяхъ, глава VII, дополн. 3—5, къ ст. 1, стр. 818).

оставляетъ должнику. Мало того, здѣсь продается не только имущество должника, но и право пользованія землей, арендуемой у казны,—и то продается съ публичнаго торга!

Въ этой «культурной» странѣ должникъ со всѣмъ семействомъ можетъ, по волѣ кредитора, остаться безъ крова, пищи и возможности работать. Здѣсь позаботились лишь объ огражденіи интересовъ чиновниковъ финляндскихъ учрежденій, офицеровъ финскихъ войскъ и ихъ вдовъ. Только половина жалованья первыхъ можетъ быть удержана на удовлетвореніе кредиторовъ; пенсія же вдовъ совершенно не подлежитъ аресту [1]). Здѣсь даже и залоговое право особое. Залогодержатель здѣсь не обязанъ производить публичной продажи заложеннаго имущества, онъ обязанъ лишь произвести оцѣнку этого имущества и затѣмъ можетъ укрѣпить залогъ за собой, по обрядамъ укрѣпленія имѣній, пріобрѣтенныхъ покупкой. При этомъ, если оцѣнка выше долга, обезпеченнаго залогомъ, то залогодержатель обязанъ возвратить излишекъ залогодателю, а если стоимость имущества по оцѣнкѣ, окажется ниже суммы долга, то залогодатель «долженъ добавить недостающее изъ другого своего имущества» [2]).

Но всѣ эти особенности финскаго законодательства только цвѣточки; вѣнецъ этого законодательства — законъ, принятый земскими чинами сейма 1867 г., опредѣляющій положеніе должника, когда имущества не хватитъ на удовлетвореніе претензій кредиторовъ.

Этотъ законъ [3]) напоминаетъ блаженной памяти кабалу. Въ силу этого закона, взысканіе долга можетъ быть обращено на трудъ должника. Кредиторъ можетъ принудить отработать ему должную сумму. Эта принудительная работа назначается по постановленію губернатора и «не можетъ продолжаться долѣе трехъ лѣтъ»; зачетъ долга не можетъ быть опредѣленъ менѣе одной марки за каждый рабочій день, если взыскатель будетъ снабжать своего работника въ это время пищей и необходимой одеждой; если же должникъ во время работы будетъ на своей пищѣ и одеждѣ, то зачетъ производится по двѣ марки въ день.

---

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о взысканіяхъ глава VII, ст. 2, и дополненія къ ней 1—8, стр. 819.

[2]) Тоже. Отдѣлъ о недвижимостяхъ, глава IX, ст. 3—4, стр. 94—95.

[3]) Тоже. Отдѣлъ о взысканіяхъ, глава VIII, дополненіе ст. 14 пун. 1—5 и 9, 12, стр. 822—824.

Не могутъ быть подвергнуты принудительной работѣ «состоящіе на службѣ: государственной, общественной и въ учрежденіяхъ, утвержденныхъ правительствомъ». Въ силу этихъ правилъ, семейное положеніе должника не принимается во вниманіе. Изъ этого видно, что кредиторъ, продавшій подчасъ за безцѣнокъ все имущество, имѣетъ право и самого должника взять въ работники, если только вырученной отъ продажи суммы не хватило на покрытіе претензіи.

Если должникъ человѣкъ одинокій, матеріальное его положеніе еще не особенно ужасно, такъ какъ указанный размѣръ зачета долга является довольно высокой заработной платой. Изъ размѣра зачета видно, что должникъ, пользуясь пищей и одеждой кредитора, можетъ въ годъ отработать 303 марки [1]). Это цѣна для чернорабочаго весьма высокая. Намъ положительно извѣстно, что въ Финляндіи можно имѣть хорошаго работника за 100—120 марокъ на хозяйскомъ содержаніи съ одеждой. Но если должникъ человѣкъ семейный, имѣющій малолѣтнихъ дѣтей, не могущихъ заработать свое содержаніе, то тогда положеніе становится по истинѣ ужаснымъ. Будучи *закабаленъ* въ принудительную работу, онъ не можетъ удѣлить что либо своей семьѣ, такъ какъ самъ ничего не получаетъ и долженъ работать, сознавая, что семья умираетъ съ голоду. Такимъ положеніемъ обыкновенно пользуются кулаки-кредиторы и, не прибѣгая къ губернаторскому пестановленію о принудительной работѣ, заключаютъ съ должникомъ «добровольную сдѣлку», которая зачастую является ужаснѣе законной кабалы.

Можетъ быть, намъ отвѣтятъ, что принудительный трудъ невыгоденъ для кредитора, какъ вслѣдствіе высокой оцѣнки рабочаго дня, такъ и потому, что такой работникъ будетъ дурно работать. Первое возраженіе хотя и будетъ основательно, но нужно помнить, что кредиторъ прибѣгаетъ къ принудительному труду тогда, когда съ должника взять нечего, слѣдовательно кредитору остается или ничего не получить, или же имѣть работника, которому платить не надо и который своимъ трудомъ уплатитъ 30% долга, а такой платежъ при разныхъ кулацескихъ начетахъ бываетъ выгоденъ. Второе возраженіе совершенно неосновательно, такъ какъ въ разбираемомъ нами законѣ

[1]) По финско-лютеранскому календарю, считая воскресные дни, въ году 62 праздника.

имѣется 5 пунктъ, въ силу котораго отданный въ принудительную работу должникъ-работникъ будетъ добросовѣстно работать, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности. Въ силу этого пункта, должникъ-работникъ за «ослушаніе» хозяина-кредитора подвергается уголовному наказанію какъ за «оскорбленіе начальника», а за побѣгъ—отвѣтственности, опредѣленной конкурснымъ уставомъ для «непослушныхъ» должниковъ, т. е. можетъ быть *заключенъ въ тюрьму* [1]). При существованіи такого закона врядъ-ли должникъ будетъ плохо работать.

Кредитору, кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ способовъ удовлетворенія своей претензіи, предоставляется право *наказать* своего неисправнаго должника *тюремнымъ заключеніемъ* [2]). Этой мѣрѣ уже могутъ быть подвергнуты и лица, непривлекаемыя къ принудительной работѣ. Ни семейное положеніе, ни возрастъ, ни родственныя отношенія между должникомъ и кредиторомъ, ни малоцѣнность взысканія не служатъ препятствіемъ къ заключенію неисправнаго должника въ тюрьму. Равнымъ образомъ нѣтъ указаній продолжительности заключенія въ зависимости отъ суммы долга. Какъ извѣстно, съ 7 марта 1879 года личное задержаніе за долги въ Россіи отмѣнено; оно осталось лишь для торговыхъ несостоятельныхъ должниковъ и лицъ, признанныхъ неосторожными банкротами. Когда же таковое существовало для всѣхъ неисправныхъ должниковъ, то личному задержанію не могли быть подвергнуты: за долгъ менѣе 100 руб. (266 мар. 66 пен.); по претензіи близкаго родственника; лица, достигшія 70-лѣтняго возраста, *и лица, на попеченіи которыхъ находятся малолѣтнія дѣти* [3]). Кромѣ того, въ судебныхъ уставахъ 1864 года была точно опредѣлена продолжительность задержанія въ зависимости отъ суммы долга. Въ постановленіяхъ финляндскаго уложенія ничего подобнаго нѣтъ и поэтому мы можемъ сказать, что въ Финляндіи всѣ эти вопросы, точно опредѣленные русскими законами, *зависятъ отъ усмотрѣнія губернатора*, который разрѣшаетъ просьбы кредиторовъ какъ

---

[1]) Малышевъ. „Общее уложеніе для Финляндіи". Отдѣлъ о взысканіяхъ, глава VIII, дополн. къ ст. 14, пунк. 5, стр. 823, и Отдѣлъ о судопроизводствѣ, глава XXXII, допол. къ ст. 3 пун. 18, стр. 956.

[2]) Тоже. Отдѣлъ о взысканіяхъ, глава VIII, доп. къ ст., 14 пунк. 6—8, 12—13, стр. 823—824.

[3]) „Уставъ гражданскаго судопроизводства 1864 г.", ст. 1224—1228 и 1234.

объ отработкѣ долга, такъ и о заключеніи должника въ тюрьму. Ко всему сказанному нами о личномъ задержаніи или правильнѣе о «*тюремномъ заключеніи за долги*» мы должны прибавить: а) что это заключеніе не можетъ продолжаться болѣе трехъ лѣтъ; б) «заключенный въ тюрьму за долгъ не можетъ быть содержимъ въ оковахъ, если онъ не будетъ силою противиться стражѣ», и в) что требованію кредитора о тюремномъ заключеніи должника дѣлается предпочтеніе передъ требованіемъ объ отдачѣ его въ работу [1]).

Думаемъ, что изъ нашего обзора читатель ясно видитъ, на сколько далеки такіе порядки отъ идеала, къ которому должно стремиться судоустройство каждаго *дѣйствительно* культурнаго государства. Въ то время когда почти во всей Россійской имперіи введенъ «судъ скорый, равный для каждаго», въ которомъ господствуютъ принципы «правды и милости», одинъ уголокъ той же Имперіи крѣпко держится за свои отжившія учрежденія. Представители этого края, *достигнувъ всѣми неправдами* положенія «конституціоннаго государства», не только поддерживаютъ эти учрежденія, но сами проводятъ законы, благодаря которымъ въ концѣ XIX столѣтія возможна *отдача должника въ трехлѣтнюю кабалу кредитору*. Эта кабала почище всякаго крѣпостнаго права. Во времена крѣпостнаго права «варваръ» помѣщикъ не имѣлъ тѣхъ правъ на трудъ своего «раба», какія «культурный» финляндскій ростовщикъ и кулакъ-торговецъ имѣютъ на своего должника, въ силу закона, подготовленнаго финляндскимъ сенатомъ и *принятаго либеральными земскими чинами финляндскаго сейма 1867 г.* Во время крѣпостнаго права владѣлецъ обязанъ былъ кормить не только своего «раба-работника», но и всю его семью, а финляндскій ростовщикъ, которому семейный рабочій задолжалъ 909 марокъ, т. е. около 340 руб., въ которые вошли всѣ законные и незаконные проценты и разные судебные поборы, имѣетъ право на трехлѣтній трудъ этого бѣдняка и обязанъ кормить только его одного, какъ рабочую силу, несчастныя же дѣти этого злополучнаго работника могутъ спокойно умирать съ голоду, въ силу закона либеральныхъ представителей «культурнаго народа»!

Намъ можетъ быть скажутъ, что этотъ законъ принятъ

---

[1]) Малышевъ. «Общее уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о взысканіяхъ, глава VIII, дополн. къ ст. 14 пунктовъ 12, 7 и 13, стр. 823—824.

депутатами сословій края, въ числѣ которыхъ были и представители этихъ бѣдняковъ, а слѣдовательно, принимая этотъ законъ, они находили его благодѣтельнымъ для своихъ довѣрителей. Пускай подобные опоненты вспомнятъ, что въ силу сеймоваго устава въ сеймѣ дѣла рѣшаются по заключенію *трехъ сословій* [1]), а потому представители сословія крестьянъ, могли даже не соглашаться съ этимъ закономъ и все таки онъ, какъ выгодный для остальныхъ трехъ сесловій, прошелъ въ сеймѣ. Какъ бы однако ни былъ проведенъ этотъ законъ, но послѣдствія его крайне тяжелы для крестьянскаго сословія.

Благодаря финляндскимъ способамъ взысканія и порядкамъ судопроизводства, большая часть мелкаго землевладѣльческаго и земледѣльческаго населенія края находится въ рукахъ сельскихъ лавочниковъ и ростовщиковъ. Эти порядки имѣютъ громадное экономическое значеніе. Благодаря имъ, мелкое землевладѣніе крестьянъ постоянно уменьшается и земли ихъ переходятъ въ руки мѣстныхъ пауковъ. Система пріобрѣтенія крестьянскихъ земель самая примитивная. Сельскій лавочникъ, торгуя предметами первой необходимости крестьянскаго обихода, старается завлечь крестьянина кредитомъ. Лавочникъ хорошо знаетъ цѣну крестьянскаго имущества и потому легко можетъ опредѣлить кредитоспособность своего кліента съ такимъ разсчетомъ, чтобы выгодно было оставить имущество за собой. Открывая кредитъ, торговецъ заручается долговымъ обязательствомъ кліента и въ предѣлахъ суммы этого обязательства отпускаетъ товаръ. На товаръ, отпускаемый въ кредитъ, кромѣ обычнаго торгово-мелочнаго процента, накидывается легкая надбавка за обожданіе. Въ разставленную паутину легко попадаетъ крестьянинъ, необладающій наличными деньгами, и горе ему, если паукъ лавочникъ облюбовалъ его землицу, тогда ему не вывернуться. До извѣстной цифры ему стараются навязывать товаръ, говорятъ, что денегъ не нужно, можно подождать и т. п. Однимъ словомъ, стараются всѣми способами довести долгъ до извѣстной цифры. Разъ это достигнуто, начинается безпощадное взысканіе. Какія бы ни были возраженія отвѣтчика о количествѣ или цѣнѣ забраннаго товара, о количествѣ произведенныхъ уплатъ, можно

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ за 1869 г., № 11. Сеймовой уставъ, § 73.

напередъ сказать, что крестьянинъ проиграетъ дѣло; у лавочника полное доказательство готово, да въ случаѣ чего и немдеманы постоятъ за нужнаго человѣка, будучи вполнѣ увѣрены, что при взысканіи нѣсколькихъ сотъ марокъ крестьянинъ не въ силахъ обжаловать ихъ рѣшеніе. И вотъ такимъ-то путемъ пауки, благодаря невозможности обжаловать рѣшеніе герадскихъ судовъ по незначительнымъ суммамъ и личнымъ своимъ отношеніямъ къ немдеманамъ, быстро богатѣютъ.

Намъ лично извѣстенъ одинъ изъ представителей этой породы. Онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съумѣлъ путемъ исковъ къ крестьянамъ пріобрѣсти за безцѣнокъ земли почти цѣлой крестьянской общины, а бывшіе владѣльцы этой земли теперь служатъ у него работниками. Вся задача этихъ господъ состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе немдемановъ, а это не особенно трудно.

Изъ нашего очерка читатель ясно видѣлъ, что господъ немдемановъ никоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ нашими присяжными засѣдателями. Что бы ни говорили противники суда присяжныхъ, но никто не посмѣетъ обвинять этихъ «судей совѣсти» въ продажности. Купить составъ присяжныхъ засѣдателей въ русскомъ судѣ невозможно; вѣдь для этого нужно купить 36 человѣкъ, на что необходимы черезчуръ большія средства; кромѣ того, нужно, чтобы между этими 36 засѣдателями не было ни одного честнаго человѣка, тогда только подкупъ можетъ достигнуть цѣли и не обнаружиться. Совершенно другое финляндскіе немдеманы. Они избираются общиной на три года. Значитъ—нужно повліять на выборы, а въ этомъ господа пауки народъ опытный и всегда выберутъ подходящихъ людей; разъ же выбраны люди нужные, то дѣло идетъ хорошо. Паукъ и немдеманы почти всегда довольны другъ другомъ. Благодаря такому способу выборовъ господъ немдемановъ, о нихъ нельзя сказать, что они *неподкупны*, да и цѣна ихъ не особенно велика: подчасъ достаточно хорошенько угостить, чтобы пріобрѣсти благоволеніе немдемановъ. Это мы говоримъ смѣло, такъ какъ имѣемъ полнѣйшія финляндскія доказательства и въ случаѣ надобности можемъ ихъ представить. Разъ же существуетъ возможность подкупа этихъ народныхъ судей, то при затруднительности обжалованія ихъ рѣшеній нечего говорить о правосудіи. Мы знаемъ, что если всѣ гг. немдеманы захотятъ поставить на своемъ, то никакой судья, какъ бы онъ ни былъ честенъ, знающъ

и опытенъ, не можетъ ничего сдѣлать. Онъ долженъ подчиниться *единогласному рѣшенію* этихъ господъ.

Давъ краткій очеркъ судебныхъ порядковъ по дѣламъ тяжебнымъ и уголовнымъ, мы не можемъ не сказать хотя нѣсколько словъ о порядкѣ производства другихъ дѣлъ, какъ то: дѣлъ, относящихся къ охранительному судопроизводству, утвержденію правъ перехода недвижимыхъ имѣній и залога этихъ имѣній. Всѣ эти дѣла совершаются особымъ порядкомъ, который заслуживаетъ особаго вниманія господъ юристовъ. Болѣе несовершеннаго, болѣе стѣснительнаго порядка кажется трудно встрѣтить въ какой либо другой странѣ.

Въ Финляндіи ни судебная, ни административная власть не принимаетъ непосредственнаго участія въ охранѣ имущества, оставшагося послѣ смерти сельскаго жителя. Въ случаѣ смерти проживающаго внѣ города, оставшійся въ живыхъ супругъ, а за неимѣніемъ таковаго «наслѣдники или тѣ, въ чьихъ рукахъ при смертномъ случаѣ состоитъ имѣніе» умершаго, обязаны въ присутствіи двухъ свидѣтелей «объявить» все оставшееся послѣ умершаго движимое и недвижимое имущество и составить этому имуществу опись. Эта опись должна быть составлена «въ теченіи трехъ мѣсяцевъ» со дня смерти. Она подписывается какъ свидѣтелями, такъ и лицомъ, объявляющимъ объ имуществѣ, причемъ послѣднимъ «съ клятвеннымъ обѣщаніемъ», что онъ ничего не утаилъ. Свидѣтели приглашаются по выбору лица, обязаннаго объявить объ имуществѣ. «Каждый, кто умышленно что либо утаитъ или ложно покажетъ», наказывается какъ за клятвопреступленіе, а если это слуга, то «какъ за кражу». Герадсгевдингъ обязанъ лишь слѣдить, чтобы опись была составлена въ теченіи вышеуказаннаго трехмѣсячнаго срока. Только при неисполненіи этой обязанности, «судья имѣетъ право наложить запрещеніе на имущество и распорядиться, чтобы составлена была ему надлежащая опись [1])». Такая небрежность по отношенію къ интересамъ отсутствующихъ наслѣдниковъ вполнѣ необъяснима. Оправдать такіе порядки малочисленностью должностныхъ лицъ нельзя, такъ какъ въ каждомъ судебномъ

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“. Отдѣлъ о наслѣдствѣ, глава IX, ст. 1, 2, 5 и 7, стр. 48, 50—51.

округѣ не менѣе 7 немдемановъ и 1 ленсмана [1]), которымъ можно было бы поручить принятіе охраны надъ имуществомъ лицъ, умершихъ въ уѣздѣ. Опись, составленная въ теченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти, лицами, необлеченными правительственнымъ или общественнымъ довѣріемъ и большею частью враждебными къ отвѣтствующимъ наслѣдникамъ, мало гарантируетъ интересы этихъ послѣднихъ. Три мѣсяца черезчуръ большой періодъ, въ который возможно не только скрыть болѣе цѣнное имущество умершаго и схоронить концы преступленія, но и обезцѣнить недвижимое имѣніе различными подложно-фиктивными договорами и обязательствами, составленными отъ имени умершаго, что не трудно сдѣлать при финляндскихъ порядкахъ, какъ это увидимъ нѣсколько ниже. Единственной гарантіей является «клятвенное обѣщаніе» объявляющаго о наслѣдствѣ. Думаемъ однако, что это не особенно гарантируетъ интересы наслѣдниковъ, такъ какъ виновный въ клятвопреступленіи подвергается лишь штрафу въ 40 талеровъ.

Въ городахъ порядокъ нѣсколько иной: здѣсь для описи и оцѣнки имущества умершаго «магистратъ долженъ назначить двухъ или болѣе благонадежныхъ лицъ [2])».

Допустимъ однако, что «бывшіе при смертномъ случаѣ» люди идеально честные, «умышленно» ничего не утаятъ и все сохранятъ, то и при такомъ положеніи дѣла интересы наслѣдниковъ не гарантированы и прямые наслѣдники легко могутъ потерять даже право на наслѣдство. Составленіемъ описи и представленіемъ одного экземпляра таковой оканчиваются всѣ дѣйствія, охраняющія интересы наслѣдниковъ. Никакихъ публикацій о вызовѣ наслѣдниковъ не дѣлается, и если ближайшій наслѣдникъ не явится «въ теченіи года и одной ночи по приключеніи смертнаго случая», то онъ теряетъ право на наслѣдство, которое переходитъ или къ дальнѣйшимъ родственникамъ, или, за неимѣніемъ таковыхъ, *въ казну*. Такое правило существуетъ для наслѣдниковъ, отсутствующихъ и неизвѣстныхъ суду. Если же судьѣ извѣстенъ наслѣдникъ и его мѣстопребываніе, то судья *обязанъ* увѣдомить его. Въ случаѣ неявки, безъ

---

[1]) Финляндія раздѣлена на 230 судебныхъ и на 264 ленсманскихъ округовъ. («Статистическій ежегодникъ Финляндіи» за 1894, стр. 2).

[2]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о наслѣдствѣ. Глава IX, ст. 1, стр. 48.

законныхъ причинъ, въ годичный съ одной ночью срокъ, со времени полученія судейскаго увѣдомленія, наслѣдникъ теряетъ право на наслѣдство. Если же извѣстенъ «туземный» наслѣдникъ, но неизвѣстно его пребываніе, то имѣніе поступаетъ въ охрану и срокъ для явки наслѣдника 20 лѣтъ [1]).

Разберите хорошенко эти правила и сравните ихъ съ законами, охраняющими права наслѣдниковъ въ Россіи, и вы ясно увидите, что наслѣдникъ имущества въ Финляндіи, благодаря различнымъ случайностямъ, можетъ совершенно потерять самое право на наслѣдство, что почти невозможно въ Россіи. По законамъ Россійской Имперіи, судебные и административные органы принимаютъ мѣры къ охраненію правъ отсутствующихъ наслѣдниковъ, посредствомъ описи и оцѣнки имущества и вызова наслѣдниковъ черезъ публикаціи въ «Сенатскихъ вѣдомостяхъ». Срокъ явки наслѣдниковъ хотя и считается 6-ти мѣсячный, со дня послѣдней публикаціи, и хотя судъ, по истеченіи этого срока, и утверждаетъ только явившихся наслѣдниковъ, но этимъ не преграждается для неявившихся наслѣдниковъ возможность достиженія своихъ правъ. Они въ теченіи срока земской давности (10 лѣтъ со времени публикаціи) сохраняютъ за собой право отыскивать наслѣдственное имущество исковымъ порядкомъ. Только пропустившій этотъ срокъ наслѣдникъ теряетъ свои права на наслѣдство. Имѣніе, какъ вымороченное, поступаетъ въ казну лишь по истеченіи этого десятилѣтняго срока, если никто изъ наслѣдниковъ не явится. До истеченія же этого срока имѣніе, по пропускѣ наслѣдниками 6-ти мѣсячнаго срока явки, поступаетъ въ опекунское управленіе, которое по явкѣ и утвержденіи судомъ правъ наслѣдниковъ передаетъ имъ не только самое имѣніе, но и весь доходъ съ него [2]).

Сопоставляя эти узаконенія съ постановленіями финляндскаго «уложенія», становится яснымъ, что законы Имперіи вполнѣ ограждаютъ интересы наслѣдниковъ, и что по истинѣ нужно быть очень безпечнымъ человѣкомъ для того, чтобы неосуществить своихъ наслѣдственныхъ правъ. Въ силу же финляндскихъ постановленій, достаточно не состоятъ въ числѣ знако-

---

[1]) Малышевъ. «Общее Улож. Финлянд.». Отд. о насл. Глава XV, ст. 3—6, стр. 61.

[2]) «Томъ X часть 1 свода законовъ», ст. 1224—1227, 1239—1242, 1246, 1162 и 1164 и «уставъ граж. судопроизводства Императора Александра II», ст. 1403—1404.

мыхъ мѣстнаго судьи и не знать о смерти наслѣдодателя въ теченіи «*года и одной ночи*», чтобы навсегда потерять свои права. По этимъ допотопнымъ законамъ не право гражданина, а *знакомство съ судьей* даетъ право на пользованіе закономъ о 20 лѣтней давности, и даже лица, составляющія опись, если имъ извѣстно не только существованіе ближайшаго наслѣдника, но и его адресъ, *по законамъ края* не обязаны ни увѣдомлять наслѣдника, ни сообщать своихъ свѣдѣній мѣстному судьѣ.

Допустимъ, что наслѣдникъ своевременно явился и заявилъ свои права. Но тутъ начинается рядъ положительныхъ мученій вслѣдствіе совершенно излишнихъ судебныхъ проволочекъ. Прежде всего, онъ долженъ обязательно, для осуществленія своихъ правъ, ожидать очередной сессіи, такъ какъ въ экстренномъ зачѣданіи дѣла о наслѣдствахъ не разсматриваются [1]). Допустимъ, сто наслѣдникъ не только доказалъ свое право на наслѣдство, но еще доказалъ, что помимо его нѣтъ другихъ наслѣдниковъ. Судъ утверждаетъ его въ правахъ наслѣдства, признаетъ его *безспорнымъ* владѣльцемъ имѣнія, о чемъ и объявляетъ при открытыхъ дверяхъ. Казалось бы, дѣлу конецъ. Нѣтъ, еще не все, это не полное утвержденіе и процедура утвержденія должна повториться еще два раза, и только *послѣ такого троекратнаго утвержденія въ трехъ очередныхъ сессіяхъ наслѣдникъ становится полнымъ собственникомъ наслѣдства* [2]). Такимъ образомъ, если наслѣдство состоитъ изъ недвижимаго имѣнія, то наслѣдникъ до этого третьяго объявленія (huto) хотя и имѣетъ право распоряжаться имѣніемъ, даже имѣетъ право продать его, но не имѣетъ права заложить въ ипотечныя учрежденія края [3]). Благодаря такому ограниченію правъ, наслѣдникъ, если онъ не обладаетъ собственными средствами, непремѣнно попадаетъ въ руки ростовщиковъ. Ему нужны деньги на расходы по судамъ и имѣнію, которое не присутсвующій при смертномъ случаѣ на-

---

[1]) Малышевъ. «Общее Уложеніе Финляндіи». Отдѣлъ о судопроизводствѣ. Глава IV, ст. 2, стр. 814.

[2]) Прямого закона о троекратномъ утвержденіи въ правахъ наслѣдства нѣтъ, но гералскіе суды примѣняютъ въ этомъ случаѣ общій законъ объ утвержденіи актовъ укрѣпленія недвижимыхъ имѣній. «Общее Уложеніе», Отдѣлъ о недвижимостяхъ. Глава IV, ст. 2, стр. 77.

[3]) Уставъ финляндскаго ипотечнаго банка (Finlands Hypoteksförening) 1884 г.

слѣдователя наслѣдникъ найдетъ разореннымъ:—честные хранители съумѣютъ это сдѣлать. Разъ же онъ попадетъ въ руки финляндскихъ благодѣтелей, да еще адвокатовъ, то навѣрно львиная доля наслѣдства перейдетъ самымъ законнымъ (по финляндски) способомъ въ руки этихъ господъ. Въ силу такихъ порядковъ, самое благоразумное, что можетъ сдѣлать наслѣдникъ имѣнія въ нѣсколько тысячъ марокъ, не живущій въ Финляндіи, а въ особенности русскій,—это совершенно не хлопотать о наслѣдствѣ, а подарить его или «туземнымъ» наслѣдникамъ, или финляндской казнѣ; онъ потеряетъ меньше.

Не менѣе стѣснителенъ и порядокъ утвержденія актовъ укрѣпленія на недвижимыя имѣнія. Благодаря отсутствію нотаріальныхъ учрежденій, всѣ акты, которые, по законамъ Россіи, должны быть совершены крѣпостнымъ порядкомъ, въ этомъ краѣ совершаются порядкомъ домашнимъ, и затѣмъ утверждаются судомъ. Для дѣйствительности всякаго акта, съ внѣшней стороны необходима лишь подпись двухъ свидѣтелей. При этомъ не требуется засвидѣтельствованія должностнымъ лицомъ подписи выдающаго актъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ не грамотенъ, слѣпъ или по болѣзни не можетъ самъ подписать акта. Такой порядокъ вещей порождаетъ возможность *ненаказуемыхъ подлоговъ и мошенничествъ* и можетъ служить источникомъ полнаго разоренія полуграмотныхъ владѣльцевъ и отсутствующихъ наслѣдниковъ. Подъ именемъ «полуграмотныхъ» мы разумѣемъ лицъ, умѣющихъ читать печатное, но неумѣющихъ ни писать, ни читать написаннаго, а такихъ между крестьянами края не мало.

Высказанное нами мнѣніе вполнѣ подтверждается слѣдующими узаконеніями «Общаго уложенія Финляндіи». Купчая и дарственная должны быть совершены письменно, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, причемъ излагаются условія, на основаніи коихъ эта купля или даръ состоялись [1]). Затѣмъ покупщикъ обязанъ этотъ актъ представить на утвержденіе суда: герадскаго, если имѣніе находится въ уѣздѣ, или ратгаузскаго, если таковое въ городѣ. Если имѣніе находится въ уѣздѣ, то о такой купчей (или дарственной) публикуется «въ теченіи трехъ очередныхъ сессій герадскаго суда», и если «въ теченіи года и

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о недвижимостяхъ. Глава I, ст. 2, стр. 76.

одной ночи» со времени «третьей публикаціи» не будетъ предъявлено спора о томъ имѣніи, то «герадсгевдингъ имѣетъ выдать крѣпостной актъ на имѣніе [1])». Нужно замѣтить, что *при совершеніи обряда утвержденія этихъ актовъ продавецъ (или дарительлъ) не вызывается въ герадскій судъ.* При продажѣ или дареніи недвижимости въ городѣ производятся тѣ же три публикаціи въ ратгаузскомъ судѣ, но они производятся гораздо быстрѣе, такъ какъ дѣлаются въ три понедѣльника, съ промежутками между каждой публикаціей въ четыре недѣли. Если въ теченіи 14 дней со дня третьей публикаціи не будетъ предъявлено спора объ имѣніи, то выдается отъ суда крѣпостной актъ, который «въ городѣ *не выдается прежде удостовѣренія,* въ присутствіи суда, самимъ продавцемъ или его повѣреннымъ, собственнымъ показаніемъ и рукобитіемъ, *что купчая сумма уплачена* [2])».

Всѣ формальности, требуемыя закономъ для купчихъ крѣпостей, относятся и къ дарственнымъ записямъ. Причемъ, по законамъ Финляндіи, дарить родовое имѣніе воспрещается, и затѣмъ сказано: «Если окажется, что дарителю, его дѣтямъ или первому получателю наслѣдства учинена одареннымъ лицомъ явная несправедливость, или нанесены вредъ и убытки, то предоставляется имъ на волю требовать возвращенія дара, когда получившій еще имѣетъ его въ рукахъ и судъ признаетъ, что онъ по справедливости долженъ быть отъ него отобранъ [3])».

Теперь разсмотримъ обрядъ совершенія и утвержденія закладной крѣпости или, какъ здѣсь называютъ, «закладной записи» (inteckning).

Закладная запись на недвижимое имѣніе можетъ быть совершена въ обезпеченіе долга владѣльца имѣнія деньгами или товарами и не можетъ быть разрѣшена, пока не будетъ надлежащимъ образомъ удостовѣрена принадлежность этого имѣнія должнику. Просьба о совершеніи закладной записи подается въ герадскій или ратгаузскій судъ по мѣстонахожденію недвижимаго имѣнія. При этой просьбѣ «прилагается заемное письмо или другой документъ, на которомъ притензія основывается». Если въ этомъ документѣ указано «согласіе владѣльца на обезпеченіе

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о недвижимостяхъ. Глава IV, ст. 1, стр. 77.

[2]) Тоже, ст. 2, стр. 79.

[3]) Тоже. Глава VIII, ст. 1—2, стр. 93—94.

этого долга закладной записью и онъ будетъ утвержденъ подписями извѣстныхъ и вѣры достойныхъ свидѣтелей», то запись совершается безъ вызова должника, въ противномъ случаѣ должникъ вызывается въ судъ, и если претензія кредитора безспорна, то запись утверждается, *хотя бы должникъ не изъявилъ на это своего согласія;* но въ этомъ случаѣ ему предоставляется право, во избѣжаніе записи, уплатить долгъ, «*хотя бы платежъ не наступилъ* [1])».

Думаемъ, что вышеприведенныя узаконенія вполнѣ доказываютъ неудовлетворительность порядка совершенія этихъ актовъ. Кромѣ этого, въ нихъ усматривается стремленіе финляндскаго законодательства наиболѣе оградить интересы горожанъ и наиболѣе стѣснить сельское населеніе. Изъ узаконеній о совершеніи и утвержденіи актовъ укрѣпленія на недвижимыя имѣнія мы видѣли, что для полученія крѣпостнаго акта на имѣніе въ уѣздѣ необходимо время не менѣе двухъ лѣтъ, на полученіе такого же акта на городское имущество достаточно десяти недѣль. Затѣмъ герадскій судъ не заботится о томъ, получена-ли плата продавцомъ отъ покупателя, а ратгаузскій судъ не иначе выдаетъ крѣпостной актъ, какъ убѣдившись, что условленная цѣна за имѣніе уплачена. Такая неравноправность двухъ сословій крайне печально отзывается на интересахъ сельскаго населенія. При установленномъ порядкѣ, ни продавецъ, ни покупатель имѣнія въ уѣздѣ не гарантированы. Возьмемъ такое положеніе: совершается купчая на имѣніе въ уѣздѣ, стороны уговорились въ цѣнѣ. Спрашивается, когда продавецъ можетъ получить деньги за свое имѣніе? Ясно,—не ранѣе утвержденія за покупателемъ этого имѣнія, т. е. черезъ два года; но и тутъ онъ не гарантированъ въ полученіи условленной суммы, такъ какъ крѣпостной актъ выдается покупателю безъ всякой провѣрки окончанія разсчета. Слѣдовательно, покупатель можетъ получить актъ, неуплативши денегъ, и продавцу остается лишь искать таковыя судомъ. А мы уже видѣли, какими удобствами обставлено финляндское тяжебное судопроизводство. Съ другой стороны, благоразумно-ли будетъ и со стороны покупателя уплатить деньги за имѣніе до полученія «крѣпостнаго акта»? Очевидно, неблагоразумно. Уплативши ихъ, онъ ри-

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ о недвижимостяхъ. Глава IX, дополн. къ ст. 9, пункт. 1—6, 12 и 15, стр. 96—98.

скуетъ не получить права на владѣніе имѣніемъ и ему въ перспективѣ можетъ предстоять взысканіе съ продавца уплаченныхъ денегъ, т. е. тоже судебный процессъ. Вслѣдствіе такого положенія, купля-продажа недвижимаго имѣнія въ уѣздахъ этого края можетъ состояться лишь при существованіи личнаго довѣрія между сторонами; разъ же этого довѣрія нѣтъ, то сдѣлка состояться не можетъ. Эти затрудненія, эта неувѣренность сторонъ, вступающихъ въ сдѣлку, очевидно вліяетъ на цѣнность имѣнія и потому получить за имѣніе въ Финляндіи дѣйствительную его стоимость—немыслимо.

Совершенно въ другомъ положеніи находится владѣлецъ городского имѣнія. Для укрѣпленія имѣнія за продавцемъ необходимо лишь 10 недѣль (положимъ, времени не мало) и продавецъ спокойно ждетъ этотъ срокъ, такъ какъ знаетъ, что покупатель, не уплативъ ему денегъ, не получитъ «крѣпостного акта».

То же неудобство является и при залогѣ имѣнія. Мы уже сказали, что закладныя записи совершаются лишь въ обыкновенныхъ (очередныхъ) сессіяхъ герадскаго суда. Слѣдовательно, договоръ заклада можетъ осуществиться лишь во время сессіи, но до этого нужны деньги. Этимъ-то и пользуются разные ростовщики и дѣльцы, такъ какъ земщику приходится соглашаться на всѣ ихъ благодѣтельныя условія. Но если даже заемщикъ и можетъ ждать сессіи, то и тутъ положеніе его крайне тяжелое: вѣдь до утвержденія записи денегъ онъ не получитъ, а обязательство долженъ выдать, иначе говоря, долженъ положиться на совѣсть своего контрагента. Выдавъ документъ, онъ вполнѣ въ рукахъ залогодержателя, который, не давая денегъ, можетъ взыскать по записи, опровергнуть которую невозможно. Послѣ утвержденія записи, долгъ этотъ безспорный. Съ другой стороны, и заимодавецъ, если онъ человѣкъ осторожный, не можетъ выдать денегъ раньше утвержденія записи, такъ какъ можетъ случиться, что запись не будетъ утверждена.

Все, что мы говорили, относилось къ сдѣлкамъ, т. е. къ такимъ договорамъ, гдѣ происходило соглашеніе между сторонами. Возьмемъ теперь не сдѣлку, а преступленіе, и окажется, что подлогъ—мошенничество при куплѣ—продажѣ или при залогѣ недвижимыхъ имѣній въ уѣздѣ могутъ быть не наказуемы. Для этого нужно, чтобы продавецъ былъ неграмотенъ или полуграмотенъ и чтобы покупщикъ или залогодержатель имѣлъ трехъ сообщниковъ, т. е. одного, который напишетъ и подпишетъ за неграмотнаго актъ, а двухъ, которые засвидѣтельствуютъ этотъ

актъ. При такой комбинаціи возможно завладѣть чужимъ имѣніемъ. Предположимъ, что до полученія крѣпостного акта владѣлецъ узнаетъ продѣлку и начнетъ процессъ; но разъ гг. соучастники-свидѣтели, «положивши руку на книгу», подтвердятъ, что они были при этой сдѣлкѣ, то имѣніе погибло и нѣтъ силъ доказать подлогъ—мошенничество. Допустимъ однако, что самъ владѣлецъ какимъ либо чудомъ добьется правды и выиграетъ дѣло; но если онъ умретъ до начала процесса или если актъ будетъ совершенъ послѣ смерти владѣльца заднимъ числомъ, въ отсутствіи наслѣдниковъ, то можно напередъ сказать, что злосчастные наслѣдники ничего не сдѣлаютъ.

Мы не знаемъ, бывали-ли подобныя дѣла, доходили-ли они до разсмотрѣнія герадскихъ судовъ и чѣмъ они разрѣшались; но мы утверждаемъ, что при существующихъ въ Финляндіи порядкахъ такія дѣла *возможны*, и находимъ, что въ интересахъ самого населенія края, эти порядки давно пора замѣнить болѣе современными порядками, гарантирующими не одно привиллегированное меньшинство населенія, но всѣхъ жителей безъ изъятія. И такія узаконенія не далеко искать, стоитъ только обратиться къ обрядамъ совершенія крѣпостныхъ актовъ не только въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ введены судебные уставы Императора Александра II и нотаріальное положеніе, но даже и тамъ, гдѣ еще остался порядокъ прежняго судопроизводства. При соблюденіи этихъ обрядовъ крѣпостные акты совершаются несравненно быстрѣе, и обѣ стороны, какъ покупщикъ, такъ и продавецъ, какъ заемщикъ, такъ и заимодавецъ, вполнѣ гарантированы, и обманъ невозможенъ при самой обыденной осторожности сторонъ.

Въ силу этихъ узаконеній, продажа, даръ и залогъ недвижимыхъ имѣній совершаются крѣпостнымъ порядкомъ [1]). Въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введено нотаріальное положеніе, крѣпостные акты совершаются въ «установленіяхъ крѣпостныхъ дѣлъ», которыя состоятъ при судебныхъ учрежденіяхъ прежняго устройства. Въ мѣстностяхъ же, въ которыхъ введены судебные уставы Императора Александра II, эти акты совершаются нотаріусомъ, и утверждаются старшимъ нотаріусомъ, состоящимъ при окружномъ судѣ, въ раіонѣ котораго находится недвижимое имѣніе.

---

[1]) Боровиковскій. „Законы гражданскіе“ (Томъ X, ч. 1 свода законовъ), ст. 987, 1417, 1643 прил. 1 къ ст. 708, п. 18, стр. 352, 553, 666, 897 (изд. 1895 г.).

Акты этого рода подписываются сторонами или ихъ повѣренными, уполномоченными законной довѣренностью. Мѣста и лица, совершающія этого рода акты, должны удостовѣриться: въ самоличности и законной правоспособности сторонъ, совершающихъ сдѣлку, въ законности самой сдѣлки, отсутствіи препятствій къ переходу недвижимаго имѣнія къ другому лицу и залогу этого имѣнія [1]).

Изъ этого видно, что требуя непремѣннаго присутствія лицъ, вступающихъ въ сдѣлку, или ихъ законныхъ уполномоченныхъ, и удостовѣренія въ ихъ самоличности должностнымъ лицомъ, законъ устраняетъ всякую возможность подлога даже отъ имени неграмотныхъ или повѣренными отъ имени довѣрителей. Довѣренности на совершеніе этого рода актовъ также совершаются явочнымъ или нотаріальнымъ порядкомъ, а не домашнимъ, какъ это дѣлается въ Финляндіи. Довѣренности должны быть засвидѣтельствованы непремѣнно нотаріусомъ или другимъ присутственнымъ мѣстомъ, которые и «должны наблюдать, чтобы оныя не были подложны» [2]). Для совершенія подлоговъ въ этихъ актахъ небходимо соучастіе должностныхъ лицъ. Но эти должностныя лица знаютъ ту отвѣтственность, которая грозитъ имъ за совершеніе такого преступленія, и рѣдко кто изъ нихъ рѣшится на это. Нужны черезчуръ большія деньги, чтобы соблазнить нотаріуса или надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ на совершеніе подложнаго акта.

Всѣ учрежденія, въ которыхъ совершаются и утверждаются крѣпостные акты, открыты для публики во всѣ присутственные дни, и нѣтъ никакихъ выжидательныхъ сроковъ для утвержденія этихъ актовъ, почему они совершаются очень быстро, иногда въ нѣсколько дней. Благодаря этой быстротѣ и тому, что утвержденный актъ выдается продавцу или залогодателю, который передаетъ его при полученіи разсчета покупщику или залогодержателю, рискъ со стороны контрагентовъ совершенно уничтожается. Владѣлецъ имѣнія можетъ спокойно подписать актъ, зная, что если его контрагентъ не произведетъ

---

[1]) Боровиковскій. „Законы гражданскіе“, изд. 1895 г. Приложеніе I къ ст. 708, пункты 2, 40, 42—45, 49—51, 54, 55 и Положеніе о нотаріальной части, изд. 1883 г., ст. 157—178.

[2]) Тоже, ст. 2308, стр. 838.

разсчета, то онъ не передастъ ему акта, а представитъ таковой для уничтоженія, въ теченіи 7 дней, какъ актъ не состоявшійся [1]). Равнымъ образомъ и покупатель или залогодержатель, получая изъ рукъ владѣльца имѣнія законно совершенный и утвержденный актъ, спокойно выдаетъ деньги, зная, что права его, выраженныя въ томъ актѣ, безспорны.

Что бы ни говорили противники нотаріальнаго положенія, но во всякомъ случаѣ должно признать, что этимъ положеніемъ законодатель достигъ полной гарантіи лицъ, вступающихъ въ сдѣлку, отъ всякихъ обмановъ и подлоговъ при совершеніи ея, чего положительно не достигаетъ финляндское законодательство, относящееся къ совершенію тѣхъ же актовъ. Можетъ быть намъ скажутъ, что и нотаріусы люди, что и они также не безгрѣшны, что они тоже могутъ войти въ соглашеніе съ одной изъ сторонъ и стать соучастниками преступленія. На это мы отвѣтимъ, что кромѣ уголовной отвѣтственности, о которой мы уже говорили, и которой подвергается нотаріусъ, онъ обязанъ пополнить *изъ своего денежнаго залога* всѣ убытки, причиненные его дѣйствіями (не только преступными, но и неосторожными) [2]). При такихъ условіяхъ не часто встрѣтятся между нотаріусами охотники до совершенія подложныхъ актовъ, а въ особенности по такимъ сдѣлкамъ, какія могутъ быть совершаемы между финляндскими крестьянами: больно уже онѣ мелки [3]).

Но оставимъ всякіе подлоги и другія преступленія и изъ области предположеній перейдемъ къ фактамъ, за вѣрность которыхъ мы вполнѣ ручаемся. Мы разсмотримъ случай, гдѣ отсутствіе нотаріусовъ въ этой «культурной странѣ» имѣло весьма грустныя послѣдствія.

Въ одномъ изъ уѣздовъ Выборгской губерніи, въ имѣніи, принадлежащемъ наслѣдникамъ умершаго финляндскаго уроженца А**, жила старуха, его вдова. Наслѣдниками этого имѣнія въ равныхъ доляхъ, по законамъ Финляндіи, были [4]) вдова

---

[1]) Т. X, ч. 1. Свода законовъ. Приложеніе 1-е къ ст. 708.

[2]) Положеніе о нотаріальной части, ст. 8, 11—12.

[3]) Денежный залогъ нотаріусовъ отъ 2,000 р. до 25,000 р. (Нотаріальное положеніе).

[4]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“, отдѣлъ о бракѣ, глава X, § 2 (редакція 1807 г.), стр. 21, примѣчаніе къ главѣ VIII. стр. 15 и „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“, 1889 г., № 17.

А. и двѣ дочери ихъ, бывшія замужемъ за русскими и жившія въ Россіи. Дочери, желая обезпечить безбѣдное существованіе матери, предоставили ей право управленія имѣніемъ и пользованіе его доходами. Письменнаго акта между матерью и дочерьми никакого не было. У вдовы А. жила ея воспитанница, вышедшая впослѣдствіи замужъ за мѣстнаго крестьянина Т., который женившись переселился въ домъ вдовы А. Нужно замѣтить, что вдова А. *не умѣла писать*. Средствами къ жизни вдовы А. и молодыхъ супруговъ Т. были доходы съ имѣнія въ 400 десят. земли и деньги, присылаемыя изъ Россіи замужними дочерьми А. Такъ жила эта семья до 1893 года. Въ этомъ году умерла супруга Т. Переписку отъ имени старухи А. съ дочерьми сначала вела воспитанница ея, а послѣ ея смерти мужъ послѣдней, который и послѣ смерти своей жены остался жить въ домѣ А. Черезъ годъ послѣ смерти воспитанницы, въ декабрѣ 1894 года, умерла и вдова А., 74 лѣтъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, за два года до смерти покойная заболѣла водянкой и всѣ эти два года не могла двигаться. Объ этой болѣзни дочери ничего не знали. Сообщая о смерти вдовы А. ея дочерямъ, Т. предложилъ свои услуги по управленію имѣніемъ до пріѣзда наслѣдницъ. Въ силу такого предложенія, наслѣдницы, не имѣя возможности немедленно пріѣхать, поручили ему управленіе имѣніемъ, написавъ объ этомъ письмо, но довѣренности не выдали. Въ этомъ письмѣ они просили его ходатайствовать о принятіи охраны надъ имѣніемъ и о высылкѣ имъ копіи охранительной описи. Одновременно съ этимъ письмомъ была послана формальная просьба (оплаченная русской гербовой маркой въ 80 к., съ приложеніемъ таковой же марки на объявленіе резолюціи), на имя выборгскаго губернатора, о принятіи мѣръ охраны надъ имѣніемъ до явки наслѣдниковъ, и послано письмо къ мѣстному герадскому судьѣ съ той же просьбой. Несмотря на всѣ эти просьбы, ни отъ Т., ни отъ вышеуказанныхъ должностныхъ лицъ не было получено ни копіи описи и никакого отвѣта. Единственно любезнымъ учрежденіемъ въ Финляндіи оказалась дирекція финляндскаго банка, которая на запросъ увѣдомила, что имѣніе умершаго А. въ 1858 г. оцѣнено для залога въ означенномъ банкѣ въ 3,000 руб., т.-е. 12,000 мар. и за періодическими уплатами на этомъ имѣніи числится долгъ банку 800 фин. мар. Такимъ образомъ получено было свѣдѣніе хотя о приблизительной стоимости этого имѣнія.

Одна изъ наслѣдницъ, получивъ довѣренность сестры, отправилась въ Финляндію, гдѣ Т. вручилъ ей копію описи имущества, составленную имъ же, въ присутствіи свидѣтелей, мѣстныхъ крестьянъ, по которой $^2/_3$ имѣнія оцѣнены были въ 2,000 фин. мар., затѣмъ была показана движимость этого имѣнія и долги, такъ что въ результатѣ все наслѣдство составляло сумму въ 1,900 марокъ. Въ числѣ долговъ значилось за погребеніе вдовы А.—75 марокъ. Эта опись, какъ значилось на ней, была составлена въ февралѣ 1895 г. и представлена судьѣ въ сентябрѣ того же года. Кромѣ этой описи, Т. вручилъ наслѣдницѣ: 1) копію опредѣленія герадскаго суда объ утвержденіи *словеснаго* духовнаго завѣщанія умершей жены Т., которымъ эта послѣдняя завѣщала своему мужу «*все принадлежащее ей имущество*», и 2) копію акта, названнаго купчей крѣпостью, по которой значилось, что «*17 ноября 1891 года*» вдова А. «*продала*» супругамъ Т. $^1/_3$ такого-то имѣнія (слѣдовало точное опредѣленіе имѣнія, принадлежащаго вдовѣ А. и наслѣдницамъ). Эта часть имѣнія, по взаимному согласію вдовы А. и супруговъ Т., оцѣнивалась въ 400 мар., и далѣе говорилось, что супруги Т. обязуются до смерти вдовы А.: «*содержать ее, ухаживать за ней, а по смерти ея съ честью похоронить ее, и когда они все это исполнятъ, то цѣна имѣнія этимъ будетъ ими уплачена и тогда они вправѣ вступить во владѣніе означенной частью имѣнія со всѣмъ, что къ ней принадлежать будетъ*». Для полной характеристики этого акта нужно замѣтить, что весь актъ писанъ и подписанъ за неграмотную вдову А. мѣстнымъ лукаремъ Р. (лютеранскій пономарь), человѣкомъ неоднократно штрафованнымъ судомъ за разныя недобросовѣстныя дѣянія. Кромѣ того, для маломальски опытнаго эксперта было ясно, что подписи обоихъ супруговъ Т. сдѣланы однимъ мужемъ. Свидѣтели, подписавшіе актъ, были тоже лица, которыя вмѣстѣ съ лукаремъ Р. подписали и охранительную опись, составленную послѣ смерти вдовы А. Внѣшняя форма этого акта, умолчаніе Т. о своихъ правахъ на часть имѣнія при сообщеніи о смерти А., несообщеніе объ этомъ актѣ вдовою А. при личномъ свиданіи ея съ одной изъ своихъ дочерей, пріѣзжавшей въ 1892 г., т.-е. послѣ составленія акта, давали полное основаніе подозрѣвать подложность этого акта. Но въ виду существованія у Т. *полнаго финляндскаго доказательства*, въ виду свидѣтелей, писавшихъ и подписавшихъ актъ, доказать этотъ подлогъ не было возмож-

ности. Оставалось обратиться къ опредѣленію юридическаго значенія этого акта.

По законамъ Россійской Имперіи, этотъ актъ, какъ актъ, изъ котораго видно, что вдова А. отъ супруговъ Т. не получала цѣны имѣнія (400 мар.), и что самое имѣніе поступаетъ во владѣніе Т. лишь послѣ того, когда они «съ честью похоронятъ» ее, т. е. послѣ ея смерти, долженъ быть признанъ духовнымъ завѣщаніемъ. Такой взглядъ подтверждается слѣдующими толкованіями гражданскаго кассаціоннаго департамента. Разъясняя ст. 967, т. X, ч. 1. св. зак. въ рѣшеніи за 1890 г., № 41, сенатъ находитъ, что купчая крѣпость, по которой продавецъ не получалъ покупной цѣны и не желалъ ее получать, обращается въ актъ дарственной записи. Дарственная же запись, въ силу толкованія сенатомъ 991 ст. того же тома въ рѣшеніяхъ: за 1868 г. № 555, 1871 г. № 333, 1872 г. № 765, 1876 г. № 578, 1886 г. № 14 и др., по которой имущество поступаетъ во владѣніе принимающаго даръ, послѣ смерти дарителя, принадлежитъ, по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ.

Такое толкованіе имѣло существенное значеніе для наслѣдниковъ, такъ какъ всякій, желающій воспользоваться духовнымъ завѣщаніемъ, по законамъ Финляндіи, долженъ «въ теченіи шести мѣсяцевъ, по полученіи извѣстія о смерти завѣщателя и о завѣщаніи, предъявить оное судьѣ», подъ опасеніемъ признанія самаго завѣщанія недѣйствительнымъ. Если бы вышеизложенныя соображенія были пригодны въ этой «культурной странѣ», то актъ 17 ноября 1891 г. былъ бы признанъ завѣщаніемъ, а потому былъ бы ничтоженъ, такъ какъ для представленія завѣщанія вдовы А. срокъ оканчивался въ іюнѣ 1895 г., а этотъ актъ не былъ предъявленъ и въ октябрѣ того года [1]).

Но оказалось, что такое толкованіе, по законамъ Финляндіи, не пригодно, что этотъ актъ долженъ быть признанъ только купчей крѣпостью, что онъ даже не можетъ быть признанъ дарственной записью, такъ какъ въ немъ сказано «продала». Вслѣдствіи этого однаго слова эта продажа не можетъ быть уничтожена даже вслѣдствіе невыполненія покупателями ихъ обязательствъ. Въ этомъ случаѣ продавецъ имѣетъ лишь требовать съ покуп-

---

[1]) Вдова А., какъ мы уже говорили, умерла въ декабрѣ 1894 года и Т. присутствовалъ при ея смерти.

щика уплаты убытковъ, которые и присуждаются въ его пользу «по усмотрѣнію суда» [1]).

Въ силу такихъ узаконеній, не смотря на полную доказанность, съ финляндской точки зрѣнія, что супруги Т. не выполнили ни однаго изъ принятыхъ на себя обязательствъ, по акту 17 ноября 1891 года, что вдова А. не только не пользовалась попеченіемъ и уходомъ супруговъ Т., но переносила всевозможныя нравственныя и физическія униженія, и наконецъ, была похоронена какъ послѣдняя нищая, и что эти похороны были поставлены въ счетъ наслѣдникамъ,—не смотря на все это, актъ 17 ноября 1891 г. оставался *безспорной купчей крѣпостью* и наслѣдникамъ оставалось удовольствоваться полученіемъ убытковъ «по усмотрѣнію суда» или сойтись съ Т. Они предпочли послѣднее, плохо вѣруя въ финское правосудіе.

Мы провели параллель значенія одного и того же акта по законамъ Имперіи, гдѣ главная роль *не форма, а существо акта*, и законамъ края, гдѣ *существо* акта не имѣетъ никакого значенія, *а важна лишь одна форма*. Затѣмъ мы привели этотъ случай въ подтвержденіе того, что отсутствіе учрежденія, обязаннаго наблюдать за законностью совершенія различныхъ актовъ, порождаетъ массу споровъ, въ которыхъ одна изъ сторонъ, благодаря незнанію, можетъ потерять все свое имущество.

Можетъ быть намъ отвѣтятъ, что разъ сторона не знаетъ законовъ, то она, въ огражденіе своихъ правъ, можетъ пригласить свѣдущаго юриста-повѣреннаго, который, зная законъ, не дастъ своего кліента въ обиду. Къ сожалѣнію, въ этой «культурной» странѣ нѣтъ корпораціи адвокатовъ. Здѣсь неизвѣстны институты ни присяжныхъ, ни частныхъ повѣренныхъ. Слѣдовательно, избирая повѣреннаго, кліентъ, не знающій законовъ, долженъ руководиться чьей либо рекомендаціей. Адвокатурой въ деревняхъ большею частью занимаются лукари (пономари) лютеранскихъ приходовъ; въ городахъ—лица, состоящія при судебныхъ учрежденіяхъ, и зачастую лица, *исполняющія судейскія обязанности*. Подтвердимъ это фактами.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Выборгской губерніи самая обширная адвокатская практика у мѣстнаго бургомистра

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи“, отдѣлъ о недвижимостяхъ, глава IV, дополн. къ ст. 10, пун. 3, стр. 81.

Га-да [1]). Въ осеннюю сессію 1895 года герадсгевдингъ былъ въ отпуску, его должность исправлялъ означенный бургомистръ, а должность бургомистра—запасный судья (нѣчто въ родѣ кандидата на судебныя должности) Гу-нъ. Намъ пришлось въ качествѣ зрителя пробыть въ засѣданіи герадскаго суда цѣлый день. До обѣденнаго перерыва чинилъ судъ и расправу бургомистръ Га-дъ, а въ качествѣ адвоката фигурировалъ исправляющій должность бургомистра г. Гу-нъ [2]). Послѣ обѣда представители правосудія перемѣнились ролями: адвокатъ Гу-нъ сталъ судьей, а судья Га-дъ адвокатомъ. Все это вѣдомо и выборгскому гофгерихту, такъ какъ мы навѣрно знаемъ, что по нѣкоторымъ дѣламъ, какъ утреннимъ, такъ и вечернимъ, послѣдовали апелляціи. Мы не знаемъ, послѣдовало-ли такое превращеніе судьи въ адвоката и адвоката въ судью съ разрѣшенія гофгерихта или дѣло обошлось безъ него, но мы утверждаемъ, что такое превращеніе *извѣстно* гофгерихту. При этомъ думаемъ, что оно послѣдовало съ разрѣшенія этого высшаго «органа суда», такъ какъ по законамъ края, назначеніе «судей замѣстителей (domare-vicariers)» зависитъ отъ гофгерихта, и «если судья, безъ особаго на то дозволенія, допуститъ, чтобы кто либо судилъ вмѣсто его, то имѣетъ онъ быть лишенъ должности» [3]). Такія превращенія, положимъ, выгодны для судей-адвокатовъ: судейское содержаніе увеличивается адвокатскимъ гонораромъ; но, да простятъ намъ финляндскіе патріоты,—мы думаемъ, что при такихъ порядкахъ *страдаетъ правосудіе.*

Въ губернскихъ городахъ Финляндіи, правда, встрѣчаются вывѣски адвокатовъ и адвокатскихъ конторъ. Въ числѣ этихъ адвокатовъ не мало лицъ, носящихъ судейское званіе, что видно изъ ихъ публикацій въ финскихъ газетахъ. Мы укажемъ двухъ: I. Е. Вильскмана и Л. Каяндера, которые въ публикаціяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Laatoka» отъ 30 сентября нов. ст., № 79 1896 г., названы запасными судьями (vara tuomari).

---

[1]) Бургомистръ—предсѣдатель ратгаузскаго суда.

[2]) Не называя полныхъ фамилій означенныхъ лицъ, такъ какъ для насъ важны не лица, а факты, мы ручаемся за вѣрность факта; но если указанныя лица потребуютъ назвать ихъ полныя фамилія, а не инціалы и пожелаютъ преслѣдовать насъ судомъ, то мы къ ихъ услугамъ.

[3]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи", отдѣлъ о судопроизводствѣ, глава I, ст. 9, и дополн. 10 къ ст. 10, стр. 829—831.

Кто разрѣшаетъ открытіе этихъ конторъ, вывѣшиваніе вывѣсокъ и печатаніе публикацій,—мы не знаемъ, но утверждаемъ, что «Общее уложеніе Финляндіи» не указываетъ на существованіе какого либо учрежденія, сколько нибудь напоминающаго институты присяжныхъ или даже частныхъ повѣренныхъ, установленные судебными уставами Императора Александра II.

Въ «Общемъ уложеніи Финляндіи» правамъ и обязанностямъ повѣренныхъ отведена всего одна глава въ шестнадцать статей [1]). Изъ этихъ 16 статей не видно, чтобы повѣренный долженъ имѣть какой либо опредѣленный образовательный цензъ. Въ одной изъ нихъ въ крайне общихъ фразахъ указаны нравственныя качества, требуемыя отъ повѣреннаго. Въ силу этой статьи: «тѣ, кои за другихъ могутъ искать и отвѣчать на судѣ, должны быть люди незазорнаго поведенія, честные, правдолюбивые и благоразумные. Никто вообще не долженъ быть для сего употребляемъ, если его не признаетъ способнымъ къ этому судъ, въ которомъ производится дѣло, и если онъ не получилъ на сіе дозволенія. Если тяжущійся пожелаетъ избрать въ уполномоченные своего родственника или состоящаго у него въ услуженіи или же другого, къ кому имѣетъ довѣріе, то сіе ему дозволяется» [2]). Мы выписали эту статью, чтобы указать всю фразистость и неопредѣленность закона о повѣренныхъ. Разбирая буквальный смыслъ этого закона, является невольно нѣсколько вопросовъ, на которые это законоположеніе не отвѣчаетъ. Такъ, неизвѣстно,— кто является цѣнителемъ нравственности повѣреннаго, на сколько продолжительна эта оцѣнка, можетъ-ли судъ, допустившій повѣреннаго по одному дѣлу, не допускать его по другому; наконецъ, можетъ-ли судъ не допустить родственника, служащаго и вообще *лицо, «къ коему имѣетъ довѣріе» тяжущійся*?

Если признать, въ силу вышеприведеннаго закона, право суда опредѣлять по каждому дѣлу «*способность*» повѣреннаго, то тогда все, что говорится о правѣ тяжущагося избрать уполномоченнаго изъ числа родственниковъ, служащихъ или лицъ, коимъ онъ довѣряетъ, является пустой фразой, такъ какъ лицо, избранное тяжущимся, можетъ быть, по мнѣнію суда, *не способнымъ* къ испол-

---

[1]) Малышевъ. „Общее Уложеніе Финляндіи". Отдѣлъ II судопроизводствѣ, глава XV, ст. 1—16, стр. 891—896.

[2]) Тоже, ст. 2, стр. 891.

ненію адвокатскихъ обязанностей. Наоборотъ, признавая, что судъ не вправѣ устранить означенныхъ лицъ, мертвой буквой явится право опредѣленія суда «*способности*» повѣреннаго, такъ какъ фактъ выдачи довѣренности извѣстному лицу является полнымъ доказательствомъ чувства довѣрія къ нему, а потому ни одинъ изъ повѣренныхъ не можетъ быть устраненъ.

Эта неопредѣленность закона ставитъ въ крайне затруднительное положеніе тяжущагося, неимѣющаго возможности лично вести свое дѣло или хотя бы находиться въ мѣстѣ производства процесса. Такой тяжущійся, выдавая довѣренность, всегда подвергается риску остаться безъ повѣреннаго, въ силу произвола суда, могущаго признать его уполномоченнаго «неспособнымъ» вести дѣло. Вообще лицо, имѣющее несчастіе вести судебный процессъ въ Финляндіи, какъ въ силу вышесказанныхъ соображеній, такъ и въ силу самого закона, должно всегда находиться въ мѣстѣ производства процесса. Даже приглашеніе вполнѣ «*способнаго*», по мнѣнію суда, повѣреннаго не избавляетъ тяжущагося отъ присутствія въ мѣстѣ производства процесса, такъ какъ тяжущіеся «во всякомъ случаѣ обязаны являться въ судъ, когда судья признаетъ это нужнымъ» [1]).

Совершенно въ другомъ положеніи находится тяжущійся, которому необходимо вести дѣло въ судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II. Допустимъ, что кому либо, живущему не только въ Россіи, но даже заграницей, необходимо вести гражданское дѣло въ мѣстности, гдѣ введены вышеозначенные судебные уставы. Такой тяжущійся не обязанъ являться не только для веденія процесса, но даже и для избранія повѣреннаго. Если онъ самъ не можетъ или не желаетъ вести своего дѣла и не знаетъ никого, кому бы могъ поручить его, то ему стоитъ лишь обратиться въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ того судебнаго округа, гдѣ должно производиться дѣло, или въ окружный судъ, замѣняющій совѣтъ въ мѣстахъ, гдѣ таковые не открыты, и повѣренный такому тяжущемуся будетъ назначенъ: ему не нужно уславливаться о гонорарѣ; за трудъ повѣреннаго довѣ-

[1]) Тоже, ст. 1, стр. 891.

ритель обязанъ заплатить по таксѣ, точно опредѣленной закономъ [1]).

Избравъ присяжнаго повѣреннаго по собственному усмотрѣнію или заручившись таковымъ по назначенію совѣта или окружнаго суда, тяжущійся можетъ быть покоенъ, что избранный или назначенный повѣренный добросовѣстно поведетъ его дѣло, такъ какъ, въ силу самаго закона, присяжный повѣренный подвергается болѣе или менѣе тяжкому наказанію не только за преступныя или недобросовѣстныя дѣйствія по отношенію къ довѣрителю, но и за всякое упущеніе, вредящее интересамъ кліента. Для привлеченія такого повѣреннаго къ отвѣтственности не нужно вести судебнаго процесса,—достаточно послать въ совѣтъ, которому подвѣдомственъ повѣренный, жалобу, изложивъ въ ней факты, изъ которыхъ видны его неправильныя дѣйствія. Совѣтъ самъ разбираетъ дѣло и опредѣляетъ дисциплинарное наказаніе, если дѣйствія повѣреннаго не составляютъ уголовнаго преступленія или же, въ послѣднемъ случаѣ, передаетъ дѣло прокурорскому надзору, который озаботится о точномъ изслѣдованіи преступленія и наказаніи виновнаго [2]).

Ничего подобнаго нѣтъ въ «культурной» Финляндіи. Здѣсь интересы лица, ведущаго процессъ черезъ повѣреннаго, совершенно не гарантированы. Адвокаты-судьи,—внѣ всякаго надзора, и въ случаѣ явно-преступныхъ дѣяній такого повѣреннаго, довѣрителю остается начать противъ него судебный процессъ, для котораго опять таки понадобится адвокатъ. Но врядъ-ли обманутому кліенту найти второго адвоката для преслѣдованія перваго, въ особенности если этотъ первый былъ адвокатъ-судья.

Главное зло финляндскихъ судебныхъ порядковъ—это допущеніе къ отправленію обязанностей повѣренныхъ лицъ, служащихъ по судебному вѣдомству. Благодаря такимъ порядкамъ, судьи-адвокаты позволяютъ себѣ крайне смѣлыя продѣлки, надѣясь на свое судейское вліяніе. Въ Россіи обязанности повѣ-

---

[1]) «Уставы Императора Александра II. Учрежденіе Судебныхъ Установленій», изд. 1892—5 п. 367 ст., 378, 392 и 2 п. 396 ст.

[2]) Тоже, ст. 367 и 368.

реннаго несовмѣстимы не только съ должностью судьи, но даже съ какой либо правительственной или общественной службой [1]). Такое положеніе заставляетъ русскаго адвоката заниматься *исключительно* дѣлами своихъ кліентовъ и дорожить ихъ довѣріемъ. Относительно же веденія дѣлъ финляндскими адвокатами-судьями мы имѣемъ достаточно фактовъ, чтобы сказать, что эти повѣренные, будучи обезпечены судейскимъ жалованіемъ, зачастую манкируютъ своими адвокатскими обязанностями, такъ какъ во 1-хъ, гонораръ, получаемый ими за исполненіе этихъ обязанностей, служитъ лишь подспорьемъ, а не средствомъ къ жизни, и во 2-хъ, исполненіе судейскихъ обязанностей не даетъ возможности какъ слѣдуетъ заняться порученнымъ дѣломъ. Благодаря всему этому, являются непоправимыя ошибки и зачастую проигрышъ вѣрнаго дѣла.

Въ такомъ положеніи находится мѣстный довѣритель относительно своего адвоката; не приведи Господи русскому попасть въ руки финляндскаго судьи-адвоката. Весь чиновный людъ этого «культурнаго» края ненавидитъ все русское и русскихъ, а потому всякій обманъ, всякая неправда, совершенная судьей-адвокатомъ по отношенію русскихъ, не только не преслѣдуется, но какъ бы поощряется. Мы это говоримъ смѣло, такъ какъ имѣемъ факты и въ случаѣ надобности укажемъ не только лицъ, но и докажемъ, что противъ самаго наглаго обмана, совершеннаго адвокатомъ-судьей противъ своего русскаго довѣрителя, финляндская высшая власть, обязанная наблюдать за точнымъ соблюденіемъ законовъ, не только не приняла никакихъ мѣръ, но даже отказалась отъ преслѣдованія судьи-адвоката, что обязана была сдѣлать въ силу положительнаго закона [2]). Здѣсь мы не приводимъ этого возмутительнаго факта, такъ какъ этотъ фактъ является частнымъ дѣломъ. Наша же цѣль не обличеніе частныхъ лицъ въ частныхъ дѣлахъ, а указаніе на общее неустройство этой окраины.

Мы въ своемъ бѣгломъ, но правдивомъ очеркѣ желали указать всю неприглядность финляндскихъ учрежденій, существующихъ, кажется, для того, чтобы дать возможность судейскому сословію жить на счетъ бѣднаго полуголоднаго крестьянина,

---

[1]) Тамъ же, п. 4 ст. 355.

[2]) Учрежденіе финляндскаго сената, изд. 1892 г., § 58. „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго“ 1892 г., № 30, стр. 14.

отдающаго свои послѣднія марки, свои послѣднія «каппы» хлѣба на содержаніе судей, не дающихъ имъ «суда праваго».

Ради этого бѣднаго, обобраннаго своими «государственниками» финскаго крестьянскаго населенія края слѣдовало бы озаботиться о введеніи, если не всѣхъ русскихъ учрежденій, то по крайней мѣрѣ хотя бы судебныхъ установленій Императора Александра II. Къ введенію этихъ уставовъ, кажется, препятствій не имѣется.

Изъ приведенныхъ нами данныхъ для опредѣленія дѣятельности «особыхъ» финляндскихъ судебныхъ учрежденій и сравненія ихъ съ дѣятельностью судебныхъ установленій Пермской губерніи должно признать, что количество судебныхъ органовъ этой губерніи вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ Финляндіи. Мы указали, что содержаніе финляндскихъ судебныхъ учрежденій обходится краю ежегодно въ 1.059,171 р. 39 коп. Это цифра *минимальныхъ* расходовъ. Приведемъ теперь, по имѣющимся у насъ источникамъ, *максимальную* стоимость судебныхъ учрежденій Пермской губерніи. Какъ мы уже говорили, въ Пермской губерніи въ 1891 году дѣйствовали:

	Содержаніе коихъ стоило: Руб.	Коп.	
2 окружныхъ суда	313,262	—	[1]
Судебно-мировыя учрежденія.	236,295	60	[2]

---

[1]) Личный составъ пермскаго и екатеринбургскаго окружныхъ судовъ за 1891 годъ изъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи», выпускъ VII, стр. 6—7; содержаніе чиновъ этихъ судовъ высчитано согласно штатамъ, указаннымъ въ приложеніи къ ст. 238 Учрежд. Судебн. Установл., изд. 1892 года, при чемъ принято, что всѣ члены судовъ получаютъ усиленный окладъ, т. е. 2,700 р. въ годъ; квартирныя деньги для судебныхъ слѣдователей вычислены по отчетамъ уѣздныхъ земскихъ управъ Пермской губерніи и взята средняя цифра. Для вычисленія расходовъ: на канцелярскія принадлежности и наемъ писцовъ взято $^{2}/_{85}$ суммы, обозначенной на этотъ предметъ, для 85 окружныхъ судовъ, нотаріальныхъ архивовъ и прокурорскихъ камеръ Имперіи, въ приложеніи къ государственной росписи на 1891 г., стр. 144—145; для опредѣленія расходовъ на отопленіе и освѣщеніе, на наемъ прислуги и ремонтъ зданій взято $^{2}/_{95}$ суммы, ассигнованной по той же росписи на эти предметы для 10 судебныхъ палатъ и 85 окружныхъ судовъ.

[2]) «Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи», изданіе пермскаго губернскаго статистическаго комитета за 1890 годъ, стр. 82.

Уѣздныя и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія	78,000	—	[1])
Волостные суды (въ которыхъ только 275 лицъ въ 61-мъ судѣ получали жалованіе)	3,610	—	[2])
Итого . . .	631,167	60	к.

Къ этой цифрѣ слѣдуетъ прибавить часть расходовъ на содержаніе казанской судебной палаты. Думаемъ, было бы правильно къ расходамъ Пермской губерніи на судебныя учрежденія прибавить $^1/_3$ часть расходовъ на содержаніе казанской судебной палаты, въ виду того, что изъ 6 окружныхъ судовъ, подвѣдомственныхъ этой судебной палатѣ, два находятся въ раіонѣ Пермской губерніи. Но такъ какъ при разсчетѣ количества апелляціонныхъ дѣлъ мы указали, что 51% всѣхъ жалобъ, поступившихъ въ казанскую судебную палату — жалобы на рѣшенія окружныхъ судовъ Пермской губерніи, поэтому, сообразно вышеозначенной дѣятельности названной палаты, мы относимъ на расходы судебныхъ учрежденій Пермской гуверніи не $^1/_3$ расходовъ на содержаніе палаты, а 51% этихъ расходовъ. Затѣмъ мы указали дѣйствительный расходъ на содержаніе волостныхъ судовъ; но намъ могутъ возразить, что такое положеніе волостныхъ судовъ случайное, что не всегда члены волостнаго суда будутъ служить безвозмездно. Признавая основательность подобнаго возраженія, мы исчислимъ расходъ волостныхъ судовъ, предполагая, что всѣ члены этихъ судовъ будутъ получать максимальное содержаніе, опредѣленное штатами. На основаніи этихъ соображеній исчислимъ дополнительный расходъ содержанія судебныхъ учрежденій Пермской губерніи. Расходъ на содержаніе казанской судебной палаты въ годъ составитъ сумму не болѣе 112,401 руб. [3]) и расходъ на содержаніе 484 волостныхъ судовъ въ 135,520 руб. [4]). Поэтому дополнительный

[1]) Взята наибольшая цифра по отчетамъ губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ Пермской губерніи за періодъ 1889—1892 гг.

[2]) «Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи», изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета за 1896 г. Отдѣлъ III, стр. 63.

[3]) При исчисленіи этого расхода мы пользовались тѣми же источниками, какъ и при вычисленіи расходовъ окружныхъ судовъ.

[4]) Разсчетъ сдѣланъ на основаніи 1 п. 7 ст. «Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ» отъ 12 іюня 1889 г.

расходъ, который мы считаемъ нужнымъ прибавить къ вышеисчисленному нами расходу, будетъ 189,235 руб. [1]). Слѣдовательно, максимальный расходъ на содержаніе судебныхъ учрежденій Пермской губерніи опредѣлится въ 820,403 руб. [2]). Изъ этого ясно, что при замѣнѣ старыхъ отжившихъ судебныхъ установленій Финляндіи вполнѣ современными судебными учрежденіями, край не только получилъ бы судъ скорый, правый, милостивый и равный для бѣдняка и богача, но сверхъ того при такой реформѣ расходы края сократились бы на 238,768 руб. [2]).

Въ нашемъ очеркѣ дѣятельности судебныхъ учрежденій финляндской окраины Россійской Имперіи мы привели нѣкоторыя цифры, далеко не точныя, основанныя на предположеніяхъ, за невозможностью представить точныя свѣдѣнія. Точныя свѣдѣнія могутъ быть добыты только посредствомъ подробной ревизіи учрежденій края русскими государственными дѣятелями. Только такая ревизія можетъ дать полную картину нравственнаго и экономическаго зла, создаваемаго дѣятельностью настоящихъ судебныхъ учрежденій Финляндіи. Зная крайне поверхностно эту дѣятельность, мы все таки съ полной увѣренностью говоримъ, что ревизія края дала бы болѣе мрачную картину, чѣмъ та, которую мы изобразили въ своемъ очеркѣ. Полное безправіе, придавленность бѣдняка, полное обездоленіе мелкаго землевладѣльческаго и земледѣльческаго люда, царство кулака торговца и благоденствіе чиновника—вотъ послѣдствія настоящихъ судебныхъ порядковъ этой «культурной» страны!

Волею покойнаго Государя Александра III въ Петербургѣ образована 7 апрѣля 1894 года особая комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части [3]). Насколько можно судить по извѣстіямъ нашей періодической печати, одинъ изъ отдѣловъ этой комиссіи занятъ выработкой «общаго нормальнаго типа мѣстной юстиціи, который могъ бы быть примѣненъ съ нѣкоторыми приспособленіями какъ къ центральнымъ мѣстно-

---

[1]) 51% расхода на содержаніе судебной палаты и изъ расхода волостныхъ судовъ вычтены 3,610 руб., показанные въ общемъ расходѣ.

[2]) Для округленія копѣйки отброшены.

[3]) «Журналъ Министерства Юстиціи» 1894 г. № 1, стр. 23.

стямъ, такъ и къ окраинамъ [1])». Существованіе комиссіи и программа отдѣла даютъ право надѣяться, что не въ далекомъ будущемъ въ предѣлахъ Россійскаго государства, наконецъ, будутъ учреждены единообразныя судебныя установленія и что при введеніи выработаннаго этой комиссіей типа «мѣстной юстиціи» не будетъ забыта и финляндская окраина. Думаемъ, что теперь настало время, когда русскому Министерству Юстиціи слѣдуетъ озаботиться о введеніи во всѣхъ частяхъ государства безъ исключенія единообразнаго суда и тѣмъ исполнить великій завѣтъ Царя-Миротворца, начертанный на докладѣ г. Министра Юстиціи объ учрежденіи комиссіи, «*чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи* [2])».

Введеніе *единообразныхъ во всемъ государствѣ* судебныхъ установленій окажетъ, по нашему мнѣнію, не малое вліяніе на полное сліяніе окраинъ съ Имперіей. Но помимо всѣхъ политическихъ соображеній, замѣна описанныхъ нами старыхъ отжившихъ судебныхъ установленій Финляндіи новыми учрежденіями, стремящимися къ достиженію возможнаго правосудія и огражденію интересовъ всего, безъ изъятія, населенія, необходима для блага громаднаго большинства этого населенія. Ожидать ходатайства о такой реформѣ со стороны земскихъ чиновъ Финляндіи, какъ мы уже говорили, нѣтъ основаній: такая реформа невыгодна финляндскимъ заправиламъ, а потому иниціаторомъ въ этомъ дѣлѣ должно стать русское Министерство Юстиціи.

Будемъ же надѣяться, что это министерство, озаботившееся о введеніи «суда правды и милости» въ отдаленной сибирской окраинѣ, не позабудетъ ближайшую къ столицѣ финляндскую окраину, и что скоро наступитъ тотъ свѣтлый день, когда всѣ «полныя доказательства», «полудоказательства», всѣ принудительныя «присяги», различные способы (напоминающіе пытку) «добыванія истины» и разные виды «кабалы», царящіе въ настоящее время въ Финляндіи, будутъ сданы въ архивъ исторіи, и населеніе этой окраины наравнѣ со всѣми народами, населяющими великую русскую Имперію, заживетъ мирной трудовой жизнью, подъ защитой суда совѣсти и нелицепріятной правды.

---

[1]) «Новое Время» 2/14 января 1896 г. № 7128, статья А. Молчанова «Дѣятельность Министерства Юстиціи за 1895 г.».

[2]) «Журналъ Министерства Юстиціи« 1894 г., № 1 стр., 48.

Осуществленіе такой реформы, долженствующей *кореннымъ* образомъ переработать все финляндское процессуальное право, является вопросомъ *неотложной государственной необходимости*. Мало того, это является вопросомъ, такъ сказать, *государственной чести*, ибо на нашъ взглядъ русская государственная власть не можетъ допустить, чтобы ради какихъ-то финляндскихъ конституціоналистовъ, автономистовъ, сепаратистовъ и какъ бы тамъ они еще ни прозывались,—могла бы быть терпима такая *вопіющая аномалія*, какъ финляндскій судебный строй, на томъ только основаніи, что это аномалія «особенная».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Нашъ бѣглый очеркъ политическаго положенія Финляндіи и значенія ея мѣстныхъ учрежденій оконченъ. Но прежде чѣмъ сдѣлать общій выводъ изъ всего нами сказаннаго и выяснить дѣйствительную цѣль этого труда, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ событіяхъ текущаго года, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, крайне важное значеніе, какъ доказательства съ одной стороны твердаго намѣренія Верховной Власти продолжать объединительную политику прошлаго царствованія, а съ другой—явнаго и постояннаго противодѣйствія этой политикѣ со стороны финляндскихъ воротилъ.

Первый день настоящаго года остается знаменательнымъ днемъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Финляндіи. Въ этотъ день былъ опубликованъ Высочайшій рескриптъ на имя графа Ѳ. Л. Гейдена, оставившаго, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, постъ генералъ-губернатора Финляндіи. Этотъ рескриптъ имѣетъ значеніе не только выраженія Высочайшаго благоволенія къ заслугамъ маститаго государственнаго дѣятеля, но онъ также является актомъ первостепенной государственной важности. Въ немъ указаны какъ заботы покойнаго Императора Александра III *«объ упроченіи узъ духовныхъ и матеріальныхъ, связующихъ интересы Финляндіи съ интересами Россіи»*, такъ равно взглядъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора на положеніе этой окраины Россійской Имперіи. Мы позволимъ себѣ цитировать эти высокознаменательныя слова Высочайшаго рескрипта:

«Каковы бы ни были стремленія и увлеченія отдѣльныхъ лицъ или представителей политическихъ партій Финляндіи, Я вѣрю въ прямодушную искренность и преданность вѣрноподдан-

наго Моего финскаго народа и по завѣтамъ Моего дорогого Отца остаюсь при убѣжденіи, что коренные интересы этой страны и ея дальнѣйшаго преуспѣянія должны вытекать изъ основъ неразрывнаго единенія ея съ великой Имперіей, которой судьбы промысломъ Божіимъ Мнѣ ввѣрены».

Эта часть Высочайшаго рескрипта, будучи выраженіемъ личнаго взгляда Государя Императора, является вполнѣ ясной и опредѣленной правительственной программой, а равно и столь же яснымъ и категорическимъ осужденіемъ «стремленій и увлеченій отдѣльныхъ лицъ и представителей политическихъ партій», противодѣйствующихъ единенію края съ Имперіей.

Теперь сдѣлаемъ обзоръ дѣятельности какъ представителя русской власти въ Финляндіи, такъ и нѣкоторыхъ представителей мѣстныхъ политическихъ партій и «особыхъ» учрежденіій.

Какъ извѣстно, постъ генералъ-губернатора Финляндіи до настоящаго времени остается вакантнымъ. Исправленіе этой должности возложено на бывшаго помощника графа Гейдена, генералъ-лейтенанта Степана Осиповича Гончарова. Насколько намъ извѣстна многолѣтняя дѣятельность генерала Гончарова въ этой окраинѣ, сначала въ должности коменданта Свеаборгской крѣпости, а затѣмъ помощника генералъ-губернатора, мы имѣемъ право сказать, что она всецѣло была посвящена дѣлу сближенія края съ Имперіей. Намъ положительно извѣстно горячее участіе, принимаемое генераломъ Гончаровымъ въ дѣлахъ совѣщательнаго гельсингфорскаго комитета, завѣдующаго русскими школами въ Финляндіи; мы знаемъ, что исправляя въ 1895 году должность генералъ-губернатора, генералъ Гончаровъ предпринялъ рядъ поѣздокъ внутрь края, причемъ обратилъ особое вниманіе на преподаваніе въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ русскаго языка. Результатомъ этихъ объѣздовъ было предложеніе графа Гейдена, внесенное въ финляндскій сенатъ осенью того же 1895 г., объ увеличеніи числа часовъ для занятій русскимъ языкомъ. Сообщая объ этомъ предложеніи графа Гейдена, шведскія и финскія газеты края не могли не упомянуть, что такое предложеніе «вѣроятно» сдѣлано вслѣдствіи «настоящій *русскаго* генерала Гончарова». Вообще изъ личныхъ нашихъ наблюденій мы пришли къ заключенію, что гене-

ралъ Гончаровъ, будучи почти единственнымъ защитникомъ родныхъ русскихъ интересовъ въ этой русской окраинѣ, далеко не пользуется симпатіями проповѣдниковъ финляндской партіи независимости.

Вѣрный программамъ, указаннымъ въ Высочайшихъ рескриптахъ 28 февраля 1891 года и 1 января 1897 года, генералъ Гончаровъ, оставаясь исправляющимъ должность генералъ-губернатора, какъ представитель русскихъ интересовъ, не могъ не обратить своего вниманія на ту приниженную роль, которую съ давнихъ поръ приходилось играть русскому православному духовенству при исполненіи нѣкоторыхъ православныхъ торжественныхъ богослуженій въ этой окраинѣ.

Въ IX главѣ мы, со словъ корреспондента газеты «Новое Время», сообщили объ отступленіяхъ отъ общепринятаго порядка, которыя вынуждено было дѣлать православное духовенство при богослуженіяхъ во время страстной недѣли. Теперь же мы считаемъ умѣстнымъ отмѣтить отрадный фактъ, сообщенный гельсингфорскимъ корреспондентомъ той же газеты. Въ настоящемъ году, по словамъ автора корреспонденціи, озаглавленной «Русскія дѣла» [1]), во время страстной недѣли, «военныя власти съ небывалой здѣсь торжественностью обставили крестные ходы изъ церкви абоскихъ казармъ. *Прежде, въ теченіе долгихъ лѣтъ, они совершались inter muros, по внутреннимъ корридорамъ и закрытому двору; теперь этому положенъ конецъ. Крестные ходы обошли казармы и прошли по улицѣ; особенно хорошій видъ придали всей картинѣ пасхальнаго торжества солдаты, стоявшіе по пути слѣдованія крестнаго хода со свѣчами въ рукахъ.* Финляндцы, собравшіеся въ большомъ количествѣ около казармы, держали себя вполнѣ пристойно».

Такой перемѣнѣ мы придаемъ большое значеніе. Особая торжественность крестныхъ ходовъ должна была показать гг. финляндскимъ воротиламъ, что времена нѣсколько измѣнились, что вмѣсто разглагольствованій о «господствующей лютеранско-евангелической вѣрѣ» и «терпимомъ православномъ исповѣданіи». пора подумать о томъ, «что коренные интересы» Финляндіи и «ея дальнѣйшаго преуспѣянія должны вытекать изъ основъ неразрывнаго единенія съ великой Имперіей», въ которой, при

[1]) «Новое Время» 26 апрѣля 1897 г., № 7600. Курсива въ корреспонденціи нѣтъ.

полной религіозной свободѣ всѣхъ народовъ, населяющихъ ее, православная вѣра остается господствующей религіей.

Изъ Высочайшаго рескрипта 1 января 1897 года и дѣятельности представителя русской власти въ краѣ гг. проповѣдники финляндской «государственности» должны были, наконецъ, понять, что всѣ ихъ стремленія не болѣе какъ мечты и «увлеченія», и что гораздо полезнѣе, прекративъ устарѣлыя, не имѣющія никакой твердой почвы проповѣди, заняться изысканіемъ средствъ къ скорѣйшему сліянію края съ Имперіей и такой дѣятельностью оказать великую услугу истиннымъ интересамъ родины и заслужить передъ Имперіей забвеніе старыхъ грѣховъ.

Но такъ могли и должны были поступить люди, дѣйствительно стремящіеся ко благу роднаго края, а не финляндскіе главари, для которыхъ важно не благоденствіе финскаго народа, а удовлетвореніе собственнаго честолюбія, заключающагося главнымъ образомъ въ игрѣ въ парламентаризмъ. Это они вполнѣ доказали своей дѣятельностью въ финляндскомъ сеймѣ, созванномъ $^{8}/_{20}$ января и закрытомъ $^{8}/_{20}$ мая текущаго года.

Во время сессіи этой «второй государственной власти» финляндскіе «государственники» не дремали; они не оставляли своей излюбленной мечты—превращенія такъ называемыхъ «административныхъ» законовъ, т. е. изданныхъ единоличной Самодержавной властью Государя, безъ всякаго участія сейма, въ законы «основные», т. е. освященные согласіемъ земскихъ чиновъ края, которые, по ихъ мнѣнію, не могутъ быть отмѣнены или измѣнены иначе, какъ съ согласія опять-таки земскихъ чиновъ. Такимъ образомъ поборники идеи «государственности» Финляндіи и на этотъ разъ, какъ и во время предъидущихъ сеймовъ, не преминули показать, что сеймъ не совѣщательное собраніе представителей населенія русской провинціи, а парламентъ отдѣльнаго государства, имѣющій право рѣшающаго голоса, безъ согласія котораго никакой законъ, касающійся этой страны, не можетъ быть изданъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы сошлемся на петицію о государственныхъ языкахъ края и на обсужденіе проекта закона о конской военной повинности. Какъ мы уже говорили въ VII главѣ нашей книги, закономъ $^{8}/_{20}$ февраля 1865 года, изданнымъ безъ всякаго участія земскихъ чиновъ, финскій языкъ признанъ оффиціальнымъ языкомъ края наравнѣ съ языкомъ шведскимъ. Мы указали, какую услугу этотъ законъ ока-

залъ партіи финляндской независимости и какъ она съумѣла воспользоваться имъ. Добившись такого закона, эта партія не успокоилась. Она понимала, что этотъ законъ, какъ изданный волей Самодержавной Верховной Власти, непользующійся правомъ «основнаго» закона края, въ силу даже принциповъ финляндскаго ученія можетъ быть во всякое время не только измѣненъ, но и совершенно отмѣненъ безъ вѣдома сейма. Такое положеніе не нравилось, и вотъ, послѣ обнародованія приведеннаго нами Высочайшаго рескрипта 1 января 1897 г., земскіе чины сейма, по словамъ корреспондента газеты «Новое Время» [1]), «постановили просить правительство внести на сеймъ предложеніе объ изданіи новаго закона, устанавливающаго полную равноправность мѣстныхъ языковъ въ судахъ и администраціи края».

Интересны мотивы этого ходатайства, приведенные корреспондентомъ. По его словамъ, «представители Финляндіи заявляютъ, что изданіе подобнаго закона требуется не только простою справедливостью, но также и для мирнаго развитія народа, для успокоенія партійной борьбы и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ они добавляютъ, что указанныя цѣли могутъ быть достигнуты не иначе (!), *какъ закономъ, прошедшимъ черезъ сеймъ, такъ какъ только постановленіе, составленное при участіи земскихъ чиновъ*, въ состояніи удовлетворить требованіямъ враждующихъ партій, окончательно рѣшить столь существенный вопросъ, какъ вопросъ о языкахъ, а также пріобрѣсти *въ глазахъ народа особое значеніе и «святость общаго закона»*. Это, такъ сказать, общія соображенія, въ силу которыхъ правительство должно уважить ихъ ходатайство. Но финляндскіе воротилы великіе историки и юристы, а потому они не могли не снабдить своей петиціи историко-юридической справкой. Эту справку мы позволимъ себѣ цитировать изъ вышеприведенной корреспонденціи, по словамъ которой «сеймъ утверждаетъ, что установленіе правилъ о языкѣ, на которомъ должно вестись дѣлопроизводство въ судѣ и администраціи края, слѣдуетъ отнести,—въ виду «дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законовъ»,—къ той категоріи законодательства, въ которой участіе земскихъ чиновъ обязательно, въ виду того, что эти правила касаются какъ частныхъ лицъ, такъ и людей, состоящихъ на правительственной службѣ. Желая обосновать это, земскіе чины въ своихъ мотивахъ указы-

[1]) „Новое Время“ 25 марта 1897 г. № 7570. „Ходатайство финляндскаго сейма“.

вають на то, *что уже въ правленіе Магнуса (!!) и во время Христофа въ законахъ Скандинавіи встрѣчались опредѣленія, требовавшія, чтобы бумаги,* исходившія изъ судовъ, *писались на шведскомъ языкѣ*, «и нашъ (финляндскій) дѣйствующій уставъ, хотя и въ менѣе опредѣленной формѣ», содержитъ подобное же указаніе, чтобы судебныя рѣшенія не заключали въ себѣ ссылокъ «на иностранные законы» и не писались на «чужомъ явыкѣ»..... «земскіе чины категорически заявляютъ: *разъ уже въ 1300 годахъ существовали указанія о языкѣ* въ судопроизводствѣ, то отсюда слѣдуетъ (!), что законоположеніе объ этомъ языкѣ обязательно должно быть отнесено къ области общаго закона, который не можетъ быть составленъ *«безъ участія и согласія сейма»*.

Въ этихъ достойныхъ, говоря деликатно, обычной финляндской смѣлости мотивахъ, мы подчеркнули нѣкоторыя мѣста и позволимъ себѣ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ. Полагать надо, что составители этой знаменитой во всѣхъ отношеніяхъ петиціи люди *крайне дряхлые.* Какъ извѣстно, люди, дожившіе до глубокой старости, помнятъ прекрасно самыя отдаленныя событія и совершенно теряютъ способность удержать въ своей памяти событія ближайшія. Затѣмъ одряхлѣвшимъ старцамъ крайне трудно обобщать факты и дѣлать изъ нихъ надлежащіе логическіе выводы. Всѣмъ этимъ страдаютъ составители этой петиціи. Они прекрасно помнятъ законодательства Магнуса (1347 г.) и Христофа (1442 г.), и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно позабыли законы о русскомъ языкѣ 1812, 1866 и 1891 гг. и о рескриптахъ Императоровъ Александра III и Николая II, отъ 28 февраля 1891 г. и 1 января 1897 г.

Вспоминая времена Магнуса и Христофа, когда Финляндія составляла шведскую провинцію, они совершенно забыли, что $^{5}/_{17}$ сентября 1809 г. та же Финляндія перешла «въ собственность и Державное обладаніе Россійской Имперіи». Все это позабыли дряхлые финляндскіе старички. Но какъ вамъ нравится, читатель, конечный выводъ всѣхъ этихъ воспоминаній преданій «старины глубокой»? По мнѣнію этихъ политикановъ, только потому, что въ шведскомъ королевствѣ «въ 1300 годахъ существовали указанія о языкѣ», въ Россійской Имперіи Самодержавный Императоръ не имѣетъ права «безъ участія и согласія сейма» составитъ по своему усмотрѣнію закона объ оффиціальномъ языкѣ края. Ну, не логика-ли это дряхлыхъ стариковъ, у которыхъ, за дряхлостью, мозги совершенно отказались рабо-

тать, и не пора-ли этихъ старичковъ убрать съ политической арены, давъ имъ возможность мирно и смирно дожить свой вѣкъ въ какой-либо богадѣльнѣ или психіатрической больницѣ?

Но курьезнѣе всего, что ходатайствуя о проведеніи «съ участіемъ сейма» закона объ оффиціальныхъ языкахъ края и въ тайнѣ желая, «дабы дѣлопроизводство въ административныхъ учрежденіяхъ края, въ судахъ и въ сенатѣ происходило на языкѣ народа» [1], т.-е. языкѣ финскомъ, эти отжившіе политиканы мотивируютъ свое ходатайство законами шведскаго королевства, которые въ предѣлахъ всего королевства, а слѣдовательно и въ Финляндіи, бывшей въ то время шведской провинціей, не признавали инаго оффиціальнаго языка, кромѣ языка государственнаго—шведскаго. Такимъ образомъ, если примѣнить приведенные сеймомъ законы къ настоящему политическому положенію Финляндіи, какъ русскаго края, то по аналогіи слѣдуетъ признать вмѣсто двухъ оффиціальныхъ языковъ края одинъ государственный языкъ всей Россійской Имперіи—языкъ русскій, обучивъ финляндцевъ этому языку, какъ обучали ихъ шведскому во время шведскаго владычества, о чемъ мы достаточно говорили въ VII главѣ нашей книги.

Чтобы охарактеризовать происки политической партіи, на которую не дѣйствуютъ ни слова Высочайшаго рескрипта 1 января 1897 г., ни дѣятельность настоящаго представителя русской власти въ Финляндіи, и еще разъ доказать пособничество высшихъ финляндскихъ учрежденій партіи финляндской независимости, а равно и фактъ сепаратистской заразы среди крестьянскаго населенія края, мы приведемъ корреспонденцію «Новаго Времени» изъ Гельсингфорса, озаглавленную «*За кулисами сейма*» [2]). Вотъ эта корреспонденція:

«Извѣстно, что финноманы имѣютъ здѣсь нѣчто въ родѣ политическаго клуба, гдѣ главари партіи вырабатываютъ инструкціи для своихъ единомышленниковъ по важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ края. На-дняхъ шведоманамъ удалось, вѣроятно, при содѣйствіи какого нибудь новаго Эфіальта, перехватить печатный экземпляръ чрезвычайно интереснаго протокола

---

[1]) Постановленіе тайнаго съѣзда главарей финноманской партіи въ 1896 г., см. «Новое Время» 25 іюня 1897 г., № 7659. «За кулисами сейма».

[2]) «Новое Время» 25 іюня 1897 г., № 7659. Курсива въ корреспонденціи нѣтъ.

тайнаго съѣзда своихъ враговъ. Изъ этого документа, напечатаннаго въ «Nya Pressen», видно, что «генералы и командиры» финноманскаго отряда, профессора Даніельсонъ и Форсманъ, редакторъ Эркко, публицистъ Мерманъ и др., въ іюнѣ прошлаго года созвали совѣтъ, на которомъ разработанъ былъ самый подробный планъ дѣйствій въ періодъ сеймовой сессіи 1897 года. На совѣтъ попали лишь самые толковые и надежные сторонники финской партіи (въ числѣ 87 человѣкъ). Тайный съѣздъ разсмотрѣлъ цѣлый рядъ вопросовъ, по коимъ докладчиками выступили «извѣстные» дѣятели партіи. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя резолюціи съѣзда. По вопросу объ обязательномъ обученіи дѣтей школьнаго возраста постановлено было поддержать предложеніе правительства. Затѣмъ рѣшено было добиваться расширенія общиннаго представительства. По вопросу о правахъ финскаго языка съѣздъ постановилъ на предстоящемъ сеймѣ (1897 г.) войти съ особымъ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о томъ, дабы дѣлопроизводство въ административныхъ учрежденіяхъ края, въ судахъ и въ сенатѣ происходило на языкѣ народа. На постройку Торнео-Улеаборгской желѣзной дороги рѣшено было ассигновать 7 мил. мар., и т. д. Перехваченный протоколъ тайнаго съѣзда прежде всего раскрываетъ закулисную сторону недавно закрытаго сейма и даетъ указанія объ организаціи финской партіи. Большинство вопросовъ, разсмотрѣнныхъ на съѣздѣ, дебатировалось затѣмъ на сеймѣ. Изъ сопоставленія рѣшеній съѣзда съ результатами сейма видно, что *крестьянское сословіе сейма по вопросамъ, разобраннымъ на съѣздѣ, поддержало рѣшенія съѣзда, какъ бы безпрекословно повинуясь приказаніямъ, исходившимъ изъ главнаго штаба партіи.* Такъ, напр., оно переписало дословно всеподданнѣйшее ходатайство о водвореніи финскаго языка въ учрежденіяхъ края. Все это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о прекрасной дисциплинѣ, господствующей въ финскомъ лагерѣ. *Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что съѣздъ былъ удивительно хорошо освѣдомленъ обо всемъ томъ, что дѣлалось въ высшихъ административныхъ учрежденіяхъ края;* такъ, напримѣръ, съѣздъ обсуждалъ вопросъ о желѣзной дорогѣ до Торнео, тогда какъ въ іюнѣ 1896 г. не существовало еще никакого правительственнаго предложенія объ этой сѣверной вѣтви. Вопросъ о торнеоской линіи подымался, правда, и раньше, но бывшій генералъ-губернаторъ края признавалъ ее совершенно ненужной для

Финляндіи. Если, тѣмъ не менѣе, тайный съѣздъ зналъ даже о задуманномъ предложеніи правительства по проведенію названной дороги, то *это объясняется близкими и родственными отношеніями, существующими между «командирами», созванными въ съѣздъ, и представителями финляндской администраціи».*

Думаемъ, что особыхъ коментарій эта корреспонденція не требуетъ. Мы лишь обратимъ вниманіе читателя, что «генералы и командиры» финноманской партіи—*профессора* гельсингфорскаго университета и представители прессы, и что во главѣ ихъ знаменитый І. Р. Даніельсонъ, что эти «генералы» получаютъ изъ высшихъ административныхъ учрежденій края свѣдѣнія о едва зародившихся въ административныхъ сферахъ проектахъ, что представители крестьянскаго сословія сейма безпрекословно исполняютъ волю главарей финляндской партіи. Кромѣ того, можемъ пояснить намекъ корреспондента на родственныя отношенія «командировъ» финноманской партіи съ представителями высшей администраціи края. Такія отношенія дѣйствительно существуютъ между «командиромъ» «финляндскаго отдѣла» партіи финляндской независимости профессоромъ І. Р. Даніельсонъ и «премьеромъ» финляндскаго «министерства», «министромъ духовныхъ дѣлъ» барономъ Иріе-Коскиненомъ.

Приведенной нами корреспонденціей вполнѣ выясняется, что постановленія финляндскаго сейма являются не выраженіемъ мнѣнія представителей населенія края, а точнымъ выполненіемъ приказаній «командировъ» политической партіи, которая въ іюнѣ 1896 года предрѣшила большинство вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сейма, созваннаго на $^{8}/_{20}$ января 1897 г. Изъ этого слѣдуетъ придти къ заключенію, что все населеніе финляндской окраины Россійской Имперіи находится подъ вліяніемъ сильной политической партіи—партіи финляндской независимости, характеристикѣ которой мы посвятили V главу нашей работы.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ происки «политической партіи», имѣющей огромное вліяніе на населеніе края, мы считаемъ своей обязанностью указать, основываясь на свѣдѣніяхъ періодической печати, дѣятельность «отдѣльныхъ лицъ», занимающихъ видное положеніе въ администраціи края.

Въ № 7665 газеты «Новое Время», со словъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», приведена часть рѣчи генералъ-маіора

генеральнаго штаба Шаумана, сказанной имъ въ финляндскомъ сеймѣ 1897 г. при обсужденіи проекта закона о конской военной повинности. Этотъ проектъ, какъ мы уже говорили, былъ предложенъ правительствомъ сейму 1894 г., но имъ не разсмотрѣнъ, «за недостаткомъ времени» [1]).

Сеймъ настоящаго года принялъ этотъ законъ, но не въ редакціи, предложенной правительствомъ, а съ поправкой, указанной генераломъ Шауманомъ, который, «рекомендуя свою редакцію законопроекта,—по разсказу «Моск. Вѣд.»,—сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«*Я указываю на важность того, чтобы мы не давали болѣе воды той мельницѣ, которая работаетъ надъ тѣмъ, чтобы всѣ средства и всѣ мѣры для защиты страны изъять изъ вѣдѣнія отечественныхъ властей и сдѣлать независимыми отъ утвержденнаго для страны законодательнаго порядка*».

«Эти слова генерала Шаумана приведены какъ въ отчетахъ финляндскихъ газетъ, такъ и въ оффиціальныхъ протоколахъ сейма, поступающихъ въ продажу. Кого только онъ разумѣетъ подъ «мельницей»? По мнѣнію корреспондента «Моск. Вѣд.»,—наше военное министерство, но можетъ быть и политическое направленіе, которому онъ не сочувствуетъ [2])».

Къ приведенной нами выпискѣ слѣдуетъ добавить, что г. Шауманъ не только генералъ русской службы, получившій высшее образованіе въ русской академіи генеральнаго штаба, но что онъ *занимаетъ постъ вазаскаго губернатора*. Если бы приведенная нами рѣчь была сказана кѣмъ либо изъ финляндскихъ профессоровъ, то это насъ нисколько бы не удивило. Эти господа говорятъ многое или по невѣдѣнію, или вслѣдствіи старческаго ослабленія умственныхъ способностей, и мы не придали бы такой рѣчи никакого значенія, но эта рѣчь сказана человѣкомъ, который, по своему образовательному цензу, обязанъ знать силы Россіи, и если такой ораторъ находитъ, что финляндцы могутъ не исполнять требованій русскаго правительства, то это означаетъ, что оратаръ считаетъ Финляндію достаточно сильной для борьбы съ Россіей. Для насъ не важно, кого под-

---

[1]) „Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго» 1894 г. № 24; глава V, стр. 82 этой книги.

[2]) „Новое Время“ № 7665 „Среди газетъ и журналовъ“.

разумѣваетъ г. Шауманъ подъ «мельницей», русское-ли Военное Министерство или русскую политику, программа которой указана двумя Высочайшими рескриптами, 28 февраля 1891 г. и 1 января 1897 г. Для насъ важно, что генералъ русской службы, губернаторъ одной изъ губерній края, состоящаго въ теченіи 88 лѣтъ въ «подданствѣ и Державномъ обладаніи Россійской Имперіи», открыто проповѣдуетъ противодѣйствіе объединительной политикѣ, одобренной Верховной Властью, которой, въ силу военно-служебной присяги и своего административнаго положенія, ораторъ не только самъ лично обязанъ безпрекословно повиноваться, но и обязанъ наблюдать, чтобы никто въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи не оказывалъ никакого противодѣйствія этой Власти. Для насъ важно, что русскій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, наблюдающій за правильнымъ исполненіемъ всѣми губернаторами Россійской Имперіи ихъ обязанностей, не имѣетъ права привлечь губернатора одной изъ губерній края, подвластнаго Имперіи, за эту возмутительную проповѣдь. Но мы думаемъ, что Военный Министръ, которому г. Шауманъ, въ качествѣ офицера русской арміи, во всякомъ случаѣ подчиненъ, можетъ указать, что разсужденія о «мельницѣ» не совмѣстимы съ званіемъ русскаго генерала, и что въ русской арміи имѣется достаточное количество саперовъ и военныхъ инженеровъ, для того, чтобы разрушить всякія плотины, преграждающія доступъ воды «на мельницу», если таковая понадобится для ея работы. Наконецъ, мы полагаемъ, что *общество офицеровъ генеральнаго штаба имѣетъ право и обязано указать г. Шауману, что его ораторское искусство позоритъ мундиръ русскаго генеральнаго штаба,* который не въ одной русской арміи пользуется заслуженнымъ уваженіемъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности другого государственнаго мужа, насаждающаго культуру въ этомъ «сугубо-культурномъ государствѣ». Мы говоримъ о финляндскомъ «министрѣ духовныхъ дѣлъ» сенаторѣ баронѣ Георгѣ-Захаріѣ Ирie-Коскиненѣ (Georg Zacharias Yrjö-Koskinen). Дѣятельности этого почтеннаго мужа мы отвели достаточное мѣсто во 2 отдѣлѣ VIII главы. Теперь же укажемъ на послѣдніе изворотливые, употребляемые имъ «для отвода глазъ» русской власти, заботящейся объ усиленіи преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ края русскаго языка; а также укажемъ результаты воспитанія въ дѣтяхъ школьнаго возраста чувства

ненависти ко всему русскому, достигнутые во время двѣнадцатилѣтняго «министерства» барона Иріе-Коскинена [1]).

Какъ мы уже говорили, осенью 1895 года послѣдовало предложеніе графа Гейдена финляндскому сенату объ увеличеніи числа часовъ преподаванія русскаго языка. Не соглашаться съ такимъ предложеніемъ «г. финскій министръ» не нашелъ возможнымъ и число часовъ было увеличено. Въ № 169 текущаго года «Московскихъ Вѣдомостей» мы прочли разъясненіе такой уступчивости г. «министра». Число часовъ увеличено въ 8-мъ классѣ лицеевъ и назначено вмѣсто 3-хъ 6 часовъ; но дѣло въ томъ, что въ 8-мъ классѣ занятія идутъ не въ теченіи учебнаго года, а лишь полугода, такъ какъ второе полугодіе посвящено экзаменамъ въ университетъ. Такимъ образомъ, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», остались тѣ же три часа. Дѣйствительно, великій политикъ баронъ Иріе-Коскиненъ; въ угоду финноманской партіи, преподаваніе «*ненавистнаго*» русскаго языка не улучшено, а въ угоду русскимъ требованіямъ *на бумагѣ* увеличено число часовъ преподаванія. Обѣ стороны довольны, а баронъ въ особенности: и «сѣно цѣло, и овцы сыты».

Этотъ фортель открытъ, и будемъ надѣяться, русская власть съумѣетъ настоять на упорядоченіи преподаванія государственнаго языка Имперіи. Это дѣло поправимое; но зато имѣются нѣкоторые результаты воспитательной дѣятельности финляндскихъ педагоговъ «министерства» барона Иріе-Коскинена, къ несчастію, абсолютно непоправимые. Благодаря развитію въ ученикахъ финляндскихъ школъ ненависти къ русскимъ, произошло убійство пятнадцатилѣтняго юноши, ученика выборгскаго русскаго реальнаго училища Бѣлявскаго. Убитаго Бѣлявскаго не воскресишь, несчастнымъ родителямъ сына не возвратишь! Кровь Бѣлявскаго останется на вѣки позорнымъ пятномъ воспитательной дѣятельности финляндскихъ педагоговъ!

Заканчивая обзоръ событій, происшедшихъ въ Финляндіи въ первой половинѣ текущаго года, мы считаемъ свой обязанностью дословно привести корреспонденцію изъ Выборга [2]) объ этомъ трагическомъ фактѣ. По словамъ корреспондента:

---

[1]) Въ «Finlands Stats-Kalender» за 1894 г. на стр. 63 и 67 указано, что Иріе-Коскиненъ родился въ 1830 г., сенаторомъ съ 1882 г. и начальникомъ духовной экспедиціи хозяйственнаго департамента финляндскаго сената (или, какъ его называютъ въ Финляндіи, министромъ духовныхъ дѣлъ) съ 1885 г.

[2]) „Новое Время“ № 7516, отъ 22 февраля 1897 г.

«Городъ взволнованъ звѣрскимъ убійствомъ ученика выборгскаго реальнаго русскаго училища К. Бѣлявскаго, мальчика лѣтъ пятнадцати, толпою финскихъ школьниковъ. Несчастный Бѣлявскій шелъ вечеромъ домой и встрѣтился съ толпою уличныхъ мальчишекъ, часто выслѣживающихъ русскихъ гимназистовъ, идущихъ въ одиночку, чтобы поколотить ихъ. Желая избѣжать встрѣчи, Бѣлявскій пошелъ въ обходъ, но мальчишки забѣжали впередъ и встрѣтили его съ другого конца улицы. Увидѣвъ себя окруженнымъ, Бѣлявскій рѣшился пробиться сквозь толпу школьниковъ, но одинъ изъ нихъ, желая задержать его, ударилъ палкой по головѣ. Ударъ пришелся въ високъ, Бѣлявскій упалъ, обливаясь кровью, а мальчишки разбѣжались; никто не подумалъ оказать насчастному помощь. Онъ самъ коекакъ добрался домой, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ скончался. Вчера его хоронили очень торжественно: на похоронахъ было все училище. Хороши должны быть порядки въ Выборгѣ, гдѣ возможны такія кровопролитныя драки между дѣтьми, а еще лучше должно быть общественное настроеніе, когда возможны массовыя нападенія мальчишекъ на одного только за то, что онъ принадлежитъ къ другой съ ними націи».

Итакъ, читатель, въ Финляндіи, въ губернскомъ городѣ, на улицѣ, убитъ пятнадцатилѣтній юноша Бѣлявскій только за то, что онъ *русскій*. Убійцами этого несчастнаго *русскаго ребенка* являются *дѣти финскаго народа*, получающія образованіе и воспитаніе въ прославленныхъ школахъ этой «культурной» страны!

Вотъ *непоправимое* послѣдствіе стараній финляндскихъ педагоговъ «министерства» барона Иріе-Коскинена развить въ подростающемъ финляндскомъ поколѣніи ненависть къ Россіи и ко всему русскому, о чемъ мы не мало говорили въ нашей VIII главѣ, говоря о школахъ и устныхъ политическихъ проповѣдяхъ.

Со времени убійства Бѣлявскаго прошло почти полгода; русская печать, сообщивъ извѣстіе объ этомъ трагическотъ событіи, видимо позабыла о немъ. Мы по крайней мѣрѣ не встрѣтили ни одного сообщенія о томъ, приняты-ли какія либо мѣры къ розыску *фактическихъ* и *дѣйствительныхъ* убійцъ этого несчастнаго мальчика; печать также не сообщила, привлечены-ли къ отвѣтственности власти, обязанныя охранять безопасность жителей г. Выборга и не только допустившія на улицахъ

этого города «кровопролитную драку между дѣтьми», но оставившія жертву этой драки безъ всякой помощи. Наконецъ, въ печати мы не встрѣтили сообщенія, приняты-ли какія либо мѣры подлежащими учрежденіями административнаго и учебнаго вѣдомствъ къ предупрежденію возможности повторенія подобныхъ несчастій. Всѣ эти свѣдѣнія крайне важны, и господа корреспонденты оказали бы не малую услугу обществу сообщеніемъ этихъ свѣдѣній.

Убійству юноши Бѣлявскаго мы придаемъ большое значеніе. Мы не считаемъ его случайнымъ убійствомъ, достойнымъ лишь занесенія въ «дневникъ происшествій» и полнаго забвенія. По нашему мнѣнію, *это убійство провозвѣстникъ многихъ грядущихъ убійствъ въ Финляндіи, если не будетъ своевременно принято должныхъ мѣръ къ полному объединенію края съ Имперіей и не будутъ упразднены различныя «особыя» учрежденія края, препятствующія такому объединенію.*

Въ этомъ убійствѣ виновны не одни *фактическіе убійцы*, задержавшіе Бѣлявскаго и нанесшіе ударъ по головѣ. Главными виновниками этого преступленія являются *дѣйствительные убійцы*, которые, развивая въ учащейся молодежи ненависть ко всему русскому, призываютъ ее «оставить мирныя занятія и идти на кровавую работу». По нашему мнѣнію, фактическіе убійцы, какъ слѣпое орудіе воли дѣйствительныхъ убійцъ, не подлежатъ уголовному наказанію; относительно ихъ слѣдуетъ принять мѣры исправительныя, ихъ нужно перевоспитать, освободивъ ихъ отъ вліянія финляндскихъ педагоговъ и политическихъ коноводовъ. Уголовной отвѣтственности, по нашему мнѣнію, подлежатъ лишь дѣйствительные убійцы. Ихъ имена должны быть выставлены на публичный позоръ и у нихъ должно быть отнято навсегда право воспитанія и образованія юношества. Объ этомъ должно позаботиться русское Министерство Народнаго Просвѣщенія въ память загубленной жизни ученика реальнаго училища, состоящаго въ вѣдѣніи этого министерства. *Память погибшаго юноши Бѣлявскаго должна быть почтена не торжественной похоронной процессіей, а принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы кровь Бѣлявскаго была послѣдней русской кровью, обагрившей финляндскую землю.*

Теперь намъ остается резюмировать весь нашъ трудъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Финляндія не государство, добровольно присоединившееся къ Россіи въ силу какого либо договора или «соглашенія», а край, завоеванный русскимъ оружіемъ, поступившій, на основаніи фридрихгамскаго мирнаго трактата, отъ $^{5}/_{17}$ сентября 1809 г., *«въ собственность и Державное обладаніе Россійской Имперіи»*.

2) Ни Императоръ Александръ I, а равно ни одинъ изъ Его Преемниковъ, не признавали силы ни шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 г. и 1789 г., а также и никакихъ другихъ законовъ, ограничивающихъ Самодержавную власть Россійскихъ Императоровъ. Поэтому Россійскій Императоръ въ этой завоеванной окраинѣ Россійской Имперіи, какъ и въ остальной Россіи — Самодержавный Монархъ, власть котораго неограничена ни шведскими, ни какими либо другими конституціями.

3) Всѣ *«особыя» учрежденія* Финляндіи, являющіяся въ глазахъ финляндцевъ видимыми атрибутами «государственности» этой окраины, *дарованы ей* Императорами Александромъ I и Александромъ II не въ силу исполненія какихъ либо обязательствъ, принятыхъ на себя этими Государями, *а по праву Самодержавной власти Неограниченнаго Монарха*, но подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей Финляндіи, а именно: Спренгпортена, Густава-Морица Армфельда и министра статсъ-секретаря графа Армфельда [1]).

4) Обособленность внутренняго управленія этой окраины, отсутствіе контроля со стороны русскихъ органовъ централь-

---

[1]) Первые два были, какъ мы уже говорили, участниками Аньяльскаго заговора и стремились къ образованію изъ Финляндіи отдѣльнаго государства, что открыто и высказывали: первый въ своемъ проектѣ образованія финляндской республики, а второй въ своей статьѣ, изданной въ 1811 г., т.-е. въ годъ назначенія его предсѣдателемъ финляндской коммиссіи, впослѣдствіи переименованной въ статсъ-секретаріатъ Финляндіи (см. „Новое Время“ за 1896 г., № 7279, Георгія Абова „О Финляндіи“). Третій же изъ этихъ дѣятелей, графъ Армфельдъ, очевидно будучи однимъ изъ вождей партіи и злоупотребляя довѣріемъ Императора Александра II, съумѣлъ провести законоположенія, придающія Финляндіи значеніе отдѣльнаго государства, и добился ссылки въ нѣкоторыхъ изъ этихъ законовъ на шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 г.

наго управленія и дѣятельность финляндскихъ сената и статсъ-секретаріата дали возможность политической партіи финляндской независимости окрѣпнуть и распространить свое ученіе не только среди дворянства, чиновничества, духовенства и горожанъ, но и *среди крестьянскаго сельскаго населенія края и нижнихъ чиновъ финской дѣйствующей арміи и ея резерва.*

5) Эта партія независимости, а въ особенности *финноманскій отдѣлъ* ея, имѣя во главѣ представителей высшихъ административныхъ учрежденій края, учебнаго вѣдомства и прессы, и захвативъ въ свои руки какъ мѣстную періодическую печать, такъ и всѣ учебныя заведенія края, съ народными школами включительно, подготовляетъ въ Финляндіи *событія, вполнѣ аналогичныя съ событіями, происходившими въ Польшѣ въ 1830 и 1863 гг.*

6) Для предупрежденія такихъ событій и противодѣйствія пропагандѣ политическихъ партій необходима полная реорганизація управленія края. Для осуществленія такой реформы надлежитъ произвести самую тщательную ревизію всѣхъ мѣстныхъ учрежденій, черезъ *русскихъ государственныхъ людей*, которымъ должно быть поручено и составленіе проекта такой реформы, *безъ всякаго участія въ этой законодательной работѣ финляндскихъ* «дѣятелей». Основанія реформы должны быть: замѣна «особыхъ» военныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій края учрежденіями, дѣйствующими въ Россіи, и введеніе государственнаго русскаго языка въ дѣлопроизводство всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ установленій, дѣйствующихъ въ этой окраинѣ.

7) Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе важныхъ преобразованій должно являться изъятіе всѣхъ учебныхъ заведеній, не исключая и народныхъ школъ, изъ вѣдѣнія духовной экспедиціи финляндскаго сената и *передача таковыхъ въ вѣдѣніе русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія*, которое должно озаботиться о возможно скорѣйшемъ введеніи преподаванія всѣхъ предметовъ на государственномъ языкѣ, по программамъ русскихъ учебныхъ заведеній.

8) Подготовительной мѣрой къ означеннымъ реформамъ должно быть учрежденіе *двухъ періодическихъ органовъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ*, съ переводомъ русскаго текста на финскій языкъ. Одинъ изъ этихъ органовъ долженъ издаваться при управленіи генералъ-губернатора, а другой—финляндской

православной епархіей [1]). Оба эти изданія должны быть освобождены отъ мѣстной шведо-финской цензуры и издаваться на основаніи законовъ о печати Россійской Имперіи. Главной задачей этихъ органовъ должно быть разъясненіе неосновательности финляндскихъ политическихъ ученій и необходимости, въ интересахъ населенія края, введенія общерусскихъ учрежденій и скорѣйшаго сліянія края съ Имперіей. Кромѣ того, было бы крайне полезнымъ разрѣшеніе русскимъ уроженцамъ издавать въ Финляндіи періодическія изданія, на русскомъ, финскомъ или шведскомъ языкахъ, подъ наблюденіемъ не финляндской, а русской цензуры.

Изложивъ въ приведенныхъ восьми положеніяхъ все, что мы старались выяснить и доказать нашимъ трудомъ, мы предоставляемъ его на судъ истинно русскихъ людей, имъ предстоитъ рѣшить, насколько выполнена нами наша задача.

Нашему труду мы не придаемъ значеніе не только детально разработаннаго проекта реорганизаціи управленія финляндской окраины, но даже конспекта такого проекта. Наша цѣль высказана нами совершенно откровенно въ предисловіи къ этому труду.

Что же касается до проекта реорганизаціи управленія краемъ, то мы позволимъ себѣ высказать, что по нашему крайнему разумѣнію, созданіе такого проекта не по силамъ одному человѣку, какими бы блестящими способностями онъ ни обладалъ, какимъ бы богатымъ матеріаломъ ни располагалъ. Такой проектъ можетъ быть составленъ лишь *соединенными силами* спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Матеріаломъ для такого проекта должны служить не источники, которыми можетъ пользоваться частное лицо, а свѣдѣнія, собранныя *русскими государственными дѣятелями, облеченными полномочіемъ произвести всестороннее изслѣдованіе положенія дѣлъ этой окраины и ревизію дѣятельности мѣстныхъ ея учрежденій.* Только

---

[1]) Такіе органы существуютъ во всѣхъ *безъ исключенія* русскихъ окраинахъ, кромѣ одной лишь Финляндіи. Между тѣмъ, именно здѣсь существованіе такихъ авторитетныхъ русскихъ органовъ *вызывается настоятельнѣйшей государственной потребностью* и несомнѣнно принесло бы огромную пользу.

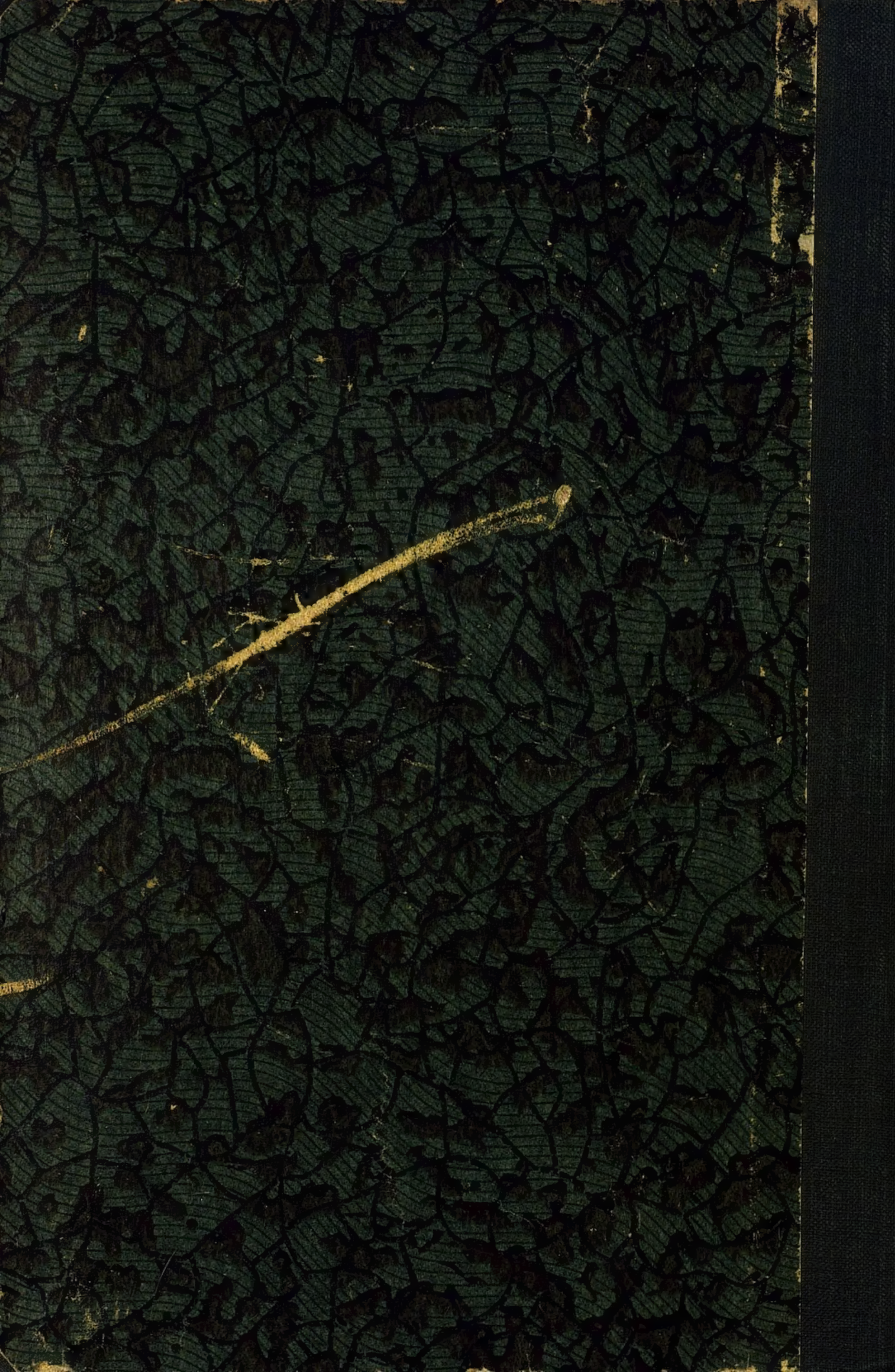
пользуясь такимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, русскіе государственные люди, искренно преданные интересамъ великой родины, могутъ создать необходимый преобразовательный проектъ.

Будемъ надѣяться, что недалеко то свѣтлое будущее, когда, благодаря неусыпнымъ заботамъ Верховнаго Вождя русскаго народа, отжившія, никому ненужныя шведо-финскія учрежденія уступятъ мѣсто учрежденіямъ болѣе современнымъ, болѣе жизненнымъ, общерусскимъ. Будемъ надѣяться, что русское красное солнышко озаритъ своимъ свѣтомъ всю необъятную, могучую Русь, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», и при этомъ ослѣпительномъ сіяніи разсѣются и безслѣдно исчезнутъ всякіе сепаратистскіе фантомы государства въ государствѣ, созданные больнымъ воображеніемъ и честолюбивыми вожделѣніями безпочвенныхъ политикановъ. Будемъ надѣяться, что фантастическіе призраки и жестокосердые призывы «на кровавую работу» уступятъ мѣсто реальной дружной работѣ, работѣ *дѣйствительно* культурной, *дѣйствительно* народной и проникнутой не разъединеніемъ и враждой, а единеніемъ и любовью къ *одному общему* великому отечеству. Будемъ твердо вѣрить въ близость того торжественнаго момента, когда всѣ народы, укрывшіеся подъ сѣнью великаго русскаго орла, будутъ сознавать себя *равно русскими*, и все свое честолюбіе, и всю свою гордость сосредоточатъ на томъ, чтобы всѣми своими силами служить той великой исторической миссіи, которую произволеніемъ Промысла призвана выполнить Россія въ судьбахъ человѣчества...

Будемъ вѣрить и надѣяться, что наши слова не останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И кто знаетъ?—быть можетъ даже наши финляндскіе противники въ состояніи вникнуть умомъ и уразумѣть сердцемъ, что нами руководила не только горячая любовь къ своему народу, а и къ *ихъ* народу, и не только жгучая боль за свой народъ, а и за ихъ народъ,—боль за всѣ грозящія ему страданія и несчастія и страстное желаніе ему *дѣйствительнаго* благоденствія, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго.

Конецъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Глава I. Основы ученія сепаратистовъ и дѣятельность финляндскихъ учрежденій въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I	5
Глава II. Обзоръ автономнаго движенія въ Финляндіи и полемика финляндскихъ публицистовъ и историковъ съ русскими	11
Глава III. Обзоръ дѣятельности сепаратистской партіи въ царствованіе Императора Александра II	25
Глава IV. Проекты финляндскихъ сепаратистовъ въ царствованіе Императора Александра III	50
Глава V. Возникновеніе и конечная цѣль ученія партіи финляндской независимости	71
Глава VI. Значеніе сената и статсъ-секретаріата Финляндіи	86
Глава VII. Силы и средства партіи финляндской независимости: армія, таможня, монетная система и государственный языкъ	108
Глава VIII. Средства распространенія ученія партіи независимости: сеймъ, школы, пресса и устныя проповѣди	135
1. Сеймъ	—
2. Школы	143
3. Пресса	190
4. Устная политическая проповѣдь	193
Глава IX. Особенности края въ религіозномъ отношеніи	201
Глава X. Судъ и судебные порядки финляндской окраины	212
Заключеніе	315